

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Н. Кабытова

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Учебное пособие

Издательство "Самарский университет"
2002

УДК 947.084.2
ББК 63.3(2)
К 12

Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2002. – 324 с.

ISBN 5-86465-328-5

В учебном пособии анализируются взаимоотношения власти и общества на всех этапах развития российской революции. В 1917 году они обусловили распад старых и формирование новых общественно-политических институтов. На примере деятельности местной администрации Временного правительства, комитетов и советов, дум и земств, партий и общественных организаций показана дифференциация социально-политических сил, находившихся в состоянии непримиримого антагонизма.

Исследование предназначено для студентов и аспирантов, а также всех интересующихся историей нашей Родины, стремящихся заглянуть в бездонную глубину "загадочной русской души", мятущейся в общественных катаклизмах.

УДК 947.084.2
ББК 63.3(2)

Научный редактор заслуженный деятель науки РФ, д-р ист. наук, проф. Г. А. Герасименко

Рецензент д-р ист. наук, проф. Д. С. Точный

ISBN 5-86465-328-5

© Кабытова Н.Н., 2002
© Изд-во "Самарский университет", 2002

ВВЕДЕНИЕ

События русской революции 1917 года во всем их многообразии и особенностях имеют знаковый характер. Революционный взрыв знаменовал собой гибель одной и рождение другой эпохи, что привело к коренному изменению социально-экономических и политических отношений в России. В ходе этого процесса обнажились специфические психоментальные особенности российского социума, распадавшегося на антагонистические слои и группы. Кроме того, революция, перемещаясь из центра в провинцию, вглубь огромной страны, вызвала не только социальную, но и территориальную дезинтеграцию. Локализация революции корректировала и даже изменяла ее характер.

Событийная сторона революционного процесса 1917 года в общих чертах представлена. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими явлениями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные действия. Это исключительно осложнило выяснение происхождения русской революции, закономерностей и особенностей ее развития и результатов. Известно, что революции начинаются в столицах, а делаются в провинциях. Специальное изучение региональных модификаций русской революции 1917 года необходимо также в связи с тем, что в отечественной историографии длительное время превалировала тенденция единообразия процесса в центре и на местах. Между тем, несмотря на общий результат и последующую унификацию нового общественного строя, именно разнообразие функционирования социально-политических сил в регионах скорректировало первоначальное направление развития революции.

Характер взаимоотношений власти и общественных организаций на местах в 1917 году позволяет выявить механизм социальной инверсии, определившей новый путь исторического развития России. Понятие "власть" означает право и возможность одних управлять другими. Осуществление воли привилегированных со-

словий над остальной частью российского общества стало невозможным после свержения самодержавия. При этом был разрушен весь инструментарий осуществления власти. Законотворчество Временного правительства, базировавшееся на модернизаторских идеях революционеров-февралистов, осуществлялось путем директив из центра. На местах образовались инициативные общественные объединения, выдвинувшие "самочинные" формы организации власти. В связи с этим необходимо рассмотрение целого ряда вопросов, ранее трактовавшихся с позитивистских позиций, унифицировавших революционный опыт.

Революция, перемещаясь из центра в провинцию, выявила большую инициативу различных общественно-политических объединений при формировании новой власти на местах. В связи с этим возникает потребность в выяснении причин конфронтации, а затем и кризиса в демократическом лагере накануне Октября 1917 года. Требуется специального рассмотрения вопросы о тактике в борьбе за власть различных политических партий и объединений. В силу специфики социально-экономических отношений в стране особое влияние на действия местной власти, в частности в Поволжье, имело аграрное движение, что требует выяснения механизма воздействия социума на власть, разработанного в ходе революции.

Вопросы функционирования местных органов власти и самоуправления в революционных условиях недостаточно изучены даже с точки зрения накопления фактов. Деятельность Временного правительства и его местной администрации до сих пор оценивается как однозначно негативная. Местные советы рабочих и солдатских депутатов часто наделяются теми организационными функциями, которыми они на самом деле не обладали. Роль советов крестьянских депутатов однозначно трактуется как соглашательская. В то же время попытки Временного правительства наделить органы земского и в перспективе городского самоуправления административной властью на местах почти не изучены, а оцениваются как соглашение умеренных социалистов с антинародным режимом. Наконец, "массовое правотворчество", а скорее разрушительные действия рабочих, солдатских и крестьянских организаций получили в отечественной историографии восторженные оценки. Однако пришедшие к власти большевики вскоре подавили эту народную инициативу, и мотивация их действий требует пристального изучения, если мы хотим извлечь уроки из своего трагического прошлого.

Предметом настоящего исследования является сложный комплекс взаимоотношений власти и общественных организаций в условиях русской революции 1917 года. При этом самое пристальное внимание уделяется влиянию инверсионного процесса на новые формы государственного и общественного устройства. Поскольку революционный взрыв сопровождается локализацией организационно-процессуальных форм общего направления движения, его рассмотрение представлено на примере определенного архетипа. Поволжский регион, многонациональный и многоукладный по социально-экономическому развитию, являлся таким своеобразным примером российской провинциальной ментальности, ярко проявившейся в революционное время. Все коллизии между властью и народом нашли здесь свое специфическое выражение. Это позволило прояснить основные черты системного кризиса, вызванного попытками модернизации России по западному образцу. В то же время предопределенность выбора пути исторического развития страны, определяемого в настоящее время тупиковым, объяснима использованием беспочвенной властью традиционалистских ценностей народа.

Комплексное рассмотрение признаков, характеризующих суть революционного процесса в провинции, привело к вычлениению основных институционных коллизий и методов их преодоления в 1917 году. В связи с этим потребовалось проанализировать деятельность органов местной власти и самоуправления, новых социальных, профессиональных, корпоративных, общественно-политических организаций. Одновременно рассмотрены попытки создания субъектами революционного действия архаичной системы власти на местах.

Скоротечность и успех февральского переворота, положившего начало русской революции 1917 года, феноменальны. Господствовавшее долгое время в советской историографии утверждение о "гнилости самодержавия" не объясняет глубинных причин массового правотворчества, которое проявилось при формировании новых органов власти в российской провинции. Февральско-мартовские события 1917 года на местах не были "телеграфно-телефонной" революцией, т.е. сменой власти по приказу из центра. Они выявили многочисленные особенности расстановки политических сил во всех губерниях и уездах распадавшейся империи. Это было обусловлено своеобразием экономических, социальных, культурно-национальных отношений в каждом регионе огромной страны.

Для выяснения процесса развития русской революции 1917 года необходимо восстановление всех его составляющих. Вопрос о власти, способах и методах ее формирования является определяющим в направлении изменения общественных отношений. В организации власти на местах приняли участие разнородные по социальному составу и политической ориентации силы, между которыми очень сложно было найти согласие. Это были как уже сложившиеся общественно-политические структуры, так и возникшие в ходе революции. К первым относились политические партии и союзы, органы самоуправления, корпоративные, профессиональные организации; ко вторым – совсты, комитеты, новые партии и общественные объединения. Конечно, при формировании новой власти центр стремился унифицировать ее формы и создать стройную систему подчиненности и взаимодействия.

Переустройство государственной власти и местного самоуправления стало перманентным процессом в жизни российского общества 1917 года. Это было естественно в условиях революции, когда внесистемные аспекты общественной жизни были определяющими в ходе формирования нового государства. Все государственные и общественные управления, образованные в России после Февраля 1917 г., объявлялись временными. Поэтому процедурные аспекты, то есть развитие социальной революции, определяли дальнейшее изменение содержания и формы новой российской государственности. Нарастание общенационального кризиса в России летом-осенью 1917 г. обусловлено было не столько слабостью Временного правительства, сколько силой большинства социума, проявившего другие представления о государственной власти и формах самоуправления. Современные политологи считают неправомерным разделение понятий “государство” и “общество”. У.Г.Розенберг предположил, что “сила или слабость контроля любого конкретного государства за выполнением приказов связана скорее с общественными процессами, в которые оно вовлечено, нежели с его политикой, программой или кадрами”.¹ Критерии гражданского общества вполне применимы к революционной России, когда власть зависела от “силы мнения народа”.

В обыденном сознании масс понятия “государство” и “правительство” идентичны. Естественно, формы государственной власти и самоуправления, их трансформация в условиях революции зависели не от воли Временного правительства, а от действий рабочих, солдат, крестьян. В огромной, многонациональной, разно-

уровневой по социально-экономическому развитию стране, какой была Россия в 1917 году, региональная модификация революционных событий также влияла на выбор тех или иных форм осуществления власти. Взаимоотношения между Временным правительством и общественными организациями в центре и провинции были неодинаковы. Административная власть формировалась на основе принципа унитаризма по вертикали: Временное правительство, губернские комиссары, уездные комиссары, а затем терялась и растворялась в необъятной сельской глубинке. Наоборот, разнообразные комитеты и советы устраивали съезды для координации действий и консолидации общественной инициативы.

“Своеобразие текущего момента”, образовавшегося в результате Февральской революции, в Петрограде заключалось в наличии двоевластия. В провинции те же политические силы составили коалицию, которая от сотрудничества с местной администрацией Временного правительства вскоре перешла в оппозицию к ней. Это привело не к образованию двосвластия, а к смене политических деятелей на постах губернских и уездных комиссаров. Дальнейшее формирование государственной власти в революционной России происходило в условиях постоянного конфликта между правительством и общественными силами. В организации демократических выборов в местные думы, земства и, наконец, в Учредительное собрание Временное правительство видело свою главную задачу. Местные советы и комитеты, участвуя в этом процессе, не считали такой путь единственно возможным в строительстве нового государства. Под давлением революционных масс они тяготели к непосредственному представительству, составляющему суть соборности.

Целью исследования является выявление содержания, форм и методов взаимоотношений власти и общественных организаций на местах в условиях российской революции 1917 года.

Для достижения названной цели сформулированы следующие задачи:

- показать общее направление и особенности процесса устранения царской администрации в Поволжье весной 1917 года;
- рассмотреть специфику формирования губернской и уездной администрации Временного правительства;
- проследить влияние на организацию власти в поволжской деревне самостоятельных крестьянских объединений;

– исследовать способы демократизации органов местного самоуправления – дум и земств – до реализации нового избирательного закона;

– проанализировать влияние аграрного движения на поляризацию общественно-политических сил в Поволжье, показав непримиримость интересов крестьян-общинников и земельных собственников в революции;

– определить влияние итогов муниципальных выборов 1917 года на расстановку политических сил в поволжских городах;

– изучить способы подготовки выборов в земства и Учредительное собрание в провинции;

– конкретизировать составляющие кризиса местной администрации Временного правительства и способы его разрешения осенью 1917 года;

– выявить тактику общественно-политических объединений периода установления советской власти на местах.

Методологической основой исследования являются принципы диалектического познания общества. Они с успехом используются приверженцами всех основных современных теорий развития исторического процесса. Речь идет лишь о выборе приоритетов в наборе основных составляющих социального бытия, последовательности и взаимосвязи их влияния на его изменении.

Сторонники формационного подхода первостепенное значение отводят роли социально-экономических отношений, порождающих в своем развитии строго определенные формы общественно-политического устройства. Основоположники марксизма разработали схему последовательной смены общественно-экономических формаций², которую В.И. Ленин перенес на российскую почву³. При этом явления, выходящие за рамки составленной модели, объяснялись творческим развитием марксизма применительно к новым условиям.

Современные цивилизационные теории исторического развития, как и марксизм, базируются на гегелевской диалектике. Кроме того они гносеологически родственны учению Г.Гегеля об обществе, государстве и праве.⁴ По нему революция определяется как стремление абсолютного духа познать самого себя. При этом государство, выражающее сущность народа, переживает это состояние на пути к гражданскому обществу.⁵ Новая социальная история, как и государствоведческое направление в историографии, развившиеся на базе цивилизационных направлений, не смогли объяснить особенности революционного процесса 1917 года в России.

В настоящее время среди обществоведов утвердился циклический подход в объяснении исторического процесса.⁶ В российской истории исследователи выделяют прежде всего ее кризисные ритмы, отмечая феноменологию периодически повторяющегося “смутного времени”.⁷ Однако такая схематизация обедняет особенности русской революции 1917 года, принося их в жертву общим проявлениям различных кризисных ситуаций. В принципе любая условная схема системного кризиса в России выхолащивает его содержание, нарушая “живость” описания исторических фактов.

Названные теории применимы для оперирования макроисторическими процессами с целью выведения общих, так называемых объективных, закономерностей развития социальной истории. В то же время они не объясняют причин выбора определенного формально-сущностного пути при наличии нескольких альтернатив. Системный кризис 1917 года в России настолько многовариантивен, что не укладывается в условные схемы единой методологии исследования. В настоящее время становится популярным предложение Ф.Броделя “суммировать” различные концепции познания исторического процесса⁸. Это дает возможность, не меняя основных принципов исторического анализа, синтезировать теоретические воззрения на природу и сущность российского революционаризма. Проблема взаимоотношений власти и общества в условиях революционного кризиса требует также применения методов политологии, социологии, социальной психологии и философии права.

При рассмотрении предмета исследования первостепенное значение придавалось принципу историзма, предполагающего диалектическое взаимодействие объективных и субъективных факторов в конкретно-исторических условиях. Одновременно ставилась задача уяснения степени детерминированности и иррациональности революционных событий 1917 года в России.

Сравнительно-сопоставительный анализ конкретных фактов и явлений стал основополагающим принципом выявления общего и особенного в развитии русской революции 1917 года. Данный метод применяется как по проблемному принципу, так и территориально-хронологическому.

Классификация исторических фактов, проведенная на основе синхронности однородных явлений, позволила показать способы взаимодействия власти и общества в кризисных условиях и раскрыть причины антагонизма между ними. Формы проявления общественной конфронтации вычленили социальную стратификацию

требований в революции основных групп населения провинциальной России.

Для характеристики институциональных коллизий, наглядно проявившихся в ходе революции на местах, был применен функционально-структурный анализ. Он исходит из рассмотрения политической системы общества в качестве целостной системы с взаимосвязанными элементами. Разрушение взаимосвязей для создания новой модели общественных отношений привело к выяснению мотиваций действий основных революционных потоков в 1917 году.

Выяснение внутренней логики общественного развития привело к рассмотрению механизма функционирования политической системы, условий ее адекватности социальным потребностям. В связи с этим возникла необходимость изучения мотивации действий компактных социальных групп, политических партий, общественных организаций.

Определенные проявления политических явлений и социальных действий можно измерить количественно. Это привело к необходимости использования итогов анкетирования сельского населения, проводившегося в регионе для изучения аграрного вопроса. Количественные показатели были применены также для подведения итогов выборов в городские думы, земства и Учредительное собрание, проводившихся в 1917 году.

Хронологические рамки, ограничивающие изучение поставленной проблемы, обоснованы периодом распада старых социально-политических отношений и связей и образования новых форм социальной организации и государственности. Это совпало с революционным процессом 1917 года. Февральский политический переворот 1917 года положил начало революции в России, которая, перемещаясь в провинцию, приобретала новые черты, отличавшие ее от событий в центре. В связи с этим временные рамки системного кризиса на местах расширяются, охватывая период не только провозглашения, но и создания системы советской власти в начале 1918 года.

Территориальные границы исследуемого процесса, его локализация дают возможность не только выявления, но и сравнительно-сопоставительного изучения фактического материала как по вертикали, так и по горизонтали. Поволжье в пределах его центральных губерний: Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской — являлось специфическим архетипом не только российской провинции, но всех особенностей социального и национального общественного развития страны.

Учитывая накопленный историографический опыт освоения фактологии русской революции 1917 года, в исследовании предложены новые подходы в объяснении причинно-следственных связей социальной инверсии; рассмотрены институционные коллизии, имевшие свои особенности в ходе революционного процесса в российской провинции. В работе представлен весь спектр взаимосвязей и взаимовлияний властных, общественных, корпоративных, профессиональных структур, действовавших на местах в 1917 году. Это дало возможность показать провинциальную революцию от губернских и уездных городов до волостей и сел включительно. Рассмотрение процесса формирования новых властных и общественных отношений от Февраля к Октябрю 1917 года позволило выявить способы влияния социума на направления действий политиков. Одновременно показано, как новейшие идейные доктрины народ приспособлял к своим потребностям и использовал для достижения утопических традиционалистских идеалов.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Обзор исторической литературы

Проблематика взаимоотношений власти и общества в российской революции 1917 года далеко неодинаково представлена в исторической литературе. Магистральная линия развития революции, т.е. ее причины, ход и итоги, обросла огромной литературой. Но ряд сюжетов, влиявших на ход инверсионной волны, по разным причинам продолжает оставаться вне сферы специального рассмотрения, а некоторые вопросы ожесточенно дискутируются. Направленность действий “революционных потоков” в общем виде довольно хорошо, хотя и односторонне догматически изучена.¹ При этом отдавалось предпочтение рассмотрению влияния радикальных общественно-политических организаций на ход революционных преобразований.² Исследователи неоднократно ставили вопрос о соотношении стихийного и сознательного в русской социальной смуте 1917 года,³ но неизменно преувеличивали общественную рефлексию и недооценивали влияние традиционализма. В настоящее время природа и сущность революционного насилия в России 1917-1920 годов активно исследуются.⁴ Взаимоотношения власти и общественных объединений в Поволжье, их влияние на революционный процесс 1917 года рассматриваются впервые.

Говоря о степени изученности поставленной проблемы, необходимо отметить множество аспектов, ее составляющих. Приоритеты исследователей зависели, прежде всего, от идейно-политической ситуации в обществе, а затем уже от состояния источниковой базы, позволявшей решать поставленные задачи. В 1920-е годы началось накопление исторических фактов, была проделана значительная работа по целенаправленному поиску, сбору и обработке источников, характеризующих революционный процесс 1917 года

в России. В это же время были предприняты первые попытки интерпретации социально-политической борьбы в центре и на местах в ходе русской революции 1917 года. Сборники документов и материалов, хроники революционных событий, изданные в 1920-е годы⁵, явились результатом выполнения идеологического заказа правящей партии большевиков и лично В.И.Ленина, призвавшего к детальному изучению истории революционного движения и коммунистической партии в России. Отдельные факты взаимоотношений власти и общества в центре и на местах представлены в этих публикациях, но они подобраны тенденциозно и не позволяют выявить закономерности и особенности развития российского революционного процесса.

Одновременно к десятой годовщине советской власти были опубликованы сборники воспоминаний участников и мемуары руководителей революционных событий и организаций.⁶ Эти свидетельства интересны для выяснения психологических особенностей организаторов и агентов массового социального действия, но исторические факты в них часто сфальсифицированы. Первые исследовательские работы, описывающие революционное движение в 1917 году, в большинстве своем также создавались партийно-советскими функционерами, мобилизованными на фронт идеологической борьбы с противниками советской власти.⁷ В этих сочинениях, как правило, отсутствовала четкая грань между личной интерпретацией факта, его анализом и оценкой. Это в полной мере относится также к анализу событий российской социальной смуты 1917 года, предпринятому побежденной стороной.⁸ На историографическую ситуацию в СССР оценки и выводы деятелей Временного правительства, сотрудничавших с ним партий и организаций, как равно и лидеров белого движения, влияния практически не оказывали.

Исследования профессиональных историков, анализировавших в первое десятилетие советской власти русскую революцию 1917 года, немногочисленны и тематически ограничены. Предметом их изучения была преимущественно аграрная революция.⁹ Это обусловлено несколькими причинами: распространенностью народнических традиций в отечественной историографии; определяющим влиянием крестьянской борьбы за землю на весь ход революционных преобразований в стране; своеобразным негласным разделением направлений исторических изысканий между идеологами новой власти и лояльными, но не ангажированными ею историками. К тому же в это время широкое распространение получила кон-

ценция наличия в России 1917-1918 годов двух революций – пролетарской и крестьянской. В соответствии с нею и распределялись силы: рабочий класс и его авангард, большевистскую партию, прославляли агитаторы, пропагандисты и организаторы революционного насилия; крестьянский бунт как ведущую линию социальной революции пытались осмыслить специалисты-историки.

Деятельность Временного правительства и его местной администрации, органов самоуправления и общественных организаций в 1917 году анализировали преимущественно русские эмигранты первой волны из числа политических, общественных и военных деятелей, участников событий.¹⁰ Горькая участь побежденных изгнанников обострила их восприятие и оценки революционного вихря на родине, но не способствовала восстановлению объективных реалий происходившего. Лишь некоторые авторы, руководившие местными органами власти и самоуправления, характеризуя рабочее, солдатское, крестьянское движение от Февраля к Октябрю 1917 года, в своих очерках, опубликованных сразу после свершившихся событий, попытались не только осудить, но и объяснить механизм возникновения и развития революционной смуты в России.¹¹ В целом, большинство очерков, статей, хроник, летописей и обзоров о русской революции 1917 года, написанных и составленных непосредственными очевидцами и участниками событий, носят ярко выраженный субъективно ограниченный характер с неизбежным искажением действительности.

Последующий период историографического освоения русской революции 1917 года, охватывающий 1930-1950-е годы, характеризуется узкими, директивно ограниченными рамками исследовательской проблематики. Об изучении всего спектра сложных взаимоотношений власти и общества периода российской революционности в это время не могло быть речи, поскольку сформированная после Октября 1917 года репрессивная политическая система насаждала тоталитарную модель государственного устройства, отстаивая свое существование. При ранжировании идеологических задач советской власти исторической науке отводилось ведущее место в показе авангардной роли партии большевиков при построении нового “социалистического” общества. Политические противники большевиков в революции, равно как органы власти и самоуправления, общественные организации, за влияние в которых они соперничали, почти не изучались советскими историками, а если упоминались, то как “контрреволюционные”.¹² Зарубежные иссле-

дователи русской революции 1917 года в условиях “железного занавеса” были отлучены от пополнявшейся источниковой базы проблемы и вынуждены довольствоваться обещавшими мифами, созданными участниками событий.

Ужесточение идеологического диктата ВКП(б) с середины 1930-х до середины 1950-х годов привело к резкому сужению источниковой базы исторических исследований русской революции 1917 года и намеренному ограничению их проблематики. Вопросы о власти, самоуправлении, деятельности общественных организаций в 1917 году были преданы забвению. Борьба большевиков против идейных противников в революции как главная тема варьировалась при рассмотрении всех событий в центре и на местах.¹³

К 40-летию Октябрьской революции были составлены и опубликованы сборники документов и воспоминаний, где преобладали всевозможные постановления, резолюции, программные заявления и личные оценки революционеров.¹⁴ В последующее время эта работа sporadически возобновлялась, но публиковались новые документы редко.¹⁵ Факты о революционных событиях на местах подобраны составителями избирательно и представляют собой далеко не полную панораму происходившего. Тематическая и идеологическая заданность опубликованных материалов отнюдь не снижает их ценности. Первоисточники, на основе которых они отбирались, в большинстве своем сохранились, и есть возможность ознакомиться с ними в оригинале.

Ренессанс советской исторической науки 1960-1980-х годов поколебал, но не разрушил основополагающих “ценностей” марксистско-ленинской методологии в изучении русской революции 1917 года. Расширение проблематики исследований, создание обобщающих и историографических трудов¹⁶ способствовало накоплению и классификации событий, составлявших суть революционного процесса. Появились оригинальные работы, в которых рассматривались ранее не изучавшиеся вопросы, что позволило полнее восстановить событийную сторону гибели старого и рождения нового общества в России.

В рамках поставленной проблемы следует прежде всего выделить работы, в которых изучалась деятельность советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 году.¹⁷ После выяснения роли и значения большевистских организаций эта тема стала ведущей в исследованиях по истории российского революционизма, что привело к гиперпрофигурованным оценкам значения советов в строи-

тельстве новой российской государственности. Значительно меньше внимания уделялось советам крестьянских депутатов,¹⁸ поскольку они осудили насильственный захват власти большевиками. Однако, анализируя деятельность крестьянских съездов, волостных и сельских исполнительных комитетов, исследователи рассматривали организующую роль советов крестьянских депутатов по оформлению административного управления в деревне после падения самодержавия.¹⁹

Характеризуя рабочее, солдатское, крестьянское движение в русской революции 1917 года, исследователи неизбежно давали оценки деятельности низовых органов самоуправления, организовавших социальные действия. Внимание историков к ним распределялось пропорционально радикализму решений тех или иных комитетов. Наибольшее количество публикаций посвящено созданным в деревне после Февраля 1917 года крестьянским организациям: волостным и сельским исполнительным, земельным, продовольственным комитетам, поощрявшим конфискационные притязания крестьян-общинников по земельному вопросу.²⁰ Фабзавкомы и профсоюзы, координировавшие действия рабочих коллективов на предприятиях, изучены меньше²¹, поскольку их тактика в революции была более умеренной. В качестве самостоятельного революционного потока стало рассматриваться солдатское движение. Влияние воинских организаций тыловых гарнизонов Поволжья на революционные события представлено во всем их многообразии.²²

Органы городского и земского самоуправления, демократизированные в 1917 году сначала путем представительства в них общественных организаций, а затем на основе всеобщих, равных, прямых выборов, в редких случаях рассматривались в качестве самостоятельных тем.²³ Большинство исследователей стремились доказать "контрреволюционный характер" деятельности дум и земств, неполноценность их по сравнению с советами, неспособность в решении насущных вопросов революционного времени.²⁴ Лишь во второй половине 1980-х годов появились специальные работы, посвященные анализу деятельности земских учреждений в русской революции 1917 года.²⁵ Для характеристики партийно-политической борьбы историки анализировали муниципальные программы партий и объединений, их тактику, итоги выборов в городские думы летом 1917 года,²⁶ но в целом органы городского общественного управления провинции изучены недостаточно.

Вопросы организации и функционирования местной администрации Временного правительства редко были предметом специального рассмотрения историков и правоведов. В работах, анализировавших революционное движение, партийно-политическую борьбу за власть, создание советского государственного аппарата, Временное правительство, его структуры на местах, общественные комитеты, с ними сотрудничавшие, оценивались однозначно негативно.²⁷ Даже в исследованиях, характеризующих внутреннюю политику Временного правительства, деятельность губернских и уездных комиссаров, общественных исполнительных комитетов представлена как контрреволюционная и антинародная.²⁸ Итак, расширение проблематики исследований привело к накоплению недостаточно изученных вопросов.

Систематизация созданных в предыдущие годы освоения комплексной проблемы истории русской революции 1917 года исследований позволила поставить целый ряд новых тем в ее изучении. В 1990-е годы появились оригинальные труды, не только углубляющие и расширяющие общее знание о сути революционных преобразований 1917 года в России, но вносящие значительные коррективы в устоявшиеся оценки исторического значения данного глобального события XX века. После ряда международных и всероссийских конференций историки русской революции 1917 года обозначили перспективные направления в ее изучении, продолжая спорить о характере инверсионных процессов в России.²⁹

Расширение международных связей отечественных историков в последнее десятилетие привело к своеобразной конвергенции взглядов и оценок на сущность российского революционного процесса 1917 года. Отечественные авторы ознакомились с методами исторического анализа зарубежных историков, которые, в свою очередь, получили возможность расширить источниковую базу собственных исследований. Американская историография уделяла русской революции 1917 года повышенное внимание, видя в ней последовательно: источник тоталитаризма (1950-1960-е гг.); способ модернизации под влиянием Запада, но своим особым путем (1960-е гг.); апогей проявления социальной инверсии, требующей комплексного анализа всех общественных наук (конец 1960-х – 1970-е гг.).³⁰

В 1980-е годы исследователи “новой социальной истории” в качестве главных причин российского революционного взрыва 1917 года назвали общественные и экономические факторы³¹, от-

мечая, что большевистская программа революционных преобразований отвечала интересам рабочих, солдат и матросов.³² Таким образом они сошлись с советскими историками в оценках революции, а ограниченность доступа к нарративным источникам компенсировали использованием нетрадиционных методов исторического анализа. И “государственники”, и приверженцы “новой социальной истории” достигли определенных успехов в объяснении феномена российской революционности.³³ Исследователи локальной истории смогли проникнуть в глубинные истоки народного правотворчества и представить механизм оформления новых общественных отношений в российской провинции.³⁴

В настоящее время большинство американских историков-советологов переключили свое внимание с анализа русской революции на формирование и функционирование государственного аппарата и социальное поведение отдельных групп населения в СССР. Причины формирования советской ментальности они по-прежнему видят в революционных преобразованиях 1917 года.³⁵ Это слишком упрощенный взгляд на российскую историю. Мы такие, какие есть не потому, что пережили особенную революцию. Скорее она произошла потому, что возобладали традиционные народные ценности, на которые власть не обращала должного внимания и не учитывала их в своей политике.

Приоритеты американской советологии в зарубежной историографии русской революции 1917 года несомненны. Это объясняется высоким уровнем организации исследовательской работы, развитой сетью советологического образования, базирующихся на финансовой поддержке правительства США. В то же время в 1960-1990-е годы движение за “новую историю” приобрело за рубежом универсальный характер, базируясь во многом на теоретических построениях французской школы “Анналов”.³⁶ В трудах европейских историков, рассматривавших революционный процесс 1917 года в России, анализируется общий ход событий, либо характер внешней политики Временного правительства и Советской республики в то время.³⁷ Характеристики отдельных политических деятелей эпохи,³⁸ данные западными историками, оригинальны и интересны, но вряд ли объясняют глубинную суть российского революционаризма.

В некоторых работах европейских авторов даются оценки опыта организации демократической власти и самоуправления при Временном правительстве в 1917 году. Еще в 1920-е годы К.Кра-

мар объяснял успех большевиков и приоритет советов неподготовленностью большинства населения России к демократическим принципам организации самоуправления.³⁹ Развивая это положение, М. Рейман утверждает, что “в России оставалось минимальное материальное и политическое пространство для социального маневра. Хотя переворот здесь не обязательно должен был начаться радикально, по он неизбежно вел к очень радикальным результатам”⁴⁰, что обрекало на неудачу либерально-конституционные программы.

Интересны наблюдения, оценки и выводы о судьбе земского самоуправления, сделанные японским историком К. Мацузато. В своих исследованиях он проанализировал причины отторжения крестьянами земских организаций в 1917 году.⁴¹ Заслуживает внимания утверждение автора о значительной доле вины Временного правительства в дискредитации земств, т.к. ранее недовольство властью крестьяне перенесли на местные структуры самоуправления. “Земства превратились в псевдогосударственные учреждения”⁴², а “переход от земств к советам ... не вызвал сильного сопротивления со стороны населения”⁴³, — резюмировал исследователь.

Международные дискуссии о характере российского революционного процесса начала XX столетия способствовали расширению проблематики исследований отечественных историков. Появившиеся в последнее время работы, анализирующие общие направления политики центральной власти в 1917 году и сопротивление ей на местах лишь наметили контуры изучения сложнейшего процесса системного кризиса⁴⁴. В связи с общественно-политической конъюнктурой нашего времени возрос интерес историков к деятельности органов земского и городского самоуправления, общественных организаций и политических партий в 1917 году.⁴⁵ Эти вопросы настолько сложны и запутаны мифологической публицистикой и историографией, что требуют полного переосмысления накопившегося фактического материала. Уже появились оригинальные исследования, пересматривающие причины и последствия революционного насилия в России 1917 года.⁴⁶

На современном этапе изучения исторического пути России возрождаются традиции русской общественной мысли первой трети XX столетия⁴⁷, направленные на выявление гносеологических корней извечного конфликта между властью и обществом в ходе его модернизации.⁴⁸ Первые попытки историографического обобщения современных исследований о сути российского революционного

процесса являются скорее постановкой новых задач в его осмыслении.⁴⁹ К тому же нарастает тенденция к публикации недоступных ранее исследователям документов⁵⁰ и их источниковедческому анализу⁵¹. Это способствует дальнейшему объединению усилий российских и зарубежных авторов в изучении названной проблемы.⁵²

Подводя итоги историографического освоения поставленной проблемы, необходимо отметить не только дискуссионность, но и недостаточную изученность ряда вопросов, составляющих суть рассматриваемого предмета исследования. Подавляющее большинство авторов, анализируя деятельность органов власти и самоуправления, политических партий и общественных организаций, характеризуя революционное движение в 1917 году, как правило, унифицируют события. Между тем, революционный процесс в каждой местности имел своеобразие. Взаимосвязь и взаимозависимость действий власти и общественно-политических сил на местах как комплекс сложившихся обстоятельств, порожденных революцией, специально не рассматривался. Однако к отдельным составляющим общественно-политических событий 1917 года в губерниях Поволжья, как и по всей стране, историки обращались многократно. При этом, как правило, они преувеличивали влияние общественной рефлексии и недооценивали значение народной архаики. Таким образом проблема конфликта модернизаторства властной и интеллектуальной элиты с традиционализмом социума чрезвычайно актуальна как с научно-познавательной стороны, так и в связи с современной общественно-политической ситуацией.

1.2. Характеристика исторических источников

Корпус исторических источников, характеризующих сложнейшие процессы взаимоотношений власти и общественных объединений в революционную эпоху, представляет собой разнообразные документы от глобальных проектов переустройства общества до бесчисленного множества нормативных материалов. Классификация источниковой базы проведена в соответствии с проблематикой исследуемой темы. Это позволило выделить следующие основные группы источников: 1) распоряжения центральных органов власти и управления; 2) делопроизводство местных административных структур и органов самоуправления; 3) документы общественных организаций, функционировавших в Поволжье. Дополнительно

были привлечены материалы периодической печати 1917 года и некоторые источники личного происхождения.

Для определения магистрального направления процесса распада старого и формирования нового общественно-политического устройства в 1917 году привлечены основные законодательные документы Временного правительства⁵³ и первые декреты советской власти.⁵⁴ При этом постановления и указы верховных властей рассматривались лишь в той степени, в какой они определяли процесс образования новой администрации и реформирования органов самоуправления на местах. Необходимо заметить, что революционный локализм вносил свои коррективы в правительственную политику, часто искажая, а то и вовсе отгораживая ее мероприятия. Тем не менее в России центр всегда был не только источником внешней директивности, но и аккумулировал сведения об изменчивой реальности положения в регионах. Поэтому для анализа конфликта между властью и обществом в провинции были изучены документы организационно-распорядительного характера Временного правительства. Они сосредоточены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и содержат материалы деятельности министерств и ведомств: внутренних дел, его управлений и департаментов; земледелия с его комитетами; а также особых совещаний по специальным вопросам.⁵⁵ Рассмотрены материалы по организации выборов в Учредительное собрание, многие из которых были рассекречены только в последнее десятилетие.⁵⁶

Деятельность местной администрации Временного правительства отражена в фондах губернских комиссаров⁵⁷, документы которых были частично, с купюрами, опубликованы в сборниках, летописях, хрониках по революционному движению. В то же время к большинству из них в годы советской власти доступ исследователей был ограничен, а часть и вовсе уничтожена. Делопроизводственная документация губернской исполнительной власти представляет собой входящие и исходящие бумаги, характеризующие ее безуспешные попытки решить рабочий, аграрный вопросы, найти способы взаимодействия с органами местного самоуправления и общественно-политическими объединениями. Названные материалы неизменно демонстрируют безынициативность, робость и непоследовательность местных властей, неспособных противостоять натиску экстремистских сил в революции.

Временный характер правительственной власти в 1917 году обусловил разнообразное правотворчество на местах, которым за-

нимались как массовые общественно-политические объединения, так и отдельные социальные группы, обособленные к тому же территориально. Взаимоотношения власти и общества в провинции во многом определялись постановлениями и инструкциями, разработывавшимися всероссийскими, губернскими, уездными съездами советов, комитетов, крестьянскими съездами. Такую форму выработки общей тактики в революции использовали даже административные структуры власти: созывались съезды комиссаров Временного правительства. Стенограммы заседаний различных съездов сохранились неодинаково.

Материалы всероссийских съездов советов неоднократно публиковались на страницах периодической печати и отдельными изданиями. Большинство губернских и уездных съездов представлено сведениями о времени их созыва, числе делегатов, принятыми постановлениями либо интерпретацией позиций делегатов по обсуждавшимся вопросам. В исследуемом регионе были опубликованы уже в 1917 году и, следовательно, сохранились полностью протоколы, постановления, указы некоторых съездов, заседаний советов и комитетов.⁵⁸ Большинство других подобных документов дошли до исследователей в виде разрозненных отчетов, выступлений, комментариев и резолюций. Они отложились в центральных и местных архивах как в систематизированном виде фондообразующих структур, так и отдельными выписками, рассылавшимися подотчетным или заинтересованным организациям.

Источники, характеризующие подготовку и результаты работы различных съездов, расширенных заседаний и собраний, пленумов и конференций общественно-политических объединений, советов, комитетов, дают возможность определить их роль и значение в революционных преобразованиях на местах. Для изучения истории революционного движения в России был создан архив Октябрьской революции, в котором собраны и систематизированы сведения об основных социально-политических событиях в 1917 году. Так, в материалах фонда Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК первого созыва)⁵⁹ находятся не только документы его делопроизводства, но и сведения о положении в провинции. Это отчеты и справки инструкторов "о введении нового строя правления" в губерниях России; положения, правила и инструкции, определившие функции общественных исполнительных комитетов; списки губернских и уездных комиссаров, утвержденных Временным правительством.

Значительно беднее документальными материалами за 1917 год фонды губернских советов рабочих и солдатских, крестьянских депутатов. Перипетии гражданской войны, начавшейся на территории края сразу после захвата власти большевиками, превратившие идейно-политическую борьбу в вооруженное социальное противостояние, не способствовали сохранности документов враждующих сторон. К тому же призванные революцией депутаты советов и комитетов чаще всего не обладали необходимыми навыками делопроизводства. Сказалась и привычка, выработанная социалистами за годы подпольной борьбы, к уничтожению изобличающих документов.⁶⁰ Они ею воспользовались при изменении политической конъюнктуры.

В исследуемом регионе достаточно полно сохранились материалы только фонда Казанского губернского Совета крестьянских депутатов⁶¹, с самого начала своей деятельности возглавляемого эсерами левого направления. Они блокировались с большевиками при советской власти и не усматривали для себя опасности при социалистическом правительстве КОМУЧа. Систематическое фондообразование других советов, функционировавших в Поволжье в 1917 году, началось лишь после утверждения их органами государственной власти.⁶²

Своеобразны по форме, стилю изложения документы низовых общественных объединений, возникших в ходе революции 1917 года. Резолюции рабочих собраний и солдатских митингов, указы и приговоры сельских сходов, постановления фабрично-заводских, полковых, волостных крестьянских комитетов являются великолепными образчиками революционного творчества масс. Источники, характеризующие народные представления о “справедливом” социально-политическом устройстве, важны с точки зрения выяснения механизма взаимодействия власти и общества. Несмотря на легкий флер революционного фразерства, привнесенного влиянием политических партий, документы правотворчества масс просты и безыскусны, подчинены житейско-обывательской логике. В них легко просматриваются одновременно заботы об общенародном достоянии и элементы коллективного эгоизма. Названные источники излагают требования основных “революционных потоков” в 1917 году.⁶³ Таким образом содержание этих документов выявляет причины победы радикальных политических сил в революции.

Материалы, отражающие формы революционного насилия, имеются в фондах волостных исполнительных, земельных, продо-

вольственных комитетов,⁶⁴ некоторые из которых сохранились в областных архивах. Социально-экономические и политические требования крестьян в революции нашли отражение в различного рода анкетах и вопросниках, составленных Министерством внутренних дел Временного правительства, Главным и губернскими земельными комитетами.⁶⁵ Они содержат безоговорочные требования общинников уничтожить частную собственность на землю. Приемлемый для крестьян порядок землепользования, их отношение к хуторскому и отрубному хозяйствованию содержатся также в их наказах делегатам съездов.⁶⁶

В документах массовых рабочих и солдатских организаций, в отличие от крестьянских, чаще прослеживается влияние партийно-политической риторики.⁶⁷ В них почти нет конкретных предложений по конструктивному выходу из кризиса. Различные общественные, исполнительные, профессиональные, корпоративные, продовольственные, земельные комитеты, союзы, управы оставили разрозненные сведения о своей деятельности в 1917 году, но их "постановления" и "резолюции" ярко свидетельствуют о самостоятельных поисках новых форм организации власти и самоуправления на местах. Фронтальное изучение и сопоставление всех источников массового правотворчества позволило смоделировать основные контуры идеального общественного устройства в представлениях движущих сил социальной революции в России 1917 года.

Перинтеги борьбы за власть и влияние в органах местного самоуправления нашли отражение в материалах дум и земств, которые никогда не засекречивались, но очень редко привлекались исследователями для характеристики революционных событий. Между тем Временное правительство использовало земские структуры для формирования местной администрации, а городские думы сами проявили инициативу по созданию представительных органов власти в провинции. В фондах губернских земских управ⁶⁸ имеются материалы об организации власти, представительстве земств в исполнительных комитетах и советах, на крестьянских съездах. Земские гласные на очередных и чрезвычайных собраниях выработывали планы противостояния земельным захватам, а постановления крестьянских организаций объявляли не имеющими законной силы. Одновременно земцы сетовали на неуплату населением обязательных сборов, что подрывало работу органов самоуправления. В названных документах прослеживается организующая роль губернских и уездных земств в проведении изби-

рательных кампаний 1917 года, создании волостных земств. Земские управы занимались также распространением среди населения "Займа свободы", пытались осуществить указ Временного правительства о введении "хлебной монополии". Жалобы и заявления земельных собственников и юридических лиц на "погромы и аграрные беспорядки" наиболее полно представлены в документах земств.

Материалы фондов губернских земельных комитетов имеют свою специфику. Учрежденные на основании "Положения о земельных комитетах" от 21 апреля 1917 г. для организованной подготовки населения к аграрной реформе, они координировали действия уездных земельных комитетов по передаче излишков пахотной земли, лугов, лесных угодий частных владельцев сельским обществам. Однако губернские комитеты и их исполнительные органы – земельные управы – оказались бессильны против экспансии волостных комитетов, претендовавших на независимость. Позиции губернских и уездных комитетов были схожи с действиями земств. С декабря 1917 года низовые земельные комитеты стали реорганизовываться в земельные отделы советов. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 6 февраля 1918 г. земельные комитеты были ликвидированы как самостоятельные структуры, а их функции окончательно передавались советам.

В фондах городских дум Поволжья документов за 1917 год почти не сохранилось, а имеющиеся материалы в большей степени характеризуют традиционную организационно-хозяйственную деятельность органов городского самоуправления.⁶⁹ Сведения о характере политических позиций общественных управлений имеются в делопроизводстве городских управ губернских центров Поволжья.⁷⁰ Источники, свидетельствующие о характере деятельности дум и управ уездных городов, крайне скудны и далеко не все представлены архивными фондами, а в имеющихся революционные события не нашли отражения. Участие органов городского самоуправления в формировании губернских и уездных общественных исполнительных комитетов, создании "народной милиции", организации муниципальных избирательных кампаний 1917 года достаточно полно отражены в периодических изданиях.

Архивные фонды окружных комиссий по организации выборов в Учредительное собрание⁷¹ долгое время были засекречены. Имеющиеся в них документы представлены списками избирателей, агитационными материалами политических партий, отчетами

о расходовании денежных средств, выделенных на проведение избирательной кампании. Итоги голосования они не всегда отражают, но списки депутатов были представлены в местной прессе и материалах "Всроссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии".⁷²

Процесс образования новых форм государственного устройства в ходе русской революции 1917 года был сопряжен с острейшей политической борьбой партий и общественных объединений. Действия всех крупных общероссийских политических объединений координировались из центра. В связи с этим возникла необходимость уяснения программных заявлений, лозунгов и тактики основных политических партий, функционировавших в губерниях Поволжья.

Наибольшее влияние в названном регионе имела партия социалистов-революционеров. Источники, характеризующие ее деятельность, носят опосредованный характер. Они отложились в материалах органов власти, самоуправления, советов, комитетов, в которых эсеры работали. Многие из них введены в научный оборот исследователями.⁷³ Некоторые нюансы борьбы эсеров за влияние в массах были выявлены по документам, отражающим связи ЦК ПСР с губернскими организациями.⁷⁴ Архивы губернских комитетов партии социалистов-революционеров не сохранились.

Природа и сущность большевистского радикализма, проявившегося во всей полноте в ходе революции на местах, ярко представлены в трудах В.И.Ленина. Его громадное наследие, ценное тактическими разработками революционного восстания, не нуждается ни в бездумном преклонении, ни в огульном охаивании. Куда важнее проследить динамику целенаправленного манипулирования как общественным мнением⁷⁵, так и массовым движением в ходе революции⁷⁶, умело осуществленного большевиками под руководством В.И.Ленина. В его работах даны яркая картина нарастания кризиса власти Временного правительства в центре и на местах⁷⁷, характеристика политических противников и возможных союзников большевиков в революции⁷⁸, способы достижения и удержания политической власти.⁷⁹

Комплекс опубликованных источников по названной проблеме в определенной степени позволяет судить о направлениях деятельности большевиков в органах местной власти и самоуправления. Однако мы вынуждены констатировать постоянное стремление составителей документальных сборников к избирательному подбо-

ру материалов, однозначно позитивно трактующих роль большевиков в ходе революции на местах. Для более адекватного воспроизведения реальных событий и влияния на них местных социал-демократических организаций был произведен сравнительно-сопоставительный анализ оценок различных политических сил по данным периодической печати 1917 года. Документы, отложившиеся в специальном фонде ЦК РСДРП(б) по связям с местными организациями, борьбу большевиков за власть на местах в 1917 году практически не отражают.⁸⁰

Влияние меньшевиков, существенное в местных советах рабочих депутатов, общественных исполнительных комитетах, профсоюзах, с развитием революции ослабевало. Причины этого явления можно выявить, опять же анализируя их деятельность в общественно-политических организациях на местах. Отдельные сведения о функционировании некоторых меньшевистских фракций в советах, думах⁸¹, состоянии организационно-партийной работы местных комитетов иногда встречаются в материалах ЦК РСДРП (меньшевиков).⁸²

Тактика кадетов, ставших правящей партией в начальный период революции, изучена недостаточно. Губернские и кое-где существовавшие уездные организации партии Народной свободы (кадетов) документальными фондами в архивах не представлены, но их позиции можно выявить по многочисленным публицистическим и мемуарным источникам.⁸³ Действия национальных партий и объединений, функционировавших на территории Поволжья в 1917 году, можно проследить по материалам съездов, совещаний, заявлений, опубликованных в местной печати. Они введены в научный оборот исследователями национального движения в регионе.⁸⁴

Отсутствие фондообразований многих революционных организаций в архивах можно восполнить информационными сведениями и даже агитационно-публицистическими статьями, опубликованными в местных и некоторых центральных газетах, которых в 1917 году расплодилось великое множество.⁸⁵ Они являлись органами различных партий, советов, общественных организаций, их публикации, естественно, были крайне тенденциозны в оценках. Однако информационное пространство, которым оперировала периодика, было единым, а потому при сравнении печатавшихся материалов можно выявить действительные исторические факты.

Названный корпус исторических источников, характеризующих деятельность властных структур в центре и на местах, выявляю-

ший позиции органов самоуправления, различного рода общественных организаций и объединений, позволяет конкретизировать революционный процесс 1917 года. Это создает возможность показать не мифические, а действительные причины победы большевистского радикализма в России, понять их глубинный, исходящий из души народной характер. На основе сопоставления и критического анализа разнообразного эмпирического материала о революционных событиях на местах воспроизводится механизм развития конфликта между народом и властью, который всегда лежит в основе социальных катаклизмов.

Пересмотр многих устоявшихся взглядов и сложившихся стереотипов о характере революционного процесса 1917 года в России, пополнение источниковой базы проблемы, ее недостаточная изученность и несомненная актуальность требуют использования как традиционных для исторических изысканий методов исследования, так и обращения к способам анализа, применяемым в других отраслях общественных наук.

Глава II

ВЛАСТЬ И САМООРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ПРОВИНЦИИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

В первые дни Февральской революции 1917 г. Временный Комитет Государственной Думы, определяя направленность своих действий, поставил задачу объединения легальной при старом режиме оппозиции во властные органы на местах. В губернских центрах, получив известие о победе революции, инициативу по созданию новой власти проявили прежде всего городские общественные управления. Для обсуждения событий городские управы созывали совещания гласных, где оглашалась телеграмма о "взятии восставления государственного и общественного порядка в руки Временного Комитета Государственной Думы" за подписью ее председателя М. В. Родзянко.¹ Здесь же избирались Временные общественные комитеты² для выработки экстренных мер по поддержанию порядка и спокойствия. Предполагалось, что эти комитеты будут пополняться представителями различных общественных организаций. В идеале же взаимоотношения с государственной властью должны были отражать общность конечных целей и задач, единство принципов построения и функционирования. При этом базироваться новая организация общества в условиях революции могла лишь по воле народных масс, постоянно опираясь на их инициативу и поддержку.

Временные комитеты в губернских центрах формировались по инициативе местных общественных объединений, и то время как центр стремился отстранить их от создания новой администрации. Таким образом закладывалась основа будущих коллизий между властью и обществом на микроуровне, что было опасно в условиях социальной нестабильности. Множественные микроконфликты

в период поиска оптимальных путей общественного развития разрастаются в макропроцессы, порождая хаос.

2.1. Устранение царской администрации в губернских городах

В поволжских губерниях строительство новой власти происходило с разной степенью инициативы и оперативности. Здесь были свои лидеры и аутсайдеры. Общественные силы либерального направления были более активны в крупных торгово-экономических центрах региона. Так, в Самаре 1 марта 1917 г. было создано заседание гласных городской Думы, где исполнявший обязанности городского Головы В.П.Ушаков информировал собравшихся о событиях в Петрограде. Они избрали “особый Временный городской комитет безопасности” для выработки экстренных мер к поддержанию порядка и спокойствия в городе, который должен был пополняться представителями различных общественных организаций. В комитет вошли кадеты К.Н.Иньков, В.П.Ушаков, П.П.Подбельский, кн.В.А.Кугушев, М.С.Афанасьев, В.Н.Башкиров, П.Ф.Шишкин, М.А.Щадрин, Н.В.Осоргин, и было принято решение просить общественные организации делегировать туда своих представителей.³

После этого думские лидеры послали делегацию к самарскому губернатору князю Голицыну, чтобы выяснить его отношение к событиям и весьма обрадовались тому, что князь признал комитет и общал с его содействием. Комитет надеялся на трогательное единение с деятелями старой власти и в дальнейшем. 2 марта он пополнился делегатами от 28 общественных организаций: кооперативов, военно-промышленного комитета, технического общества, союза городов, общества книгопечатников и др. От них были делегированы в Комитет: кадеты С.В.Смирнов, П.А.Преображенский, Н.Д.Усов, К.В.Богоявленский, М.И.Лунин; меньшевики Ф.В.Косариков, Г.П.Борисов, И.И.Перельман; эсеры А.В.Бородин, К.Г.Глядко, а также М.В.Храповицкий, А.В.Кольшкин и А.П.Еремеев (позднее был разоблачен как провокатор) от рабочих Трубочного завода; председателем был избран С.В.Смирнов.⁴

Представители социалистических партий в Самаре собрались вечером 1 марта в конторе потребительского общества “Самопо-

мощь", где обсудили вопросы о необходимости образования Совета рабочих депутатов, выпуска воззвания к населению, организации митингов и демонстраций. На следующий день, 2 марта, на городских митингах, проходивших в театре-цирке "Олимп", городском театре и Общественном собрании, был избран полный состав Самарского Совета рабочих депутатов. В него вошли 6 большевиков (А.Я.Бакаев, Ф.И.Венцек, С.И.Дерябина, А.П.Ерсмеев, Л.Л.Клейман, М.Н.Яшанов), 7 меньшевиков (Н.П.Богданов, Г.П.Борисов, Б.Т.Зайцев, Н.М.Левинтов, А.И.Логинов, И.И.Рамишвили, П.У.Шаманин), бундовец Л.И.Гинзбург и эсер П.А.Смирнов. Возглавил Совет меньшевик И.И.Рамишвили.⁵ Таким образом, в Самарском Совете рабочих депутатов с момента его образования был представлен весь блок социалистических партий, действовавших в России с начала революции. Митинговая кампания первых революционных дней использовалась радикальными социалистами, прежде всего большевиками, также в пропагандистских целях. Агитаторская группа самарских большевиков только 2 марта провела 8 митингов с участием 9 тыс. солдаток.⁶ На гребне митинговой стихии Совет рабочих депутатов быстро завоевывал популярность в массах в связи с публичностью своей деятельности.

В целях единения всех демократических сил Совет рабочих депутатов откликнулся на призыв Комитета общественной безопасности и послал в него 3 марта 10 своих представителей, после чего последний переименовал себя в Комитет народной власти. В последующие дни в него вошли представители политических партий, воинских частей и постепенно его состав был доведен до 200 человек.⁷ Комитет народной власти уже 3 марта принял ряд постановлений общедемократического характера: об освобождении политзаключенных, аресте представителей царской администрации, разоружении полиции и жандармерии, организации народной милиции. В тот же день были отключены телефоны губернатора и жандармерии, а 4 марта арестованы и препровождены в местную тюрьму губернатор Л.Л.Голицын, полицмейстер А.К.Крокосевич, жандармский полковник М.И.Познанский с двумя его помощниками.⁸

Совет рабочих депутатов проводил также самостоятельную работу, содействуя созданию на предприятиях города комиссии для разработки вопросов о введении восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Тем не менее классического двоевластия в Самаре не было, тем более что вскоре Совет рабочих

депутатов вошел в Комитет народной власти в полном своем составе. В связи с расширением состава Комитета народной власти 4 марта был избран Исполнительный комитет, в который вошли семь кадетов, по пять большевиков и меньшевиков, три эсера. В Президиум Исполкома вошли 5 кадетов (Кузьмин, Емелин, Смирнов, Щеголев, Кавецкий) и два меньшевика (Логинов, Преображенский). Председателем был избран кадет П.П.Подбельский. Не дожидаясь назначения Временным правительством губернского Комиссара, Комитет народной власти выдвинул и утвердил в этой должности председателя губернской земской Управы кадета К.Н.Инькова, а его помощником члена губернской земской Управы кадета Н.В.Осоргина.⁹

Демократические преобразования в Самаре были полностью поддержаны в частях воинского гарнизона. Известие о свержении самодержавия, несмотря на попытки командования скрыть эту информацию, быстро распространились в казармах. Солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города, кое-где арестовывали офицеров. После получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание.¹⁰

Командный состав Самарского гарнизона, резко опасаясь потери влияния на нижние чины, предложил создать общий Совет военных депутатов, в котором наряду с солдатами были бы представлены офицеры. Военнослужащие, избранные в Комитет народной власти, стали основой этого Совета. 8 марта состоялось первое совместное заседание солдатских и офицерских депутатов, где присутствовали 44 солдата и 19 офицеров. 9 марта был избран Президиум Совета военных депутатов по партийному составу преимущественно эсеро-меньшевистский. Председателем Совета стал прапорщик Филиппов.¹¹ Руководство военного Совета пыталось ограничить участие солдат в революции рамками представительства в общественных организациях, но удержать их в казармах не удалось. Солдаты часто самовольно уходили из частей, требовали предоставления специальных отпусков на период весенних полевых работ. Эти действия солдат направлялись большевистскими агитаторами, фракция которых во главе с товарищем председателя Совета М.И.Герасимовым была представлена в Совете военных депутатов. В целом оперативность, открытость действий Са-

марского Комитета народной власти, проявившего лояльность ко всем революционным силам, позволила предотвратить в городе погромы и эксцессы в отношении представителей карательных структур старого режима.

В других губерских городах Поволжья либеральные общественные силы были менее оперативны и более осторожны в своей реакции на смену власти в столице. Командующий Казанским военным округом 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции. Саратовский губернатор распорядился 1 марта задержать выпуск газет, напечатанных телеграммы о событиях в Петрограде. В Симбирске губернатор даже 3 марта убеждал население не верить "ложным" слухам из столицы.¹² Конечно, скрыть такое явление, как революционный переворот, невозможно. Однако думы и земцы в этих городах не проявили инициативы раньше, чем на улицы вышли рабочие, солдаты, учащая молодежь.

В Саратове решение о создании Совета рабочих депутатов было принято 1 марта 1917 г. на совещании представителей социалистических партий и профсоюзов. Здесь был избран рабочий комитет, членов которого закрепили за крупными предприятиями для организации на них выборов в Совет. Первое собрание Саратовского Совета рабочих депутатов состоялось 2 марта. В нем приняли участие представители крупных промышленных предприятий, где лидировали большевики. В Исполком Совета были избраны 4 большевика, 3 меньшевика и 1 эсер; председателем стал большевик В.П.Милютин, товарищами председателя – большевик М.В.Васильев-Южин и меньшевик И.Скворцов.¹³

Саратовские органы общественного управления были более осторожны. На заседании представителей городской Думы 1 марта 1917 г. они лишь высказали пожелание информировать население о событиях в Петрограде и послать делегацию к губернатору Тверскому с просьбой не препятствовать разглашению информации. Вечером того же дня на заседании представителей военно-промышленного комитета, университетской администрации, общества приказчиков и торговцев, кооперативов, железной дороги и командования воинского гарнизона было решено пренебречь губернаторским запретом и послать приветствие Временному Комитету Государственной Думы. Единого мнения о создании в Саратове общественного комитета для формирования власти не было. Кадетские деятели С.П.Красников и А.А.Никонов предлагали выжидатель-

ную тактику, а большевики М.В.Васильев-Кужин и В.П.Милютин вместе с представителем военно-промышленного комитета Н.И.Семеновым требовали немедленно приступить к организации новой власти.¹⁴

Общественный городской исполнительный Комитет (ОГИК) был образован в Саратове 2 марта. Организационное собрание представителей общественных организаций проходило в зале заседаний городской Думы на втором этаже. Одновременно здесь же на первом этаже шло заседание Совета рабочих депутатов, который уже выбрал все исполнительные органы, намстил план революционной агитации и утвердил своих представителей в ОГИК, только еще формируемый Думой. Дебаты о полномочиях Комитета затянулись до утра 3 марта, когда в конце концов он был учрежден из 16 человек: 6 представителей от Думы, 3 – от организации юристов, по одному от потребительского общества и земства и 5 – от Совета. 5 марта ОГИК объявил себя властью в губернии, выбрав председателем юриста А.А.Токарского и возложив обязанности губернского комиссара на народного социалиста Н.И.Семенова.¹⁵

Нерешительность саратовского Комитета способствовала принятию Саратовским Советом рабочих депутатов ряда самостоятельных решений по укреплению своего влияния в массах. Он включил в свой состав представителей от воинских частей и с 6 марта стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов.¹⁶ Решительные действия Саратовского Совета в первые дни революции, выделяющие его из общей массы образовавшихся провинциальных советов, объясняются преобладанием в нем большевиков, лучше организованных, чем меньшевики и эсеры. Кроме того, здесь вполне проявился принцип “кто не успел, тот опоздал”. На организационном собрании ОГИК всю ночь со 2 на 3 марта шли дебаты о судьбе представителей царской администрации. В конечном итоге военному комитету было поручено арестовать губернатора, вице-губернатора, полицмейстера, начальника жандармского управления и его помощника, но сделано это было под “унылое брюзжание по поводу “рабочих и военных авантюров”. В ответ на это солдаты за ночь вместо пяти арестовали около трехсот “охранников порядка и спокойствия”.¹⁷ Такие действия неуправляемых масс могли перерасти в погромы и кровопролитие, а потому они подталкивали общественно-политические организации к консолидации.

Общественно-политические силы в Казани, крупнейшем административном центре Поволжья, были крайне осторожны и осмот-

рительны в своих действиях после свержения самодержавия. К тому же здесь находился штаб военного округа, что само по себе было сдерживающим фактором для разгула революционных страстей. 2 марта 1917 г., когда не осталось никаких сомнений о падении царского режима в Петрограде, в Казани по инициативе военно-промышленного комитета, в котором преобладали меньшевики, началась организация Совета рабочих депутатов.¹⁸ Партийные силы социалистов здесь были в упадке. Казанский городской комитет партии социалистов-революционеров оформился 7 марта, а самостоятельная большевистская организация и вовсе начала функционировать лишь в конце марта 1917 г.¹⁹ Первый состав Казанского Совета рабочих депутатов в большинстве своем был меньшевистско-эсеровским.²⁰

Заседание Казанской городской Думы совместно с представителями общественных организаций состоялось 4 марта 1917 г. В докладе городского Головы В.Д.Бородина было заявлено о необходимости "принять все меры к тому, чтобы восстановить спокойствие в городе и обеспечить таковое на будущее время". Для этого он предложил немедленно учредить Комитет общественной безопасности, наделенный "всею полнотою власти".²¹ После обсуждения принципов организации новой власти на заседании был организован Комитет общественной безопасности и его исполнительный орган.

В ходе демократических преобразований в Казани была устранена не только местная царская администрация, но и командование военным округом. Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади в Казани наряду с рабочими и студентами приняли участие солдаты, оказавшиеся по разным причинам в центре города. 3 марта командующий округом вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по округу.²² Однако было уже поздно проявлять лояльность к новой власти со стороны генерала Сандецкого, который скомпрометировал себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта и под руководством Временного военного революционного комитета произвел аресты командующего округом вместе со штабными генералами и наиболее ненавистными офицерами, ранее притеснявшими солдат.²³

В губернских городах Поволжья, являвшихся средоточием влияния на общественную жизнь провинциальных дворянских фами-

лий, смена власти после Февральского переворота происходила без особых коллизий и потрясений. Пензенская городская Дума собралась на свое чрезвычайное собрание, созванное 3 марта 1917 г. с разрешения губернатора, в ходе которого было продемонстрировано единство представителя царской администрации и городского общественного управления в оценке происходивших в стране событий. Собрание, открытое в составе 40 гласных под председательством городского Головы И.Н.Ашанина, постоянно поносились, на него вскоре прибыли председатель Пензенской уездной земской Управы А.Н.Ермолов, князь Л.Н.Кутушев. По их инициативе думцы послали приветственные телеграммы "Председателю Государственной Думы М.В.Родзянко и Главе Нового Правительства князю Г.Е.Львову".²⁴ Затем, "независимо от сего по предложению гласных, В.А.Герман и Д.П.Белова постановили" послать приветствие также "Его Императорскому высочеству Великому князю Николаю Николаевичу, Верховному главнокомандующему... и Военному министру Алексею Ивановичу Гучкову".²⁵

Губернский исполнительный комитет, сформированный из представителей городского и земского самоуправления, 4 марта 1917 г. провел свое первое организационное заседание и выбрал Бюро исполнительного Комитета во главе с В.А.Германом.²⁶ 5 марта В.А.Герман доложил на втором заседании Бюро, что "явился в канцелярию губернатора, уведомил его об отстранении от должности и вступил в исполнение возложенных на него обязанностей". В тот же день на вечернем заседании Бюро губернского исполнительного Комитета назначило губернским комиссаром В.А.Германа.²⁷ Однако 6 марта по получении телеграммы из Петрограда обязанности губернского Комиссара были возложены на председателя Пензенской губернской земской Управы князя Л.Н.Кутушева.²⁸

Одновременно с конституированием губернской администрации 6 марта 1917 г. в Пензе на общем собрании представителей от солдат и офицеров гарнизона был образован Совет солдатских и офицерских депутатов. В него вошли 33 солдата, 2 офицера, 2 военврача и 2 военных чиновника. 8 марта были избраны председатель Совета прапорщик Ф.Т.Милов и 9 членов бюро, из которых 2 были большевики, а остальные – меньшевики и эсеры.²⁹ Совет рабочих депутатов сформировался позже. Только 10 марта на митинге в Народном доме было принято решение "о необходимости организовать Пензенский Совет рабочих депутатов, которых следует избирать от всех заводов, фабрик и мастерских". Все

го в Совет было послано 100 человек, но его организационное оформление завершилось лишь после объединения с Советом военных депутатов.³⁰ Разумеется, влиять на процесс формирования новой власти в губернии он не мог, хотя его представители впоследствии были включены в Бюро губернского исполнительного Комитета, постоянно пополнявшего свой состав.

Приоритет в формировании местной власти в Симбирске принадлежал общественным и политическим организациям дворянства и торговой буржуазии, занимавшим ведущие позиции в органах городского и земского самоуправления. Они тяготели к правому крылу кадетской партии. 5 марта 1917 г. был образован Симбирский городской Комитет народной власти во главе с кадетом князем С.М.Баратаевым. Вслед за городским был создан губернский исполнительный Комитет (Губисполком). Возглавил его крупнейший землевладелец, октябрист Ф.А.Головинский.³¹

Совет рабочих депутатов организовывался в Симбирске всю первую половину марта 1917 г. По инициативе рабочих типографий, авторемонтного и первого чугунолитейного заводов было образовано городское информационное бюро, которое призывало к созданию Совета. К 10 марта, в основном, на предприятиях завершились выборы депутатов в Совет рабочих депутатов. Большинство в нем принадлежало меньшевикам,³² не посягавшим на властные функции. В связи с этим Комитет народной власти даже не пригласил представителей Совета в свой состав. Корреспондент самарской "Солдатской газеты", побывавший в Симбирске в это время, писал: "Там рабочих всего 4 тысячи человек, и они тонут в общей массе мелкого дворянства, трусливых чиновников и обывателей. На жизнь Комитета они не могли оказывать никакого влияния, и их Совет должен был даже помещение снимать за счет взносов с рабочих".³³

Такая ситуация была удивительна для представителя бунташной Самары, но она отражала конкретную расстановку общественно-политических сил в соседней губернии. Формирование солдатских комитетов в частях Симбирского гарнизона осуществлялось всю первую половину марта 1917 г., но зато основательно и организовано. "От каждой роты избиралось по 5 депутатов в ротный комитет и один — в полковой комитет. Депутаты, избранные в полковой комитет, избрали из себя трех депутатов в Совет, трех в бригадный комитет и не менее пяти в полковой".³⁴ Большинство делегатов, избранных в Совет солдатских депутатов, были пред-

станителями эсеров и меньшевиков или им сочувствующими. Такой состав создавал условия для безболезненного объединения рабочего и солдатского Советов, что укрепляло их позиции и обеспечило представительство в общественных комитетах города и губернии.

Анализ процесса ликвидации административных структур царского режима в губернских городах Поволжья позволяет выявить его особенности. Они проявились на двух уровнях: 1) при сравнении революционных событий Февраля 1917 г. в центре и провинции; 2) между отдельными губерниями. Конкретные события демократических преобразований первых дней революции в Поволжье исключают наличие своеобразного двоевластия, характерного для Петрограда. Единовластие в губернских центрах достигалось по-разному, что объяснялось различной расстановкой социально-политических сил в каждом конкретном городе.

В Самаре, Саратове и Казани стремление к единению всех демократических сил, которое проявили общественные комитеты, взявшие на себя инициативу формирования новой власти на местах, позволило им расширить свою социальную базу и аккумулировать революционные действия масс. В Саратове сначала образовался Совет рабочих депутатов, который инициировал и ускорил формирование общественного городского исполнительного Комитета, войдя с ним в сотрудничество. В Самаре наиболее оперативными оказались либеральные общественные силы, образовавшие Комитет общественной безопасности, постоянно расширявшие свой состав прежде всего за счет рабочих и солдатских депутатов. Совет рабочих депутатов тесно сотрудничал с Комитетом, что позволило последнему объявить себя Комитетом народной власти с целью улучшения своего имиджа. В Казани оперативность общественных сил сдерживалась вполне реальной возможностью подавления революционных выступлений воинской силой. Здесь находился центр обширного военного округа и офицерский корпус был гораздо многочисленнее, но и солдат для их обслуживания было больше. В университетском центре была значительна прослойка студенческой молодежи, много рабочих. Пестрый состав революционных сил в Казани удалось на время объединить под эгидой Комитета общественной безопасности, тем более что большевики восстановили свою организацию лишь во второй половине марта 1917 г. Пропаганда беспартийной революционности была характерна для общественных сил в названных губерниях и обеспечила

их единение при устранении царской администрации и формировании демократической власти.

В Пензе и Симбирске либеральные силы были слабы и безынициативны. Они ждали указаний сверху и отважились создать общественные структуры для формирования новой власти только после указаний из центра. При этом общественные исполнительные комитеты в этих губернских городах стремились не допустить на первых порах представителей революционных сил в свой состав. Образование советов здесь затянулось до середины марта 1917 г. Они не могли соперничать с общественными комитетами за влияние на власть. Единственный путь выхода советов на губернский уровень контроля за властью был через вхождение их представителей в общественные комитеты. Необходимо отметить, что “трогательное единение” всех общественных сил было недолгим в поволжских губерниях. Борьба за власть здесь только еще начиналась, а вовлечение в революцию крестьянства привело к качественно иной расстановке политических сил.

2.2. Губернские и уездные комиссары Временного правительства

Демократизация управления в России, начавшаяся с победы Февральской революции 1917 г. в Петрограде, была сложным и противоречивым процессом. Становление администрации происходило в условиях, когда все политические силы, поднятые на гребень революционной волны, стремились упрочить и расширить свои позиции. Временный Комитет Государственной Думы (ВКГД) в судорожных попытках наспех сформировать Временное правительство в центре надеялся, что в провинции молча проглотят все, что испекут для них столичные политики. “Пусть думают, что власть взята Государственной Думой. Они сразу не разберутся, что Государственная Дума сама по себе не может быть властью – для них это будет звучать... Это звучит в провинции... Они будут верить несколько дней...”³⁵ В губерниях действительно поверили, но действовать начали с учетом местного своеобразия в расстановке общественно-политических сил.

Прежде чем центральное руководство “добралось” до системы местной власти, во многих губернских и некоторых уездных городах были созданы общественно-политические комитеты, иретен-

дующие на организацию и поддержание порядка. К 5 марта 1917 г., когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты кое-где даже успели назначить своих комиссаров.

Сведения о революционных событиях на местах недостаточно оперативно, часто искаженно доходили до центра. С 27 февраля по 4 марта 1917 г. в Петрограде выходило всего две газеты: "Известия комитета Петроградских журналистов" и "Известия Петроградского Совета рабочих и солдат". Они оперировали информацией о происшествиях в столице и ее окрестностях. В телеграммах из провинции на имя Председателя Временного Комитета Государственной Думы М.В.Родзянко приветствовался новый строй и выражалась готовность к коренным изменениям власти на местах. Стали известны факты арестов губернаторов, жандармских и полицейских чинов. ВКГД вынужден был 5 марта 1917 г. принять решение об освобождении всех лиц местной администрации, "заключенных под стражу во время государственного переворота без ордера соответствующей власти, если к означенным лицам не предъявлено обвинение в совершении преступных деяний".³⁶

Творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Однако революционные события в провинции кое-где даже опережали центр. Февралистам (так называли себя члены Временного Комитета Государственной Думы) стало ясно, что старая власть на местах, прежде всего губернаторы, деморализована и фактически отстранена от управления. Впоследствии некоторые деятели Временного правительства осуждали министра-председателя князя Львова за его решение сместить губернаторов "по телеграфу",³⁷ считая эту меру скоропалительной, непродуманной и слишком радикальной.

Общий обзор и анализ первых дней революции на местах наоборот показывают, что в данном вопросе "мягкотелый и бесхарактерный"³⁸ князь Львов проявил трезвость и политический расчет. Губернаторы были уже вчерашним днем, нужно было срочно найти им адекватную замену в системе власти. Телеграмма министра-председателя Временного правительства, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ 5 марта 1917 г., прежде всего была направлена "на устроение порядка внутри страны и обеспечение безостановочной деятельности" всех правительственных и общественных учреждений.

Временное правительство признало необходимость устранения губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, управление возлагалось на председателей губернских земских управ в качестве губернских комиссаров Временного правительства. Должность председателя управы была выборная, но она утверждалась "старым" правительством. Земская оппозиция самодержавию была заметным явлением, к тому же достаточно умеренным и безопасным по сравнению с социалистами. В то же время земства были под постоянным патронажем "старого" Министерства внутренних дел, что позволяло надеяться на их компетентность в вопросах управления.

Временное правительство также вынуждено было считаться с реальным положением дел в стране: фактической ликвидацией института губернаторов, полиции, жандармерии и широким участием армии в революционных действиях. В этих условиях, когда активность различных политических и общественных сил достигла апогея, центральной власти жизненно необходимо было закрепитесь в провинции. В противном случае местная общественная инициатива могла создать неподконтрольные центральному руководству структуры власти.

Телеграмма Львова о назначении председателей земских управ комиссарами Временного правительства создавала видимость легитимной передачи властных функций на местах представителям народа, имеющим опыт управления, но не обладавшим ранее политической властью. Князь Львов в интервью от 19 марта 1917 г. отмечал: "в области местного самоуправления программа Временного правительства была составлена властными указаниями самой жизни... Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх создавшихся органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления".³⁹ В создавшейся ситуации власть комиссаров Временного правительства была чисто номинальной. Правительство устами министра-председателя заявило, что комиссары не должны рассматриваться как стоящие над общественными организациями, чем авторитет местной власти, выдвинутой революцией, был еще более подчеркнут.

Ширококатегоричные заявления Временного правительства о стремлении работать совместно со всеми общественными организациями на местах были обычным революционным фразерством

периода социальной нестабильности. Создавая конструкцию местной администрации, Временное правительство требовало: "В губерниях, где было введено земское положение, обязанности губернаторов временно возложить на председателей губернских земских управ, присвоив им наименование "губернские комиссары Временного правительства. В уездах председателей уездных земских управ назначить уездными комиссарами".⁴⁰ Налицо стремление приспособить к нуждам текущего момента старые общественные структуры. Комитеты, формировавшиеся на условиях представительства всех общественных сил революционной направленности, были опасны для новых российских демократов, особенно после вхождения в них советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде они уже ощутили их разнузданную силу.

Комитеты в губерниях на первых порах дальше демократических деклараций не шли и, провозглашая себя "защитниками нового строя", стремились "приспособить старые общественные и производственные учреждения задачам нового времени".⁴¹ Такой поток взаимных деклараций и загроможденность в конкретных делах характерны для всего периода формирования новой власти на местах в марте-апреле 1917 г.⁴² Однако и в центре, и на местах понимали, что время деклараций и заявлений не может длиться вечно, за ним должно последовать время конкретных действий.⁴³

6 марта 1917 г. началась реализация постановления Временного правительства о назначении губернских комиссаров. Поскольку общественные комитеты образовались во всех губернских городах еще до получения циркуляра из центра, наиболее инициативные из них уже выдвинули свои кандидатуры на должности губернских комиссаров. Такие действия на местах, совпавшие с правительственными мероприятиями в строительстве власти, заставляют предположить наличие в стране накануне революции глубоко законспирированного центра, готовившего посвященных лиц для занятия власти как в столице, так и в провинции. Этот вопрос мало исследован, но уже доказано вхождение в состав масонской организации "Великий Восток народов России" членов ВКГД Н.В.Некрасова, А.И.Коновалова, М.А.Караулова, В.А.Ржевского, председателя Петросовета Н.С.Чхеидзе, его заместителя М.И.Скобелева, т.е. тех, кто формировал Временное правительство. В первом его составе 7 из 11 министров принадлежали к масонам. Относительно членства в "Великом Востоке народов России" первого главы Временного правительства князя Г.Е.Львова идут споры,

но то, что он был посвящен в секрет его существования и находился под влиянием одного из лидеров данной ложи А.Ф.Керенского, в настоящее время не вызывает сомнения.⁴⁴

Обстоятельства утверждения тех или иных лиц на постах губернских комиссаров подтверждают предположение о том, что подбор кадров для управления на местах из числа земских лидеров осуществлялся на основании предварительной тайной договоренности. Влияние масонов в Земгоре было очень распространено. Это создавало возможность через лидеров местного самоуправления реализовать заранее подготовленный в центре революционный сценарий по всей стране.

Наиболее активные общественные деятели на местах, а может быть и более посвященные, назначили губернских комиссаров еще до указаний центрального руководства. 4 марта 1917 г. председатель Самарской губернской земской управы кадет К.Н.Иньков был выдвинут Комитетом народной власти на должность Самарского губернского комиссара Временного правительства.⁴⁵ Впоследствии это назначение было утверждено Временным правительством. "Прямое попадание" при выборе временной местной власти доказывает предположение о наличии координирующего конспиративного центра по подготовке и осуществлению государственного переворота на всей территории России. И это были не революционные партии, подвергавшиеся преследованиям, а заговорщики, действовавшие тайно как до Февральского переворота 1917 г., так и после него. Тот же новый глава Самарской губернской администрации особой популярностью не пользовался и общественностью характеризовался так: "Губернский комиссар Иньков – человек, безусловно, старой бюрократической школы, чуждый всяким демократическим убеждениям, а потому не мог встать на тот революционный путь, на который встал Комитет".⁴⁶ Тем не менее именно он оказался избранным еще до официального указания на должностное лицо, которому надлежало занять этот пост.

В Пензе 5 марта 1917 г., вечером, на заседании Бюро исполнительного Комитета был назначен губернский комиссар В.А.Герман. В этой должности он пробыл всего одну ночь, т.к. "6 марта по получении телеграммы князя Г.Е.Львова В.А.Германа освободили от обязанностей, а князя Л.Н.Кутушева, председателя губернской земской управы, назначили губернным комиссаром".⁴⁷ Либеральная общественность и не помышляла встать на защиту своего выдвиженца.

5 марта 1917 г. Саратовский общественный городской исполнительный Комитет также возложил обязанности губернского комиссара на своего лидера народного социалиста Н.И.Семенова,⁴⁸ что не соответствовало полученным на следующий день указаниям из центра. Саратовская общественность встала на защиту своего ставленника. Саратовский ОГИК не преминул заметить центральному руководству, что если оно хочет получить поддержку на местах, то “желательно, чтобы Временное правительство производило из центра назначения представителей новой власти в тех исключительных случаях и до того момента, пока в данной местности не сложились местные выборные общественные комитеты”.⁴⁹ Председатель губернской земской Управы К.Н.Гримм в данной ситуации почел за благо для себя отказаться от поста губернского комиссара. Временное правительство с самого начала не чувствовало себя достаточно уверенно. Находясь под бдительным присмотром Петросовета, оно не решалось диктовать свои условия местным революционным преобразователям. У него не было механизма для осуществления контроля за исполнением решений центрального руководства, ведь система управления страной только создавалась.

В тех губерниях, где общественно-политические силы были по тем или иным обстоятельствам недостаточно организованы и инициативны, назначение губернских комиссаров Временного правительства произошло в соответствие с указаниями из центра. 6 марта 1917 г. таким образом приступил к исполнению обязанностей Симбирский губернский комиссар Ф.А.Головинский, являвшийся председателем губернской земской Управы. Казанским губернским комиссаром первоначально был назначен крупный землевладелец В.В.Молоствов, так как недавно избранного председателем губернской земской Управы А.Н.Плотникова царское правительство не успело утвердить в должности. Он приступил к исполнению обязанностей губернского комиссара месяц спустя, после утверждения уже Временным правительством.⁵⁰

Назначение уездных комиссаров губернские комиссары старались произвести в точном соответствии с указаниями Временного правительства. Однако им пришлось считаться с местными условиями. Конечно, в уездных городах не было такой конкуренции общественных сил, как в губернских. Земства здесь были более представительной, реструктурированной на всей территории уезда организацией, нежели городские думы. В то же время председатели уездных земских управ зачастую не устраивали местную либе-

ральную общественность, так как олицетворяли собой старый строй, от которого все спешили избавиться.

Губернские комиссары, следуя указаниям из центра, назначали председателей, иногда заместителей либо членов уездных земских управ уездными комиссарами Временного правительства. С конкретными инструкциями о реорганизации уездной администрации Временное правительство запаздывало. Назначенные по аналогии с губернскими уездные комиссары не имели в своем распоряжении никакого аппарата, а он был нужен для принятия мер в случае общественных беспорядков, возникавших то тут, то там при смене власти.

Земские управы, городские головы в телеграммах, адресованных в Петроград в первой половине марта 1917 г., не только приветствовали Временное правительство и сообщали о создании общественных комитетов, но и просили “срочно командировать войска для поддержания порядка” в той или иной местности. В ответ на это Министерство внутренних дел предлагало им “войти в общее соглашение с командующими войсками либо местной военной властью”.⁵¹ Например, в г.Карсуне Симбирской губернии 6 марта 1917 г. участники митинга разгромили полицейское управление, а пытавшегося воспрепятствовать им полковника Столярова оглушили доской, выломанной в забор, по голове.⁵²

13 марта 1917 г. Казанский уездный комиссар “спешно” просил Казанского губернского комиссара “прислать в уезд войска в связи с погромами лавок в Арске и опасностью таковых в уезде”.⁵³ В тот же день губернский комиссар обратился к Командующему войсками Казанского военного округа с просьбой командировать в Арск воинскую часть “ввиду беспорядков”.⁵⁴ Расследуя эти события, начальник Казанской уездной милиции Нечасев объяснял, что “толпа татар, числом около 300 человек... произвела погром” из-за повышения цен на ржаную муку. Главными виновниками он назвал крестьян Ивана Яркова из Покровской слободы и Сабирзяна Массуддинова из деревни Ст.Хайван.⁵⁵ В этом эпизоде, как в зеркале, отразились взгляды и суждения представителей различных социальных слоев, вынесенных на гребень революционной волны в российской глубинке. Ответственный милицейский чин новой власти сам себе противоречил, по традиции обвиняя в беспорядках татар, во главе которых оказались два вожака: русский и татарин. Наверняка, среди погромщиков было и русских немало.

По-иному оценивали данные события жители г.Арска в своем послании "члену Государственной Думы господину Чхсидзе", обвинив представителей местной администрации в подстрекательских действиях во время погрома городских лавок. Они объявили себя сторонниками нового строя, но указали на недостатки его организации на местах, отметив, что "в городе же Арске и окрестностях его назначена вся старая преступная полиция, переименованная в уездную милицию, которая так ненавистна всему местному и окружающему населению". Они расценили это "равносильно тому, что если бы преступного и арестованного бывшего министра Протопопова оставили во главе нового правительства". Далее были приведены "несколько примеров с вескими доказательствами: ... местный торговец М.П.Колесников во время разгрома и избияния продавцов ... просил помочь закрыть двери лавки рядом стоящих милиционеров, бывших стражников Николая Евдокимова и Осипа Короля..., на что они запротестовали".⁵⁶ В другом случае, где погромщики получили отпор, тот же "Король заявил: "хорошо бы было, если кого-нибудь убили". Авторы письма выразили недоверие также "Арскому исполнительному Комитету, в состав которого вошли большинство бывших союзников русского народа".⁵⁷

Свидетельства непосредственных очевидцев событий противоречат утверждениям милицейского начальника, конечно, защищавшего своих подчиненных. Русские жители г.Арска указали на несостоятельность новой администрации, если она сформирована из слуг старого режима. В беспорядках они обвинили не "толпу татар", а бездеятельность милиционеров, не способных защитить своих граждан, как русских, так и татар.

Для организации нового порядка на местах, конечно, недостаточно было указать на должностных лиц, председателей земских управ, которым передавалось управление. Губернские комиссары как могли пытались решать самые насущные проблемы переходного времени. Необходимо было где остановить, где предупредить возможные беспорядки при перемене власти.

Вступивший в должность 6 марта 1917 г. Пензенский губернский комиссар князь Кугушев в тот же день председателей уездных земских управ назначил уездными комиссарами.⁵⁸ В дальнейшем он рассылал им указания телеграммами:

— 7 марта с целью предотвращения погромов заводов, производящих спирт, обязал выделить воинские команды для охраны и "учредить специальную милицию из местного населения";⁵⁹

— 8 марта определил prerogативы уездных комиссаров, которые “обнимают собой сохранившиеся обязанности исправника, административные обязанности земского уездного председателя дворянства. кроме чисто сословного представительства...”;⁶⁰

— 9 марта попросил не обращаться к нему с просьбами о разрешении всяких земских и городских собраний.⁶¹

Характерно, что при обозначении должностей губернского комиссара уже с 9 марта на телеграммах исчез титул князя в подписи Кугушева. Быстро сумела приспособиться местная чиновная элита к изменившимся условиям. Из центра еще долго шли телеграммы на места за подписью “князь Львов”.

К середине марта 1917 г. Временное правительство, наконец, обратило внимание на разноречивость в строительстве новой власти. 16 марта 1917 г. из Министерства внутренних дел поступило разъяснение о месте и роли комиссаров Временного правительства. В нем отмечалось, что “в одной и той же местности возникнет ряд общественных комитетов различного наименования и состава, деятельность которых не всегда согласована... Временное правительство находит необходимым объединение существующих и вновь возникающих комитетов в губернские, уездные и волостные”. Однако именно “губернские и уездные комиссары являются уполномоченными и исполнительными органами Временного правительства на местах”.⁶²

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников. Признавая необходимость срочной разработки проекта о преобразовании органов местного управления и временного местного суда, пока оно возлагало обязанности земских начальников на уездных комиссаров.⁶³ В телеграммах на места разъяснялось, что “назначение новых лиц на должность уездных комиссаров, к которым переходят обязанности земских начальников, производится исключительно по представлению Губернского комиссара”.⁶⁴ С самого начала формирования новой власти центр стремился отсечь различные общественные организации от выполнения административно-управленческих функций.

Подбирая кадры на должности уездных комиссаров для представления их на утверждение в правительство, губернские комиссары были поставлены в сложное положение. Они ощущали на себе давление общественных комитетов, сами прошли через их утверждение или одобрение. В то же время правительственные

инструкции недвусмысленно указывали на председателей уездных земских управ в качестве уездных комиссаров. На этой почве возникали конфликты, образовывавшие быстро расширяющиеся трещины между местной администрацией Временного правительства и общественными организациями. Не случайно, спустя два-три месяца после назначения, большинство комиссаров Временного правительства было смещено со своих постов и заменено более “демократическими” представителями.

Губернские комиссары, бывшие накануне Февральского переворота председателями губернских земских управ, сделали все от них зависящее, чтобы подобрать уездных комиссаров из земских деятелей. Самарский губернский комиссар К.Н.Иньков мотивировал свои действия тем, что “повсеместно инициатива исходила из уездных земских управ при активном участии земских служащих”.⁶⁵ Представленный в МВД в конце марта 1917 г. список лиц на должности уездных комиссаров по Самарской губернии был там изменен. Так, вместо избранного в Новоузенском уезде комиссара Тринольского утвердили председателя Новоузенской земской Управы И.Я.Иванова. Не был утвержден в должности Самарский уездный комиссар А.М.Верховский, т.к. он не захотел совсем уходить из земства и остался членом Управы. В Бузулукском уезде вместо рекомендованного общественным комитетом Е.А.Жданова правительство утвердило Н.Н.Бушева, бывшего секретаря земской Управы.⁶⁶ В апреле, когда утвержденный список уездных комиссаров пришел в губернию, эти изменения никого особенно не изволновали. На арену общественной жизни выступили новые организации – советы крестьянских депутатов, избранные на крестьянских съездах делегатами от сельских обществ.

В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях в должностях уездных комиссаров были утверждены почти все председатели уездных земских управ. Губернские комиссары, сами бывшие ранее председателями губернских земских управ, назначили своей волей местных земских деятелей уездными комиссарами. За некоторыми исключениями они были утверждены в должностях Временным правительством,⁶⁷ но пробыли в них недолго. Например, в Пензенской губернии в апреле-мае 1917 г. сменились почти все уездные комиссары.⁶⁸ Председатель Буинской земской Управы помщик В.Л.Персиянинов, представленный Симбирским губернским комиссаром Ф.А.Головинским на должность уездного комиссара, “не пользовался уважением населения”, о чем были направ-

лены соответствующие приговоры сельских сходов и волостных собраний.⁶⁹ Временное правительство не решилось утверждать его в должности, заменив ставленником уездного Комитета общественной безопасности А.С.Блиновым.⁷⁰

В Саратовской губернии комиссару Временного правительства удалось отстоять своего ставленника Н.И.Смеенова. Поэтому при назначении здесь уездных комиссаров губернский комиссар больше считался с общественным мнением, а затем отстаивал его перед Временным правительством. Тем не менее общественность уездных городов предпочитала обращаться со своими инициативами напрямую в центр. Камышинский общественный исполнительный Комитет в телеграмме на имя М.В.Родзянко от 10 марта 1917 г. выразил недовольство деятельностью председателя Камышинской уездной Управы Готовицкого, назначенного уездным комиссаром. Ссылаясь на глубокое недовольство местного населения, общественность требовала "для города Камышина и его уезда иметь выборного комиссара".⁷¹ Временное правительство под таким натиском вынуждено было утвердить Камышинским уездным комиссаром ставленника общественного исполнительного Комитета Фадеева.⁷² Аналогичная ситуация сложилась в Вольском уезде Саратовской губернии. О председателе земской Управы Мошинском, также ставшим уездным комиссаром, крестьяне с возмущением писали, что он "бывший земский начальник и в 1905-1906 годах судил нам два столба с перекладной".⁷³ Таким образом, используя креатуры земского самоуправления при организации новой власти в стране, Временное правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах.

Современные историки, обращаясь к проблеме формирования власти в России после Февральского переворота, по-прежнему упрекают Временное правительство в отрыве от народа и выдвинутых им к жизни общественно-политических структур.⁷⁴ Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был раскритикован и современниками, и позднейшими исследователями потому, что он не в состоянии был противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственного и муниципального управления не могли справиться ни сове-

ты, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие почет и уважение своим трудом "на общие пользы и нужды", отнюдь не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

2.3. Губернские и уездные общественные исполнительные комитеты

Любая революция есть процесс правотворчества лидеров социальных слоев и групп, в ней участвующих. Новые общественно-политические организации, возникшие в провинции в ходе демократических преобразований после Февраля 1917 г., отражали революционную эйфорию всех, кто хотел перемен. В ходе организации новой власти на местах общественные комитеты взяли на себя функцию координации действий органов самоуправления, политических партий, союзов и объединений по изменению политического строя. Создание таких комитетов было обусловлено отсутствием в губерниях до революции представительных органов государственной власти.

В столице исполнительная власть в лице Временного правительства была сформирована Временным Комитетом Государственной Думы, в свою очередь образованным из ашгажированных революцией членов IV Государственной Думы. Этим объясняется навязчивое стремление Временного правительства к формальному законотворчеству, что привело к попыткам сохранить содержание власти на местах во временных чрезвычайных структурах, если не до Учредительного собрания, то хотя бы до проведения демократических выборов в органы местного самоуправления. Для этого Временное правительство назначило губернскими и уездными комиссарами председателей земских управ. Однако в организацию власти на местах вмешались общественные комитеты. Временное

правительство выступило в роли матереубийцы по отношению к породившей его Государственной Думе, занятия которой оно так и не возобновило. Но справиться с инициативами общественных комитетов в провинции, стремившихся как представительные органы формировать исполнительную власть, ему удалось только тогда, когда центр народного представительства переместился в советы.

Образованные на местах в первые дни революции общественные комитеты стремились побыстрее конституироваться. Временное правительство главными проводниками своей власти считало губернских и уездных комиссаров, а исполнительным комитетам отводило роль связующего звена между властью и обществом. Лавируя между стремлением к устройству твердой и ответственной власти в регионах страны и необходимостью учитывать общественное мнение, Временное правительство вынуждено было смириться с существованием комитетов. В ответ на многочисленные запросы с мест Министерство внутренних дел определило возможные источники их финансирования: "Средства государственного Казначейства могут отпускаться по сметам губернских и уездных управлений для содержания лишь тех органов или отделов исполнительных комитетов общественных организаций, которые по поручению Временного правительства или его представителей комиссаров выполняют функции органов правительственной власти на местах".⁷⁵ Таким путем правительство попыталось контролировать процесс создания аппарата местной администрации.

Общественные исполнительные комитеты видели свое назначение в структуре новой власти иначе. Они стремились взять на себя всю организацию местных правительственных учреждений и осуществлять последующее руководство ими. Свои функции и задачи общественные комитеты в каждой губернии определяли самостоятельно.

Самарский Комитет народной власти был одним из самых активных и инициативных в Поволжском регионе. 5 марта 1917 г. его исполком избрал комиссию по выработке инструкции об организации власти в губернии и уже 7 марта заслушал составленный ею проект наказа по этому вопросу. В соответствии с ним "Временный комитет является в пределах Самарской губернии представителем и помощником Временного правительства с целью установления порядка и управления в интересах закрепления нового государственного строя".⁷⁶ 10 марта на общем собрании Самарского Комитета народной власти был принят одобренный его испол-

комом наказ, определявший компетенцию Комитета по организации власти в губернии. Для реализации этих задач 11 марта был избран новый председатель Комитета народной власти: осторожно-го кадста П.П.Подбельского сменил деятельный эсер К.Г.Глядков.⁷⁷

В соответствии с наказом Исполком Комитета народной власти 15 марта 1917 г. принял постановление по реорганизации городского самоуправления следующего содержания: "1. Комитет народной власти выбирает из своей среды комиссариат из 9 человек, который руководит деятельностью городского самоуправления по всем вопросам городского хозяйства. 2. Решение всех важнейших вопросов городского хозяйства подлежит санкции исполнительного комитета народной власти. 3. Комитет народной власти приступает к выработке мер, которые должны обеспечить скорейшую подготовку реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, равного, прямого, тайного избирательного права".⁷⁸

16 марта это постановление было утверждено на заседании Комитета. В связи с масштабностью стоявших перед Комитетом народной власти задач 24 марта был переизбран его президиум, который возглавили социалисты: председатель – эсер К.Г.Глядков, товарищи председателя – меньшевики П.П.Митрофанов, В.Л.Пресображенский, В.С.Кайрович.⁷⁹

С начала марта 1917 г. в Самаре стали поступать сведения о том, что "в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности".⁸⁰ В некоторых уездах прошли съезды делегатов, состав которых был весьма разнородным: выборные от волостных комитетов, представители старого чиновничества (от крестьянского поземельного банка, казны, удела). Они приветствовали новый строй и выражали надежду на демократизацию управления на местах.

С 25 по 29 марта 1917 г. в Самаре проходил съезд представителей от уездных комитетов народной власти. К началу работы съезда "съехались около 22 представителей от всех уездов, но, поскольку он созывался "при участии самарской группы народников", постепенно его состав увеличился до 158 человек.⁸¹ Это были посланцы различных общественных организаций. Ставя своей главной задачей организацию власти в деревне, инициаторы созыва съезда объявили его I губернским крестьянским съездом. Учитывая популярность советов в массах, съезд призвал к их организации в уездах, а себя объявил губернским Советом крестьянских депутатов. Организаторы съезда – эсеры и народные социалисты –

составили Исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов. Здесь же было принято постановление о вхождении исполнительного комитета крестьянского Совета в состав Временного Самарского Комитета народной власти, который стал называться губернским.⁸²

Самарский губернский Комитет народной власти, определяя свои функции, объявил, что он является организатором всех местных правительственных учреждений. Для этого он “стремится к скорейшему установлению связи местных правительственных учреждений с центром, принимает на себя руководство жизнью губернии во всех отраслях, изъятых из ведения правительственных аппаратов..., берет на себя распределение продовольствия, урегулирование торговли, действуя в контакте с другими правительственными и общественными учреждениями. Для выполнения этих задач Комитет народной власти организуется на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования”.⁸³

Сравнивая определенные Временным правительством весьма расплывчато полномочия губернских комиссаров и самопровозглашенные прерогативы Самарского губернского Комитета народной власти, мы отчетливо видим, что последний претендовал на приоритет в организации власти в губернии. В течение марта-апреля 1917 г. эти претензии Комитет реализовывал в жизнь. К.Г.Глядкоу 11 апреля 1917 г. сложил с себя полномочия председателя Комитета в связи с его реорганизацией, но 12 апреля был переизбран на этот пост. В обновленный президиум вновь были избраны представители советов: от Совета рабочих депутатов – меньшевик В.С.Кайрович, от Совета солдатских депутатов – меньшевик П.П.Митрофанов, от Совета крестьянских депутатов – эсер И.В.Моликов.⁸⁴

20 апреля на заседании Исполкома Самарского губернского Комитета народной власти с участием представителей уездных комитетов были подведены итоги его организационного строительства.⁸⁵

Признавая, безусловно, желательной организацию любой власти “на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права”, собрание сочло возможным временно ограничиться представительством от уже созданных общественных структур. Временно в состав исполкома губернского Комитета народной власти ввели по 21 представителю от Совета крестьянских депутатов и уездных исполнительных комитетов.⁸⁶

11-12 апреля в Самаре проходило также совещание уездных комиссаров. На нем обсуждался вопрос о взаимоотношениях комиссаров с местными общественными организациями. По мнению собравшихся, "роль уездных комиссаров на местах свелась лишь к действиям передаточной инстанции, но не больше. Вся инициатива в административном отношении, как местной власти, всецело находится в руках исполнительного комитета. Связь же с уездной правительственной властью осуществляется через губернского комиссара. Все распоряжения Временного правительства, передаваемые губериским комиссарам к исполнению уездными комиссарами, последними передаются исполнительным комитетам. Встает вопрос о том, насколько необходима должность уездного комиссара". Было даже высказано опасение, что и предоставление комиссарам контрольных функций "внесет деформацию в жизнь местных учреждений, созданных на началах широкой общественности". В ответ последовали возражения, что "речь об оставлении или упразднении должности уездных комиссаров могла иметь место лишь в том случае, если бы это явление рассматривалось как постоянное. Сейчас же переходное время. Все современные организации носят в некоторых случаях захватный характер, а в общем не всегда отвечают принципам полного и справедливого представительства всего населения. Вот поэтому необходимо иметь такую власть, которая заполняла бы разрыв между отдельными организациями по самоуправлению. В особенности необходима такая связь в нынешний переходный момент перед созывом Учредительного собрания, когда местные самоуправления переживают стадии организации и начинания их представляются несогласованными и разрозненными. Вопрос о том, в какую окончательную форму выльется государственное управление и, в частности, местное самоуправление, разрешится Учредительным собранием. В настоящее время представители правительства в лице уездного и губернского комиссаров необходимы как для того, чтобы проводить на местах директивы центральной власти, следить за закономерностью действий местных органов власти, так и для того, чтобы осведомлять центральное правительство об организационной работе местных исполнительных комитетов".⁵⁷

Итог данных прений поразителен: совещание пришло к заключению, что "комиссары как единоличная власть существовать не могут", так как "при современном положении дел им не может быть достаточным образом обеспечен известный авторитет. Поэто-

му как при губернских, так и уездных правительственных комиссарах должны быть образованы коллегияльные советы".⁸⁸ Итак, в организации новой власти в Самарской губернии комиссары Временного правительства явно проигрывали комитетам народной власти и поэтому не претендовали на ведущую роль, добровольно передавая ее в руки общественных представителей.

Еще более оригинальная ситуация сложилась в Саратовской губернии. Здесь общественный городской исполнительный Комитет в течение месяца с небольшим был властью в Саратове. Поскольку губернский комиссар являлся выдвиженцем ОГИК и только благодаря его пастойчивости был утвержден в должности Временным правительством, он не мог противодействовать самостоятельности и инициативе уездных общественных комитетов. Утвердив свое лидерство в городе, Саратовский ОГИК приступил к выработке системы соподчинения власти в губернии. Уже в середине марта на конференции городских исполнительных комитетов Саратовской губернии обсуждался вопрос об использовании труда военнопленных в семьях крестьян, призванных на фронт.⁸⁹

26-29 марта 1917 г. состоялся съезд представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии.⁹⁰ Обсуждая задачи и функции комитетов, съезд выступил в качестве законодательного органа, утвердив прерогативы местной власти на переходный период. В его резолюциях детально разработана система власти, соподчиненность всех ее структур на уровне губернии, указаны направления демократизации органов самоуправления, определен порядок выборов в общественные комитеты. Съезд признал безусловными "органами местного управления губернский, уездные, волостные и, где это по местным условиям окажется нужным, — городские, сельские и поселковые исполнительные комитеты". Высказано было пожелание реорганизации комитетов на основе пропорционального представительства всех слоев населения. Рассматривая себя как временные организации, исполнительные комитеты определили срок своих полномочий до выборов в "местные самоуправления... на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права"... На съезде было закреплено право исполнительных комитетов "избирать соответствующих комиссаров, которые, будучи исполнительными органами комитетов, действуют, руководствуясь их постановлениями и директивами... По делам местным комиссары подчинены только местным исполнительным комитетам".⁹¹

Постановления съезда не были просто декларацией с претензиями на власть одной из общественных структур, возникших в ходе Февральской революции на местах. Детальная разработка прав и обязанностей комитетов, нормативных принципов их функционирования, системы финансирования, "инструкции для производства выборов" свидетельствовала о наличии у них фактической власти. Это подтвердили также резолюции съезда по актуальным вопросам управления губернией. Были установлены "твердые цены на все фабрикаты, составляющие предмет первой необходимости", упорядочена деятельность организаций по снабжению войск, приняты меры к "засеву весной яровых полей", регламентировано использование труда военнопленных "на посевных работах".⁹² Итак, съезд утвердил сложившуюся в губернии новую систему власти, определив в качестве представительных, законодательских и формирующих местные административные органы общественные исполнительные комитеты. Саратовский ОГИК пополнил свой состав представителями от всех уездов⁹³ и, таким образом, аккумуляровал власть в губернии.

Уникальность концентрации властных функций Саратовским ОГИКом заключалась не просто в его активных действиях по утверждению своего влияния, а в составе его членов, среди которых доминирующую роль играли представители Совета рабочих и солдатских депутатов. В то же время руководили Саратовским Советом первого созыва большевики. Их влияние ощущалось в резолюциях съезда исполнительных комитетов не только по социальным вопросам, но и по проблемам конструирования новой власти в губернии. Специальной резолюцией регулировались "отношения комитетов к Совету рабочих и солдатских депутатов и к Военному комитету". В ней подчеркивалось, что "для установления связи городского трудового населения с крестьянством необходимо ввести в состав уездных комитетов представителей от Совета рабочих депутатов, а там, где их нет, и организованных рабочих. Кроме того, желательно ввести в городские и уездные комитеты представителей от военной организации".⁹⁴ Сами советы не поглощались общественными комитетами, они должны были решать "вопросы, затрагивающие общие интересы политического момента на совместных заседаниях президиумов... этих организаций, но в вопросах управления Исполнительные комитеты – единая власть в уезде или городе".⁹⁵

Оценивая деятельность Саратовского общественного Комитета по формированию власти в губернии, необходимо отметить его

лидерство в этом вопросе, признанное всеми общественными силами. В первый месяц революции здесь так же, как в Самарской губернии, не было ни двоевластия, ни троевластия, ни многовластия — было единовластие ОГИК, державшееся, безусловно, на поддержке совстов. Радикальный состав Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов не повлиял на его тактику — единение всех демократических сил в одном представительном органе, принявшем временно на себя полномочия организации власти на местах.

В организации новой власти после свержения самодержавия были различия не только между центром и провинцией, они имелись в каждой губернии. Несмотря на общую форму, содержание деятельности общественных комитетов, их место и роль зависели от расстановки политических сил в каждой конкретной местности. Даже в условиях одного региона, выделенного по параметрам общего направления экономического развития и традиций социальных движений, влияние различных общественно-политических сил в начальный период революции отличалось большим своеобразием.

По темпам социально-экономического развития такие крупные губернские города Поволжья, как Казань, Самара, Саратов, к 1917 году находились примерно на одинаковом уровне. Однако в Казани по-прежнему были сосредоточены административно-управленческие силы всем обширным Поволжско-Уральским регионом. Несмотря на давние традиции революционного движения в крае, власти имели больше возможностей для пресечения деятельности любой оппозиции. В связи с этим Казанский Комитет общественной безопасности, который инициаторы его создания стремились «наделить всей полнотой власти», вовсе к ней не стремился после создания института губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Его законопослушность, отсутствие стремления к властным полномочиям, подчинение воле губернского комиссара не удовлетворяли многие общественно-политические силы в городе. Меншевицкая «Казанская рабочая газета» выразила недовольство тем, что губернский Комитет общественной безопасности был создан в «крайне неудовлетворительном виде», его организаторы обеспечили большинство цензовым элементам, а демократический «элемент был привлечен для некоторого украшения комитета» и оказался «бессильным предпринять какие-либо серьезные меры». ⁹⁶ В связи с этим ставится задача организации демократии повсюду в губернии, ⁹⁷ т.к. «вряд ли кто станет утвер-

ждать, что образовавшиеся комитеты ... являются выразителями мнений народа".⁹⁸

Несмотря на критику Казанского губернского комитета общественной безопасности, все политические партии и общественные организации стремились с ним сотрудничать, надеясь использовать его в качестве организатора демократических преобразований. Даже наиболее радикальные силы сотрудничали с Комитетом: в его состав вошли представители всех социалистических партий, в том числе большевики В.Тихомиров, А.Комлев, И.Журавлев, А.Карпов, представитель Мусульманского социалистического Комитета М.Вахитов, меньшевик-интернационалист Е.Вегер.⁹⁹

В первой половине марта комитеты общественной безопасности образовались почти во всех уездных городах Казанской губернии, но они, как и губернский, находились под патронажем уездных комиссаров. Например, Спасский "городской комитет общественной безопасности был избран населением из 15 лиц" 9 марта 1917 г. "Для ведения дел избрано особое лицо, пользующееся доверием населения, – В.И.Вихирев".¹⁰⁰ Однако по получении указаний от временно вступившего в управление губернией В.В.Молодцова всем структурам – городской Управе, городскому Голове, уездному исправнику – было предложено подчиниться уездному комиссару, которым назначили председателя уездной земской Управы.¹⁰¹ Состав членов уездных и городских комитетов общественной безопасности в Казанской губернии был общедемократическим, но партии социалистического направления на первых порах в них были почти не представлены из-за отсутствия таковых. Зато при наличии авторитетных лиц, даже представлявших местный отдел "Союза русского народа", как, например, врач Лебедев в г.Арске Казанской губернии, они выдвигались в общественные комитеты.¹⁰² В целом комитеты общественной безопасности в Казанской губернии не стали организующими центрами демократических преобразований. Они заняли отведенную им роль посредника во взаимоотношениях комиссаров Временного правительства и общественности. Представители советов, вошедшие в состав комитетов, не определяли политику последних. Однако заявить самостоятельные претензии на организацию новой власти в губернии и даже на контроль за ней советы пока не могли, т.к. сами находились в стадии формирования. В первый месяц революции комиссары Временного правительства олицетворяли новую власть в Казанской губернии, но она с самого начала была лишена широкой об-

публичной поддержки в силу ее изначального отторжения демократическими элементами.

В Симбирской и Пензенской губерниях вплоть до революции сохранилось значительное влияние представителей “дворянских гнезд” на общественную жизнь. И либеральные, и революционные общественные силы в них начали оформляться только в ходе революции. На первых порах инструкции Временного правительства по организации власти на местах здесь выполнялись неукоснительно. Губернские и уездные комиссары назначались по команде сверху, а исполнительные комитеты рассматривались как представительные совещательные органы. Все административно-управленческие решения принимались комиссарами, но доводились до сведения комитетов.

Попытки сохранения строго централизованной системы управления наглядно проявились в деятельности Пензенского губернского комиссара князя Кугушева. Он не стал ждать, когда общественные комитеты возьмут на себя инициативу организации новой власти в губернии, а быстро и четко дал необходимые указания по этому вопросу уездным комиссарам. 11 марта 1917 г. он разослал циркуляр уездным комиссарам, предлагая им “при содействии исполнительного комитета немедленно командировать во все волости и села эмиссаров для разъяснения населению происшедших событий, содействию организации милиции и принять меры к поддержанию в уезде спокойствия”.¹⁰³

После получения из МВД разъяснений по строительству новой власти от 16 марта 1917 г. губернский комиссар князь Кугушев с той же напористостью и энергией принялся их реализовывать. Он предложил уездным комиссарам “отстранить земских начальников от исполнения судебных функций..., в согласии с уездным исполнительным комитетом наметить лиц... на должность уездных судей; число участков сократить вдвое..., в волостях отстранить волостного старшину и писаря и принять дела волостного правления в ведение волостного комитета”.¹⁰⁴ Он потребовал также немедленно организовать волостные комитеты там, где они еще не созданы, указав, чтобы в выборах принимало участие все население волости “не исключая землевладельцев, учителей, священников и т.п.”.¹⁰⁵ Это было вполне своевременное предупреждение для крестьян, стремившихся предотвратить доступ в низовые комитеты, прежде всего, землевладельцам.

На совещании уездных комиссаров и представителей исполнительных комитетов Пензенской губернии не было выработано ни-

каких правил по организации власти на местах. Был установлен лишь размер жалования по комиссариату и милиции.¹⁰⁶ Уездные исполнительные комитеты избирались различными способами. Временное правительство и назначенные им комиссары считали их проявлением местной самодеятельности, которую приходится пока терпеть. Если губернский комитет не разрабатывал инструкции, то уездные комитеты организовывались чаще всего по принципу представительства от различных групп населения, избравших депутатов самостоятельно.

Практиковалось также формирование комитетов по избранию общественных организаций и партийных групп. Иногда в городе и уезде оповещалось все население и "на собраниях всех присутствовавших без различия сословных, имущественных и профессиональных состояний избирался уездный комитет. Крайне редко "выборы производились в городе и уезде на основании всеобщего, прямого и равного голосования".¹⁰⁷ Эти принципы формирования уездных исполнительных комитетов с самого начала революции обеспечили в них преимущественное представительство так называемому "третьему элементу" общества, который постепенно вытеснял председателей земских управ из реального института местной власти после Февраля 1917 г. с должностей комиссаров Временного правительства.¹⁰⁸ В именном списке председателей уездных исполнительных комитетов Пензенской губернии, избранных в марте 1917 г., директора гимназии и учительской семинарии, земский врач и лесничий, два податных инспектора и секретарь уездной земской управы, подполковник и представитель солдатских депутатов.¹⁰⁹ Временное правительство в период формирования своей власти на местах не пожелало опереться на эти умеренно-либеральные слои общества, чем еще больше сузило свою социальную базу.

В Симбирской губернии организация местной власти полностью контролировалась губернским комиссаром Временного правительства. Губернский и уездные Комитеты общественной безопасности не выработали самостоятельной позиции не только по принципам, но и по организационным нормам общественного представительства в новой системе власти. Между тем разработанные Симбирским губернским Комитетом общественной безопасности и губернским Комиссариатом "Правила по устройству деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов"¹¹⁰ нужно было как-то довести до самих реформируемых. Для этого 20-21 марта

по инициативе администрации и общественных организаций был созван Симбирский губернский съезд. Его состав был достаточно представительен: 548 депутатов были делегированы волостными комитетами и собраниями, земскими и городскими управами, кооперативами и различными общественными организациями. Главная задача организаторов съезда заключалась в упорядочении организации власти в деревне и создании системы подчиненности исполнительных комитетов снизу доверху. Для того чтобы отсечь возможность давления радикальных слоев населения на властные структуры в губернии, съезд одобрил предложение губернского комиссара о том, что "представители крестьян в Комитете обязаны будут жить в г.Симбирске на собственные средства".¹¹¹

На съезде была сформирована крестьянская фракция Симбирского губернского исполнительного Комитета, которую образовали депутаты от уездов. В количественном отношении это была довольно внушительная группа (по 4 человека от каждого уезда),¹¹² но влияние на действия администрации она, как и весь Комитет, не оказывала. Пассивность как губернского, так и уездных комитетов общественной безопасности в Симбирской губернии с самого начала лишила местную власть поддержки населения, а партии и общественные организации, сотрудничавшие с ними, — соответственно социальной базы в революции.

Итоги строительства новой власти на местах обсуждались на проходившем 24-26 апреля 1917 г. в Петрограде совещании губернских комиссаров Центральной России. Вопрос о взаимоотношениях комиссаров с комитетами общественных организаций вызвал среди собравшихся бурные прения. Обнаружилось, что взятый Временным правительством курс на назначение комиссарами председателей губернских и уездных земских управ, наделяя их многими полномочиями бывших губернаторов, не одобряет население страны. Демократическая общественность на местах организовывала комиссариаты, которые являлись как бы коллегиальными органами по управлению губернией или уездом.

Оживленные прения на съезде вызвали вопрос о структуре высшей губернской власти. Некоторые губернские комиссары полагали, что во главе губернского управления в качестве представителя Временного правительства должен стоять коллегиальный орган, избираемый возникшими на местах исполнительными комитетами или другими общественными организациями. Большинство же считало, что во главе губернского управления должен стоять едино-

личный представитель правительственной власти в лице комиссара, действовавшего в единстве с местными общественными организациями. Временное правительство пошло на уступки местным демократам. Было признано необходимым внести в проект положения о комиссарах следующие два дополнения:

“1. Во всех мероприятиях, касающихся местной жизни губернии, комиссар действует в единстве с губернским комитетом общественных организаций.

2. Губернский комиссар назначается Временным правительством по соглашению с губернским комитетом общественных организаций.”¹¹³

Временное правительство, утверждавшее под давлением снизу замняемых комиссаров и возникавшие комиссариаты, не желало согласиться с принципом их выборности. Отношение правительства к выборности комиссаров подчеркивалось тем, что уездные комиссары не могли быть переизбраны по инициативе граждан уезда. Увольнение уездных комиссаров допускалось исключительно по постановлению правительства. Губернские комиссары представляли их к назначению правительством. Они же могли делать представление правительству об увольнении уездных комиссаров, но только в том случае, если одновременно рекомендовали кандидатуру его преемника на посту уездного комиссара.

Правительство в течение нескольких месяцев определяло принципы деятельности комиссаров телеграммами. В начале мая отделом по делам местных самоуправлений был разослан на места очередной циркуляр. В нем подтверждалось, что основной обязанностью комиссара является “надзор за деятельностью правительственных учреждений и за законностью действий органов местного самоуправления”.¹¹⁴ Местным властям указывалось, что так как комиссар представляет правительство, он назначается им по соглашению с комитетами общественных организаций и в своей деятельности опирается на их поддержку. Однако наиболее инициативные общественные комитеты разработали собственные инструкции по конструированию демократической власти на местах и начали действовать в соответствии с ними.

27 мая открылся I Поволжский областной съезд исполнительных комитетов. На нем была принята резолюция “О комиссарах”, где считалось необходимым “в целях усиления на местах начала твердой власти и укрепления авторитета Временного правительства создание такого положения, чтобы комиссарами правительства утверждались исключительно лишь избираемые исполнитель-

ными комитетами их председатели".¹¹⁵ Другое постановление съезда определяло юридический статус исполнительных комитетов: "всемерное укрепление начал государственности, установление и осуществление твердой власти на местах, проведение в жизнь указаний и распоряжений Временного правительства, контроль за деятельностью местных самоуправлений, правительственных учреждений и должностных лиц, подготовка к выборам в Учредительное собрание, организация юридической помощи населению, культурно-просветительская деятельность".¹¹⁶ Такие решения съезда создавали правовую базу для замены не только уездных, но и губернских комиссаров Временного правительства более демократическими элементами.

Рассматривая процесс конституирования общественных комитетов на местах, необходимо подчеркнуть самостоятельность и независимость этого процесса от центрального руководства. Временное правительство не захотело, чтобы его структуры в провинции делились властью с общественными организациями. Тем самым оно упустило возможность управлять через комитеты всеми общественными объединениями, в том числе советами, делегировавшими в них своих представителей. Как известно, бунт возникает не там, где разрешают, а там, где запрещают. Ограничивая возможности комитетов, Временное правительство потеряло контроль за процессом развития революции на местах, не смогло их использовать для консолидации всех демократических сил. Пренебрежение общественным мнением с самого начала формирования власти в провинции лишило Временное правительство возможности социальной поддержки не на словах, а на деле. Общественные комитеты могли бы на первых порах выполнить эту задачу.

Глава III

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

Процесс формирования власти в сельской местности после Февраля 1917 г. был сложным и противоречивым. Формы общественно-политических объединений в деревне отличались от аналогичных в городе. Это были различные крестьянские комитеты (исполнительные, земельные, продовольственные), кооперативы, земские службы, организации “Крестьянского союза” и “Союза земельных собственников”, церковные приходы и сельские общины.

В ходе революции возродилась община как мирская организация крестьянства. При этом она трансформировалась для выполнения функций организации общественно-политической жизни деревни. Произошло расширение состава сельского схода. Организационно-хозяйственные функции схода домохозяев перестали быть основными на собраниях сельских обществ. На смену им пришли организованные или стихийные сходы-митинги всего сельского населения, на которых решались актуальные общественно-политические вопросы.¹ В 1917 г. община проявила себя как самовозрождающаяся структура, выдвинув новые организационные формы в лице крестьянских комитетов для решения актуальных общественных задач.

Стремление крестьян выйти со своими проблемами за пределы своего территориального образования вызвало к жизни такие специфические формы объединения, как крестьянские съезды. Различные местные съезды, сословно-корпоративные или профессиональные по составу, еще до революции практиковавшиеся как форма общественно-политического объединения, получили широкое распространение в русской революции 1917 г. Крестьянские съезды в губерниях Поволжья были значительным явлением общественно-политической жизни. На них избирали советы крестьянских

депутатов, которые в соответствии с пропорциональным представительством имели самое большое число мест в губернских общественных комитетах.² Губернские исполнительные комитеты в свою очередь использовали крестьянские съезды для укрепления собственных позиций в борьбе за власть.

В революции проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сходы и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьянства была направлена на достижение векового стремления к "земле и воле".

3.1. Волостные и сельские исполнительные комитеты

Осуществляя демократические преобразования в управлении на местах, Временное правительство первоначально стремилось сохранить органы царской администрации и местного самоуправления в волостях и сслах. Однако в условиях революции это оказалось невозможным. Крестьяне по собственной инициативе начали организовывать новые органы самоуправления, которые возрождали преданные забвению под давлением царской администрации общинные нормы и традиции. Они восстановили все звенья сельского самоуправления. На сельские сходы собирались все домохозяйства, а не только десятидворники (по 1 делегату от 10 крестьянских дворов), как это сложилось с введением института земских начальников.³ Сначала крестьянки-солдатки, а затем все женщины получили право участия в сельских собраниях.⁴ Для осуществления своих требований в революции крестьяне создавали общественные исполнительные комитеты, избиравшиеся на крестьянских сходах и съездах.

Отношение Временного правительства к возникавшим чаще всего по инициативе самих крестьян комитетам было двойственным. Оно было не прочь вовсе обойтись без самочинных организаций, но в условиях развития революции вынуждено было мириться с ними. Разработки правоведов о поэтапной демократизации государственного и общественного строя под контролем Временного правительства не нашли применения в конкретной российской действительности. "Первое допущение революции смело старые сословные учреждения в деревне, как карточный домик", — констатировал журнал "Право".⁵

Единообразия в образовании и деятельности исполнительных комитетов не было, хотя Временное правительство, вынужденное мириться с их существованием, попыталось включить их в систему управления на местах. Однако интересы крестьян изначально не совпадали с политикой власти по аграрному вопросу. Поэтому инициативу по созданию дополнительных органов сельского самоуправления крестьянские сходы проявили сразу после падения самодержавия. На низовые крестьянские организации с самого начала их существования пытались оказать влияние различные политические силы и организации, действовавшие в 1917 г.

Сельские и волостные крестьянские комитеты избирались различными способами. Сельские комитеты крестьяне чаще всего выбирали на сходах первоначально по старым правилам, просто потому, что новые еще не были разработаны.⁶ Позднее, когда появились новые инструкции по организации власти, а приезжие агитаторы развернули свою пропагандистскую деятельность, в деревне стали использоваться и новые формы социальной организации: применялись всеобщие, равные, прямые выборы, чаще всего открытым голосованием. В волостные крестьянские комитеты выборы проходили путем представительства от определенного числа жителей. В них избирались делегаты от сел и деревень или от сельских комитетов, если они уже были образованы на сходах и собраниях. Комитеты формировались также на волостных съездах из числа делегатов. В марте-апреле 1917 г. в поволжских губерниях собирались чрезвычайные уездные земские собрания, выражавшие поддержку Временному правительству и ставившие задачи принять активное участие в строительстве новой власти на волостном уровне. Однако в связи с тем, что "земства оставались в подавляющем большинстве в старом составе",⁷ им не удалось в достаточной степени повлиять на состав волостных и сельских исполнительных комитетов.

Выработку правил и инструкций по организации власти на местах считали своей задачей все новые организации. Для этого созывались специальные съезды как общественных комитетов, так и комиссаров Временного правительства. По инициативе и под руководством преимущественно эсеров и различных земских, кооперативных и других организаций, где они служили, собирались также крестьянские съезды, явившиеся своеобразной формой организации всего крестьянства. На них обязательно разрабатывались нормы крестьянского представительства в структурах местной власти и самоуправления.⁸

Временное правительство не смогло предотвратить процесс крестьянского правотворчества в области сельского самоуправления, а поэтому попыталось взять его под свой контроль. Провозглашенные им принципы демократизации общественных отношений были ограничены рамками административно-территориальных образований дореволюционного периода. Поручая правительственным комиссарам взять под контроль организацию и деятельность сельского самоуправления, Временное правительство Постановлением от 19 марта 1917 г. признало лишь волостные комитеты, а сельские по-прежнему продолжало считать незаконными.

Губернские и уездные комиссары, выполняя указания правительства, не могли управлять структурами, которые считали нелегитимными. В результате сельские исполнительные комитеты действовали в интересах избравшего их мира, а не по инструкциям власти. Волостные исполнительные комитеты были исключены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались общественными комитетами, съездами, советами в каждой губернии, а иногда даже уезде, самостоятельно.

Из Самарской губернии с марта 1917 г. стали поступать сообщения о том, что "в уездных городах старые власти уже устранены, на их местах организованы временные комитеты общественной безопасности..."⁹ Прошли в некоторых уездах съезды крестьянских делегатов, состав которых был весьма пестрым и разнообразным. Это были выборные от волостных комитетов, представители земства, партии народников и социалистов-революционеров, а в уездных центрах, являющихся одновременно и центрами губернскими, еще и представители старого чиновничества (делегаты от крестьянского поземельного банка, казны, удела и т.д.).¹⁰ Сопрошения, собрания, съезды различных общественных организаций обсуждали вопросы создания низовых крестьянских комитетов.

Самарский уездный Комитет народной власти 18 марта 1917 г. определил следующий порядок выборов сельского самоуправления: "В основание выборов волостных комитетов должен быть положен принцип прямого голосования... В то же время сознавая, что в выборах в волостном селе не может принять участие все население", комиссия рекомендовала избирать "волостные комитеты каждым селом отдельно, на сельском сходе, прямым голосованием. Число делегатов от каждого села в волостной комитет должно соответствовать числу жителей и это число делегатов должно быть назначено на селе". Принимая во внимание, что уже избранные комитеты приступили к работе и переизбрание их на новых началах нежелательно, комиссия признала возможным "считать их временно выбранными правильно. В случае же поступления в комитет жалоб на выборы от населения... волостные комитеты по проверке жалоб должны быть переизбраны на основах, принятых уездным комитетом".¹¹

По-разному пытались совместить всеобщность участия с принципом прямых выборов уездные крестьянские съезды и советы. Часть их предлагала избирать волостные комитеты всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием на волостных сходах. Но подобные рекомендации нередко вели к нарушению всеобщности выборов, т.к. почти нигде и никогда волостные сходы не могли собрать всех избирателей. Поэтому некоторые уездные крестьянские съезды рекомендовали избирать волостные комитеты непосредственно на сельских сходах и собраниях. Другие считали необходимым созывать для избрания волостных комитетов не сходы, а волостные съезды. Подобные рекомендации обеспечивали всеобщность выборов, но нарушали принцип прямого избрания, потому что устанавливали двухступенчатость голосования.¹²

I Самарский губернский съезд делегатов от комитетов народной власти был созван при участии "самарской группы народников" 25 марта 1917 г. К началу работы съезда "съехалось около 22 представителей от всех уездов",¹³ которых, как правило, крестьяне не выбирали, а посылали уездные комитеты народной власти. К 29 марта, когда съезд завершил свою работу, на нем собралось 158 участников.¹⁴ Руководство съездом принадлежало, естественно, организаторам, крестьянским он был по названию, а не по составу участников.

Первый съезд представителей крестьянских комитетов Самарской губернии разработал "Правила" организации власти в сельс-

кой местности. Он рекомендовал сельские комитеты избирать "сельским сходом, в котором участвуют все граждане селения обоего пола, достигшие 20-летнего возраста".¹⁵ Таким образом, он не только восстанавливал общинный демократизм, подавленный царским администрированием, но и существенно его расширял за счет надления избирательными правами женщины и снижения возрастного ценза избирателей. Сложнее было губернскому съезду выработать общую инструкцию по выборам волостных комитетов, так как многие из них уже были сформированы в разных уездах и волостях по-разному. Это зависело от местных условий: удаленности от волостного центра, состояния дорог и, следовательно, средств связи, социальной активности населения разных сел, которая в свою очередь определялась разнообразными особенностями их экономического развития, национального состава, вероисповедания и даже категории дореформенного состояния крестьян.

В соответствии с духом времени на съезде были выработаны нормы представительства на губернские съезды, делегаты которых должны избираться "прямым, равным, тайным, всеобщим голосованием по одному делегату на 10 тыс. человек населения".¹⁶ На практике выборы делегатов не только на крестьянские съезды, но и в волостные исполнительные комитеты не были всеобщими, а голосование чаще всего осуществлялось не тайным, а открытым способом.

Разрабатывая структуру органов сельского самоуправления, руководители I Самарского губернского съезда стремились подчинить их не уездным и губернскому комитетам народной власти, а создать промежуточные органы для непосредственного влияния на низовые комитеты. Учитывая политический опыт давления на власть через советы рабочих и солдатских депутатов, эсеровское руководство съезда призвало к организации советов крестьянских депутатов.¹⁷ Съезд объявил себя губернским Советом крестьянских депутатов, избрал Исполнительный комитет Совета из 21 человека (по 3 представителя от каждого уезда). Исполком сформировал президиум в составе председателя эсера Г. М. Соколова, его товарищей В. И. Гурчева и И. В. Мошкова, секретаря эсера Я. Ф. Белова. Здесь же 10 человек от крестьянского Совета было делегировано в Исполком Самарского губернского Комитета народной власти.¹⁸ Таким образом разработчики постановлений об организации власти в губернии обеспечили себе контроль за деятельностью массовых крестьянских организаций и возможность манипулировать

общественным движением в своих интересах. Незначительное представительство в Совете рабочих депутатов самарские эсеры компенсировали монопольным влиянием в Совете крестьянских депутатов, используя его для вхождения во власть.

В Симбирской губернии в течение марта 1917 г. также осуществлялось строительство новой власти в сельской местности, в уездах организовывались волостные комитеты, а вот уездные крестьянские съезды проходили позднее. Инициативу по созданию системы сельского самоуправления на переходный период взяла на себя губернская администрация Временного правительства, под руководством которой находился Симбирский губернский исполнительный Комитет. Входившие в него представители различных общественно-политических объединений города высказались за созыв Симбирского губернского съезда, который состоялся 20-21 марта 1917 г. На нем присутствовало 548 делегатов, которые были специально отобраны организаторами съезда из числа представителей от волостей, кооперативов, различных земских, городских и общественных организаций губернии.¹⁹ Поскольку главным вопросом повестки дня съезда было создание системы управления в деревне, организаторы, как и в Самарской губернии, называли его крестьянским.

Анализируя социальный состав названного съезда, отметим, что самих крестьян на нем почти не было. Например, Карменский волостной съезд Сенгилеевского уезда на своем собрании 12 марта 1917 г. избрал на губернский съезд священника Кузнецова и страхового агента Корнилова.²⁰ Делегаты губернского съезда от волостных комитетов также в основном были представителями сельской интеллигенции. В том же Сенгилеевском уезде 8 марта 1917 г. на сходе двух деревень и фабрики был образован Старо-Тимонинский волостной временный Комитет общественной безопасности, в который вошли учитель, инженер, администратор фабрики, чиновник удельного ведомства и двое крестьян. Возглавил его председатель потребкооперации Акчурин, который и был делегирован на съезд. В Комитет, состоявший из 7 человек, выбрали 5 татар, так как подавляющее большинство населения указанных деревень было татарским.²¹ Принцип пропорционального национального представительства был соблюден.

Социальный состав губернского съезда определил все его решения, которые никак нельзя назвать демократичными. Было одобрено даже предложение губернского комиссара о том, что "пред-

ставители крестьян в комитете обязаны будут жить в г. Симбирске на собственные средства".²² Это возможно было только для очень зажиточной части деревни. Те делегаты съезда (по 4 человека от каждого уезда), которые вошли в состав Симбирского губернского исполнительного Комитета, не выражали интересы подавляющего большинства крестьянства губернии.

Правила по устройству и деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов были разработаны в канцелярии губернского комиссара.²³ 6-7 мая 1917 г. состоялся Симбирский губернский съезд уездных комиссаров и председателей уездных земских собраний, которыми являлись одни и те же лица. Он принял постановление об организации власти в губернии.²⁴ Как видим, инструкции эти не только разрабатывались, но и утверждались административными структурами без привлечения общественности. В них не были отражены реалии революционного времени, формирование волостных исполнительных комитетов осуществлялось путем утверждения на волостном собрании предложенных кандидатур, которые сельскими обществами заранее не обсуждались.²⁵ Не случайно уездные съезды, на которых было больше выборных от крестьян, по всем обсуждавшимся вопросам принимали более радикальные решения. В волостных исполнительных комитетах появились новые лица: солдаты-отпускники, выборные от сельских обществ, рабочие мелких предприятий обрабатывающей промышленности, не потерявшие связей с деревней.²⁶

Строительство сельского самоуправления в Саратовской губернии осуществлялось с привлечением всех общественно-политических сил, объединенных в исполнительные комитеты. 26-29 марта 1917 г. на съезде представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии были разработаны их принципы, нормы и функции. Отметив временный характер комитетов, ограничив их деятельность до выборов "новых органов местного самоуправления на основах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права", съезд подчеркнул, что исполнительные комитеты более демократичны, нежели существующие земства и думы. Для сельской местности альтернативы для новой организации общества после падения царизма и вовсе не существовало. В резолюциях съезда подчеркивалась также полная автономность исполнительных комитетов "по делам местным" в пределах своего территориального образования. Подчиненность комиссаров, явившихся по постановлениям съезда должностными ли-

цами, реализующими функции исполнительной власти, предусматривалась снизу доверху от волости до губернии, но осуществлялась она только "по делам общего управления".²⁷ Волостные и особенно сельские исполнительные комитеты не преминули воспользоваться предоставленными свободами, объявив под давлением крестьянских сходов все земельные дела местными.

Составители резолюций по организации власти в Саратовской губернии предусмотрели возможные злоупотребления предоставленной самостоятельностью со стороны низовых органов сельского самоуправления. В разделе "Об отношении уездного Комитета к волостным и сельским" еще раз подчеркивается: "В вопросах местной жизни волостные комитеты и соответственно сельские автономны, но незаконные действия и постановления этих комитетов, нарушающие интересы частных лиц и обществ, подлежат обжалованию высшим органам управления в порядке последовательности, причем эти постановления, в случаях признания незаконности, направляют дело в судебные учреждения или предлагают комитетам пересмотреть постановления с указанием на их неправильность".²⁸ В условиях временности власти, да еще традиционного правового нигилизма крестьян, предложенный механизм разрешения социальных конфликтов в деревне не был действенным.

В постановлениях съезда исполнительных комитетов была детально разработана структура временной реорганизации земского самоуправления. Она предусматривала избрание "в каждом селении из числа его жителей... сельской управы", власть которой распространялась "на всю территорию, отнесенную к определенной избирательной единице, независимо от того, кому принадлежит земля... Самоуправляющейся единицей является селение, имеющее не менее 300 избирателей..., имеющие менее 300 избирателей или примыкают к ближайшему более крупному селению, или соединяются по нескольку вместе... В состав сельской управы входят не менее 3 лиц, а именно: староста и 2 члена управы, избираемые на сельском собрании (сходе). Участниками собрания (схода) являются все жители данной избирательной единицы без различия пола, сословия, вероисповедания и национальности, достигшие 21-летнего возраста, проживающие в данном избирательном округе не менее 3 месяцев... Коренные жители..., вернувшиеся с фронта, имеют избирательные права безотносительно ко времени проживания в данной местности".²⁹ Аналогично сельской фор-

мировалась волостная управа путем выборов на основе “четырёххвостки”. “Там, где такого избрания произвести не представляется возможным по техническим соображениям, волостная управа избирается волостным собранием”, в состав которого “входит по 1 представителю на каждые 100 избирателей сельского собрания”.³⁰

Составители правил не ограничились определением властных функций низовых органов сельского самоуправления. Они определили направление их деятельности по насущным организационно-хозяйственным проблемам, установив порядок распределения нормированных товаров, необходимые условия “засева весной яровых полей, разработали правовой статус военнопленных, используемых на сельскохозяйственных работах”.³¹

Документы по организации новой власти в Саратовской губернии спустя неделю были утверждены проходившим 7-10 апреля 1917 г. съездом крестьянских депутатов.³² Избранные почти повсеместно волостные и сельские общественные исполнительные комитеты на I Саратовском губернском крестьянском съезде были утверждены в качестве организующих структур в сельской местности. Через них должны были осуществляться все преобразования социально-экономического и общественно-политического характера в переходный период.

С развитием аграрного движения крестьяне проявили стремление дистанцироваться от местных органов власти Временного правительства. Не подвергая сомнению необходимость функционирования сельских и волостных исполнительных комитетов, они сочли нужным “иметь уездную революционную организацию – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”.³³ Об этом было заявлено 28 апреля 1917 г. на крестьянском съезде Аткарского уезда Саратовской губернии.

В тех губерниях, где общественно-политические силы не спешили проявлять законодательную инициативу по определению функций местной власти и самоуправления, конституирование низовых крестьянских комитетов осуществлялось позднее, в апреле-мае 1917 г. Между тем аграрное движение в Поволжье нарастало и на крестьянских съездах, утверждавших структуру власти в деревне, проявилось стремление к противопоставлению низовых исполнительных комитетов местным органам власти Временного правительства. В.И. Ленин первым заметил, что когда “революция переходит на места..., становится муниципальной”, в общественном движении “там большинство за крестьян, за рабочих, там мень-

ше всего получилось руководство из буржуазии, там массы не растерялись".³⁴

В условиях, когда большинство волостных и сельских комитетов уже сформировалось, существенно изменился порядок организации уездных и губернских крестьянских съездов, на которых утверждались правила их функционирования. Делегатов на съезды стали выбирать непосредственно на сельских сходах и собраниях, давая им наказы по всем злободневным вопросам крестьянской жизни.³⁵ Крестьянскому самоуправлению в наказах отводилась ведущая организационная роль в достижении главной цели аграрного движения — "земли и воли". Крестьянские делегаты, избранные односельчанами, а не кооптированные различными политическими партиями, союзами, группами, требовали полной самостоятельности низовых комитетов не только при решении всех местных дел, но и при определении вопросов общегосударственного значения.

Состав волостных исполнительных комитетов, делегатов уездных и губернских крестьянских съездов был общесословным. Так, в Исполнительный комитет Пензенского Совета крестьянских депутатов, избранный учредительным съездом, проходившим 7-10 апреля 1917 г., вошло 16 человек. Из них было 5 служащих (1 агроном, 2 юриста, 2 учителя), 2 студента и 9 крестьян, из которых 5 занимались земледелием, а остальные четверо — кузнец, огородник, солдат, заведующий книжным складом.³⁶ Выходцы из городских сословий правом решающего голоса на крестьянских съездах не обладали, но в исполкомы крестьянских советов они избирались как "крестьяне по происхождению".

За влияние на крестьян боролись все политические силы, действовавшие в русской революции 1917 г. В условиях предполагавшихся демократических выборов вопрос о власти напрямую зависел от поддержки большинством населения той или иной общественно-политической структуры. Сельские и волостные исполнительные комитеты были организующими крестьянскими органами местного самоуправления, с помощью которых устраивались сельские митинги и волостные собрания. После февраля 1917 г. в деревню направились многочисленные агитаторы, командированные партийными, профессиональными, общественными организациями из Петрограда, Москвы, губернских городов. Настоящее "движение в народ было предпринято... в промежутке от 25 марта до 10 апреля".³⁷ Приоритет был за представителями народнических

партий и групп, прежде всего эсеров.³⁸ С апреля 1917 г. пропагандистскую работу в новолжской деревне активизировали большевики.³⁹ Однако их влияние на деятельность крестьянских организаций было невелико. Кадеты и меньшевики и вовсе ограничивались призывами “к отказу от аграрного захватного права”, выступали “против анархических захватов земли”.⁴⁰

В результате массовой партийно-политической пропаганды крестьяне сделали вывод о том, “что слепо доверяться и партиям нельзя”.⁴¹ Они начали переизбирать сначала сельские, а затем и волостные исполнительные комитеты. Анализируя ситуацию в деревне, Пензенский губернский комиссар отмечал, что первоначально в состав волостных комитетов “вошла интеллигенция, но затем стали раздаваться голоса против нее и уже в середине апреля повсеместно в комитетах состав исключительно был из крестьян”.⁴² В Саратовской губернии с марта по май 1917 г. было переизбрано до 70 % волостных исполнительных комитетов.⁴³ После перевыборов изменялся состав крестьянских комитетов — из общесословных они стали общекрестьянскими. В той же Пензенской губернии уже в начале апреля волостные комитеты состояли, “за некоторыми исключениями, из крестьян”.⁴⁴ Например, в Краснослободском уезде 16 из 20 волостных комитетов состояли из одних крестьян и лишь в 4-х были представители сельской интеллигенции.⁴⁵

Стремление к сословному обособлению низовых крестьянских комитетов означало отступление от демократизации сельского самоуправления. Конечно, выходя за пределы “мира”, сельские общества стремились решать актуальные задачи общественной жизни страны. Однако, используя политическую конъюнктуру переживаемого момента, некоторые из них рассматривали крестьянские комитеты как органы, через которые можно просто удовлетворить потребительские нужды или свести счеты с односельчанами, не спеша признавать революционные изменения. Примечателен в этом плане приговор Борисоглебского сельского общества Каймарской волости Казанской губернии и уезда, обсуждавшего 21 мая 1917 г. в числе других “вопрос об однообщественниках, не признающих власти нового Временного правительства..., а также распускающих разные суеверные слухи, что... родился антихрист, который находится в составе... правительства”. Они “возбуждают народ и на почве продовольственной, говоря, что если бы был старый царь, то нам все бы давали, а теперь правительство...

совместно с купцами наложили на все высокие цены... Приймаю во внимание все вышесказанное, считаем таких людей вредными для государства и нашего общества. Мы постановили, что все, что будем получать через посредство волостного и сельского комитетов, как то: дрова, чай, сахар, муку и прочее... лишить прав на получение тех, кому не нужны органы нового управления..., а волостной комитет просим обратиться куда следует, дабы были приняты меры к прекращению вредной агитации".⁴⁶ Далее сход перечислил восемь сельских оппозиционеров новой власти, а волостной комитет зарегистрировал этот приговор.⁴⁷

В марте 1917 г. по инициативе крестьян в Поволжье повсеместно были созданы волостные и сельские исполнительные комитеты. Временное правительство, решившее включить волостные комитеты в систему местного управления, обязывало губернских комиссаров организовать контроль со стороны уездных комиссаров за их деятельностью.⁴⁸ Министерство внутренних дел разослало на места инструкции о необходимости согласования действий волостных комитетов с распоряжениями губернских комиссаров Временного правительства и постановлениями губернских и уездных исполнительных комитетов.⁴⁹

Для завершения организационного оформления местной власти волостные исполнительные комитеты были включены в систему административного управления в пределах территории волости. I Поволжский областной съезд исполнительных комитетов, открывшийся 27 мая 1917 г., принял резолюцию, определявшую права и обязанности волостных исполнительных комитетов. Права волостных исполнительных комитетов подтверждали определенный для них Временным правительством статус:

"1. Власть волостных комитетов распространяется на всю территорию волости.

2. Волостным комитетам принадлежит право руководства административной, хозяйственной и культурной деятельностью волости.

3. Волостной комитет избирает президиум, волостного комиссара.

4. Волостной комитет контролирует деятельность подчиненных ему организаций (сельских комитетов)".⁵⁰

Механизм реализации этих прав разработан не был. При перечислении обязанностей волостных исполнительных комитетов составители документа также ограничились призывами к выполнению общих указаний Временного правительства:

“1. Волостные комитеты осуществляют активную поддержку Временного правительства.

2. Всеми мерами содействуют укреплению нового строя.

3. Подготовка к выборам в Учредительное собрание.

4. Волостные комитеты подчиняются уездным исполнительным комитетам. Составляют сметы доходов и расходов. Рассматривают и утверждают отчеты всех подчиненных им учреждений. Приглашают и увольняют должностных лиц. Приводят в исполнение распоряжения высших органов власти”.⁵¹

Для выполнения даже самых общих обязательств по организации управления в сельской местности необходимо было решить вопрос финансирования волостных комитетов. Временное правительство неоднократно дебатировало этот вопрос. Желая теснее привязать эти часто самостоятельные, крестьянские организации к административным структурам Временного правительства на местах, часть чиновников настаивала на их государственном содержании. Однако средств Казначейства не хватало даже на финансовую поддержку губернских комитетов, которые вместе с уездными в большинстве сохранили статус общественных организаций. Поэтому содержание не только сельских, но и волостных комитетов осуществлялось за счет системы самообложения.

До революции сельское самообложение носило сословную форму мирских сборов и распространялось на надельные крестьянские земли. В ходе преобразования самоуправления крестьяне потребовали распространения таких сборов на всех землевладельцев, промышленников, церковные земли. “Содержание волостных комитетов относится за счет волостных средств. Волостным комитетам предоставляется право с настоящего времени привлечь на равных для всех оснований к обложению волостными сборами необлагавшиеся ранее этими сборами казенные, удельные, банковские, частновладельческие, монастырские, церковные земли, а также торгово-промышленные предприятия”.⁵² Такая система содержания выводила органы сельского самоуправления из системы местной администрации центральной исполнительной власти. С самого образования сельские и волостные комитеты в условиях финансовой независимости от власти могли претендовать на свободу действий. Они выбирали среди множества общественно-политических структур те, которые заявляли о поддержке крестьянских требований в революции.

Итак, деятельность Временного правительства по созданию системы местного управления после Февраля 1917 г. представляла

собой дискретный процесс, который развивался и изменялся независимо от его законотворческой работы. Сформировать четкую систему соподчинения органов местной власти в стране не удалось. Фактически низовые комитеты проводили не правительственную, а крестьянскую политику. В Поволжье, где были сильны традиции борьбы крестьян "за землю и волю", обособленность крестьянского самоуправления проявилась уже в ходе его организации на новых началах "народоправства".

3.2. Крестьянские съезды и советы

Крестьянские съезды 1917 г. в Поволжье сыграли исключительно важную роль в регулировании взаимоотношений местной администрации Временного правительства с органами самоуправления и другими общественными организациями. На всероссийских, губернских, уездных крестьянских съездах обсуждался весь комплекс вопросов революционного времени. Постановления губернских и уездных съездов оказывали непосредственное влияние на местную власть. Являясь наиболее представительными массовыми общественными объединениями, крестьянские съезды выступали инициаторами изменения партийно-социального состава губернской и уездной администрации Временного правительства. Они разрабатывали правила организации власти, самоуправления, аграрных отношений. На крестьянских съездах разгорались острейшие дискуссии по всем политическим вопросам, в ходе которых делегаты от крестьянских обществ противостояли организаторам от политических партий.

В советской исторической литературе было распространено мнение о наличии факта классового сотрудничества буржуазии и крестьянства в первые месяцы после Февраля 1917 г.⁵³ В настоящее время восстанавливается историографическая тенденция двадцатых годов нашего столетия, рассматривавшая крестьянские комитеты, советы, съезды как организующую силу аграрной революции 1917-1918 гг. Современные исследователи не только доказали наличие самостоятельных требований крестьянских комитетов по политическим вопросам⁵⁴, но и начали выявлять основные способы и методы их влияния на формирование власти в ходе революции⁵⁵.

Уже первые губернские крестьянские съезды взяли на себя протворческую миссию, разрабатывая и утверждая инструкции по формированию самоуправления, его взаимодействия с местной администрацией на переходный период. Материалы губернских и уездных съездов, проходивших в марте-апреле 1917 г. на территории Поволжья, показывают, что на местах проявилась тенденция к более глубоким социально-политическим преобразованиям. Этим, кстати, воспользовался В.И. Ленин, призвавший не оказывать «никакой поддержки Временному правительству»⁵⁶, чем внес раскол в лагерь революционной демократии.

Все крестьянские съезды непременно поддерживали Временное правительство, но часто на словах, а не на деле. Поэтому необходимо не только рассмотреть решения съездов по политическим вопросам, но и проследить сам процесс их обсуждения. В резолюциях различных форумов многие важные нюансы того или иного вопроса не находили отражения и тем самым выхолащивалось его содержание. Особенно это заметно при обсуждении на крестьянских съездах вопросов о власти, войне и мире, будущем государственном устройстве. Под демократией крестьянские делегаты съездов вообще понимали нормы обычного общинного права, в связи с чем поддерживали Временное правительство, которое объявлялось демократическим.

В процессе обсуждения вопросов организации местного управления на первых губернских крестьянских съездах наглядно проявилось стремление к обособлению низовых крестьянских комитетов от органов местной администрации Временного правительства. Так, Самарский губернский крестьянский съезд, обсуждавший 28 марта 1917 г. вопрос о принципах формирования губернского комитета народной власти, выразил доверие Временному правительству вообще, но не его губернской администрации. Делегаты съезды приняли «Наказ Временного Самарского Комитета Народной власти», который рассматривал себя, а не комиссара представителем власти Временного правительства в губернии⁵⁷. Споры на съезде разгорелись лишь о нормах представительства крестьянства в исполкоме Комитета народной власти, члены которого предложили делегировать в него 10 человек. Это не устраивало уездных делегатов съезда, настаивавших на нормах пропорционального представительства от всего населения в губернском Комитете народной власти.⁵⁸ После объявления всего состава съезда временным Советом крестьянских депутатов его организаторам удалось

увеличить представительство в Комитете народной власти до 21 человека. Такое конструирование губернской власти было неустойчивым, аморфным, создававшим предпосылки для разобщенных действий различных общественных сил.

Объявив о создании Совета крестьянских депутатов, губернский съезд заложил основу организации новой представительной структуры для координации действий крестьянских комитетов. Так, рассматривая обязанности сельских, волостных, районных и уездных комитетов народной власти, съезд вменял им в обязанность охрану "частной собственности, личных и имущественных интересов частных граждан твердо и властно".⁵⁹ Под давлением крестьянских сходов, придерживавшихся прямо противоположных принципов по вопросу частной собственности на землю, сельские и волостные комитеты народной власти стали обращаться за поддержкой в Совет крестьянских депутатов.⁶⁰

Самарский и Николаевский уездные крестьянские съезды, проходившие раньше губернского, в середине марта 1917 г., как и все общественные объединения, приветствовали Временное правительство, но твердо заявили о самостоятельности нового сельского самоуправления. Постановления данных съездов гласили: "выборы в волостные комитеты, произведенные на местах, считать правильными"⁶¹ и "считать властью на местах волостные комитеты народной власти"⁶². Эти заявления свидетельствовали об изначальном противопоставлении крестьянами своих низовых комитетов органам местной администрации Временного правительства.

Симбирский губернский крестьянский съезд, работавший 20-21 марта 1917 г., был более осторожен в вопросах конструирования власти в сельской местности. Приветствуя Временное правительство, он одобрил его политику по формированию местного управления.⁶³ Высказывая свое отношение к новым органам сельского самоуправления, съезд предложил "существующие на местах сельские, волостные и уездные комитеты оставить"⁶⁴. Собственных правил и инструкций по организации местного управления Симбирский губернский съезд не разрабатывал, полагаясь, видимо, на центральное руководство. Однако "самочинные", так и не признанные Временным правительством сельские крестьянские комитеты этот съезд поддержал, включив их в новую структуру самоуправления.

Анализируя решения крестьянских съездов, проходивших в марте 1917 г., необходимо отметить царившую на них атмосферу энтузиазма в связи с началом демократических преобразований

в стране. Однако уже в первый месяц революции на крестьянских съездах проявилось стремление к созданию, поддержке, а иногда и обособлению низовых структур сельского самоуправления. Эта тенденция получит дальнейшее развитие в ходе крестьянской борьбы за землю. Руководители и организаторы крестьянских съездов, проходивших в поволжских губерниях в апреле-мае 1917 г., будут ее поддерживать с целью расширения социальной базы своих политических партий и союзов.

Крестьянские съезды, собиравшиеся в Поволжье в апреле 1917 г., вопросам организации власти в деревне уделяли более пристальное внимание. В ходе прений по строительству местной власти на новых демократических началах делегаты съездов развивали идею необходимости сосредоточения управления сельским миром в низовых крестьянских организациях. Именно на них крестьянские съезды возлагали проведение в жизнь своих решений.

Одновременно, с 7 по 10 апреля 1917 г., проходили губернские крестьянские съезды в Саратове и Пензе. Саратовский губернский крестьянский съезд по вопросам организации власти на местах продублировал решения съезда представителей уездных и городских исполнительных комитетов, завершившего неделей раньше свою работу. Делегаты крестьянского съезда безоговорочно поддержали уже повсеместно избранные в Саратовской губернии волостные и сельские общественные исполнительные комитеты.⁶⁵ Указания Временного правительства о правомочности волостных и самочинности сельских комитетов на съезде крестьянских депутатов даже не рассматривались. Телеграммы Министерства внутренних дел губернским комиссарам, а именно таким образом Временное правительство пыталось управлять ситуацией на местах, в Саратовской губернии "препровождались уездным и городским исполнительным комитетам для сведения и исполнения".⁶⁶ Это лишний раз подтверждает, что комиссары здесь с самого начала революции были подотчетными комитетам лицами.

Крестьянский съезд Саратовской губернии по сути дела ратифицировал местный закон об организации власти в сельской местности, который имел существенное расхождение с позицией Временного правительства по этому вопросу.

Уездные комиссары Временного правительства, назначенные в Саратовской губернии с учетом мнения исполнительных комитетов, стали теперь утверждаться крестьянскими съездами как более представительными общественными объединениями. На крестьян-

ском съезде Саратовского уезда, проходившем днем раньше губернского, делегаты избрали новый состав уездного исполнительного комитета и уездного комиссара.⁶⁷ Таким образом, крестьянский съезд присвоил себе функции формирования распорядительной и исполнительной власти в пределах уезда.

Несмотря на явное противоречие местного законодательства политике Временного правительства по организации новой системы управления в стране, первоначально крестьянские съезды утверждали предложенную им форму административной власти. С развитием аграрного движения в Поволжском регионе все явственнее проявляется стремление делегатов крестьянских съездов отделиться полностью от административных органов Временного правительства на местах. На крестьянском съезде Аткарского уезда Саратовской губернии 28 апреля 1917 г. делегаты посчитали "необходимым иметь уездную революционную организацию – Совет рабочих солдатских и крестьянских депутатов".⁶⁸ Такое решение свидетельствовало уже о стремлении к изменению не только содержательной, но и формальной структуры власти, проявляемом крестьянскими съездами.

В губернских центрах Поволжья влияние общественных сил на местную администрацию Временного правительства было неоднозначным. В Самаре и Саратове образовались достаточно самостоятельные и инициативные общественные комитеты; в Казани, Симбирске, Пензе – более осторожные и зависимые от губернских комиссаров. Решения крестьянских съездов по вопросам организации "нового строя управления" в сельской местности во всех поволжских губерниях были направлены на защиту крестьянских организаций вне зависимости от позиции Временного правительства по отношению к ним. Первый Пензенский губернский крестьянский съезд, недовольный засильем консервативных элементов в губернском руководстве, заявил о необходимости замены комиссара Временного правительства более демократичным лицом. Объединенный Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выдвинул на пост губернского комиссара своего представителя.⁶⁹ И хотя на этом съезде данный вопрос не был окончательно решен, прецедент был создан. Губернскому комиссару князю Кугушеву пришлось оправдываться перед правительством, обвинившим его в неумении манипулировать общественным мнением.⁷⁰ Для координации действий крестьянских организаций на съезде был избран исполком губернского Совета крестьянских депута-

тов из 17 человек. Ввиду малочисленности Пензенской группы большевиков⁷¹, они объединились и действовали совместно с другими социалистическими партиями во всех губернских организациях, в том числе крестьянских.

Некоторые уездные крестьянские съезды в Пензенской губернии в резолюциях по политическим вопросам были радикальные губернского. Например, Инсарский уездный крестьянский съезд, работавший 4-5 апреля 1917 г., вопрос о доверии и поддержке Временного правительства не обсуждал. Он потребовал «немедленных выборов в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех мужчин и женщин, достигших 18-летнего возраста, без различия национальностей и вероисповедания». Образ правления определялся съездом в виде «демократической республики с выборными властями сверху до низу»⁷².

На Мокшанском уездном крестьянском съезде Пензенской губернии, проходившем 8-9 апреля 1917 г., были проанализированы взаимоотношения между центральной властью и обществом, сложившиеся в стране в ходе революционных преобразований. По вопросу о власти делегаты съезда вынесли такое постановление: «Мокшанский съезд крестьянских депутатов, признавая, что Временное правительство идет в настоящее время в единении с истинно революционными организациями — Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, считает долгом поддерживать его, но при этом заявляет, что если Временное правительство свернет с революционного пути, то крестьяне Мокшанского уезда, объединившись с революционными организациями, приложат все усилия, чтобы довести революцию до конца».⁷³ Это заявление продемонстрировало весьма настороженное отношение крестьянских делегатов съезда к Временному правительству. Они не исключали возможной контрреволюционности центрального правительства и противопоставляли ему Совет, объединивший рабочих, солдат и крестьян, считая его истинным выразителем своих требований в революции.

Апрельский кризис Временного правительства привел, как известно, к созданию нового коалиционного его состава. Это событие по-разному оценивалось различными общественно-политическими силами в центре и провинции. Большевики, единственные из четырех крупных политических партий, не представленные в новом составе Временного правительства, продолжали резко кри-

тиковать его политику. Они упрекали в соглашательстве с классовыми врагами, обвиняли в предательстве интересов трудящихся михистров-социалистов и партии, к которым те принадлежали. В.И. Ленин оценивал с трудом достигнутое между Временным правительством и исполкомом Петросовета соглашение⁷⁴ как начало "медового месяца бракосочетания "социалистов", эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве"⁷⁵. Однако совсем не таким "сладким", как казалось большевикам, был этот месяц для коалиционного Временного правительства – на местах различные общественные объединения все чаще выступали с условной его поддержкой.

Оценивая через месяц деятельность первого коалиционного состава Временного правительства, его критики справа, кадеты и октябристы потребовали "ввести стремление масс в рамки законности и планомерного осуществления"⁷⁶. Недовольные деятельностью министров-социалистов, они упрекали их за мягкотелость и терпимость к проявлениям бултарских действий масс и поддерживавших их общественных организаций. Характерно в этом отношении заявление В.А.Махлакова на совещании членов IV Государственной Думы 3 июня 1917 г. Он обвинил всех социалистов в потворстве беззаконию и углублении революции: "Они получили право создавать законы и поэтому должны беспощадно карать за беззаконие. И поэтому нужно, чтобы они отделались, я не говорю от революционной фразеологии, пусть способ выражения остается какой угодно, но от революционной идеологии"⁷⁷. Умеренные социалисты, сотрудничавшие с Временным правительством, и сами понимали опасность всеобщего бунта, но сдержать революционную инициативу на местах были не в состоянии. Рабочие, солдаты, крестьяне обращались к таким общественно-политическим структурам, которые поддерживали, пусть даже декларативно, их требования. Это способствовало углублению раскола между властью и обществом.

В Поволжье недовольство масс политикой Временного правительства было использовано местными лидерами эсеров для вхождения во власть либо для укрепления своих позиций в органах самоуправления. Все крестьянские съезды, проходившие здесь в мае 1917 г., выражали поддержку Временному правительству, но далеко не безоговорочную. На сельских сходах и волостных собраниях, уездных и губернских съездах составлялись указы делегатам, избравшимся на Всероссийский крестьянский съезд.

В этих наказах выдвигался ряд условий политического характера. Так, проходивший 15-17 мая 1917 г. Симбирский уездный крестьянский съезд высказался за "скорейший созыв Учредительного собрания, которое должно быть избрано на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования"⁷⁸. Уездные органы административной власти и самоуправления съезд не считал выразителями интересов крестьянства и "признал необходимым создать уездный Совет крестьянских депутатов и его исполнительный комитет"⁷⁹.

Условная поддержка Временного правительства была первым признаком проявления недовольства его политикой в деревне. В "Наказе от граждан Казанской губернии" Арбанской волости Царсковококшайского уезда" делегату П.И.Мочалову от 26 апреля 1917 г. говорится: "Мы будем поддерживать Временное правительство, пока оно не отступает от объявленных им начал свободы и народовластия... и подготавливает народ к выборам... в Учредительное собрание"⁸⁰. Здесь же, правда весьма расплывчато, определялась форма будущего государственного устройства России. Делегатам съезда предлагалось подумать о путях "сосредоточения всей Верховной государственной власти в руках самого народа (демократическая республика) с сохранением референдума"⁸¹.

Первый Казанский губернский съезд крестьянских депутатов, начавший работу 6 мая 1917 г., 7 мая избрал губернский Совет крестьянских депутатов, в который вошли по 10 человек от каждого уезда⁸². В тот же день на общем собрании Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение об их слиянии. Однако крестьянская секция Совета до осени 1917 г. работала самостоятельно.⁸³ 8 мая был избран исполком крестьянского Совета, который и проводил всю организационную работу по координации деятельности различных крестьянских организаций губернии.

С 9 по 14 мая 1917 г. крестьянская секция Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Казанской губернии провела целый ряд заседаний, где были разработаны различные документы по всем актуальным вопросам революционного времени. Здесь были подведены итоги прошедших уездных съездов, даны оценки процессу строительства местных органов администрации Временного правительства и сельского самоуправления. Депутаты Совета обсудили конкретные формы и методы управления губернией и высказали решимость установить контроль за деятельностью местной власти со стороны советов. На заседаниях неоднократно ука-

зывалось на необходимость "исполнения уездными комиссарами воли народа, выраженной в постановлениях Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Казанского Совета крестьянских депутатов"⁸⁴.

Совет крестьянских депутатов присвоил себе полномочия смещать с постов уездных комиссаров Временного правительства и назначать их выборы. "Если уездный комиссар идет против воли народа, не подаст в отставку сам, то Казанский Совет крестьянских депутатов сам назначает перевыборы, объявив низложенным старого комиссара"⁸⁵. Эти решения, принятые по инициативе левого эсера А.Л.Колегаева, возглавлявшего Казанский Совет крестьянских депутатов, в корне подрывали сложившуюся в губернии структуру власти. Обсуждая вопрос о будущем государственном строе в России, депутаты Совета незначительным большинством проголосовали "за демократическую республику с одной палатой с правом самоопределения народов"⁸⁶.

Для многонациональной Казанской губернии характерно выдвижение на крестьянских съездах вопросов о национальном самоопределении народов. В постановлениях губернского крестьянского съезда отмечалось: "Учредительное собрание должно быть созвано в Петрограде в октябре или ноябре на основах всеобщего, равного и тайного голосования без различия пола и национальности (возраст не менее 18 лет) при участии армии. Для местностей со смешанными национальностями следует установить пропорциональные выборы по национальностям"⁸⁷. Съезд крестьянских депутатов Чебоксарского уезда Казанской губернии принял еще более радикальное решение по вопросам будущего государственного устройства. Он призвал "стоять за свободную демократическую республику... и признать за всеми национальностями полное право на самоопределение"⁸⁸.

В конструировании местной власти крестьянские съезды Казанской губернии были более конкретны и выступали за организацию советов крестьянских депутатов, не доверяя администрации Временного правительства. Так, делегаты и уполномоченные волостей, сел и деревень Спасского уезда Казанской губернии на совещании 29-30 мая 1917 г. постановили: "образовать уездный, волостные и сельские Советы крестьянских депутатов"⁸⁹. Мотивировалось это тем, "что крестьянский Совет надлежит признавать чрезвычайно нужным и важным в борьбе за право крестьян. Советы эти необходимо поддерживать всеми средствами и способами,

не останавливаясь ни перед чем, к голосу его прислушиваться, постановления его проводить в жизнь"⁹⁰. Приведенные постановления крестьянских съездов наглядно продемонстрировали, что приоритет в организации сельского самоуправления и представительства они отдали крестьянским комитетам и советам.

После вступления в состав Временного правительства министров-социалистов на губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в Поволжье, все чаще стали обсуждаться вопросы о замене фигурантов на постах комиссаров Временного правительства. На втором Пензенском губернском крестьянском съезде, состоявшемся 11-17 мая 1917 г., среди делегатов уже не было прежнего единодушия по вопросу о доверии Временному правительству. Резолюция о его безоговорочной поддержке, предложенная эсеровским руководством съезда, была провалена объединенной группой редколлегии газеты "Известия..." во главе с большевиком В.В.Курасвым. По ее настоянию была принята формулировка о поддержке Временного правительства "постольку-поскольку"⁹¹, в его состав вошли представители социалистических партий.

Кроме крестьянских делегатов, на съезде присутствовали все члены бюро губернского исполнительного Комитета, губернского комиссариата, члены исполкомов Советов, представители политических партий, делегаты от рабочих организаций и воинского гарнизона. Такое широкое представительство позволило объявить крестьянский съезд губернским Учредительным собранием. 13 мая на нем был поставлен вопрос о смещении со своих постов губернского комиссара князя Кугушева и его помощника кадета Германа. 14 мая в Пензе "на учредительном губернском съезде избраны губернский комиссар и его помощник, губернская земская управа, председатель исполнительного Комитета, все социалисты"⁹². Условная поддержка Временного правительства, замена на посту губернского комиссара князя Кугушева эсером Федоровичем — это оформившаяся на губернском съезде, реально действовавшая оппозиция местной власти.

В советской историографии преобладала негативная ленинская оценка вхождения социалистов во власть как в центре, так и на местах.⁹³ Она заключалась в утверждении, что "чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах в сущности не думали, стараясь оттянуть их "до Учредительного собрания"⁹⁴. Между тем на местах,

где давление революционных масс ощущалось сильнее, как раз и принимались различные постановления не только о земле, но и о власти, шедшие вразрез с политической ливней центрального руководства. А разработчиками конфискационно-радикальных проектов по аграрному вопросу, принятых в Поволжье на крестьянских съездах в мае-июне 1917 г., были эсеры, “добывшие” власть на местах.

Ситуация, сложившаяся в Самарской губернии в конце мая — начале июня 1917 г., ярко характеризует тактику революционной демократии в борьбе за власть. На втором губернском крестьянском съезде, начавшем свою работу 20 мая 1917 г., его эсеровское руководство продемонстрировало искусство политической мимикрии.

Противостояние между делегатами и организаторами съезда началось в первый же день его работы после того, как отзвучали взволнованные приветствия собравшимся от различных политических партий, союзов, организаций. Крестьяне, громко аплодировавшие приветствовавшим их товарищам, насторожились при выборах рабочих органов съезда. Эсеровское руководство попыталось обеспечить себе в них непререкаемое единовластие. Председателем съезда большинством голосов был избран эсер С.А.Волков, а выборы постоянных товарищей (заместителей. — Н.К.) председателя секретарь съезда эсер М.Т.Игаев предложил отложить до проверки полномочий делегатов съезда. Тут и начались бурные прения. Крестьяне решительно потребовали утвердить товарищами председателя Хлопотина и Лукьянова, выбранных на утреннем заседании 20 мая, а делегат Мошков (Самарский) заявил, что “это предложение Игасва клонится к умалению прав крестьян..., относительно С.А.Волкова он этой меры не предлагал..., потому что Волков интеллигент и сам Игаев интеллигент и надо избрать без проверки их полномочий, а нас, крестьян, выбирать только после проверки наших полномочий. А между тем сами они, Игаев и Волков, никаких полномочий не имеют и никем не избирались”. Председатель Совета крестьянских депутатов Г.М.Соколов выступил на защиту эсеровского руководства, заявляя, что “им не нужно особых полномочий с мест, так как они являются участниками съезда, как члены Совета крестьянских депутатов”⁹⁵. С.А.Волков и М.Т.Игаев принялись яростно доказывать свой неоценимый вклад в дело организации крестьян, а Мошкова представили “темным и малосознательным”, но не имевшим “злостных расчетов и планов”, призвали отнестись к нему снисходительно: “Мошков ошиб-

ся и не надо эту ошибку ставить ему в вину". Мошков хотел дать объяснение своей позиции, "но сильным шумом и криками с мест собрание не дает возможности сделать это"⁹⁶.

Подавляющим большинством голосов было решено перейти к выборам постоянного президиума. Однако "В.И.Гурчев, получивший слово по вопросу о выборах в президиум, вновь касается полномочий Волкова и Игаева, находит их недостаточными и прерывает слово, сказанные Мошковым. Собрание криками прерывает его и не дает ему говорить"⁹⁷. Получив отпор от делегатов-крестьян, руководители съезда смансвировали, объявив о выборах постоянного президиума без всяких проверок полномочий делегатов, включив в его состав Хлопотина с Лукьяновым, из-за которых разгорелись споры. Было предоставлено также одно место в президиуме мусульманской группе, которая выдвинула в товарищи секретаря Бурхаметдина Шамсулова "для записывания на татарском языке".

На другой день работы съезда председательствующий С.А.Волков предложил послать приветственную телеграмму Временному коалиционному правительству с выражением ему полного доверия. Но и по этому вопросу не было единого мнения на съезде даже среди эсеров. И.М.Брушвит предложил выразить доверие лишь министрам-социалистам, на что П.А.Волков резонно заметил, "что нельзя поддерживать правительство, если части министров мы наперед отказываем в поддержке"⁹⁸. Телеграмму передали в редакционную комиссию, да так и не возвращались больше к ее обсуждению. Делегатов гораздо больше волновали вопросы организации такой власти на местах, которая позволяла бы провести в жизнь утвержденные съездом принципы "черного пердела".

Предметом пристального внимания и обсуждения на втором губернском крестьянском съезде стало выяснение функций, роли и значения советов. Эсеровское руководство выступало за образование "советов на местах до сел включительно"⁹⁹, но стремилось ограничить их деятельность "контролем за правительственными органами..., охраной интересов народа"¹⁰⁰. Но делегаты съезда заявили, что "надо солдатские и рабочие организации связать с крестьянскими воедино"¹⁰¹. В то же время крестьяне высказывали опасение, что им предоставили мало мест в исполкоме губернского Комитета народной власти и потребовали увеличения квот в нем. Причем свое представительство крестьяне считали непременным условием и предпосылкой для экономической стабилизации в гу-

бернии. Делегат Г.К.Булохов заявил: "Крестьян в исполнительном комитете народной власти нужно иметь 80 человек, а других 20. Только тогда бы не могло быть того хлебного кризиса, в котором находится город, и только тогда крестьянство завалило бы Самару хлебом"¹⁰². Такое простое решение сложнейших экономических вопросов имело поддержку у крестьян, как и все простые рецепты.

В ходе обсуждения вопросов о крестьянских советах и комитетах выявилось стремление крестьянских делегатов к классовому представительству в них. Руководству съезда с трудом удалось настоять "на представительстве в губернском Совете крестьянских депутатов... с правом совещательного голоса представителей политических партий, сведущих лиц от земств, городов, правительственных учреждений и пр."¹⁰³ Делегаты съезда из деревни были склонны наделить советы всех уровней властными функциями. Они выражали желание "творить закон" в соответствии со своими представлениями о социальной справедливости¹⁰⁴ и не хотели ждать "порядка, организованности и права"¹⁰⁵, к чему призывала их новая власть.

С 28 мая по 6 июня 1917 г. в Самаре работал Общесословный съезд, объединивший делегатов второго губернского крестьянского съезда с выборными от городов, рабочих, солдатских организаций, представителей властных структур и органов самоуправления. Губернский Комитет народной власти, готовясь к предстоящему съезду, рассмотрел вопрос о необходимости замены губернского комиссара с тем, чтобы поставить его деятельность под свой контроль. Накануне он разработал инструкцию, определявшую полномочия различных ветвей губернской власти. Представителем Временного правительства губернский Комитет народной власти объявил себя, а "особо выбранному комиссару" отводилась роль чиновника для осуществления связей с центральным правительством.¹⁰⁶

30 мая на Общесословном съезде был рассмотрен проект организации губернского исполнительного Комитета народной власти. В соответствии с ним исполком Комитета был ответственен в своей деятельности перед губернским съездом. Съезд определил количественный состав губисполкома в 110 человек, из которых 60 мест было предоставлено крестьянским делегатам, 15 – рабочим, 15 – военным, 15 – представителям городов, 3 – беженцам, 2 – инвалидам.¹⁰⁷ При формировании власти в губернии была использована

система представительства профессиональных, социальных и общественных объединений.

Взаимное недовольство и претензии губернского комиссара и Комитета народной власти привели к обсуждению на Общесословном съезде 31 мая сложившегося положения. К.Н.Иньков 27 мая отправил в Петроград просьбу об отставке с поста губернского комиссара, т.к. не видел путей сотрудничества с губернским Комитетом, выступавшим "в качестве независимого и полноправного органа власти"¹⁰⁸. На съезде было предложено даже упразднить должность губернского комиссара. Только чтобы не обострить взаимоотношений с Временным правительством, было решено избрать губернского комиссара, но из членов исполнительного комитета. Выборы были проведены через неделю после окончания работы съезда 14 июня 1917 г. Губернским комиссаром избрали присяжного поверенного, эсера С.А.Волкова, его помощником — меньшевика П.У.Шаманина.¹⁰⁹

Несмотря на солидное представительство в Самарском губернском Комитете народной власти, крестьянские организации предпочитали обращаться в губернский Совет крестьянских депутатов, причем не только по проблемам общеполитического характера, но и с организационными вопросами. Инстинктивно они не доверяли революционной демократии, одержавшей на съезде победу над умеренным губернным комиссаром. Чтобы как-то сдерживать крестьянский экстремизм и стремление использовать крестьянские комитеты и советы в экспроприаторских целях, эсеровское руководство второго крестьянского съезда настояло на участии "в губернском Совете крестьянских депутатов... с правом совещательного голоса представителей политических партий, сведущих лиц от земства, городов, правительственных учреждений и пр."¹¹⁰

Рассмотрев решения крестьянских съездов и объединявшихся с ними в некоторых губерниях общесословных съездов, совещаний, собраний по вопросам организации власти в поволжских губерниях, необходимо отметить прежде всего самостоятельность и инициативность массовых объединений крестьянства в постановке и решении актуальных вопросов революционного времени. Первые крестьянские съезды, проходившие в марте 1917 г., высказали поддержку Временному правительству; в апреле доверие ему перестало быть всеобщим, а в мае осуществлялось настолько, поскольку в него вошли министры-социалисты. Признавая Временное правительство, в вопросах местного управления крестьянские

съезды расходились с ним при определении полномочий органов власти и самоуправления. Крестьянские съезды выступили в качестве организаторов советов крестьянских депутатов, которые стали фактическими руководителями волостных и сельских исполнительных комитетов.

Первый политический кризис Временного правительства эхом отозвался в провинции. В Поволжье общественные силы, объединившиеся на крестьянских и общесловных съездах и собраниях, стремились взять под контроль деятельность местной администрации Временного правительства. Саратовский губернский комиссар был назначен общественным исполнительным комитетом и все свои действия согласовывал с начала революционных преобразований. В Пензенской и Самарской губерниях в мае 1917 г. на общесловных съездах, созванных на основе крестьянских, были смещены губернские комиссары первого призыва из председателей губернских земских управ и заменены местными деятелями общественных организаций, эсерами по партийной принадлежности. В Казанской и Симбирской губерниях назначенные в марте 1917 г. Временным правительством губернские комиссары пока сохранили за собой посты, но ситуацией на вверенных им территориях владели недостаточно. Казанский левозеровский Совет крестьянских депутатов координировал деятельность всех крестьянских комитетов губернии, поддерживая их радикальные требования по аграрному вопросу.

Глава IV

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОЕКТЫ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И МЕСТНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Революционный пересворот неизбежно сопровождается изменением основных функций, форм и уровней политической власти. В столице этот процесс затрагивает прежде всего взаимоотношения правительства и общественных организаций. На местах в него включаются органы самоуправления, представляющие социально-экономические интересы населения, которые в революции могут быть решены только политическим путем. В ходе Февральской революции в России органы самоуправления использовались Временным правительством для конструирования местной власти. В связи с этим встал вопрос о необходимости проведения первичной демократизации городских дум и земств в качестве меры переходного периода до разработки новых правил формирования институтов политической власти в центре и на местах.

Переустройство всей системы местного самоуправления на широких демократических началах осуществлялось в течение всего 1917 года. Либеральные общественные силы саму судьбу революции связывали с осуществлением местной реформы, которая должна была объединить пришедшие в движение общество и государство. В декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. формирование местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразований. Чтобы предотвратить местную самодельность в реорганизации органов самоуправления, Временное правительство 23 марта 1917 г. образовало Особое совещание, работавшее под руководством товарища министра внутренних дел С.М. Лсонтьева. В нем участвовали видные ученые, деятели земского и городского общественного управления.¹ На Особое совеща-

ние возлагалась разработка проектов законов и постановлений об изменениях земского и городского "Положений" и приспособление их к новым условиям общественной жизни. Совещание выработало следующие проекты: 1) волостного земства, волостных финансов, наказа по выборам в волостное земство в 43 земских губерниях; 2) реформы земского избирательного права, наказа по земским выборам, изменения земского положения, улучшения земских финансов, учреждений банка городского и земского кредита; 3) введения земства в Сибири и в Архангельской губернии, в Степном крае, Туркестане и других губерниях и краях; 4) реформы городского избирательного права; 5) поселкового управления и наказа по выборам поселковых гласных; 6) положения о милиции, административных судах и комиссариатах; 7) введения земства в казачьих областях и на Кавказе.²

Реорганизация власти на местах, осуществляемая Временным правительством, основывалась на стремлении сохранить приоритет центрального руководства, единообразие системы управления. Кроме того, органы самоуправления должны были подготовить население к выборам в центральные и местные структуры правительственной власти. Законодательная деятельность Временного правительства с самого начала расходилась с представлениями народных масс о необходимых направлениях изменения системы организации власти и самоуправления на местах, способах их взаимодействия. После Февраля 1917 г. в общественном сознании удивительно быстро утвердился "культ народного избрания", убеждение в том, что при "новом праве воля народа... есть высший закон страны и над постановлением народоправства никакого контроля нет".³ В формах осуществления "народоправства" правительство и народ также существенно расходились.

4.1. Городские думы и управы

Общий кризис самодержавия проявился накануне Февральской революции во всех сферах центрального и местного управления. Для провинциальных городских самоуправлений был свойственен "... обычный индифферентизм большинства гласных к общественным делам..."⁴. Представители имущих социальных групп потеряли всякий интерес к муниципальной деятельности,

т.к. думы не имели возможности влиять на решение насущных проблем социально-экономической жизни городов. "Бесконтрольное ведение городского хозяйства, продовольственная неурядица, порожденная войной, вызывали недовольство общественности работой городских управ".⁵ Сложившаяся ситуация постепенно отодвигала самоуправление на задворки общественной жизни.

После Февраля 1917 г. деятельность городских дум и управ активизировалась. Весть о падении самодержавия они восприняли как сигнал к действиям по усилению влияния местного самоуправления в обществе. По получении известий из Петрограда о взятии государственного и общественного порядка в ведение Временного Комитета Государственной Думы, городские общественные управления первыми приветствовали его и обещали "все силы долга, совести и разума отдать делу устроения светлого будущего".⁶ Во всех губерниях центральных Поволжья инициатива создания общественных комитетов для "для охраны правильного течения жизни"⁷ принадлежала совещаниям общественности, собиравшимся под эгидой городских дум и управ.

Исследователи традиционно выделяют три этапа демократизации городской общественной жизни в период функционирования Временного правительства: 1) март-апрель 1917 г. — становление новых общественно-политических объединений и изменение состава старых органов самоуправления на местах; 2) май-август 1917 г. — подготовка и проведение муниципальной кампании на основе всеобщего избирательного права; 3) август-октябрь 1917 г. — партийно-политическая борьба в муниципальных образованиях в период общенационального кризиса.⁸ Содержание деятельности городских самоуправлений в пределах названных этапов исследовано фрагментарно. Рассматривалась, главным образом, агитационно-пропагандистская работа большевиков по привлечению средних городских слоев на свою сторону при выборах в городские думы летом 1917 г.⁹ Между тем трансформация местного самоуправления, произошедшая в ходе революции, его советизация могут быть объяснены лишь при выяснении огрехов старой и преимуществ новой системы, как их понимали современники.

Городские думы и управы, выступившие в первые дни революции с инициативой организации представительных структур местной власти, как правило, самоограничивали собственную компетенцию управлением городским хозяйством. Общественные исполнительные комитеты наоборот претендовали не только на админи-

стративное управление, но и на политическое влияние в условиях формирования новых органов власти на местах. В связи с этим они заявляли, что "до издания новых законов о местном самоуправлении" готовы принять "на себя руководящую роль над органами местного самоуправления во всем объеме их деятельности".¹⁰ Реорганизация городского самоуправления в губернских центрах Поволжья проходила с разной степенью оперативности и радикализма. Это проявилось еще в период образования общественных исполнительных комитетов: чем активнее действовали комитеты, тем быстрее думы стремились демократизироваться. Советы рабочих и солдатских депутатов, заявлявшие о поддержке требований социальных групп, не представленных в цензовых думах, также подталкивали их на путь реформирования.

На процесс демократизации городских дум в марте-апреле 1917 г. влияли и общественные комитеты, и советы. Единообразия здесь не было. Поскольку советы имели представительство в комитетах, то они могли влиять на изменение состава дум через соответствующие комиссии комитетов. Чаще всего советы напрямую делегировали своих представителей в думы с целью их демократизации. Иногда комитеты и советы соперничали за влияние в думах. Это происходило в тех случаях, когда советы заявляли о своей самостоятельности по отношению к общественным исполнительным комитетам.

Наибольшую активность на начальном этапе демократизации городского самоуправления проявили общественные исполнительные комитеты. Самарский Комитет народной власти еще в первой половине марта 1917 г. выделил из своей среды комиссариат из 9 человек, который должен был руководить хозяйственной деятельностью городского самоуправления. По сути этот орган подменял собой городскую Управу. Решения по всем важным вопросам городского хозяйства подлежали обязательной санкции Исполкома Комитета народной власти. Вопросы "скорейшей подготовки реорганизации городского самоуправления на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования"¹¹ Комитет также объявил своей компетенцией. Однако в дальнейшем декларированные им намерения не получили сколько-нибудь значительного развития.

В условиях всеобщего стремления к неясным, по неизменно революционным преобразованиям думские гласные также совершали маневры с целью определения своего места в новой ситуации

распределения ролей среди общественных сил. На открытом заседании 9 марта 1917 г. Самарская городская Управа в полном составе заявила о сложении с себя полномочий "на основании того, что при новом строе все органы местного самоуправления должны быть преобразованы на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Там же была составлена формула сложения полномочий думой и управой".¹² Можно предположить, что Дума обиделась на Комитет из-за чрезмерной опеки, или осознала свой консерватизм. Но скорее всего, это был хорошо продуманный маневр, рассчитанный на то, что отставка старой Думы не будет принята новой властью из-за отсутствия необходимых навыков управления городским хозяйством у комитетчиков.

Такие демарши поставили вопрос об упразднении городской Думы и передачи ее функций или в ведение Совета рабочих депутатов, или - Комитета народной власти, который проявил в этом вопросе большую оперативность. Тогда вмешался губернский комиссар, который в телеграмме к городскому Голове заявил, что "по распоряжению Временного правительства впредь до особых распоряжений все существующие учреждения и общественные управления продолжают свои действия, а потому и вопрос о совершенном упразднении их совершенно отпадает. В тех случаях, где по местным условиям состав думы не соответствует требованиям переживаемого времени, возможно лишь переизбрание нового состава думы... и затем уже новым составом думы будут произведены выборы состава управы...".¹³ В соответствии с этой телеграммой Комитет народной власти изменил свою тактику и в этот же день, 21 марта, было принято предложение эсера А.И.Кабана о реорганизации городского самоуправления путем введения в городскую Думу 60 гласных - нецензовиков. Выборы было поручено осуществить Совету рабочих депутатов.¹⁴ Известно, что советы в это время придерживались доктринерской тактики умеренных социалистов о буржуазном характере власти в России¹⁵ и видели свою задачу в осуществлении контроля за ней.

11 апреля состоялось собрание представителей общественных организаций в г. Самаре по вопросу о пополнении демократическими элементами состава Думы. Решено было предоставить места в Думе следующим группам: рабочей - 12, военной - 12, местным мещанам - 12, нецензовым организациям - 12, общественным организациям - 12 и интеллигенции - 12. Выборы были назначены на 15 апреля 1917 г. Совет депутатов общественных организаций

утвердил инструкцию выборов в городскую Думу, по которой организации чисто цензовые исключались из числа выборщиков, а в смешанных — участвовать в выборах могли только нецензовые элементы. Избранными в Думу могли быть только нецензовики.¹⁶ Ценз в Самарскую городскую Думу до Февральской революции составлял 1000 руб.¹⁷

По поводу демократизации городских дум из Министерства внутренних дел на имя губернских комиссаров Временного правительства была послана телеграмма. В ней разъяснялось, что “все ныне допускаемые меры для демократизации существующих собраний и управ должны как временные отпасть после новых общих на единообразных началах проведенных выборов”.¹⁸

Темпы демократизации городского самоуправления зависели прежде всего от активности общественных сил в той или иной местности. Взаимоотношения представителей царской администрации и городских дум до Февраля 1917 г. также накладывали отпечаток на ход и направления их действий в первые дни революции. Характерна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Саратове, где губернатор Тверской твердо и властно управлял вверенными ему делами, а городское самоуправление было полностью ему подчинено. Поэтому, когда вечером 1 марта 1917 г. состоялось частное совещание Саратовской городской Думы в присутствии 50 гласных, прибывший губернатор потребовал от собравшихся, “чтобы радость и ликование, испытываемые вами в эту минуту, не прорвалось наружу и не вышло бы на улицу и чтобы нарушенное спокойствие не послужило бы на радость нашему врагу”. Далее он заявил, что “поставлен Высочайшим указом... и другой власти не знает и употребит все усилия, чтобы сохранить порядок”.¹⁹ Затем губернатор покинул зал, а гласные перешли в кабинет городского Головы и стали келейно обсуждать события. Вели они себя при этом робко, рассуждали о временном характере Комитета Государственной Думы, предлагали подождать, когда он передаст кому-то власть.²⁰ Наконец, замешавший место городского Головы А.А.Яковлев предложил “выбрать комиссию для составления воззвания”, включив в нее “кого угодно”, а вернувшиеся от губернатора депутаты сообщили, что он, наконец, разрешил печатание телеграммы о революционных событиях в Петрограде.²¹

После того, как губернатор “отдал приказ об удалении полиции из редакций газет”, участники частного совещания “поздно вечером созвали объединенное собрание городской Думы и пред-

ставителей общественных учреждений и организаций”, где вновь зачитывали телеграмму из Петрограда об образовании и составе “Исполнительного Комитета Государственной Думы”.²² Только когда в дебаты вмешались представители рабочих и солдат, встал вопрос о выяснении места и роли городского самоуправления в ходе начавшейся революции. Выступивший “от рабочих Васильев заявил, что именно та улица, на которую указал губернатор, может спасти страну” и призвал к созыву Учредительного собрания. Представитель от студенчества “всцело присоединился к резолюции товарищей-рабочих”, а “представитель от портных Степанов произнес агитационную речь”, после которой некоторые гласные покинули зал со словами: “Мы пришли на собрание, а не на митинг”.²³ Только делегат от Военно-промышленного комитета и биржевого общества выступил с конструктивным предложением послать “в Думу своего представителя для поддержания порядка в городе”.²⁴

Вечернее заседание гласных Думы и представителей общественных учреждений переросло в ночные бдения. Все ораторы в той или иной форме призывали к созданию общественного комитета, который временно взял бы на себя руководство в губернии.²⁵ 2 марта 1917 г. в час ночи собравшиеся решили избрать Исполнительный Комитет. В результате подсчета голосов по розданным 82 запискам в него вошли: 5 человек – от городской Думы; 4 – от общественных организаций; по одному от кооперативов и железной дороги. От Совета рабочих депутатов в Комитет было избрано 5 представителей.²⁶ После закрытия заседания “в 1 час 45 мин. ночи сразу же остался работать избранный Общественный Исполнительный Комитет”²⁷, который впоследствии дистанцировался от Думы.

Пока Саратовская городская Дума приравнивалась к новым реалиям революционных преобразований, Саратовский ОГИК ежедневно расширяя свой состав, стал осуществлять функции и власти, и самоуправления. 13 марта 1917 г. частное совещание гласных Саратовской городской Думы обсуждало вопрос о необходимости демократизации. Одни предлагали “вливать в состав Думы Исполнительный Комитет, т.к. там представители от всех общественных организаций”; другие – “произвести новые выборы Думы на основе всеобщего избирательного права”; третьи заявляли, что “вопрос этот общегубернский и общероссийский”.²⁸ В результате на совещании была избрана комиссия, которой поручили разработать принципы демократизации Думы.²⁹

16 марта 1917 г. на заседании Саратовской городской Думы гласные сначала обсудили внешние признаки собственной демократизации и решили в "память Чернышевского повесить его портрет в зале городской Думы, прибить доски к домам, где он родился и жил, и поручить комиссии выяснить вопрос о приобретении этих домов в собственность города".³⁰ После этого гласные подробно обсудили финансовые возможности для повышения жалования служащим городской Думы, а доклад комиссии о демократизации своего состава приняли без изменений.³¹

Дума одобрила проект о включении в свой состав "представителей общественных организаций в количестве 40 человек:

1. Обществу домовладельцев – 5 представителей.
2. Обществу квартирнанимателей – 6.
3. Совету военных депутатов – 4.
4. Совету рабочих депутатов – 4.
5. Обществу торгово-промышленных заведений – 1.
6. Саратовским цеховым и ремесленным обществам – 1.
7. Мещанам – 2.
8. Совету кооперативов – 1.
9. Служащим Рязано-Уральской ж.д. (кроме рабочих) – 1.
10. Учащимся высших учебных заведений – 1.
11. Учащимся средних учебных заведений – 1.
12. Учащимся низших учебных заведений – 1.
13. Союзу чиновников – 2.
14. Адвокатуре – 1.
15. Врачам, санитарам и физиолого-медицинским обществам – 1.
16. Инженерам, техникам, техническим обществам – 1.
17. Служащим городского общественного самоуправления (кроме рабочих) – 4.
18. Обществу мелкой торговли и промышленности – 2.
19. Православному духовенству – 1...

Для избрания в гласные необходимы следующие условия: а) возраст не менее 25 лет, б) проживание в г. Саратове не менее 1 года (военных не касаются оба условия)".³²

Попытка Саратовской городской Думы демократизировать свой состав за счет общественных организаций, представлявших интересы различных социальных, профессиональных групп, не имела успеха. К тому же принципом пропорциональности представительства составители проекта явно пренебрегли, выделив рабочим и солдатам всего по 4 места. Напротив, в Саратовском обществен-

ном исполнительном Комитете Советы имели солидное представительство и принимали в его работе деятельное участие. 19 апреля 1917 г. Дума вынуждена была послать в Комитет своих представителей в качестве заместителей,³³ признав тем самым его приоритет в организации власти в городе и губернии.

Интерес к деятельности Саратовской городской Думы после неудавшейся попытки демократизации был потерян в средних городских слоях. Многие свои заседания в апреле-мае 1917 г. она вынуждена была объявить частными совещаниями из-за отсутствия кворума.³⁴ После того как 24 апреля 1917 г. городская Дума выступила с осуждением антивосных митингов и демонстраций в Москве и Петрограде,³⁵ демократическая общественность потребовала отставки городского Головы М.Ф. Волкова, который вел это заседание. Гласные Думы на совещании от 28 апреля 1917 г. отмсчали, "что в настоящее время нет ни закона, ни права. Совершается грубая расправа".³⁶ Редкие заседания Саратовской городской Думы в мае-июне 1917 г. были посвящены обсуждению текущих хозяйственных вопросов, к оценке политической ситуации гласные больше не обращались.

Органы городского самоуправления далеко не всегда подвергались демократизации в первые месяцы революции. Выступив инициаторами общественных комитетов, многие городские думы и управы продолжали заниматься организационно-хозяйственными делами. Однако в условиях революционных преобразований городские самоуправления не могли оставаться в стороне от решения вопросов по реорганизации местной администрации. Чрезвычайные собрания городских дум ряда губернских центров Поволжья, созывавшиеся в первых числах марта 1917 г. для обсуждения революционных событий в Петрограде, ограничивались составлением приветственных телеграмм Временному Комитету Государственной Думы и Временному правительству.³⁷

Самостоятельных действий в организации новой власти на местах такие думы не предпринимали, а ждали указаний из центра и от губернской администрации. Так, состоявшееся 7 марта 1917 г. "Четвертое очередное заседание Пензенской городской Думы" приняло к сведению, "что один из сотоварищей по думе Леонид Николаевич Кугушев назначен новым правительством Комиссаром Пензенской губернии..., а его помощником... В.А.Герман". Собравшиеся приветствовали назначение и на этом разошлись.³⁸ 10 марта 1917 г. состоялось уже Чрезвычайное заседание Пензенской го-

родской Думы, где было удовлетворено прошение городского Головы И.П.Ашанина об отставке “по нездоровью”, а эти обязанности возложены на члена Управы А.Г.Свиныхова. Но не новый городской Голова, а гласный В.А.Герман от имени Бюро Исполнительного Комитета представил положение об организации Пензенской городской милиции, предлагая Думе обсудить степень своего участия в пей.³⁹

Казанская городская Управа, продолжая и после Февраля 1917 г. заниматься текущими организационно-хозяйственными мероприятиями, организовала специальное заседание городской Думы, чтобы довести до сведения гласных “Обращение Государственной Думы” от 7 марта 1917 г. об изменении государственного строя в стране. Участникам собрания озвучили обещания революционеров-февралистов о том, что они “накормят голодных, напрягут все силы на защиту Родины”, а для этого “крестьяне должны взять и продавать хлеб”.⁴⁰ В ответ на эти призывы гласные послали приветственную телеграмму па имя “Председателя Временного Комитета Государственной Думы Родзянко”.⁴¹ Никакой инициативы по реорганизации городского самоуправления, приспособлению его к новым условиям общественной жизни они не проявили.

Симбирская городская Управа вообще не сочла нужным собрать гласных для обсуждения революционных событий в стране. Она приняла к сведению уведомление губернского правления “о временном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов” и сообщение о том, что “князь М.А.Черкасский... сдал 6 марта управление губернией заступающему место Председателя Симбирской губернской земской Управы Ф.А.Головинскому”.⁴² Оперативные меры были приняты городской Управой для предотвращения возможных преследований в отношении представителей старой губернской администрации. 13 марта 1917 г. она выдала “удостоверение бывшему Симбирскому полицмейстеру Пикаиору Васильевичу Белоусову в том, что со стороны городской милиции к выезду его из гор. Симбирска препятствий не имеется”.⁴³ Симбирский полицейский начальник решил убраться из города, пока его не арестовали, как это произошло в некоторых соседних губерниях, а городская Управа ему в этом поспособствовала.

Наибольшую активность городские самоуправления проявили в деле охраны общественного порядка, занявшись организацией милиции с первых дней формирования новой администрации на местах. За приоритет в этой области управления они боролись

не только с общественными комитетами, советами, но даже с комиссарами Временного правительства на местах. В муниципальной милиции городские думы увидели действенный инструмент для борьбы с революционным хаосом, защиты интересов собственников вообще и хозяйственных структур в частности. Мотивировали думы свое право направлять деятельность охранных мероприятий власти прежде всего значительной долей расходов на содержание милиции, возложенных на органы самоуправления.

Вопросы охраны общественного порядка возникли одновременно с формированием новых властных структур в ходе демократических преобразований. На первых порах их пытались решать все: комитеты, советы, думы, комиссары. Приоритет той или иной структуры в организации милиции первоначально определялся степенью активности каждой из них в конкретной местности, но постепенно охранные функции были сосредоточены в органах местного самоуправления. Общественные исполнительные комитеты далеко не всегда претендовали на управленческие функции, предпочитая представительство и определение общих направлений реформирования власти. Поэтому городские думы и их исполнительные органы — управы — занимались конкретной практической работой по организации милиции.

Симбирская городская Дума на своем заседании 9 марта 1917 г. обсуждала вопрос “О городской охране” и постановила “до организации постоянной милиции на первое время войскам принять охрану города на себя, которые и исполнят обязанности милиционеров. Кроме военных любезно приняли на себя временно обязанности комиссаров (милиции. — *Н.К.*) присяжные поверенные г.г. Астахов, Козлов и Коротин, а обязанности милиционеров ученики старших классов землемерного училища, первой и второй гимназий”.⁴⁴ Все они работали пока на общественных началах. Поэтому городская комиссия обратилась к населению города с приглашением к желающим вступить в милицию, определив следующее ее содержание: “начальнику милиции 250 р. в мес., комиссарам — по 200 р., помощникам их по 125 и квартирных по 25 р., милиционерам по 50 и квартирных 11 р. с применением всех видов довольствия, которые были назначены бывшей полиции”.⁴⁵

В период замены царской администрации новыми, еще аморфными, не наделенными конкретными полномочиями властными структурами воинские части широко привлекались к поддержанию порядка там, где были размещены тыловые гарнизоны.⁴⁶ Од-

нако вскоре городские самоуправления разработали конкретные инструкции по формированию милиции с учетом местных условий и возможностей. Так, чрезвычайное заседание Пензенской городской Думы 10 марта 1917 г. обсудило схему организации милиции. В соответствии с ней "городская Дума назначает начальствующий состав милиции по рекомендациям общественных организаций"; этим принципом также "желательно руководствоваться при найме низшего милиционного персонала... Милиционеры снабжаются: а) удостоверением личности с фотографической карточкой, б) оружием (револьвер и палка установленного образца) и в) нарукавным знаком (белого цвета с инициалами "П.Г.М." – Пензенская городская милиция). Присваивается фуражка военного образца с гербом Пензенской губернии".⁴⁷

Рассматривая вопрос о содержании милиции, пензенские городские финансовая и юридическая комиссии отметили, что "в городской казне необходимой на содержание милиции суммы 27660 руб. нет" и рекомендовали "Думе ходатайствовать о принятии хотя бы части расходов за счет казны". Мотивировали они необходимость содержания профессиональной охраны тем, что "образованная Губернским Временным Исполнительным Комитетом народная милиция из граждан преимущественно воспитанников старших классов средних учебных заведений... и рядов от войсковых частей не способствовала действенной охране общественно-го порядка в Пензе".⁴⁸

Все общественные и властные структуры пытались влиять на организацию милиции, т.к. видели в ней важнейшую гарантию защиты своих интересов. Городские думы, демократизировавшиеся путем пополнения своего состава за счет советов,⁴⁹ полностью забрали в свои руки инициативу по созданию вооруженной охраны существующего порядка. Советы на самостоятельность в решении этого вопроса первоначально не претендовали. Самарские большевики, например, критиковали Совет рабочих депутатов за то, что он "не творит жизнь, а лишь идет за нею...", так до сих пор город не очищен от старых властей: (суд, городское самоуправление)... милиция плохо организована, организация рабочих дружин отсутствует".⁵⁰ Еще раньше они призывали к созданию народной милиции, которую рассматривали как "вооружение граждан для самозащиты", причем требовали вооружить "в первую голову рабочий класс, ибо ему вооруженная защита необходимее, чем кому-либо".⁵¹

Конечно, Самарская городская Дума не пошла по пути, указываемому большевиками. 14 марта 1917 г. Исполком Комитета народной власти одобрил ее проект организации милиции, по которому городская полиция в полном составе упразднялась, а «охрана города и наблюдение за внешним порядком вверяется городской милиции, организусмой городским самоуправлением за его счет, и находится в его ведении».⁵² До учреждения городской милиции задачи охраны города и внешнего порядка поручались военной милиции, во главе которой стоял начальник, избранный Советом военных депутатов из офицерского состава. «Милиционеры набираются начальником милиции из Самарского Резерва Красного Креста... в составе 400 человек и при условии увеличения таковых в зависимости от обстоятельств времени».⁵³ Разработку вопроса об организации городской милиции Дума решила поручить особой комиссии только в конце марта. Кроме того, она единогласно постановила «возбудить ходатайство об оставлении на службе чинов сыскной полиции, являющихся незаменимыми и необходимыми ввиду... краж и грабежей».⁵⁴

В отношении всего состава упраздненной полиции Дума единогласно приняла следующее решение: «Отпустить из городских средств в распоряжение г. начальника Самарской городской милиции для удовлетворения чинов, писцов и городских прежнего состава содержанием в окончательный расчет за март месяц 15026 руб».⁵⁵ Значительная сумма по тем временам выделена была, несмотря на то, что Думе постоянно не хватало средств, и специально созданная комиссия стремилась раздобыть источник хоть небольших доходов. В начале апреля городская Дума командировала гласных В.В.Ветрова и А.И.Гуркина в Петроград для личного ходатайства перед Временным правительством о выдаче городу ссуд на различные нужды. На это был получен довольно расплывчатый ответ: «Все ссуды разрешены. Взгляд на займы — дело Думы...».⁵⁶ Тем самым Временное правительство предоставило Думе самостоятельно решать финансовые вопросы.

Кардинальным решением проблемы было бы обложение имущих классов населения специальным налогом, на чем настаивали большевики. Но Дума соглашалась только на добровольные пожертвования, возможные лишь при лояльности к имущим слоям. Так, в кассу городской Управы поступило 75000 руб. от председателя Самарского биржевого комитета В.Н.Башкирова, которые были собраны по подписке среди самарского купечества. Эти деньги

Управа выдавала Комитету народной власти для оказания помощи беднейшему населению г. Самары, пострадавшему от наводнения. Средства представлялись в беспроцентный кредит, и городская Управа обязалась означенные деньги сполна возвратить Самарскому биржевому комитету.⁵⁷

Используя ситуацию всеобщих преобразований, городские думы стремились поскорее передать самые хлопотные дела, бывшие раньше в их компетенции, новым комитетам и комиссиям. С принятием 25 марта 1917 г. закона о хлебной монополии Временное правительство для заведования продовольственным делом в стране учредило продовольственные комитеты.⁵⁸ Местные самоуправления поспешили передать в продовольственные комитеты заботы по снабжению населения продуктами питания, возложенными на них в военное время с введением нормированного распределения товаров первой необходимости. Так, Самарская городская Дума в начале апреля 1917 г. утвердила проект комиссара продовольственного отдела А.В.Бородинна об организации городского продовольственного комитета. В соответствии с ним все "заботы снабжения населения продовольствием" передавались городской Управой этому комитету, в который она избирала четырех представителей. Все муниципальные лавки с товарами и продуктами передавались в ведение общества "Самопомощь".⁵⁹

Передавая вопросы закупки продовольствия и снабжения им населения продовольственным комитетам, органы городского самоуправления оставляли за собой право надзора за их деятельностью. Такая регламентация порождала различные коллизии. Функционеры в деле продовольственного обеспечения использовали ситуацию бесконечных согласований в своих целях, запутывая отчетность. Они скрывали факты злоупотреблений в снабжении населения продуктами первой необходимости, прежде всего спекуляции нормируемыми товарами.⁶⁰ Менее политизированные городские управы продолжали заниматься своими обязанностями,⁶¹ но все они требовали средств, количество которых сокращалось с развитием революционных событий.

Вопросы финансирования местных нужд, являвшихся компетенцией органов самоуправления, значительно усложнились в связи с реорганизацией власти. Формирование муниципальной милиции требовало значительных средств на ее содержание. Так, "Комитет по охране города Симбирска" 27 марта 1917 г., утверждая штат городской милиции, согласился с предложенным Думой со-

держанием.⁶² Но уже через месяц Союз симбирской городской милиции поставил вопрос об увеличении жалования в связи с дороговизной и затем постоянно поднимал этот вопрос.⁶³ При этом комиссариаты всех милицейских участков г. Симбирска выделили своих представителей в Совет солдатских и рабочих депутатов,⁶⁴ надеясь, вероятно, с его помощью оказать давление на Думу. Симбирская городская Дума прислушивалась к мнению Совета хотя и по формальным, не жизненно важным вопросам, но определявшим ее демократичность. На заседании от 17 апреля 1917 г. она постановила: 18 апреля (1 мая по новому стилю) «работы в учреждениях городского самоуправления не производить, принять участие в празднике труда, делегировать на него городскую Управу и всех желающих гласных Думы».⁶⁵

На первом этапе демократизации городского самоуправления думам пришлось считаться прежде всего с мнением советов рабочих и военных депутатов. Пензенская городская Дума 24 марта 1917 г. собралась на чрезвычайное заседание, чтобы оправдаться перед общественностью за то, что ее заподозрили в нежелательном отношении к советам. Рассмотрев «предложение Пензенского Временного Губернского Исполнительного Комитета о пополнении состава Думы представителями от Совета солдатских и рабочих депутатов», гласные постановили: «пополнить состав Думы от Совета солдатских и рабочих депутатов в числе 6 человек..., солдатских и офицерских депутатов в числе 6 человек с правом решающего голоса».⁶⁶ Затем гласные В.А.Герман и Л.Н.Кузовков стали оправдываться в том, что их неправильно поняли, когда они якобы высказывались против представительства Совета в Думе. Всего «лишь стоя на чисто правильной почве и признавая высшим губернским органом Исполнительный Комитет, они считали необходимым его сообщение об этом».⁶⁷

Такая медлительность, осторожность, стремление к соблюдению субординации и разграничению полномочий не прибавили Пензенской Думе авторитета. Она хронически запаздывала с решениями отнесенных к компетенции городского самоуправления вопросов. Комиссия для скорейшей организации гражданской милиции была образована Пензенской городской Думой только 16 мая 1917 г.⁶⁸ В условиях революции подобная индифферентность дискредитировала думы и способствовала упрочнению советов в качестве более перспективной формы городского самоуправления.

Непросто складывались отношения у городских дум и с общественными исполнительными комитетами. Стремясь руководить властными и общественными структурами на местах, исполнительные комитеты входили в противоречие не только с комиссарами Временного правительства, но и органами самоуправления. Это наглядно проявилось во взаимоотношениях общественных комитетов и дум в уездных городах, т.к. они больше были стеснены в денежных средствах, необходимых для проведения преобразований.

Думы и Комитеты часто спорили по вопросам организации милиции. Так, Цивильский городской Голова просил 27 марта 1917 г. Казанского губернского комиссара “разъяснить: должна ли городская Дума подчиняться тем из постановлений Временного городского народного Комитета, которые могут клониться к нарушению интересов местного населения, и соглашаться с определениями Комитета, отменяющими постановления Думы”.⁶⁹ По содержанию городской милиции возник спор: Комитет определил меньшие оклады жалования при большем штате милиционеров, а Дума – большие оклады при меньшем штате. Вышло такое постановление, Дума “упрекала комитет, что он не знает материальных средств города и соответствующих местных условий жизни”.⁷⁰ В ответ на такой выпад “Цивильский народный Комитет... определил: постановление городской Думы... о милиционерах считать недействительным”, т.к. она должна “подчиняться Комитету... по всем вопросам, связанным с охраной и безопасностью горожан”.⁷¹ Все эти раздоры отрицательно сказывались на деятельности местного самоуправления, т.к. насущные проблемы городской инфраструктуры не решались вовремя.

На начальном этапе демократизации городского общественного управления думы негласно выделили приоритеты в своей деятельности, стремясь сохранить влияние в социально значимых вопросах. Они сумели отстоять свое право на формирование муниципальной милиции. Другим важным вопросом, в решении которого городские самоуправления принимали участие, было установление восьмичасового рабочего дня на промышленных предприятиях. Борьба за восьмичасовой рабочий день была значительной составной частью рабочего движения в России. После Февраля 1917 г. советы рабочих депутатов требовали реализации в жизнь одного из основных лозунгов революционного движения. Городские думы, которые демократизировались за счет представительства от советов, вынуждены были рассматривать этот вопрос. В нем была заин-

гересонана также цензовая часть городских самоуправлений, т.к. она состояла из представителей торгово-промышленной буржуазии.

Совсты часто без согласования с думами объявляли о введении восьмичасового рабочего дня на предприятиях явочным порядком. Но такие действия, не имея законной силы до утверждения правительством, рассматривались как временные. Принятие согласованных решений заинтересованных сторон обеспечивало им большую значимость. Участие городских дум в выработке правил по регламентации трудовых отношений между предпринимателями и наемными рабочими узаконивало их на местном уровне.

Местное правотворчество по рабочему вопросу было скорее исключением, чем правилом в деятельности городских самоуправлений в марте-апреле 1917 г. Но там, где другие общественные организации действовали активно, думы быстрее расширяли сферы своей компетенции. Например, в Самаре к началу апреля 1917 г. рядом совместных совещаний владельцев фабрично-заводских предприятий и Совстов рабочих, военных депутатов были выработаны общие положения об учреждении заводских комитетов и введении восьмичасового рабочего дня с 10 апреля.⁷² Самарский Совет рабочих депутатов, заявляя о своем приоритете, распорядился установить восьмичасовой рабочий день с 7 апреля.⁷³ Городская Управа в докладе городской Думе в связи с этим отмечала: "с вопросом о введении 8-часового дня приходится считаться, как с фактом решенным и остается только взвесить, выдержат ли городские предприятия предстоящее увеличение расходов".⁷⁴ Управа предложила Думе утвердить следующие мероприятия: "1) установить 8-часовой рабочий день для всех служащих и рабочих городских электрических предприятий..., в праздничные дни 7-часовой рабочий день; 2) разрешить в связи с этим расход средств за счет уменьшения чистой прибыли от эксплуатации этих предприятий".⁷⁵ После краткого обсуждения Дума приняла этот проект. Здесь же был конкретизирован рабочий график "служащих трамвая", для которых вводилась "третья смена, чтобы соблюдать закон о 8-часовом рабочем дне".⁷⁶

Рассматривая основные направления первого этапа демократизации органов городского самоуправления, предпринятой в ходе революционных преобразований на местах после Февраля 1917 г., необходимо отметить догоняющий характер этого процесса. Городские думы, выступавшие, как правило, с инициативой образования временных общественных комитетов для организации новой

власти, свой состав не торопились пополнять демократическими элементами. Это отодвигало их на задний план не только при формировании местной администрации Временного правительства, но и в конкретной борьбе старых и новых органов самоуправления.

Центр общественного представительства при переходе революции на места в поволжских городах переместился в исполнительные комитеты. Думам не удалось демократизировать свой состав за счет представительства от порожденных ими же комитетов, т.к. последние считали себя более высокой инстанцией. Тогда городские самоуправления обратили свои взоры к советам. Под давлением обстоятельств и по мере организации советов в Поволжье сначала в губернских, а затем в уездных городах думы выделили для них кюоты.

В условиях революции у сохранившихся старых органов самоуправления появились новые функции, которые можно было реализовать только вместе с советами, представлявшими интересы нецензурного населения городов. Основное внимание городские думы весной 1917 г. уделили организации народной милиции с тем, чтобы сосредоточить в своих руках охранные функции власти. Другие общественно значимые для рабочих и средних слоев населения вопросы общедемократического характера думы рассматривали только под давлением советов.

4.2. Губернские и уездные земства

Демократизация земских учреждений в первые месяцы революции существенно отличалась от аналогичного процесса в отношении городского самоуправления. Среди обязательств Временного правительства, провозглашенных декларацией от 3 марта 1917 г., было проведение всеобщих выборов в органы местного самоуправления на демократических началах.⁷⁷ Однако до выборов новых органов самоуправления Временное правительство предпочло опереться на земства при формировании местных органов власти, т.к. их взгляды по этому вопросу полностью совпадали.⁷⁸ Это обстоятельство не способствовало действительной демократизации губернских и уездных земских собраний. Назначение председателей губернских и уездных земских управ комиссарами Временного правительства на местах создавало иллюзию соответствия структуры и состава земств задачам демократических преобразований. Меж-

ду тем носителями земской оппозиции, составлявшей заметное явление царскому режиму, в большинстве случаев были служащие, а не гласные земств. Председатели земских управ и вовсе рассматривались местной общественностью как адепты старого режима. В силу указанных обстоятельств земства с самого начала революции стали хронически отставать от всех других общественно-политических организаций в борьбе за влияние на ход событий. Ответственные исполнительные комитеты, образовавшиеся в первые дни Февральской революции в губернских и некоторых уездных городах, в марте-апреле 1917 г. распространили свое влияние на все уезды поволжских губерний до волостей и сел включительно. Они составили оппозицию действовавшим земским учреждениям. Однако Временное правительство предпочитало самостоятельно построить новую систему управления на местах. Органы местного самоуправления, прежде всего земства, оно считало наиболее приемлемой структурой, на основе которой можно строить новую российскую государственность. Г. А. Герасименко, исследовавший этот вопрос, считает, что «февралисты сделали ставку на земства, как социально однородные с правительством учреждения»⁷⁹ Это утверждение справедливо для земских управ. А вот состав земских собраний в поволжских губерниях был общесословным. На юго-востоке Самаро-Саратовского Поволжья в уездных земских собраниях было достаточно выходцев из крестьян. Это, конечно, не снимало необходимости демократизации земств, но земцами-цензовиками она не осознавалась в качестве первой необходимости.

Не все земские собрания, особенно уездные, отнеслись с одобрением к практике замещения должностей комиссаров Временного правительства председателями земских управ. Из Казани в телеграмме от 13 марта 1917 г. на имя кн. Львова сообщалось, что земские собрания принимают решения «должность председателя и комиссара разъединить»⁸⁰. В Самарской губернии председатель Бузулукской уездной земской управы А. Е. Жданов, назначенный уездным комиссаром, на первом же заседании Комитета народной власти высказался против совмещения этих постов. Мотивировал он свою позицию тем, что «должность уездного комиссара по духу времени должна быть выборной»⁸¹. Новые общественные организации сужали сферу влияния земских учреждений на власть, вытесняли их с арены политической борьбы. Однако Временное правительство продолжало поддерживать земства, надеясь с их помощью ввести в законное русло крестьянскую вольницу.

Использование земства в качестве базового института при строительстве новой власти в провинции после Февраля 1917 г. вряд ли можно рассматривать как ошибку Временного правительства, сделавшего ставку не на те общественные организации. Они были готовым, проверенным практикой аппаратом управления. В.И.Ленин с завистью отмечал, что Временное правительство «одержало победу необыкновенно легко в силу... следующих обстоятельств... готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях. Государственной Думе, военно-промышленных комитетах и проч.»⁸². Исследователи земства отмечали его специфическое, промежуточное положение между «народом, в среде которого работали, и администрацией, осуществлявшей контроль за всей местной жизнью»⁸³. Политические деятели Февральской революции сделали ставку на земство, считая его инструментом смятки между властью и обществом.

С самого начала демократических преобразований в земском самоуправлении проявился непопулярный в условиях революции опыт сдержанности, осторожности и основательности. В свою очередь Министерство внутренних дел Временного правительства часто отказывало земствам в несанкционированных переменах состава управ. Боясь выпустить из-под контроля реорганизацию власти на местах, оно рекомендовало воздержаться от перемен «впредь до опубликования Положения о выборах в земские учреждения»⁸⁴. Земства, не привыкшие в отличие от совстав «все брать с боя»⁸⁵, неизбежно теряли социальную базу и политическое влияние.

Временное правительство с самого начала своей деятельности заявило о необходимости земской реформы, включавшей не только изменение избирательной системы в органы местного самоуправления, но и создание мелкой земской единицы (волостного земства). Губернские земские собрания были поставлены об этом в известность. Главный комитет Всероссийского Земского союза 20 марта 1917 г. обратился к земствам с просьбой высказаться по основным вопросам, касающимся предстоящей реформы.⁸⁶ Земства Поволжья, являвшиеся зачинателями и организаторами многих важных дел, направленных на «местные пользы и нужды», откликнулись на призыв Временного правительства к конструктивному сотрудничеству.

В поволжских губерниях созывались особые совещания, где обсуждались характер, направление и сроки проведения земской реформы. В ходе их работы вполне четко проявились разногласия

по вопросам стратегии и тактики земского реформирования. Это свидетельствовало о внутреннем кризисе земств и необходимости немедленной их демократизации с целью хотя бы сохранения своего места в системе самоуправления. Некоторые уездные земства, не дожидаясь указаний сверху, начали расширять свой состав за счет новых общественных организаций, вызванных к жизни революцией.

В Поволжье, где крестьянские волнения и восстания имели давнюю традицию, земские учреждения вынуждены были быстрее реагировать на изменившуюся ситуацию в стране. Аграрное движение здесь стало фактом сразу же по получении известий о падении царского режима. Крестьяне, как всегда, стремились использовать любые изменения во власти для решения векового вопроса о "земле и воле". Наконец, в поволжских губерниях уже полвека осуществлялась массированная идейно-пропагандистская работа народнических организаций. Многие земские служащие поддерживали социалистов-революционеров.

Необходимо отметить, что активность уездных земских структур в процессе демократизации не была обусловлена степенью развития капиталистических отношений в деревне. Общедемократические ценности в их деятельности были главными, а действия по изменению состава гласных земских собраний и управ одинаковыми. Чаще всего на крестьянских съездах "избранные на местах признавали необходимым обновить весь прежний состав" земских собраний и управ, составленных "из лиц, не являющихся истинными представителями народа"⁸⁷. Определенные нюансы в ходе демократизации земских управлений зависели от личных качеств председателей земских управ и в каждом конкретном случае носили индивидуальный характер.

Некоторые уездные земские собрания изменяли свой состав, не дожидаясь никаких разрешений или запретов правительства. Например, в Самарской губернии 16 марта 1917 г. Николаевское уездное Земское собрание полностью изменило свой состав. В него вошли 64 представителя от волостей, 5 — от Совета рабочих депутатов, 5 — от военных организаций, 5 — от Исполкома народной власти, 5 — от союза женщин, 4 — от земских служащих. Была сформирована новая Управа, которая на другой день приступила к исполнению своих обязанностей. Аналогичные процессы реорганизации земств охватили все южные уезды Самарской губернии уже в середине марта 1917 г.⁸⁸

Изменение социального состава земских гласных в уездах на начальном этапе революции было связано также с образованием в них советов рабочих и военных депутатов, к которым впоследствии присоединились советы крестьянских депутатов. Земства демократизировались с появлением соперников в области самоуправления. Так, Ардатовское уездное Земское собрание Симбирской губернии 24 марта 1917 г. изменило свой состав. В него вошли представители от волостей, все из крестьян, и делегаты от Совета солдатских и рабочих депутатов. Утвержденный Временным правительством Ардаговский уездный комиссар Д.М.Филосов, бывший член уездной земской Управы⁸⁹, был уже заменен Д.Н.Богородицким, бывшим преподавателем мужской гимназии, а в заместителях у него работал В.Я.Семенов, бывший волостной писарь.⁹⁰ Таким образом, и власть, и земство демократизировали в уезде, не дожидаясь никаких указаний сверху, по собственному разумению.

Несогласие с назначением или переизбрание комиссаров Временного правительства на местах, являвшихся креатурой земств, не означало кризиса данного института самоуправления. Претензии при смене комиссаров выдвигались к конкретным лицам, занимавшим руководящие должности в земствах и скомпрометировавшим себя. Ранее обиженные и гонимые пользовались демократическими свободами, данными революцией, для сведения счетов с представителями старого режима в новой власти. Так, сельский сход Шамкинской волости Буянского уезда Симбирской губернии 18 марта 1917 г. своим приговором «единодушно постановил: просить губернского комиссара... отстранить от занимаемой должности уездного комиссара помещика Василия Львовича Персиянова, который уважением населения не пользуется»⁹¹.

Передача функций ненавистных крестьянам земских начальников уездным комиссарам еще больше усилила их подозрительность к новым носителям административной власти. На сельских сходах и волостных собраниях некоторые председатели уездных земских управ, ставшие комиссарами Временного правительства, характеризовались как «враги нового порядка», «чиновники прежнего правительства», «монархисты», «реакционеры», лица, не пользующиеся доверием населения.⁹²

С образованием общественных исполнительных комитетов, а затем их конституированием в качестве переходных представительных структур власти на местах неприятие населением назначенцев сверху усилилось. Комиссары Временного правительства,

рекрутированные из председателей земских управ, ощутили не себе вековую ненависть крестьян к помещикам, которую использовали в своих целях соперники земств в борьбе за власть. Их обвиняли по определению вне зависимости от конкретной деятельности в новой должности. Чебоксарский уездный комиссар, едва вступив в должность, столкнулся с тем, что “ссылный публицист Грасис, недовольный назначением комиссара Эннатского, доносит на него телеграммами министрам князю Львову и Керенскому”⁹³. Озабоченный начальник почты запрашивал 9 марта 1917 г. Казанского губернского комиссара, “можно ли давать Эплатскому на просмотр даваемые Грасисом депеши”⁹⁴. Ему ответили, что “новая власть о досмотре корреспонденции и ее цензуре пока никаких циркуляров не послала”⁹⁵.

В обстановке общественного прессинга некоторые председатели земских управ обращались к правительству с предложением “предоставить самому населению через комитеты всю государственную работу”⁹⁶. Казанский губернский комиссар 11 марта 1917 г. телеграфировал в МВД: “Временное правительство Царевкокигайское земство встретило в большом бессилии. Председатель уездной земской Управы Петр Васильевич Яцерицын отказался от должности. Что делать?”⁹⁷. На сакраментальный русский вопрос ему ответили: “Выбирайте кого-нибудь из местного общественного комитета”⁹⁸.

В большинстве уездов поволжских губерний уездные комиссары Временного правительства, назначенные из числа председателей земских управ, были заменены новыми лицами, избранными исполнительными комитетами либо крестьянскими съездами. Иногда бывших председателей земских управ при отрешении от должности комиссара даже избивали или арестовывали.⁹⁹ Если по стране в целом должности уездных комиссаров сохранили к маю 1917 г. 177 председателей уездных земских управ из 439¹⁰⁰, то в Поволжье они и вовсе стали исключением, ожидающим своей очереди на замену “третьим элементом земства”.

Необходимость замены председателей земских управ на постах комиссаров Временного правительства демократическая общественность мотивировала тем, что нельзя выбирать новую власть из цензовых гласных старого самоуправления. Ссылки Временного правительства на разработку нового закона о самоуправлении не очень убеждали не только рабочих и крестьян, но даже и средние городские слои. Все они проявили желание самим творить закон,

не дожидаясь указаний сверху. Крестьяне на сходах, собраниях и съездах требовали немедленного удаления из земств гласных не по выборам, а по назначению: представителей казны, удела, предводителей дворянских обществ. В условиях революции старые противоречия между “баринном и мужиком” обострились, и земство могло сохранить свой имидж защитника общих “польз и нужд” только путем быстрой демократизации своего состава. Любое промедление было чревато отходом крестьян от земств и на местах это сознавали.

Реорганизация губернских земств осуществлялась гораздо медленнее, они были дальше от народа, консервативнее, чем уездные, по составу и взглядам. Земские служащие, привлекавшиеся к работе особых совещаний по вопросам демократизации местного самоуправления, выступали за немедленную реорганизацию губернских земских структур, т.к. этот процесс уже шел естественным путем снизу. Самарское особое совещание по реорганизации губернского земства, открывшееся 8 апреля 1917 г., было посвящено главному вопросу: “нужно ли проводить реформу земства сейчас, не дожидаясь, когда будет опубликован декрет Правительства”¹⁰¹. Выражая мнение большинства делегатов совещания, служащий Самарского уездного земства М.И.Лукин заявил: “сверху мы никогда не получим хорошей реформы”. Он предложил демократизировать состав губернского земства, “который, несомненно, будет работоспособней и лучше поймет задачи момента”¹⁰². Собрание большинством голосов приняло это предложение, постановив начать выработку земской реформы, которая будет действовать до нового закона Временного правительства.¹⁰³

Народная инициатива по обновлению земств вынудила Временное правительство 24 апреля 1917 г. телеграфировать на места, “что земские собрания, в случае надобности, могут быть временно пополняемы представителями демократических слоев населения”¹⁰⁴. На основании этой телеграммы дополнили свой состав даже те земства, которые не решались проявлять инициативу без разрешения центра. Саратовское чрезвычайное губернское Земское собрание 18 мая 1917 г. решило вопрос о демократизации своего состава следующим образом: “в состав его, кроме старых губернских земских гласных, вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях”¹⁰⁵.

В объяснительной записке губернскому комиссару Саратовская губернская земская Управа представила механизм преобразова-

ния губернского Земского собрания, ссылаясь на “постановления съезда представителей уездных и губернских исполнительных Комитетов”. В соответствии с ним “существующие уездные земские собрания сохраняют свои полномочия и пополняются в определенном количестве представителями от волостных собраний, от городов, а также от местных исполнительных общественных комитетов, военных комитетов и советов рабочих депутатов. Обновленные таким образом уездные земские собрания выбирают гласных в Губернское земское собрание в таком числе, в каком каждый уезд представлен на Губернском собрании по действующему расписанию, т.е. число гласных... увеличивается вдвое”¹⁰⁶.

Под контролем низовых общественных организаций земские самоуправления не только пополнились демократическими, но избавлялись и от цензовых элементов. То же Саратовское губернское Земское собрание решило, что “лица, участвовавшие в земских собраниях только на основании особых привилегий, присвоенных им старой властью свергнутого правительства, не могут уже участвовать в этих учреждениях”¹⁰⁷. Прежде всего были лишены представительства в земствах дворянские общественные организации. Уездные предводители дворянства “как не гласные по избранию населения, а участвовавшие в земском собрании “ex officio” по должности, не были приняты в расчет при выборе губернских гласных на уездных собраниях”¹⁰⁸. “Такое соображение уездных земских собраний, по мнению Губернского земского собрания, является вполне правильным, так как... прежняя власть совершенным государственным переворотом несомненно упразднена”¹⁰⁹. Свою реорганизацию и приспособление к нуждам “текущего момента” Саратовское губернское земство объясняло не только требованиями времени. Оно следовало “точному смыслу резолюции съезда представителей исполнительных комитетов”, который высказался за “пополнение состава гласных... по всей губернии единообразно в размере 100%”¹¹⁰. Никаких процентных соотношений съезд не указывал.¹¹¹ Они содержались в указаниях Временного правительства. Объединив рекомендации сверху и резолюции снизу, Саратовская губернская Управа заявила, что она “поступила правильно”¹¹². По сути, земство отстаивало собственное видение процесса реорганизации местного самоуправления. Оно настаивало на сочетании старых форм и нового содержания своей деятельности.

В специальной литературе распространено мнение, что земства в 1917 г. стали прибежищем консервативных сил. Современные

исследователи опровергают эту точку зрения. Они убедительно доказали, что земства весной 1917 г. всеми силами пытались избавиться от контрреволюционных элементов.¹¹³ Например, в Казанской губернии “сосдиненное собрание Цивильских уездных комитетов общественной безопасности и продовольственного в составе 64 членов одиннадцатого мая пополнило уездное Земское Собрание... Первым Чрезвычайным Земским Собранием нового состава... выражено недоверие “председателю Земской Управы Абальмову”. Ему “как комиссару было выражено недоверие городским народным Комитетом еще в марте месяце и уездным Комитетом в апреле. После него был избран новый Комиссар... Абальмов не пожелал сложить обязанности председателя Управы, несмотря на недоверие, выраженное представителями всего населения”¹¹⁴. Озабоченный председатель данного “Земского собрания граждан Маландин” опасался “волнений и беспорядков” в уезде по этому поводу и просил “Министра Внутренних дел князя Львова... разрешить выбрать других лиц”¹¹⁵.

Далеко не все земства были законопослушны и испрашивали разрешения у Временного правительства на переизбрание руководителей органов местного самоуправления. Наоборот, изгнанным с должностей уездных и губернских комиссаров не удалось удержать за собой и постов председателей земских управ. Одни уходили добровольно, другие под давлением общественности. Одновременно с началом демократизации земских собраний изменился состав земских управ. Это происходило не только за счет пополнения их состава, но и избрания председателей из числа новых нецензовых гласных.¹¹⁶ Данные меры вызвали протест Временного правительства вплоть до угроз закрытия кредитов ослушавшимся земствам, но стихийный процесс их демократизации не прекратился.

Демократизация губернских земских управ в Поволжье началась вслед за уездными в апреле и завершилась в конце мая – начале июня 1917 г. Формы этого процесса зависели от степени активности тех или иных общественных объединений. В Самарской и Саратовской губерниях пополнение губернских земских управ осуществлялось под эгидой общественных исполнительных комитетов, организованных по принципу коалиционных правительств. В этих губерниях консервативные элементы под давлением советов и комитетов вытеснялись из состава земских собраний и управ. Их место заняли агрономы, врачи, учителя, юристы, земские служащие различных специальностей. Советы рабочих, воспи-

ных, крестьянских депутатов не только имели свое представительство в губернских земских собраниях, но и принимали участие в работе земских комиссий.

Самарское чрезвычайное губернское Земское собрание, начавшее свою работу 6 июня 1917 г., утвердило новый состав гласных в количестве 135 человек против 64, действовавших до этого. Из него были удалены все гласные по назначению: 8 предводителей дворянств, 7 председателей старых уездных земских управ, 3 представителя дореволюционных ведомств.¹¹⁷ Среди избранных в губернское Земское собрание «преобладали крестьяне, среди которых интеллигенция и небольшая группа рабочих»¹¹⁸. Значительно изменился также состав Самарской губернской Земской управы — после перевыборов свои полномочия сохранили в ней лишь три члена¹¹⁹ для сохранения преемственности работы земских управ¹²⁰. Большинство новых гласных, вошедших в состав Самарского губернского земского собрания, по партийной принадлежности были эсеры, значительно меньше было кадетов за счет сохранивших свой статус старых земских гласных.

Саратовское чрезвычайное губернское Земское собрание, «созывавшееся на 18 мая, было сконструировано таким образом, что в состав его кроме старых губернских земских гласных вошло столько же новых губернских гласных, избранных на пополненных демократическими элементами уездных земских собраниях»¹²¹. Оно также утвердило неременное требование уездных земских собраний об удалении из земств должностных лиц, утвержденных «на основании особых привилегий..., присвоенных им старой властью свергнутого правительства»¹²². Большинство в реформированном Саратовском губернском земском собрании, как и в Самаре, принадлежало умеренным эсерам. Многие из них примыкали к народным социалистам, создателям Крестьянского союза. Весной 1917 г. Крестьянские союзы были организованы по всей Саратовской губернии, но они не выдержали конкурентной борьбы с крестьянскими комитетами.¹²³ Однако в Саратовском земстве эсеры сохранили свое влияние.

Крайне напряженные отношения сложились между властью и обществом в связи с демократизацией Казанского губернского земства. Губернская земская Управа всячески оттягивала решение этого вопроса. Под давлением Казанского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и при непосредственном участии его крестьянской секции губернский Комитет обще-

ственной безопасности выработал план преобразования земства. В соответствии с ним из состава губернского Земского собрания удалялись все гласные по назначению, председатели уездных управ. Вместо них места предоставлялись новым общественно-политическим организациям: от Совета крестьянских депутатов – 75 человек, рабочих и солдатских – 12; политических партий – по 2 от каждой, губернских организаций местных народностей – по 2 от каждой, профессиональных союзов – по 2 от каждого.¹²⁴

Казанское чрезвычайное губернное Земское собрание, исходя из требований широкой общественности, 23 мая 1917 г. избрало новый состав губернской земской Управы. В ней не оказалось ни одного лица, работавшего раньше в губернном земстве, зато появились представители левых эсеров и даже председатель Мусульманского социалистического комитета М.Вахитов.¹²⁵ Такое радикальное обновление Казанского земства вызвало резко негативную реакцию Временного правительства. Оно немедленно предписало Министерству финансов закрыть кредиты Казанскому земству во всех казначействах Госбанка.¹²⁶ После долгих разбирательств с середины июня 1917 г. новый состав Управы смог приступить к работе, но деньги ей по-прежнему не выдавались теперь уже по причине общего расстройтва финансов.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где общественные комитеты находились под контролем губернских комиссаров Временного правительства, земства пополнялись по инициативе местной администрации. Соотношение между властью и самоуправлением здесь было иное – не комитеты, а земства объявлялись высшими представительными органами власти. Такая система позволяла сохранить однородность социального состава представительной и исполнительной власти на местах. Этот баланс не мог сохраняться долго в условиях развивающейся революции, но он и создавался как временный.

В Симбирской губернии на съезде уездных комиссаров и председателей земских управ 6-8 мая 1917 г. “высшим губернским органом власти” было объявлено “общее губернное земское собрание. Высшим губернским исполнительным органом – губернский исполком во главе с комиссаром, избранным губернским земским собранием”¹²⁷. В соответствии с этим решением в мае 1917 г. осуществлялись выборы в Симбирское губернное земское собрание, для пополнения которого были определены квоты от различных общественных организаций и самоуправлений. Ценовой состав

губернского земского собрания сохранялся, а кооптированные представители советов и комитетов меняли его состав в незначительной степени. Например, новые гласные от Симбирского городского самоуправления, которому выделили 6 мест в губернском земском собрании¹²⁸, были представителями “демократического блока (в основном кадеты. — Н.К.), а все социалисты от эс-деков до эс-ров забаллотированы”¹²⁹. Такая система формирования высшего представительного органа губернии почти не оставляла шансов для пополнения его за счет рабочих и крестьян, что отталкивало их от земства. Открывшийся 25 мая 1917 г. Симбирский съезд продолжал свою работу более месяца.¹³⁰ Но не он, а губернский крестьянский съезд, проходивший в июле 1917 г., принял решение по актуальным вопросам местного самоуправления.

Пензенский губернский исполнительный комитет в ходе организации новой власти стал исполнять административно-управленческие функции при губернском комиссаре Временного правительства. Его тактика в вопросах демократизации местного самоуправления соответствовала указаниям Временного правительства. В связи с этим “столкновения на почве демократизации земских собраний и управ между советами и земствами происходили в Пензенской... и ряде других губерний”¹³¹. Совецание уездных комиссаров и представителей исполнительных комитетов, состоявшееся в Пензе 6-7 апреля 1917 г., разработало принципы избрания уездных исполнительных комитетов.¹³² На земства эти способы губернская администрация не распространяла. Пензенский Совет рабочих депутатов потребовал своего представительства во всех органах местного самоуправления. Однако губернская земская Управа, ссылаясь на указания МВД воздержаться от перевыборов до опубликования Положения о реформировании земских учреждений, не спешила пополнить свой состав демократическими элементами.¹³³ Новый состав Пензенской губернской земской Управы был набран 15 мая 1917 г. на губернском крестьянском съезде, взявшем на себя учредительные функции в отношении местной власти и самоуправления.¹³⁴ В сложившейся ситуации Пензенское губернское земство заметного влияния на местную политическую жизнь не оказывало, продолжая заниматься исключительно организационно-хозяйственными вопросами. Между тем в Пензенской губернии “власть складывалась под диктатурой крестьянства”¹³⁵, ее объявили “Кровиштадтом на суне”¹³⁶. Таким образом, Пензенское земство, утратив свое влияние на формирование власти в губернии,

потеряло возможность осуществлять самостоятельную социально-экономическую политику.

В ходе первого этапа демократизации земского самоуправления регламентирующая деятельность Временного правительства была направлена на сдерживание местной инициативы, игнорирование правотворчества общественно-политических объединений, возникших в ходе революции. Это порождало неадекватную реакцию центрального руководства в отношении не только "творящих произвол" советов и комитетов, но и местных органов власти. Губернские и особенно уездные комиссары Временного правительства, большинство которых в Поволжье весной 1917 г. было переизбрано общественными комитетами или крестьянскими съездами, постоянно находились между "молотом и наковальней". Окрики и запреты сверху, давление снизу приводили в итоге к бездеятельности местной власти. А земство разделяло ее судьбу. Министерство внутренних дел в телеграммах, посланных губернским комиссарам в конце апреля 1917 г., еще раз подчеркнуло, что пополнение гласных представителями демократических слоев населения допустимо лишь в виде временной меры¹³⁷.

На местах на циркуляры Временного правительства часто внимания не обращали, а его угрозы закрыть кредиты нарушившим правила земствам имели результат, противоположный ожидаемому. Ограничивая бесконтрольную демократизацию земств, Временное правительство, само того не желая, подрывало к ним "доверие широких слоев населения"¹³⁸, на которое рассчитывало. Многие крестьянские комитеты требовали полного удаления цензовых гласных из уездных земских собраний.¹³⁹ Протесты со стороны губернских и уездных комиссаров, под контроль которых перешла деятельность местных самоуправлений, еще больше обостряли ситуацию и даже способствовали антиземскому движению. Образовавшиеся вслед за губернскими уездные советы крестьянских депутатов координировали деятельность крестьянских комитетов по радикальному обновлению земств. Так, в Мокшанском уезде Пензенской губернии под эгидой Совета крестьянских депутатов объединились все общественные организации и объявили бойкот старому земству, где "большинство оставалось за цензовыми работниками"¹⁴⁰. На Саратовском уездном Земском собрании крестьянские гласные потребовали удаления из состава земства всех цензовиков и замену их делегатами от волостей.¹⁴¹

В Самарской губернии, где комитеты народной власти весной 1917 г. объединяли все демократические силы, борьба с цензовым

земством осуществлялась наиболее радикальными методами. Ставропольский уездный съезд представителей от волостей, рабочих и солдат принял решение вообще устранить от дел прежнюю земскую Управу, а ее функции передать Комитету народной власти.¹⁴² На возражения уездного комиссара о незаконности подобных действий съезд отстранил и его от власти. Угрозы Временного правительства о закрытии кредитов Ставропольскому земству не могли возыметь должного действия. Губернский комиссар, на которого направил свой гнев заместитель министра внутренних дел Леонтьев по поводу самоуправства общественных организаций, при всем желании не мог изменить соотношение сил в пользу действующей власти. Самарский губернский Комитет народной власти рассматривал губернского комиссара как подотчетное ему лицо.¹⁴³

Приведенные факты обскурантизма по отношению к распоряжениям Временного правительства, касавшимся процесса демократизации местного самоуправления, были характерны для многих уездных земских собраний. Губернские земские собрания в Поволжье с большей покорностью следовали указаниям Временного правительства и на первом этапе демократизации сохранили цензовый состав, лишь пополнив его демократическими элементами. Такой разницей в способах и методах демократизации не привел к конфликту земств по вертикали, т.к. в условиях революции происходила самоидентификация земских структур в пределах своего территориального влияния. Но Временному правительству, стремившемуся на основе демократизированных по его плану земств выстроить новую систему централизованной власти снизу доверху, не удалось приспособить их в качестве основы новой государственности.

Центр хронически отставал в своей политической деятельности от революционной инициативы на местах. В начале апреля 1917 г. в губернии поступает предписание Временного правительства о том, что "аресты чинов губернской администрации, корпуса жандармов и полиции" были произведены незаконно и их "надлежит тотчас же освободить"¹⁴⁴. А в это время в Поволжье уже изгоняют с должностей сначала уездных, а затем и губернских комиссаров, бывших председателей земских управ. Обновление состава гласных земских собраний и управ необходимо было подкрепить расширением компетенции земских учреждений. Однако Временное правительство, обещая расширить хозяйственную самостоятельность земств в будущем, не предполагало предоставить им возможность воздействия на политическую власть в обществе.

Подводя итоги начального этапа демократизации земского самоуправления в Поволжье, необходимо отметить некоторые особенности этого процесса на фоне общероссийских событий. Все уездные земские собрания под давлением общественных организаций осуществили демократическое обновление своего состава. Давние традиции массового крестьянского движения “за землю и волю” способствовали радикализации низовых общественных организаций, осуществлявших преобразование власти и самоуправления в сельской местности. Тактику Временного правительства, состоявшую в том, чтобы не навредить поспешными преобразованиями, местные административные структуры осуществить были не в состоянии. Они сами находились под контролем съездов, советов, комитетов.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Однако сельские и волостные комитеты дистанцировались от уездных и в еще большей степени от губернских, настаивая на немедленной и радикальной демократизации земств. Вне зависимости от степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве региона все низовые крестьянские организации стремились к “черному переделу” и пытались приспособить для этой цели земства. Земства, даже демократизованные, не способны были осуществлять радикальные требования крестьян по аграрному вопросу. Став организациями общесословными, они не могли ущемлять интересы одних слоев общества ради других, пусть и составлявших большинство.

Демократизация губернских земских собраний, и особенно управ, осуществлялась очень поверхностно и медленно. Даже в тех губерниях, где общественные комитеты (Самара, Саратов) или советы (Казань, Пенза) выступали за скорейшее пополнение губернских земств демократическими элементами, процесс этот осуществлялся формально. Цензовые элементы не только сохраняли за собой места в губернских земских собраниях, но и составляли большинство в губернских управах. Прямых рычагов влияния на губернские органы самоуправления у рабочих, солдатских и крестьянских организаций не было. Пожелания губернских общественных комитетов о необходимости демократизации органов самоуправления носили рекомендательный характер. В то же время губернские земства следовали указаниям Временного правительства, видевшего в них вполне пригодную структуру для формирования новой власти в стране.

Реорганизация самоуправления после Февраля 1917 г. показала, что ни цензовым, ни обновленным и демократизированным земствам не удалось аккумулировать силу мнения народа. В связи с этим сила власти, сделавшей ставку на земства, оказалась призрачной. Логика революции отталкивала массы от земств, стремившихся удержать их в русле законности и порядка, постепенно и осторожно в решении сложнейших проблем общественного развития. Властные структуры на местах, организованные Временным правительством из верхов земского самоуправления, с самого начала своей деятельности оказались в непримиримом противоречии с правотворчеством масс в области государственного строительства и самоуправления. В Поволжье, где сельское население не только преобладало численно, но имело значительный опыт социальной организации, срастание власти и земства толкнуло крестьян к советам, декларировавшим принципы классового представительства.

Глава V

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ПОЛЯРИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

В российской революции 1917 года аграрный вопрос по-прежнему занимал центральное место. Способы и методы его решения имели определяющее значение для судеб всех общественно-политических сил, властных структур, социальных групп и их вождей. Вопрос о власти разрабатывался в штабах партий и общественных объединений, конструировался в правительственных комиссиях, но реализовывался на практике с такими коррективами, которые часто коренным образом меняли его суть.

Аграрная революция по своим масштабам превзошла, а в некоторых регионах даже затмила городскую. Это неизбежно повлияло на политику местной власти, позиции различных органов самоуправления. В организации аграрного движения 1917 года значительную роль сыграли различные крестьянские организации, деятельность которых координировали такие объединения, как крестьянские съезды. На всероссийских, губернских, уездных крестьянских съездах обсуждался весь комплекс вопросов революционного времени, по ним принимались довольно радикальные постановления. Сами съезды являлись объектом острейшей политической борьбы, т.к. они ассоциировались с наиболее представительными общественными объединениями. Крестьяне вообще наделяли съезды правотворческими полномочиями, и они их оправдывали. На съездах не только вырабатывались и утверждались местные правила и инструкции по организации новой власти и самоуправления, но и решались коренные вопросы изменения общественного строя. Съезды рассматривали вопросы о формах собственности, прежде всего земельной, организационно-правовые механизмы управления этой собственностью, в том числе принци-

ны налогообложения. Они утверждали нормы представительства в губернские и уездные общественные комитеты, совесты, принимали решения по организации избирательной кампании в Учредительное собрание. Крестьянские съезды тяготели к сословному представительству, исключая из числа делегатов земельных собственников – будь то помещики или хуторяне и отрубники. Это обстоятельство неизбежно привело к резкой поляризации социальных сил в деревне, инициировало создание в провинции союзов земельных собственников и сельских хозяев, которые пытались отстаивать свои имущественные права от посягательств крестьян-общинников. Земельный вопрос, являясь основой общественных отношений в России, определил весь ход социальной революции 1917 года, оказал непосредственное влияние на решение вопроса о власти вообще и форме ее осуществления в частности.

5.1. Общинная революция и “правотворчество” крестьянских объединений

Все исследователи, занимавшиеся изучением революционных событий 1917 года в провинции, особо отмечали значение решенных крестьянских съездов по аграрному вопросу, их непосредственное влияние на расстановку социально-политических сил не только в деревне, но и в городе. Крестьянские съезды инициировали постановку вопроса о коренном изменении отношений собственности, т.е. оформляли правотворчество масс в революции.

Первые крестьянские съезды в губерниях Поволжья стали собираться уже в марте 1917 г. Их организаторы ставили целью довести декларации и постановления Временного правительства по земельному вопросу до крестьян, надеясь предотвратить возможные “аграрные беспорядки”. Центральная власть, заявляя об охране частной собственности, запрещении пересмотра арендных цен, перераспределении рабочей силы из числа военнопленных в помещичьих хозяйствах, откладывала решение земельного вопроса до Учредительного собрания. В целом лояльные к указаниям правительства делегаты этих съездов пожелали внести некоторые коррективы в существовавшие поземельные отношения. Объясняли они это особенностями аграрного развития в каждом отдельном регионе.

I Симбирский губернский крестьянский съезд, начавший свою работу 20 марта 1917 г., декларировал, что "окончательное решение земельный вопрос должен получить после созыва Учредительного собрания".¹ В.И. Ленин, с тревогой констатируя такие факты, писал: "Уже теперь мы видим в решениях ряда крестьянских съездов мысль обождать с разрешением аграрного вопроса до Учредительного собрания, — это победа зажиточного крестьянства, склоняющегося к кадетам".² Но тот же Симбирский губернский съезд, призвавший население "частным владельцам земель в их работах по засеву полей и сбору урожая не мешать"³, внес свои коррективы в аграрные отношения. На нем было высказано "пожелание, чтобы население воздержалось от покупки в собственность земли от кого бы то ни было", и разрешено бесплатное пользование пастбищами по усмотрению волостных комитетов, по соглашению с заинтересованной стороной.⁴

Волостные комитеты без всякого согласования с земельными собственниками повсеместно стали устанавливать "слишком низкую арендную плату".⁵ Кроме того, они посылали запросы в губернские органы власти и самоуправления, спрашивая: "Можно ли на основании решения губернского крестьянского съезда 20-21 марта отобрать волостным сходам земли частных владельцев и помещичьи?"⁶ Не ограничиваясь пожеланиями и запросами, крестьяне уже в апреле 1917 г. стали на сходах принимать приговоры "О передаче частновладельческой и уездной земли в их собственность, ссылаясь на постановление губернского съезда".⁷

Один из лидеров симбирских эсеров А.Р. Сенчев, анализируя ситуацию в деревне весной 1917 г., отмечал: "Несмотря на постановления крестьянского съезда о том, что свое решение земельный вопрос должен получить в Учредительном собрании, в деревнях и селах начались уже самовольные захваты крестьянами частновладельческой земли и самовольная рубка лесов".⁸ Канцелярия губернского комиссара вынуждена была рассылать по всей губернии разъяснения о том, что "постановления съезда 20-21 марта являются только пожеланиями собравшихся и никакой законодательной силы не имеют".⁹ Данные факты наглядно подтверждают, что крестьяне в своем стремлении к ликвидации помещичьего и другого частного землевладения опирались даже не на конкретные решения съезда, а на сам факт его созыва, полагая, что крестьянский съезд имеет право и должен решить аграрный вопрос в их интересах.

Первый Самарский губернский крестьянский съезд, проходивший 25-29 марта 1917 г., в своих постановлениях также окончательное решение земельного вопроса отложил до Учредительного собрания. Однако делегаты съезда заявили о своих претензиях на участие в выработке аграрного законодательства, считая, что "формы перехода земли в руки трудового народа должны быть разработаны на специальных крестьянских съездах" и "окончательно утверждены в законодательном порядке".¹⁰ При этом съезд специально подчеркнул, что частная собственность на землю должна быть уничтожена Учредительным собранием.¹¹ Заметим, что это требование прозвучало уже в марте 1917 г. на съезде, где делегатов из крестьян почти не было.

Принятые съездом "Временные правила о пользовании землей", декларируя необходимость отмены частной собственности на землю, предлагали подождать с осуществлением этого принципа до Учредительного собрания. В то же время незасеянные помещиками пахотные земли изымались у них и поступали в распоряжение крестьян.¹² Одновременно на съезде были приняты решения о понижении арендных цен, увеличении посевной площади, прекращении сделок по купле-продаже земли, приостановке выхода крестьян из общин на отруб.¹³ В "Правилах" говорилось также о необходимости реквизировать и передать крестьянским организациям неиспользуемый владельцами сельскохозяйственный инвентарь. Двойственный характер решений съезда вполне объясним: его организаторы стремились поддержать аграрную политику Временного правительства и одновременно расширить свое влияние в крестьянской среде.

В апреле 1917 г. вполне очевидно проявилось стремление российского крестьянства к развитию революционных преобразований аграрных отношений. Крестьянские съезды, проходившие в условиях восстания крестьян-общинников на права земельных собственников, непременно провозглашали "отмену частной собственности на землю в пределах Российской республики навсегда".¹⁴ Первый Саратовский губернский крестьянский съезд, работавший 7-10 апреля 1917 г., объявил "все земли со всеми недрами и водами достоянием народа".¹⁵

При сравнении декларативной и постановляющей частей решений Саратовского губернского съезда вполне отчетливо проявилось расхождение между революционным фразерством и конкретными делами его организаторов.

Переходя к конкретным вопросам организации землепользования, составители резолюции по аграрному вопросу заявили, что “захват частновладельческих земель до нового земельного строя, установленного Учредительным собранием, недопустим”.¹⁶ Местные продовольственные комитеты могли взять на учет и распределить между нуждающимися по установленным комитетами цепам лишь те излишки земель, которые владельцы не смогли по каким-либо причинам отдать в аренду.¹⁷ Естественно, подобные решения не могли удовлетворить крестьянство губернии. Через свои низовые комитеты они стали брать под контроль все земельные угодья в пределах административного влияния этих комитетов и перераспределять земельный фонд на уравнительных началах.¹⁸

Первый Пензенский губернский крестьянский съезд, проходивший одновременно с Саратовским, был еще радикальнее в своих решениях по земельному вопросу. Аграрная губерния старого заселения с большим числом средних помещичьих землевладений, где крестьяне испытывали острое малоземелье, с начала революции была отмечена “беспорядками и эксцессами на почве земельных отношений”.¹⁹ Сообщения, подобные тому, что “местные крестьяне начали рубить принадлежавший торговому дому Карпова лес”²⁰, начали поступать в канцелярию Пензенского губернского комиссара уже в первой половине марта 1917 г.

В этих условиях и губернский, и уездные крестьянские съезды выдвинули революционные требования по земельному вопросу. Пензенский губернский съезд, принявший 9 апреля постановление “О временных мерах к разрешению земельного вопроса”, откладывал окончательное разрешение его до Учредительного собрания и одновременно призывал крестьян не допускать разрушения материальных ценностей.

Тем не менее, “все земли государственные, удельные, дворянского, крестьянского поземельных банков, монастырские, церковные, городские и другие” съезд передавал в распоряжение волостных комитетов, “за исключением опытных полей общественного значения”.²¹

Волостные исполнительные комитеты в соответствии с “Временными мерами”, разработанными съездом, должны были заниматься всеми вопросами распределения и использования земель и инвентаря, регулировать трудовые взаимоотношения, в том числе регламентировать рабочий день сельскохозяйственных рабочих. Они же в пределах волости решали все другие вопросы админист-

ративно-хозяйственного управления.²² Данное постановление В.И. Ленин расценил как факт, имеющий гигантское принципиальное значение²³, подтвердивший, по его мнению, что крестьяне “хозяйственный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют”.²⁴

Уездные крестьянские съезды, проходившие в Пензенской губернии почти одновременно с губернским, также призывали крестьян сохранять полное спокойствие “в ожидании земли и воли, которые народу даст Учредительное собрание”.²⁵ Однако требования крестьян по земельному вопросу и на уездных съездах заключались в безоговорочной ликвидации всякой частной собственности на землю. Выступая за передачу всех земель в руки крестьян, составители резолюций по аграрному вопросу всячески пропагандировали обработку земли в товариществах.²⁶ Необходимо отметить, что, принимая подобные решения, крестьянские съезды рассматривали их не как пожелания по разрешению земельного вопроса, а как закон, который до окончательного решения Учредительного собрания должен функционировать в губернии.

Для осуществления своих постановлений крестьяне создавали соответствующие условия, ставя крупных землевладельцев в такое положение, когда они не в состоянии были обрабатывать свои земли, лишившись рабочей силы в лице арендаторов, батраков, солдатских дружин и военнопленных. Все они передавались в ведение волостных комитетов, которые, воспользовавшись таким положением землевладельцев, имели право взять их земли как необрабатываемые.²⁷ Таким образом, крестьяне последовательно и методично выживали помещиков и других крупных земельных собственников с их земель, используя постановления крестьянских съездов как законодательную основу для своих действий.

Представители местной администрации Временного правительства пытались, как могли, препятствовать распространению влияния решений съездов на крестьян, заявляя, что эти резолюции носят характер пожеланий, а не закона. С этой целью после первого крестьянского съезда в Пензенской губернии предприимчивые местные чиновники решили пойти по пути созыва уездных крестьянских съездов с тем, чтобы противопоставить их революционным решениям губернского съезда. Саранский исполнительный комитет через исполнительное бюро Совета крестьянских депутатов созвал уездный крестьянский съезд, который откладывал окончательное разрешение земельного вопроса до Учредительного собра-

ния.²⁸ Декларируя лозунг о том, “что земля должна принадлежать трудящимся на ней, съезд признает в интересах всего государства необходимым... не допускать никаких насилий и захватов земель...”²⁹ В то же время он постановил, что “земли государственные, удельные, дворянского и крестьянского поземельного банков и другие, если они не будут засеяны..., поступают в распоряжение волостного комитета”³⁰. Условия же, при которых земельные собственники не могут засеять свои земли, были обеспечены решениями губернского съезда. Крестьяне на уездном съезде не только не отменяют их, а развивают, обязывая волостные комитеты для правильного использования всех земель произвести их учет³¹, т.е. перейти к непосредственным действиям по изъятию частновладельческого земельного фонда.

Убедившись в том, что делегаты уездных крестьянских съездов так же, как и губернского, не хотят уступать своих позиций по земельному вопросу, бюро Пензенского губернского временно-исполнительного комитета по предложению губернского комиссара в начале мая разослало в уезды своих членов “для выяснения недоразумений и вопросов, возникающих на местах в связи с постановлением крестьянского съезда”.³²

Апрельский кризис Временного правительства привел к образованию нового его коалиционного состава. В связи с этим несколько изменилось отношение крестьянских съездов к политике и тактике Временного правительства. С одной стороны, стала наблюдаться тенденция противопоставления низовых, крестьянских комитетов уездным и губернским органам (исполнительной власти Временного правительства), а с другой – в руководящих органах крестьянских съездов начались дебаты о том, чтобы весь состав Временного правительства приветствовать или только министров-социалистов. Иногда на крестьянских съездах принимались решения о поддержке правительства “постольку-поскольку” в зависимости, прежде всего, от его аграрной политики.

II Пензенский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 15-17 мая 1917 г., учитывая сопротивление имущих классов, решительно выступил с подтверждением аграрных требований, высказанных на съезде. Он принял безоговорочное решение о переходе всех частновладельческих земель “на учет волостных исполнительных или земельных комитетов” и распределении их “между трудовой, не наемной силой волости”.³³ Здесь же было подтверждено решение первого губернского съезда о взятии на учет всего

частновладельческого живого и мертвого инвентаря с дальнейшим распределением его между нуждающимися.³⁴

Фактически II крестьянский съезд Пензенской губернии передал в руки организованного крестьянства земли помещиков и других землевладельцев. Это явилось юридической основой для крестьян, уже приступивших к захвату и передёлу земель. Например, председатель Керенской уездной земской управы докладывал, что «крестьяне под влиянием постановлений Пензенских губернских крестьянских съездов стали запахивать частновладельческие земли. Всего весной 1917 г. запахали яровой земли, принадлежащей владельцам, 2151 десятину».³⁵

Значение постановлений крестьянского съезда по земельному вопросу признавал и губернский комиссар Временного правительства, который в своем донесении министру земледелия отметил, «что постановления Совета крестьянских депутатов³⁶ для населения будут достаточно авторитетны, тем более, что они идут навстречу давнишней мечте крестьянства..., что какая-либо решительная борьба с самовольным проведением в жизнь этих постановлений, согласно указаниям МВД ..., будет не только крайне трудна, но и прямо невозможна»³⁷. Губернский комиссар сделал такой вывод потому, что «употребление физической силы для подавления этого движения абсолютно недопустимо, а путь убеждения, при наличии постановлений, вряд ли принесет благие результаты».³⁸

Но в силах предотвратить распространение решений крестьянских съездов губернская администрация Временного правительства пыталась все же доказать их временный характер. Для этого был мобилизован Пензенский временный губернский исполнительный комитет, который 25 мая 1917 г. разослал циркуляр, подчеркивая, что «волостные комитеты, состоящие из трудового крестьянства, лишь временно заведывают этими землями до решения земельного вопроса в Учредительном собрании»³⁹. Получив этот документ, комитеты сообщили губернскому комиссару, что приняли его к руководству и исполнению, т.к. в основу его легли положения, выработанные крестьянским съездом в Пензе 15 мая. Ни в одном подтверждении о получении циркуляра комитеты не обмолвились, что они считают временными решения по земельному вопросу.⁴⁰

В уездных и волостных центрах прошли собрания, сходы и съезды крестьян, где были обсуждены и единодушно поддержаны постановления губернского съезда, внесены конкретные пред-

ложения по их реализации⁴¹. Съезд оказал исключительное влияние на развитие аграрного движения в губернии. Губернский комиссар отмечал: “До постановления Пензенского крестьянского съезда от 15 мая с.г. со стороны крестьянского населения не проявлялось захватных стремлений, за исключением единичных случаев, но со времени указанного постановления царские земли частных владельцев, церковные и другие взяты волостными комитетами под контроль и распределены между нуждающимися крестьянами”⁴².

В некоторых уездах губернии представителям администрации Временного правительства удалось на время нейтрализовать постановления II Пензенского крестьянского съезда. Так, представитель Саранского уезда заявил в своем докладе губернскому комиссару, что “постановления крестьянского съезда в уезде не проводятся и в своей деятельности уездный комитет исходит из признания собственности на землю неотъемлемой”⁴³. Такое же сообщение прислал и представитель Чембарского уезда⁴⁴. Необходимо заметить, что в официальных отчетах уездные комиссары часто искажали действительность, чтобы не показать свою беспомощность в борьбе с аграрными беспорядками.

Некоторые уездные комиссары пытались привлечь общественность для урезонивания крестьян. Чембарский комиссар докладывал: “Часть населения уезда к частновладельческим землям, лесам, лугам и инвентарю проявила стремление к бесплатному пользованию, но благодаря принимаемым мерам со стороны комиссара милиции, уездного исполнительного, продовольственного и земельного комитетов все возникшие и вновь возникающие недоразумения улаживаются примирением сторон”⁴⁵. Методы достижения “спокойствия” в уезде наглядно здесь продемонстрированы. Да и не было согласия сторон, если землевладелец Агапов из того же уезда в своей телеграмме от 3 июня 1917 г. “просит помощи против самоуправных действий крестьян, которые захватили почти всю его землю, снимают рабочих и запрещают продавать скот. Местный волостной комитет сочувствует захватам”⁴⁶. Такие жалобы, просьбы и требования о помощи поступали во все уездные, губернские, центральные органы власти Временного правительства, а также в губернские Советы крестьянских депутатов. Землевладельцы прямо указывали, что на основе резолюций Всероссийского крестьянского съезда, дополненных постановлениями губернских и уездных крестьянских съездов и советов⁴⁷, в деревне проис-

ходит ликвидация частной собственности на землю, луга, леса, сельскохозяйственный инвентарь.

Ярким подтверждением поощрения черного передела был I съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, состоявшийся 6-13 мая 1917 г. Он обобщил уже имевшийся опыт борьбы крестьян за землю, постановления прошедших в некоторых уездах крестьянских съездов, паказы крестьян своим делегатам как на губернский, так и на Всероссийский съезды. 7 мая съезд избрал комиссию для выработки "Наказа" делегатам на Всероссийский съезд. 8 мая на объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов и делегатов крестьянского съезда произошло слияние Советов. Но оно носило формальный характер, так как крестьянский Совет работал самостоятельно, хотя и считался лишь крестьянской секцией объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы имели свои исполнительные комитеты, финансы, газеты. Деятельностью исполкома крестьянской секции Казанского Совета руководили эсеры левого направления.

По свидетельству члена исполкома И. Волкова, "работать крестьянскому Совету с Советом рабочих и солдатских депутатов было крайне трудно. Численно он нас превосходил ..., а к нашим требованиям и интересам относился с недостаточным вниманием"⁴⁸.

13 мая 1917 г. на заседании крестьянского съезда обсуждался пятый пункт "Наказа делегатам на Всероссийский крестьянский съезд". Выступавшие представители от уездов, наиболее охваченных крестьянским движением – Спасского, Лаишевского, Чистопольского, – заявили о необходимости немедленно передать все частновладельческие земли в ведение волостных комитетов. И. М. Ионенко, детально проанализировавший обсуждение аграрного вопроса на съезде, отмечал, что радикальное его решение инициировали большевики, поддержанные крестьянскими депутатами Купцовым, Меркуловым, Сорокиным, Черновым, Владимировым.⁴⁹ Однако постановление от 13 мая по земельному вопросу отражало позицию казанских эсеров-интернационалистов, лидер которых А. Л. Колегаев прямо заявил: "Землю надо отбирать организованно. Упразднить порядок пользования землей по праву собственности, т.к. при этом порядке лет через 10-15 выйдут те же помещики"⁵⁰.

Конфискационные требования содержались во многих наказах крестьян. Председатель Морквинского волостного комитета Царевококшайского уезда солдат Коведяев от имени крестьянского схода

требовал немедленной ликвидации помещичьих землевладений.⁵¹ Крестьяне Жедяевской волости Спасского уезда, Старо-Челнинской волости Чистопольского уезда, Арбанской волости Царсковокшайского уезда и другие требовали в своих наказах съезду немедленно передать все земли трудовому крестьянству.⁵²

При обсуждении земельного вопроса на I Казанском губернском крестьянском съезде дебатировались различные направления в его решении. Большая часть делегатов высказывалась за немедленную передачу всех частновладельческих земель, а также скота, инвентаря и построек в ведение волостных комитетов. Поступали даже предложения немедленного распределения помещичьих земель и инвентаря между крестьянами⁵³. Некоторые делегаты съезда пытались образумить товарищей, как это сделал Пикитин. Апеллируя к «постановлению съезда рабочих и солдатских депутатов в Петрограде», он призвал «не допускать самочинных захватов земли до Учредительного собрания»⁵⁴. Ожесточенные споры на съезде вызвал вопрос об отношениях крестьян-общинников с отрубниками и хуторянами. В конечном итоге большинство делегатов высказалось за неприкосновенность всех крестьянских земель и пока воздержалось от возврата в общину отрубников. В то же время крестьяне твердо заявили, что «земли, скупленные у отрубников в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими» и должны поступить в ведение волостных комитетов⁵⁵.

Итогом всех дискуссий по земельному вопросу в Казанской губернии было постановление съезда от 13 мая 1917 г. Оно передавало все частновладельческие пахотные земли и луга в распоряжение волостных комитетов.⁵⁶ Они же должны были взять на учет по описи весь инвентарь, скот и хозяйство помещиков. Постановление обязывало комитеты составлять подробные описи имений в присутствии хозяина или его управляющего, что делалось с целью предотвращения расхищения имущества.⁵⁷ Съезд высказался против немедленного раздела земли, но на практике это требование часто не соблюдалось крестьянами. Они не желали ждать Учредительного собрания, а взяв землю, стремились побыстрее закрепить ее за собой.

Механизм исполнения решений Казанского губернского крестьянского съезда был следующим: непосредственной организацией землепользования занимались низовые крестьянские комитеты: общественной безопасности, земельные, продовольственные. Координировали их деятельность губернский и уездные (где они были

созданы) советы крестьянских депутатов. Таким образом, Казанский губернский Совет крестьянских депутатов превратился в штаб радикальной аграрной реформы в крае, проводимой исключительно по инициативе местных революционных сил. В результате такой позиции крестьянского Совета резко обострились его взаимоотношения с меньшевистско-эсеровским Советом рабочих и солдатских депутатов, который поддержал усилия администрации по пресечению аграрных беспорядков в губернии. В результате объявленное на съезде слияние советов не привело их к единым действиям до осени 1917 года.

На уездных крестьянских съездах Казанской губернии, проходивших в мае-июне 1917 г., земельный вопрос был также в центре внимания делегатов. Они высказывались за неумолимое уничтожение частной собственности на землю, по единству о сроках реализации этого пожелания не было. В уездах с массовым крестьянским движением съезды принимали решение передать немедленно все земли "в бесплатное пользование народу через земельные волостные комитеты и комитеты общественной безопасности"⁵⁸. Такое решение приняли делегаты Спасского уездного крестьянского съезда, проходившего 28-30 мая 1917 г. В то же время Тетюшский уездный крестьянский съезд в резолюции по земельному вопросу от 25 мая 1917 г. подчеркнул, что все требования крестьян правомочно удовлетворить лишь Учредительное собрание. Прерогативы волостных комитетов съезд ограничил, заявив, что они "могут лишь отменять и изменять невыгодные для крестьян условия землепользования"⁵⁹.

Необходимо заметить, что крестьяне выбирали наиболее радикальные постановления съездов и рассматривали их в качестве конкретных указаний по решению аграрного вопроса. Например, Спасский уездный продовольственный комитет, который возглавлял большевик Г.С.Гордеев, объявил себя исполнителем решений Казанского губернского крестьянского съезда. Под его руководством "крестьяне стали отбирать и делить помещичью землю, рубить лес, отбирать весь инвентарь, лошадей, рогатый скот и снимать рабочих"⁶⁰. На Спасском уездном съезде делегатов и уполномоченных от волостей, сел и деревень, проходившем 29-30 мая 1917 г., было решено "немедленно произвести бесплатную реквизицию у помещиков плугов, жаток, железа и других сельскохозяйственных машин и орудий, нужных для обработки земли"⁶¹. Этот съезд "присоединился к постановлению Всероссийского Совета

крестьянских депутатов... в отношении немедленного отображения до созыва Учредительного собрания всех земель как у помещиков, так и у крупных собственников... и передал их в пользование народу через земельные волостные комитеты общественной безопасности"⁶². Отметим, что ни I Всероссийский съезд, ни Всероссийский Совет крестьянских депутатов таких решений не принимали. Радикальное руководство Спасского уездного съезда намеренно отождествило постановление губернского съезда со Всероссийским для придания авторитета первому. Большевики и эсеры левого направления прибегли к дезинформации крестьян, чтобы еще больше дестабилизировать социальную обстановку в стране.

Более осторожные и ответственные за свои действия крестьянские комитеты, советы и съезды руководствовались умеренными постановлениями I Всероссийского крестьянского съезда, но выражали пожелания ускорить решение земельного вопроса. Например, Чистопольский съезд крестьянских депутатов Казанской губернии, проходивший в июне 1917 г., присоединился "к резолюции по аграрному вопросу, принятой Всероссийским Советом крестьянских депутатов", но тем не менее "просит немедленного распоряжения правительства о передаче всех пахотных, помещичьих, казенных, удельных, монастырских и церковных земель в полное распоряжение волостных продовольственных, земельных комитетов"⁶³. Были и такие организации, которые осуществляли черный передел самостоятельно, без всяких ссылок на постановления съездов и советов. Так, в Лаишевском уезде в некоторых местностях отобранный у помещиков "землю комитет распределил бесплатно"⁶⁴ среди малоземельных крестьян уже летом 1917 года.

Административные органы власти пытались помешать реализации постановлений губернского крестьянского съезда, санкциониравшие организованные захваты крестьянами помещичьих земель. Они требовали, чтобы "волостные комитеты в своей деятельности руководствовались только постановлениями Временного правительства", объявляя, что "неподчиняющиеся требованиям власти лица подлежат суду"⁶⁵. Такое предписание послал 30 мая 1917 г. Лаишевский уездный комиссар Аркатовскому волостному комитету, указав, что он "не имеет права проводить в жизнь постановление общего собрания граждан об обложении частновладельческих земель теми или иными сборами как незаконное"⁶⁶. Волостные комитеты, отстаивая подобные решения, ссылались на постановление I Казанского губернского крестьянского съезда,

по сути уполномочившего их на проведение конфискационных мероприятий.

Казанский Совет крестьянских депутатов настойчиво стремился провести в жизнь решения губернского съезда, направляя и организуя действия крестьянских комитетов по изъятию помещичьих земель. При этом он не только поощрял захватные действия крестьян, но и требовал полной конфискации всей помещичьей собственности. В предписании губернского Совета крестьянских депутатов Державинскому волостному комитету Лаишевского уезда говорилось: «До сведения Совета крестьянских депутатов дошло, что волостным комитетом почему-то не все отобраны покосные луга от помещицы Легкер, что противоречит постановлению общего собрания Совета крестьянских депутатов от 13 мая с.г. А потому исполнительный комитет предлагает волостному комитету отобрать от означенной помещицы все луга»⁶⁷. В случае поступающих от землевладельцев жалоб на действия волостных комитетов Совет крестьянских депутатов, как правило, оставлял их без удовлетворения, отмечая, что они действуют «на основании постановлений Всероссийского Совета крестьянских депутатов от 25/V-1917 г. и постановления общего собрания Казанского губернского Совета крестьянских депутатов от 13/V-1917 г.»⁶⁸.

Казанская губернская администрация попыталась урезонить крестьянский Совет с помощью Совета рабочих и солдатских депутатов, более лояльного к местной власти Временного правительства. 22 июня 1917 г. губернский комиссар послал запрос в Совет рабочих и солдатских депутатов, где он пишет: «В губернии распространяется постановление Совета крестьянских депутатов от 13 мая с.г., вызывающее на местах волнения аграрного характера. Вследствие сего прошу Совет уведомить меня об его отношении к указанному постановлению Совета крестьянских депутатов»⁶⁹. Казанский Совет рабочих и солдатских депутатов осудил деятельность крестьянского Совета, санкционировавшего земельные захваты крестьян. Он отметил противозаконность постановления губернского крестьянского съезда по аграрному вопросу.⁷⁰

Против захватных действий крестьянских комитетов выступили также земства. Между руководителями волостных комитетов и представителями уездных земств «часто возникали споры по поводу раздела помещичьей земли и выполнении постановления крестьянского Совета от 13 мая с.г.»⁷¹. Губернский Совет крестьянских депутатов, осуществляя контроль за выполнением своих ре-

шений, стремился одновременно уничтожить старые, кабальные формы аренды. Он, например, предложил Спасскому уездному продовольственному комитету "удовлетворить нужды крестьян, разрешив им скосить помещичьи луга, но отнюдь не издольно"⁷². Конечно, уездное земство выступило против такого решения, как и против других самовольных изменений аграрных отношений, т.к. они нарушали все распределение земских сборов.

В тех случаях, когда крестьянские организации проявляли колебания, нерешительность и придерживались правительственных принципов в земельных вопросах, они теряли авторитет у крестьян. Сельские общества в таких случаях решали вопросы помимо этих учреждений, на сходах и собраниях переизбирали состав комитетов, вводя в них более радикальные элементы.⁷³ Общинный механизм социальных действий крестьян позволял им контролировать деятельность низовых исполнительных, земельных, продовольственных и других комитетов. От общины зависело, кого избрать в комитет, а кого нет, кого послать на съезд, какой дать наказ и как его отстаивать.

На I Казанском губернском крестьянском съезде национальные общественно-политические организации не были представлены, т.к. они оформились позднее. Наиболее крупная из них – Мусульманский социалистический комитет – инициировала созыв мусульманского крестьянского съезда. Он готовился при участии инородческой секции исполнительного комитета Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. Мусульманский съезд, работавший 3-7 июня 1917 г., основное внимание уделил обсуждению аграрного вопроса. Открывший съезд руководитель Мусульманского социалистического комитета М.Вахитов подверг резкой критике позиции татарской буржуазии, сотрудничавшей с местной администрацией Временного правительства. В своей речи он призвал крестьян объединиться с рабочими в борьбе за свои социально-экономические требования. "Рабочий класс всецело помогает вам взять землю из рук помещиков-землевладельцев, – убеждал крестьян М.Вахитов. – Получив землю, вы не забудьте, что все фабрики и заводы должны перейти в руки геросв-пролетариев. Вот в этом деле вы и должны помочь рабочим".⁷⁴

Решения, принятые мусульманским съездом по аграрному вопросу, требовали передать все частновладельческие земли крестьянству. Иначе и не могло быть. Выступавшие на съезде депутаты прямо указывали на постановление Совета крестьянских депута-

тов от 13 мая как правовую основу для ликвидации помещичьего землевладения. Организационные мероприятия для реализации этих постановлений Совет крестьянских депутатов и Мусульманский социалистический комитет проводили совместно. Между А. Колегаевым и М. Вахитовым была достигнута договоренность о совместных действиях, а заместитель председателя исполкома крестьянского Совета Ф. Хакимов разделял взгляды социалистов-мусульман.⁷⁵

Члены Мусульманского социалистического комитета участвовали в работе губернского и уездного крестьянских съездов в Казани, Свияжске, Мамадыше, Чистополе. Они вместе с большевиками и эсерами занимались пропагандистской работой среди солдат тыловых гарнизонов, отпускаявшихся в деревни на сельскохозяйственные работы.⁷⁶ Солдаты-фронтовики, матросы-бунтари и вовсе прибывали в губернию с агитационными целями. Они избирались в сельские и волостные комитеты, возбуждали крестьянские общества на разгромы помещичьих имений. Так, гельсингфорский матрос-большевик Г. М. Хаиров работал в Мамадышском уезде по заданию Мусульманского социалистического комитета.⁷⁷ Таким образом, в ходе реализации аграрных требований крестьян мы наблюдаем тесное единение всех пародностей, населявших Казанскую губернию.

Все исследователи, занимавшиеся анализом революционных событий в Поволжье, отмечали особое положение, сложившееся в Самарской губернии в результате решений II губернского крестьянского съезда, работавшего с 20 мая по 6 июня 1917 г. Этот съезд наглядно продемонстрировал активное стремление крестьян сознательно влиять на ход политических событий в стране. Организаторы съезда, умеренные социалисты-революционеры, составлявшие ядро Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, пытались удержать делегатов в рамках утвержденной исполкомом повестки. Ее содержание сводилось к обсуждению организационных мероприятий, а взрывоопасный аграрный вопрос откладывался до открытия всесословного съезда. На нем крестьянские делегаты заседали совместно с представителями других сословий, что позволяло хоть как-то умерить деревенский радикализм. Такая тактика руководителей крестьянского Совета успеха не имела.

Большинство делегатов съезда съехалось с намерением творить закон для регулирования аграрных отношений в губернии. Вот как оценивал ситуацию член губернского крестьянского Совета М. Т. Игаев: «Настало время, когда каждый человек, достойный

высокого звания гражданина, должен, внимательно оглядевшись вокруг, сказать себе и другим, что нельзя жить дальше так, как мы живем теперь. Мы тонем в бесправии и разнузданности, хаос в жизни, буйство и темное смятение в умах. Спасение страны – в разумном творчестве, в осознании порядка, организованности и права; в этом основа гражданской жизни”⁷⁸. Все попытки предостеречь крестьян о том, что “прямой и самый короткий путь часто бывает и самым трудным... и неудобным, иногда и самым опасным”⁷⁹, не имели успеха у делегатов съезда.

В ходе обсуждения вопроса о земле на II Самарском губернском крестьянском съезде выявились две точки зрения на его решение: умеренно-реформаторская и радикально-конфискационная. Осторожный, взвешенный подход проявили организаторы съезда, убеждавшие крестьян подождать с окончательным решением земельного вопроса до Учредительного собрания. В кратком докладе С.А.Волкова “О земле” были представлены общие мнения “социалистов-революционеров и министра Чернова” о том, что “вопрос об уничтожении частной собственности пока не должен быть разрешен окончательно”⁸⁰. П.Д.Климушкин в содокладе страстно обличал всковую несправедливость в пользовании землей, сложившуюся в России (не обойдя при этом вниманием, как вся эсеровская пропаганда того времени, фривольные нравы двора Екатерины II). Он предложил “все земли... взять в ведение волостных комитетов под учет..., но не раздел, не захват”⁸¹. Выступивший вслед за ним И.М.Брушвит заявил: “Земля должна перейти к крестьянству, переход нужно начать осуществлять немедленно. Но сейчас нельзя переделывать землю, т.к. солдаты кинутся, фронт немцы прорут. Россия погибнет, если будем разбирать, кто что может”⁸².

Развернувшаяся на съезде дискуссия о сроках ликвидации частной собственности на землю опрокинула все расчеты эсеро-реформаторов на поэтапное решение вопроса. Симпатии собравшихся вызывали только предложения немедленного и радикального изменения всех земельных отношений – и старых, и новых. Показательно в этом плане выступление делегата Иванова, заявившего, что в докладе Волкова по земельному вопросу не предлагаются конкретные меры по его решению, а “льются крокодиловы слезы о культуре помещичьих полей”. И далее оратор с возмущением продолжил: “Кто же это плачет? Плачут это те же буржуа и кадеты, которые разъезжают по деревням и селам со своей агитацией. Если же говорить о культуре, как о таковой, то чьими же руками

производилась культура помещичьих полей. Теми же мозолистыми руками. Будут у крестьянина средства, будет и культура, он создаст ее". Еще более непримирим он к владениям хуторян и отрубников: "Введение отрубного хозяйства – это ставка на сильных. Ее поставил Столыпин. Столыпин убит как злодей народа, будет убито Учредительным собранием и его детище, то есть отрубное хозяйство".⁸³

После таких "зажигательных", по радостному утверждению делегата Лукьянова, речей руководители президиума съезда вынуждены были оправдываться в своих намерениях, заявлять, что и они против "юридического права собственников на землю"⁸⁴. Лавирование эсеров было использовано большинством крестьянских делегатов съезда для дальнейшего на них давления с целью образования новой комиссии для решения земельного вопроса в радикально-конфискационном плане по отношению к любым формам частной собственности. Выступая с решительной критикой выдвинутых эсерами предложений по временной стабилизации земельных отношений до Учредительного собрания, делегат Егоров заявил: "Плаги за землю частным владельцам недопустима..., если мы будем откладывать решение земельного вопроса до Учредительного собрания, как предлагают гг. Климушкин, Брушвит и др., то будет ли от этого лучше... Нам всегда говорят "потом, потом, потом", а теперь до Учредительного собрания. ...С этой землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя"⁸⁵.

Это был явный намек на разглагольствующих эсеров. Требования крестьянских депутатов о немедленном решении земельного вопроса поддержали на съезде и представители гарнизонного Совета крестьянских депутатов, заявив, что "передача земли в руки трудового народа должна быть немедленной"⁸⁶. В своих выступлениях крестьянские депутаты опирались непосредственно на указы о земле, выработанные на сельских сходах, волостных съездах, ротных и полковых собраниях в гарнизонах. Эти указы вручались делегатам как II губернского, так и I Всероссийского крестьянских съездов. Так, в своем наказе делегату от Бряндинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии крестьяне в §2 записали: "Вся земля, как-то: казенная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная и частновладельческая должна принадлежать трудящемуся народу, т.е. тем, которые обрабатывают ее своими руками". Крестьяне требовали также "помощи для обзаве-

дения земледельческими орудиями, рабочим скотом"⁸⁷. Крестьянские делегаты Самарского уездного съезда были не столь решительны в своих постановлениях по аграрному вопросу, принятых 17 мая 1917 г. Однако и они считали необходимым "довести до сведения Временного правительства о прекращении всяких сделок по купле-продаже, об отмене всех старых арендных контрактов и принятии необходимых мер "для временного разрешения крестьянского вопроса, особенно в тех районах, где тяжелое земельное положение"⁸⁸.

Мы уже отмечали, что состав делегатов губернских крестьянских съездов, проходивших в апреле-июне 1917 г., отличался от состава первых крестьянских съездов, а также большинства уездных съездов. В период демократических свобод условия выборов на II губернский крестьянский съезд дали возможность наибольшего представительства на нем всех категорий крестьянства, причем эти выборы проводились на основе "прямого и тайного голосования всего населения Самарской губернии, за исключением Самары и уездных городов, в возрасте от 18 лет, без различия пола, национальности, вероисповедания"⁸⁹. Облеченные доверием крестьянства губернии, делегаты съезда чувствовали себя законодателями, заявляя, что "явились сюда не ждать, чтобы преподнесли закон, а сами должны создавать закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит"⁹⁰. Они же заявили: "Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает"⁹¹. В результате категорического требования немедленной передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, эсеры вынуждены были на съезде изменить свою тактику по аграрному вопросу, чтобы не потерять доверия среди крестьян. Они предложили избрать земельную комиссию по выработке правил пользования землей до Учредительного собрания, в которую вошли по 5 делегатов от каждого уезда, по 1 представителю от социалистических партий, по 1 человеку от городов губернии и все докладчики по основным вопросам повестки съезда.⁹²

Перед съездом вынужден был оправдываться и губернский комиссар. Интересен в этом отношении следующий факт: 25 мая на съезде был зачитан циркуляр Временного правительства от 3 мая 1917 г., в котором предлагалось вести решительную борьбу с земельными захватами на местах самыми крутыми мерами вплоть до вмешательства прокурора. Комиссар заявил, что "жалобы, которые поступали с мест, всегда отсылал для разбора на места, сам

же не принимал мер, ибо считал, что на месте виднее, кто прав, кто виноват..., к прокурору не обращался ни разу, ибо... это не его дело"⁹³. Крестьянские же делегаты на съезде в связи с обсуждением данного циркуляра прямо заявили, что "спорные вопросы о земле должен решать не один человек, а Совет крестьянских депутатов"⁹⁴. Эсеры тоже выступили с критикой данного циркуляра, отметив, что "местные комитеты не считают с распоряжением правительства, которое считает их постановления незаконными и это вполне оправданно"⁹⁵. И все же они надеялись, что новое коалиционное правительство с участием "министров-социалистов" будет лучше, а потому в поддержке ему не отказывали. На места же посылали телеграмму о том, "чтобы там не руководствовались циркулярами старого правительства, а руководствовались постановлениями мартовского губернского крестьянского съезда и постановлениями настоящего съезда"⁹⁶.

"Временные правила пользования землей", разработанные земельной комиссией под председательством эсера П.Д.Климушкина, были приняты на съезде после ожесточенных споров. Эти правила в корне подрывали основы частной собственности, т.к. передавали "все земли — частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные и вообще все земли, не обрабатываемые собственным трудом..., в ведение и под контроль земельных комитетов, а где таких нет, то Комитетов народной власти, которые и становятся от сего времени фактически их распорядителями..."⁹⁷. Приняв данные правила, руководители губернского Совета крестьянских депутатов вынуждены были защищать их основные положения, пойдя на обострение отношений с ЦК партии социалистов-революционеров и министерствами земледелия и внутренних дел Временного правительства.

Уже на съезде П.Д.Климушкин, зачитав постановление Всероссийского Совета крестьянских депутатов по аграрному вопросу, заявил: "Хотя мы и приняли в основу своих работ эти пожелания, но не целиком. В некоторых местах мы с ними расходимся коренным образом. Например, там арсенная плата вносится помещиком. Своими постановлениями Всероссийский Совет крестьянских депутатов ведет нас в яму..."⁹⁸.

В связи с победой радикалов в аграрном вопросе, утвержденной во "Временных правилах", взаимоотношения власти и общества в Самарской губернии еще более усложнились. Эсеровское руководство исполкома крестьянского Совета и губернского зе-

мельного комитета предприняло попытки “утвердить постановления крестьянского съезда, как уже проводимые на местах и воплещие в жизнь”⁹⁹. Министерства внутренних дел и земледелия Временного правительства, куда они обратились с соответствующими ходатайствами, ответили отказом. Эти постановления коренным образом расходились с указами правительства, объявившего неприкосновенность частной собственности. В ответ на это 23 июня 1917 г. Самарский губернский Совет крестьянских депутатов заявил, что “до выяснения отношения всего Временного правительства к постановлениям II Самарского губернского крестьянского съезда предлагает на местах руководствоваться только Временными правилами пользования землей, выработанными... съездом”¹⁰⁰.

Крестьянские комитеты не преминули воспользоваться предоставленными возможностями и приступили к осуществлению решений съезда. “После состоявшегося II Самарского губернского крестьянского съезда начался по губернии массовый организованный захват крестьянами частновладельческих земель... через местные земельные комитеты”, – жаловался поверенный сельскохозяйственного и торгово-промышленного товарищества Соколова и Самойлова в губернский земельный комитет.¹⁰¹ В свою очередь низовые комитеты народной власти и земельные отмечали, что “проведение на местах правил II губернского крестьянского съезда, предусматривающих удовлетворение нужд малоземельных и безземельных..., не вызвало особых осложнений, но с образованием союза посевициков, во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности, положение ухудшилось... Такие меры противодействия не установили, конечно, хороших отношений между помещиками и крестьянами”¹⁰².

Социалисты-революционеры, занимавшие все руководящие посты в Самарском Совете крестьянских депутатов, вынуждены были исполнять волю съезда. Поэтому они поддерживали низовые крестьянские комитеты, проводившие конфискационные мероприятия в отношении помещичьей собственности на землю. Таким образом, деятельность волостных комитетов координировалась не местной администрацией Временного правительства, а губернским Советом крестьянских депутатов. Эсеры при этом не только расширяли социальную основу партии, но и приобретали рычаги вхождения во власть.

Оценивая решения крестьянских съездов по аграрному вопросу, необходимо отметить несомненное их влияние на поляризацию

социальных сил в поволжской деревне летом 1917 года. Все они с большей или меньшей степенью радикализма своими резолюциями и правилами по аграрному вопросу в корне подрывали всю систему частной собственности вообще и прежде всего помещичьего землевладения. Эти решения съездов рассматривались крестьянами-общинниками как правовая база для конкретных действий, направленных на “черный передел” на основе уравнительного землепользования. Крестьяне-собственники были немногочисленны, на съездах почти не представлены, т.к. действовал механизм общинного представительства. Поэтому аграрные “Правила” съездов предопределяли возврат в общинное пользование земель хуторян и отрубников.

Временное правительство, пытавшееся удержать крестьян от насильственных действий по изъятию земли у частных собственников, объявляло решения крестьянских съездов незаконными. Это делало невозможным сотрудничество власти и общества. Местная администрация Временного правительства оказалась в чрезвычайно сложной ситуации: из центра требовали соблюдения “временной законности”, а деревня реализовывала на практике принципы “социальной справедливости”, как она их понимала. В ходе аграрного движения в Поволжье летом 1917 года сложились предпосылки для кризиса власти на местах. Это обусловило новый этап в развитии русской революции, характеризующийся расширением ее социальной базы, сменой политических сил во властных структурах.

5.2. Тактика союзов земельных собственников

Февральская революция привела к новой расстановке социальных и политических сил в России. Естественно, произошли существенные изменения в настроениях и поведении всех слоев и групп населения страны. Состав земельных собственников к 1917 году был разнородным и не представлял собой монолитную, сплоченную социальную группу. Однако помещики сумели сохранить за собой приоритеты в этих слоях общества и в сознании большинства населения страны ассоциировались с главной контрреволюционной силой. Сами помещичьи дворяне в марте-апреле 1917 г. переживали сложную гамму чувств: крайнее удивление и неуверенность в завтрашнем дне, сознание бессилия и озлобленность по отноше-

нию к крестьянам, солдатам, рабочим. Падение самодержавия, на протяжении последних трех столетий успешно охранявшего, расширявшего и защищавшего экономические и политические привилегии дворян, заставило последних искать новые пути социальной адаптации в изменившихся условиях. Уже в процессе образования новых властных структур на местах прозвучали заявления руководителей губернских и уездных дворянских обществ “работать во имя Отечества”, несмотря на революционные преобразования.

Временное правительство, новое по политической ориентации, но старое по социальному составу, способствовало появлению чувства уверенности в своем положении у имущих слоев населения. После назначения комиссарами Временного правительства председателей земских управ все дворянские и земские собрания, городские думы выразили полное доверие новой власти. Постоянный Совет объединенных дворянских обществ в телеграммах на места сформулировал тактику, которую должны были проводить дворянские общества в условиях революции. Совет рекомендовал руководителям дворянства, всем чиновникам, исполнявшим службу в местных органах власти и самоуправления, не оставлять “своей работы и при новых условиях нашей государственной жизни”¹⁰³. Далее указывалось, что “при нынешних условиях не столько важно сохранение в полной неприкосновенности форм учреждений, сколько непрерывная в них работа лиц, могущих своим примером, опытом, знаниями и доверием к ним местного населения способствовать сохранению государственного порядка и общего благосостояния населения”¹⁰⁴.

Распоряжения Временного правительства по организации власти на местах перекликались с инструкциями руководителей дворянских корпоративных организаций. В телеграмме министра — председателя правительства Г.Е.Львова от 20 марта 1917 г. губернским комиссарам предписывалось при организации волостных комитетов привлечь “местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни”¹⁰⁵. Такая позиция Временного правительства прямо указывала на его стремление не допустить развития социальной революции, ограничиться политическим переворотом. В то же время все политические силы в стране понимали необходимость преобразования аграрных отношений. Помещики предпочитали осуществить земельную реформу путем дальнейшего разрушения общинного землевладения, надеясь при этом на сближение интересов всех земельных собственников.

Т.В.Осипова, анализируя аграрную революцию 1917 года, отмечала, что в осуществлении “черного передела” были заинтересованы все слои крестьянства, но интересы отдельных его слоев не совпадали. Она считала, что только беднейшее крестьянство было заинтересовано в отмене частной собственности на землю и перераспределении ее по количеству членов семьи. Крестьян-землевладельцы, “требуя отмены классовых привилегий помещиков и сословных ограничений, расширения сельскохозяйственного кредита, развития кооперации и т.п., выступали за сохранение частной собственности на землю”¹⁰⁶. Исходя из подобных посылок, исследователи делали вывод о стратегической общности интересов помещиков и крестьян-собственников и консолидации их сил в борьбе с революционными комитетами. Пополнение источниковой базы исследований по русской революции 1917 года позволило выявить новые аспекты социального взрыва в деревне, показать двойственность поведения крестьян-собственников в условиях разрушения старых поземельных отношений.¹⁰⁷ Они вместе с помещиками были готовы отстаивать свою собственность на землю и наряду с общинниками претендовали на передел земель, сельскохозяйственного инвентаря, принадлежавших дворянам, казне, уделу, церкви, буржуазным предпринимателям. Стремление к уравнительности нивелировало конечные интересы крестьянства, поэтому возможности объединения земельных собственников в союзы были весьма призрачны.

Первые шаги дворян – земельных собственников – были направлены на приспособление к новым условиям жизни после падения самодержавия. Они заявили об оказании поддержки Временному правительству и всем его начинаниям, т.к. оно указывало, что “земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата, а лишь путем закона”¹⁰⁸. Закон этот должно было выработать Учредительное собрание, а до его созыва крупные земельные собственники стали искать пути защиты своих экономических интересов. От многочисленных приветствий в адрес Временного Комитета Государственной Думы и Временного правительства, прозвучавших в марте 1917 г.¹⁰⁹, дворянские общества перешли к разработке мероприятий по сплочению сил для борьбы с аграрным движением, развернувшимся в Поволжье и Черноземном центре уже в апреле.

После Февральского переворота представители дворянских обществ вошли в губернские и уездные общественные комитеты, кон-

солидировавшие на первых порах различные социальные группы населения.¹¹⁰ В волостные исполнительные комитеты дворянам внедриться не удалось. Между тем главная линия борьбы за землю проходила на сельском уровне. Уже в апреле 1917 г. в Поволжье на съездах волостных комитетов стали переизбираться уездные комиссары из дворян. Те, кто пытался защищать помещичью собственность от посягательств крестьянских обществ, не только отстранялись от занимаемых должностей, но даже подвергались преследованиям. В Казанской губернии при перевыборах местной власти в апреле были арестованы: в Чистополе – уездный комиссар, городской Голова и другие должностные лица; в Лаишевском уезде – член Государственной Думы дворянин Рышковский.¹¹¹ В Спасском уезде съезд делегатов селений и волостей 29-30 мая вместо помещика Геркена уездным комиссаром избрал эсера левого направления Мохова.¹¹²

Итак, поместным дворянам удалось по распоряжению Временного правительства занять административные должности на губернском и уездном уровнях, но удержать они их не сумели. Уездные комиссары в апреле-июне 1917 г. были переизбраны даже в Симбирской губернии, где в это время “земства оставались в подавляющем большинстве в старом составе”¹¹³. Вслед за уездными в Поволжье стали переизбирать губернских комиссаров. В ходе этого процесса поместные дворяне изгонялись с административных должностей. Все усилия дворянских обществ, направленные на представительство в новых органах власти, наталкивались на упорное сопротивление крестьянских комитетов. В связи с этим дворянские депутатские собрания, регулярно обсуждая поступающую из деревни информацию, стремились выработать способы защиты своей собственности от посягательства крестьянских обществ.

В первые месяцы революции помещики пытались бороться с “беспорядками”, “эксцессами”, “самочинными действиями и захватами” крестьян законными методами. Квалифицируя постановления крестьянских съездов, советов крестьянских депутатов, волостных комитетов и сельских обществ, направленные на изменения аграрных отношений, как незаконные, дворянские общества обращались к центральным и местным властям с просьбой пресечь аграрное движение. Они пытались внушить крестьянам, что все революционные “постановления обязательной силы не имеют и являются лишь мнением отдельных лиц и групп населения”¹¹⁴. По распоряжению Временного правительства местные власти обя-

звались привлекать воинские команды для охраны крупных поместий, конных заводов.¹¹⁵ Однако сделать это было затруднительно, поскольку крестьянское движение в поволжских губерниях стало приобретать массовый характер. По согласованию с общественными организациями комиссариаты командировали в сельскую местность уполномоченных для разъяснения “опасности принятых постановлений и невозможности осуществления их до решения Учредительного собрания”¹¹⁶.

Попытки властей решать спорные вопросы землевладения и землепользования в поволжской деревне вообще не имели успеха, а воззвания Временного правительства к достижению социального мира вызвали лишь озлобление.¹¹⁷ Разъяснения губернских и уездных комиссаров о том, что решения крестьянских съездов “идут вразрез с требованиями и постановлениями Временного правительства..., нарушают революционный правопорядок”,¹¹⁸ способствовали лишь падению авторитета местной власти. Крестьянские комитеты стали рассматривать совсты крестьянских депутатов не только как представительные общественные организации, но как управленческие властные структуры.¹¹⁹ Политика консервации старых поземельных отношений, проводившаяся Временным правительством, попытки отложить решение аграрного вопроса до Учредительного собрания привели к обострению социальной напряженности во всем обществе. Стремление к соблюдению формальной законности в конечном счете погубило те политические силы, которые пришли к власти после Февраля 1917 года.

Дворянские депутатские собрания, являвшиеся до революции органами самоуправления привилегированного сословия, стремились противостоять развертывавшейся аграрной революции. На протяжении марта-апреля 1917 г. они пытались сохранить за своими представителями места в губернских и уездных земских собраниях и управах, городских думах. Дворянские общества предпринимали шаги по внедрению своих членов также во вновь образуемые комитеты (продовольственные, земельные), в органы милиции. В большинстве случаев подобные мероприятия были безуспешны. В ходе демократизации уездных земских собраний в губерниях Поволжья дворяне почти повсеместно были вытеснены из органов земского самоуправления и заменены земскими служащими. Чаще всего эти процессы осуществлялись под давлением делегатов крестьянских съездов, представителей волостных исполнительных комитетов. Так, Бугурусланская уездная земская Уп-

рава Самарской губернии специально перенесла дату своего заседания с 7 на 6 апреля с тем, чтобы до приезда крестьянских делегатов на съезд создать уездный Комитет народной власти из представителей цензового, еще нерсформированного земства.¹²⁰ Однако съезд представителей от сел и волостей избрал Комитет на своем собрании, рекомендовав ввести в состав Бугурусланской уездной земской Управы демократические элементы.¹²¹

Еще активнее крестьяне стали выживать дворян из органов земского самоуправления в мае 1917 года, когда крестьянские съезды поставили вопрос о ликвидации помещичьей собственности на землю. На Керенском уездном крестьянском съезде Пензенской губернии 9 мая 1917 г. делегаты от сел и волостей потребовали немедленного переизбрания председателя и членов уездной земской Управы. Собрание 12 мая уездное Земское собрание это требование выполнило.¹²² В Мокшанском уезде той же губернии члены земской Управы из дворян стремились не допустить в земское собрание представителей от волостей, ссылаясь на инструкции "тов. председателя МВД Леонтьева".¹²³ Это вызвало возмущение делегатов крестьянского съезда.¹²⁴

На губернских крестьянских съездах, проходивших в Поволжье в мае-июне 1917 года, делегаты единодушно указывали на "полную непригодность существующего цензового земства в обновленной свободной России".¹²⁵ Несмотря на пожелания Временного правительства воздержаться от реорганизации земств до выхода особого закона, делегаты съездов повсеместно одобряли или даже сами переизбирали земские управы. Этот процесс развивался в одном направлении: из земств удалялись дворяне, замсменялись представителями комитетов, советов и других общественных объединений. В Казанской губернии после отстранения в июне 1917 г. с поста губернского комиссара председателя земской Управы А.Н.Шюгника началась демократизация губернского земства. В ходе ее "помещики Мельников, Эпнатский, князь Кропоткин, Смирнов, Прудников, Арцибашев и др."¹²⁶ были выведены из состава губернского земского собрания. Вместо дворян в него вошли 75 депутатов губернского крестьянского Совета. "Помещикам представлено скрежетать зубами только. Мешать же работе крестьянского земства они бессильны".¹²⁷ "Прежний состав земских управ уходил с арены общественной деятельности, уступая место представителям трудовых кругов населения. Рухнул последний оплот цензового земства".¹²⁸ Такие отзывы были характерны при анализе ситуации в области земского самоуправления.

Стремление представителей дворянских обществ внедриться в различные комитеты, создававшиеся как Временным правительством, так и по инициативе общественности, чаще всего не имело успеха. Если в губернских исполнительных, продовольственных и земельных комитетах представителям земельных собственников иногда выделялись места, то на уездном и тем более волостном уровне такого не происходило из-за резкого противодействия крестьян-общинников. Даже если землевладельцы добивались представительства в общественных комитетах, полноправными членами этих структур они не являлись. Например, на заседании Казанского губернского продовольственного комитета 1 июня 1917 г. представители губернского Союза сельских хозяев выступили с заявлением, в котором просили представительства в губпродкоме двух своих членов. Ходатайство это удовлетворили, но допустили земельных собственников лишь с правом совещательного голоса.¹²⁹ Попытки осуществить представительство дворянских обществ в советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а они также иногда предпринимались, вовсе были обречены на провал.¹³⁰ Исполкомы советов даже не снисходили до рассмотрения подобных просьб, считая их абсурдными.

Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране весной 1917 г., грозила полностью изолировать земельных собственников, прежде всего крупных, не допустить их участия в решении вопросов местной жизни. В этих условиях необходимость создания действенных организаций, способных защищать интересы сельских хозяев от посягательств крестьян-общинников, вполне назрела. Вопрос о создании Всероссийского Союза земельных собственников был поставлен еще в конце 1916 года группой крупных помещиков: Орловым, Денисовым, Оболенским, Щербатовым, Балашевым и др.¹³¹ Инициаторы ставили перед Союзом две задачи: помочь государству и армии в решении продовольственной проблемы и защитить экономические интересы землевладельцев.¹³²

В Поволжье организации земельных собственников начали создаваться весной 1917 года. Назывались они по-разному, что объяснялось особенностями состава землевладельцев, преобладавших в той или иной местности. В Казанской и Симбирской губерниях образовывались союзы сельских хозяев. В Пензенской и Саратовской — союзы земельных собственников, в Самарской — союзы посевищиков.¹³³ Организаторы стремились подчеркнуть общность стратегических задач всех собственников независимо от размеров

земельных владений. Вслед за губернскими летом 1917 года стали создаваться уездные и районные отделы союзов.

Наиболее разветвленной была организация земельных собственников в Пензенской губернии, где помимо уездных отделов существовали еще подотделы.¹³¹ Союзы земельных собственников организационно оформлялись на губернских съездах. Здесь же разрабатывались программные и тактические лозунги и требования помещиков и хуторян. Наиболее ярко они были сформулированы помещиками Чамбарского уезда на собрании 6 апреля 1917 г., участники которого высказывались за сохранение тех хозяйственно-правовых отношений, которые существовали до Февральской революции. Помещики договорились о назначении высшей арендной платы за землю под посев ярового клина, считали необходимым "сохранить отработочную систему, взимание платы заходы в леса, использование военнопленных в имениях", выступали против повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня для сельскохозяйственных рабочих.¹³⁵

Представляет интерес программное заявление Пензенского союза земельных собственников, которое было принято накануне Учредительного съезда Всероссийского Союза земельных собственников. В нем подтверждалась неприкосновенность частной земельной собственности. Это обосновывалось тем, что единоличное пользование землей обеспечивает ее лучшую эксплуатацию, высокую производительность труда и способствует "росту национального богатства страны".¹³⁶ Определяя цель Союза земельных собственников, его организаторы призывали, объединившись для ограждения принципа собственности и единоличного владения, стремиться к развитию сельского и лесного хозяйства и тесно связанных с ними отраслей промышленности.¹³⁷ Пензенские землевладельцы внесли свои предложения о принципах будущей аграрной реформы. Они согласились на отчуждение кабинетских, удельных и государственных земель, которые должны перейти к малоземельным крестьянам на принципах, разработанных Учредительным собранием. Могли отчуждаться государством и частновладельческие земли, но "за вознаграждение по справедливой оценке".¹³⁸ В основном Пензенский Союз земельных собственников решал аграрный вопрос в русле программных установок умеренного крыла партии кадетов.

Членами Союза земельных собственников могли быть: "1) все лица, владеющие землей на правах собственности или долгосроч-

ной аренды; 2) юридические лица (общества, товарищества и проч.), владеющие землей через своих представителей; 3) все прочие лица при условии рекомендации двумя членами губернского или уездного комитетов союза с утверждением их губернским комитетом”.¹³⁹ Таким образом, организаторы союза стремились вовлечь в свои ряды не только помещиков, но и мелких сельских хозяев. В целом, основные программные положения Пензенского союза земельных собственников совпадали с уставом, принятом на Учредительном съезде Всероссийского Союза земельных собственников. Устав также включал в союз всех землевладельцев независимо от размера их владений, без различия пола, сословия, пероисповедания, национальности и политических воззрений.¹⁴⁰

Следует отметить, что программные установки Союза земельных собственников оставались неизменными. Помещики не хотели терять своих владений, а истинные намерения маскировали призывами к “единению” с народом, говорили о готовности “принести жертвы”. Так, например, председатель Казанского союза сельских хозяев Н.А.Мельников, выступая на Государственном совещании, говорил о том, что земельными собственниками следует считать не только помещиков, но и “огромный класс крестьян”.¹⁴¹ Тенденция к единению крупных и мелких землевладельцев усилилась в связи с попытками на местах решения земельного вопроса до Учредительного собрания и с такой инициативой выступали прежде всего помещики.

В ходе выполнения решений Учредительного съезда Союза земельных собственников на местах развернулась работа по организации его отделений, где руководящая роль принадлежала землевладельцам из дворян, стремившихся сплотить всех сельских хозяев для защиты своих имущественных прав. Так, Саратовский съезд земельных собственников 25 мая 1917 г. принял решение о создании отделений Союза в губернии для защиты своих имущественных прав.¹⁴² В Самарской и Саратовской губерниях имущественная дифференциация крестьян была существенной из-за более быстрых темпов развития капитализма в сельском хозяйстве юго-востока Европейской части России.¹⁴³ Образовавшиеся здесь союзы земельных собственников с самого начала объединяли всех землевладельцев независимо от социального статуса. “Трогательное единство наблюдалось на втором Саратовском губернском съезде крупных и мелких земельных собственников. Рядом с иголкой одетыми помещиками заседали крестьяне-отрубники и вообще мел-

кие земельные собственники, выпедившие из крестьянства. Зрелище весьма поучительное. Экономические интересы оказались гораздо сильнее старинной вражды между крестьянством и господами помещиками".¹⁴⁴ На съезде обсуждались мероприятия по борьбе с аграрным движением. Было решено добиваться введения в состав местных комитетов представителей от помещиков и сельской буржуазии. Делегаты высказывались за привлечение сельских комитетов, взявших на учет земли и инвентарь частных владельцев, к судебной ответственности.¹⁴⁵

В союз помещиков Самарской губернии входило около 4000 помещиков, купцов и хуторян.¹⁴⁶ В Пензенской губернии в Союз земельных собственников могли войти все землевладельцы. "В члены Союза идут наряду с крупными помещиками, как это ни странно, и мелкие крестьяне-отрубники".¹⁴⁷ Если учесть факты принуждения к возврату в общину крестьян-выделенцев, то их стремление к объединению с помещиками вполне объяснимо. Но в ряде случаев мелкие земельные собственники стремились отмежеваться от помещиков и создать самостоятельные объединения.¹⁴⁸ 14 июня 1917 г. состоялся сход крестьян-отрубников села Анастасино Широко-Устинской волости Аткарского уезда Саратовской губернии. Отметив факт создания помещиками Союза земельных собственников, отрубники заявили, что они никогда не изменят "своим несчастным безземельным крестьянам, жившим с 1861 г. на 20 саженьных дарственных землях, и в подобный союз со своими вечными врагами" не пойдут.¹⁴⁹ Они не возражали и против возвращения отрубных участков в общину. Такие резолюции принимали малоземельные крестьяне, недавно укрепившие свои наделы в собственность.

С развитием аграрной революции столичные выделенцы из общин оказались перед выбором социальных партнеров. Многие из них признавали, что "интересы всех мелких крестьян, собственников и отрубников должны быть слиты со всем трудовым крестьянством".¹⁵⁰ Подобные приговоры составили отрубники и хоторяне Змиевского, Раздельного, Хуторянского обществ Чембарского уезда Пензенской губернии. Усилия крестьянских организаций были направлены против объединения земельных собственников. II Саратовской губернский крестьянский съезд отмечал, что "в Союз земельных собственников отчасти по недоразумению, отчасти по своей темноте вошли мелкие собственники-крестьяне".¹⁵¹ Он призвал их выйти из этой организации, заявив, что "Союз земельных

собственников — уловка со стороны помещиков, цель которого — увеличить помещичьи силы и разъединить трудовое крестьянство”.¹⁵²

Если программные установки организаций земельных собственников оставались неизменными, то их тактика менялась в связи с развитием аграрной революции на местах. Первые попытки “черного передела” землевладельцы пытались предотвратить, опираясь на указания Временного правительства. Они буквально засыпали все административные и общественные учреждения своими жалобами и заявлениями, в которых требовали прекратить противозаконные действия крестьян, посягавших на их собственность. В МВД поступали жалобы как отдельных помещиков, так и коллективные ходатайства.¹⁵³ С образованием союзов земельных собственников и сельских хозяев увеличилось число заявлений от имени этих организаций. Например, Казанский Союз сельских хозяев потребовал отменить постановление Свияжского уездного Комитета от 19 июня 1917 г., в котором все земельные владения объявлялись собственностью населения уезда.¹⁵⁴ “Союзники” считали необходимым “привлекать к уголовной ответственности соответствующих должностных лиц”, принимавших конфискационные решения.¹⁵⁵

Крестьяне-собственники заявляли, что их мнение не учитывалось при обсуждении аграрного вопроса на съездах. В Бугульминском уезде Самарской губернии они подвергли сомнению законность решений II крестьянского съезда, т.к. делегаты на него “выбирались лишь частью населения”.¹⁵⁶ В свою очередь, Бугурусланский уездный Комитет считал, что проведение в жизнь решений II губернского крестьянского съезда замедлилось в июне 1917 г. Он связывал это с образованием Союза посевищиков, “во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности”.¹⁵⁷ В докладе Пензенской губернской земельной Управы в 3-ю сессию губернского земельного комитета отмечалось, что “с образованием Союза земельных собственников увеличилось число жалоб к Временному правительству на незаконные самочинные захваты, а в последнее время пущена судебная власть”.¹⁵⁸

Как правило, Министерство внутренних дел отменяло постановления крестьянских съездов, советов и местных исполнительных комитетов. Министерство требовало возвращения земли и инвентаря их прежним собственникам. Губернские комиссары те же указания давали комиссарам и начальникам милиции, которые и должны были разбирать конфликты.¹⁵⁹ Но сделать это было зат-

руднительно, т.к. органы милиции находились в подчинении комитетов, принимавших конфискационные решения по аграрному вопросу. Авторам заявлений оставалось лишь констатировать “целый ряд нарушений личных и имущественных прав земледельцев..., насиле и самоуправство”.¹⁶⁰ Председатель совета Балашевского Союза земельных собственников Саратовской губернии в июле 1917 г. отмечал: “Вследствие отсутствия надлежащей власти в уезде идет полная аграрная анархия”.¹⁶¹ Тактика землевладельцев чаще всего была оборонительной. Советы и комитеты, напротив, обвиняли их в контрреволюционных замыслах. Советская пресса нападала на союзы земельных собственников, обвиняя их “в ненужной шумихе по поводу “аграрной анархии” и “земельных захватов”, в тенденциозности и стремлении “опорочить стихийную тягу к земле крестьянских масс..., построить картину сплошного крестьянского бесчинства””.¹⁶²

О непримиримости между помещиками и крестьянами ярко свидетельствует выступление делегата от Пензенской губернии Трушина на заседании III сессии Главного земельного Комитета от 25 августа 1917 г. Он вдохновенно доказывал мужицкую правду и необходимость ее защиты революцией от помещиков, стремившихся предотвратить разгром имений. Картина социального противостояния была описана во всех неприглядных деталях “черного передела” в деревне. Отметая обвинения в грабежах, комитетчик сам нападал на крупных землевладельцев, доказывая право революционного насилия со стороны крестьян. Он заявлял: “Здесь, между прочим, имеются сведения, что в Пензенской губернии дошли до того, что земельные комитеты начали растаскивать кур, платье, тащить подушки, одеяла и т.п. вещички, ничего не оставляя у помещиков. Вот как раз по поводу этих кур, подушек и одеял имеется постановление... (которое. – Н.К.) ясно доказывает, что это неправда. По поводу этих сообщений губернский комиссар, а также представители революционных организаций, совстав, местные земские управы провели совместное расследование. Оказалось, что кур действительно продали, но не потому, что хотели насолить помещикам, а потому, что помещики и управляющие бросили экономии не потому, что их прогнали, а просто потому, что чего-то испугались... Оказалось, что кур нечем кормить, тогда Продовольственным комитетом они были проданы, а деньги были положены в Казначейство... Дальше говорится о расхищении в Пензенской губернии племенного скота, об уничтожении куль-

турных очагов. Я скажу, что это ложь. Нельзя верить тем людям, которые на лжи воспитаны и ложью свос благополучие ограждали... Были случаи привлечения земельных управ к ответственности по статьям 341 и 348 (посягательство на земельные и имущественные права).¹⁶³ Тут я должен указать Главному земельному Комитету, что его голос в защиту (крестьянских организаций. — *Н.К.*) не слышен, а между тем он должен был бы указать на недопустимость такого явления...”.¹⁶⁴

Выступая за неприкосновенность земельной собственности, сохранение старых арендных отношений, права распоряжаться своей землей и имуществом, продавать имения, инвентарь и скот, земледельцы апеллировали к патриотическим чувствам населения. Земельные собственники Сердобского уезда Саратовской губернии, например, просили Министерство внутренних дел “во имя мужей и сыновей, защищающих на фронте Родину, охранить их имущество от захватов со стороны безответственных комитетов”.¹⁶⁵ Организации земельных собственников с тревогой доказывали, что постановления крестьянских съездов по аграрному вопросу порождают в стране хаос¹⁶⁶, а захват имений “создаст угрожающее положение рынку, не обеспечит уборку урожая, посев озимых”.¹⁶⁷ Подобные доводы не убеждали крестьян, а озлобляли их еще больше.

Различные “друзья народа” также накаляли обстановку, обвиняя организации земельных собственников в наступлении на права трудового крестьянства. Член Казанского Совета крестьянских депутатов П.Скопин заявлял, что “помещики более или менее организовались, заручились, где нужно поддержкой, и переходят в наступление... Лавируя между различными постановлениями продовольственных управ, волостных, уездных и губернских, постановлениями различных советов и законами Временного правительства, они ухитряются тянуть дело революции в свою сторону”.¹⁶⁸

Иногда организациям земельных собственников удавалось противостоять натиску крестьянских комитетов через охранные структуры местных администраций, земств. Так, в докладе делегата от Спасского уезда II Казанскому губернскому крестьянскому съезду отмечалось, что “крестьянство недоброжелательно относилось к создаваемым районным комитетам милиции, т.к. они назначались не волею народа, а начальником уездной милиции”, который “всецело защищает интересы помещиков”.¹⁶⁹ К тому же председатель Спасской уездной Управы помещик Геркен “в сентябре ставит в милицию людей, которые поднимают руки против наших

избранщиков"¹⁷⁰, отбирая у комитетов именные и инвентарь, взятые ими в распоряжение.

Однако союзы землевладельцев в Поволжье в подавляющем большинстве были не в силах противостоять массовым крестьянским захватам земель, живого и мертвого инвентаря помещиков. Земельные собственники из крестьян находились в двойственном положении: они боялись насильственного возврата в общину своих земель и в то же время стремились расширить свои владения за счет конфискованных помещичьих земель. Вот как обосновывали крестьяне-собственники свои позиции: "Собственность можно всегда вовремя обработать, а чересполосицу очень трудно..., нельзя хорошо разработать свою полосу. В общине при таком же количестве земли хлеба не хватало, а теперь хватает на два и даже более года".¹⁷¹ Но малоземельные собственники ходатайствовали перед Учредительным собранием "земли у большеземельных отобрать обязательно с уплатой или без уплаты его на Ваше усмотрение... и наделить всех ровно, кто желает принять, но обрабатывать обязательно с помощью работника ... У хуторян отбирать не следует, у которого лишка – добавить, а мало – прибавить, но смешивать не надо. Надо и оставшиеся земли собирать в отруба, потому что образцовые земли больше дадут дохода как хозяину, так равно и государству".¹⁷² Таким образом, рассчитывать помещикам на крестьян-собственников не приходилось, т.к. последние, отстаивая свою собственность на землю, стремились приумножить ее за счет крупных землевладельцев.

Необходимо отметить, что погромные действия предпринимались по инициативе крестьян, чаще богатых, а не комитетов. По свидетельству очевидца событий 1917 года в Николаевском уезде Самарской губернии А.М.Барского "в Комитете народной власти большинство были представители партии социалистов-революционеров, в земстве же оставалась часть помещиков, торговцев... Официальная власть всячески старалась удержать крестьян в старых рамках, то есть самочинно не захватывать помещичьей земли, а ждать решения Учредительного собрания. Крестьянство, особенно зажиточное, было недовольно такой политикой ожидания, стало захватывать помещичьи земли и громить имения. Комитет народной власти и земство выслали карательные отряды солдат, но последние никаких мер не принимали".¹⁷³

Не могли быть союзниками помещиков и другие землепользователи – различные кооперативные общества, союзы арендаторов

и другие. Например, крестьяне-арендаторы села Криуши Пушкинской волости Симбирского уезда и губернии просили “товарищей депутатов” Учредительного собрания закрепить за ними арендованные земли, “засаженные яблонными садами”. Это было вызвано тем, что “в настоящее мятежное время общество села Криуши составило приговор об отобрании вышеозначенных плодовых садов”.¹⁷⁴ Мотивировали они свою просьбу тем, что земля должна изыматься у крупных собственников и “удерживаться за трудящим народом, имеющим маленькие полоски”.¹⁷⁵ Кооперативные организации в 1917 году стремились взять на себя организующие функции общины в отношении крестьян-собственников и также выступали против крупного помещичьего землевладения.¹⁷⁶

К осени 1917 года число членов Союза земельных собственников уменьшилось, некоторые из них и вовсе распались, т.к. помещикам не удалось вовлечь крестьян в эти организации. Сохранившиеся структуры землевладельцев стали издавать пропагандистскую литературу, осуждавшую захватные действия крестьян, рабочих, солдат. 25 сентября в Саратовской типографии Панина военная секция Совета рабочих и солдатских депутатов конфисковала 40 тысяч экземпляров брошюр, которые были заказаны председателем союза земельных собственников Кузнецкого уезда.¹⁷⁷ В них вся вина на существующую разруху в стране сваливалась на большевиков, меньшевиков и эсеров. В Пензенской губернии распространялось воззвание анонимного автора, которое было подписано “союз пузырька и коробки”.¹⁷⁸ Автор призывал землевладельцев “вооружаться коробкой спичек и пузырьком керосина и поджечь десятки тысяч сел и деревень, произвести всероссийскую иллюминацию”.¹⁷⁹

Итак, новые структуры местной власти и самоуправления стали конкретными выразителями политических устремлений различных социальных сил, действовавших в русской революции 1917 года. Дворянство, занимавшее до революции ведущие позиции в органах власти и земского самоуправления, стремилось к сохранению своего социально-политического статуса. Одновременно крупные землевладельцы попытались обеспечить свое представительство в новых общественно-политических объединениях-комитетах, советах, союзах, но были отринуты крестьянами. Вскоре помещики были вытеснены с постов уездных и губернских комиссаров Временного правительства, председателей земских управ.

Союзы земельных собственников, посевщиков, сельских хозяев образовались для защиты экономических, социальных и поли-

тических интересов землевладельцев. С самого начала их деятельности союзы землевладельцев противостояли крестьянским комитетам, т.к. у этих организаций были противоположные цели в революции. Попытки помещиков привлечь на свою сторону субъектов всех форм земельной собственности, а также арендаторов, кооператоров и других индивидуальных землепользователей не имели сколько-нибудь значительного успеха. Создать прочный блок помещиков и сельской буржуазии не удалось, т.к. все слои крестьянства были заинтересованы в "черном переделе", хотя их взгляды на формы собственности не совпадали.

Сравнивая тактику крестьянских организаций и союзов земельных собственников, необходимо отметить ее различие. Крестьянские съезды, советы, комитеты формулировали и проводили в жизнь радикально-конфискационные требования сельских обществ. При этом они действовали наступательно, отмечая любые резоны о необходимости тщательной подготовки коренного реформирования аграрного вопроса. Организации землевладельцев не смогли создать сколько-нибудь прочную социальную базу для защиты прав собственности, а, следовательно, своих интересов. Местные органы власти не в состоянии были соблюдать элементарные правила законности и порядка, т.к. местные общественно-политические объединения революционных масс присваивали себе законотворческие функции. Натянутая до предела пружина народного гнева в поволжской деревне ударила со всей силой уже летом 1917 года, когда пролетарские слои города еще собирали силы для утверждения своих требований. Поэтому здесь судьба местных органов власти в большей степени зависела от способов и методов решения аграрного вопроса.

Глава VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Либеральное Временное правительство управляло государством в условиях нараставших народных волнений, что приводило к частым политическим кризисам. Попытки реализации идеальной модели гражданского общества в революционной России 1917 г., предпринимавшиеся правительством, не получили достаточной поддержки в провинции. Органы местной администрации и самоуправления, на которые были возложены все организационные мероприятия по проведению демократических выборов, вошли в противоречие с бесчисленным множеством общественных комитетов и советов, выступивших на политической сцене после Февраля 1917 г.

Временное правительство разработало план построения свободного гражданского общества, но он не учитывал реалии народной жизни. В связи с этим обычная предвыборная борьба политических партий и общественных объединений, развернувшаяся на местах летом 1917 г., меньше влияла на разрешение социальных конфликтов, чем положение дел в советах и комитетах. В революционном процессе на местах обычные элементы строительства демократического государства были гораздо менее важны, чем правотворчество масс, влиявших прежде всего на сущность преобразований. В столице и российских регионах политическая дифференциация общества проявлялась по-разному, но в любом случае это приводило к отчуждению народа от новой власти и дальнейшим поискам идеальной модели их взаимоотношений. В условиях продолжающейся революции это способствовало утверждению за органами социального контроля властных функций.

6.1. Муниципальная избирательная кампания

Коалиционный состав Временного правительства, сформированный после апрельского кризиса 1917 г., в вопросах местного управления по-прежнему стремился к построению новой российской государственности на принципах унитаризма. Приход в правительство новых политических сил из числа социалистов не способствовал формальному и сущностному обновлению власти на местах, но привел к замещению большинства фигурантов на постах губернских и уездных комиссаров. В мае-июне 1917 г. политическая борьба в провинции сосредоточилась вокруг выяснения функций, роли и значения всей структуры местной власти. Ведущей продолжала оставаться проблема взаимоотношений между комиссарами Временного правительства и общественными комитетами, но она не отражала, как в начале революции, всего спектра общественно-политических сил. Коалиционный состав комитетов не предотвратил противоречий между входившими в них представителями различных партий, организаций и объединений.

Политическая деятельность партий и союзов, органов самоуправления и общественных объединений наглядно проявилась в муниципальной избирательной кампании, развернувшейся в городах летом 1917 года. Вопросы государственного строительства продолжали оставаться дискуссионными в общественной жизни. В связи с этим любые мероприятия власти по реорганизации самоуправления активизировали действия всех местных политических и общественных объединений. Впервые в истории России выборы в городские думы осуществлялись на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Они имели большое общественное значение: внедрялась новая избирательная система, отработывались способы, методы и принципы ее организации, что позволяло подготовиться к выборам Учредительного собрания. Одновременно муниципальная избирательная кампания давала возможность всем общественным организациям, союзам и партиям обнародовать свои программы, разработать формы агитационно-пропагандистской деятельности среди электората, составить блоки в дальнейшей политической борьбе.

Основные политические силы в русской революции 1917 года были представлены четырьмя крупными партиями: кадетов, большевиков, меньшевиков, эсеров. Другие партии, союзы и группы были малочисленны и тяготели к блоку с ведущими политически-

ми организациями. Кадетское большинство Временного правительства, разработавшего новое положение о муниципальных выборах, надеялось на укрепление своих позиций в провинции, исходя из авторитета центральной власти. Социальная опора партии Народной свободы, включавшая прежде всего чиновничье-буржуазные круги, в Поволжье была невелика. Средние городские слои, чиновники по найму, демократическая интеллигенция здесь в большей степени поддерживали умеренных социалистов. Определяя роль самоуправлений, кадеты настаивали на предоставлении им полномочий органов административного управления на местах после демократических выборов.¹ Такими посулами они надеялись расширить свою социальную базу, предоставляя теоретические возможности для иххождения во власть представителям всех общественных слоев. Этот принцип идеален в условиях социального мира, но в революции он не имел успеха.

Полным антиподом политической программе кадетов в муниципальной кампании 1917 года была тактика большевиков, значительно укрепивших свои позиции среди рабочих, солдат тыловых гарнизонов Поволжья благодаря поддержке их радикальных требований. Самостоятельные большевистские организации руководствовались указаниями В.И. Ленина о необходимости связи местных муниципальных выборов с коренными вопросами революции.² Предвыборная платформа большевиков базировалась на перестройке всего городского хозяйства на новых революционных началах. Для этого они предлагали передать всю городскую землю в распоряжение трудящихся, полностью отменить прежние местные налоги, взамен введя прогрессивные налоги на доходы, имущество и наследство капиталистов.³ В организационном отношении большевики выделялись среди других партий большей дисциплиной, сплоченностью, оперативностью в быстро меняющейся политической обстановке.

Муниципальные программы меньшевиков и эсеров были схожи и носили общедемократический характер.⁴ Демократически избранные самоуправления они считали инструментом давления на административную власть, рассматривали их в качестве структур, способных провести коренные социально-экономические преобразования. Умеренные социалисты подчеркивали значение муниципальных образований в хозяйственно-культурной области и отрицали — в политической. Таким образом, определяя роль самоуправлений в общественно-политической жизни, меньшевики и эсеры разделя-

ли позиции большевиков, а в социально-экономической – кадетов. В вопросах о форме политической власти ничего общего между названными политическими партиями не было. Левые течения в социалистических партиях – максималисты, интернационалисты и другие – выступали с радикальными лозунгами в муниципальной кампании, стремясь использовать органы самоуправления для улучшения условий жизни трудящихся за счет буржуазных элементов.⁵ Народные социалисты тяготели к кадетской муниципальной программе, но не всегда с ними блокировались.⁶ Все партии соперничали друг с другом, а имевшие место коалиции носили временный характер и часто распадались после выборов.

Временное правительство, верное провозглашенным демократическим принципам, наделяло равными избирательными правами все слои городского населения, в том числе солдат тыловых гарнизонов. Организация выборов была возложена на исполнительные органы городских дум – управы. Они отвечали за составление списков избирателей, регистрацию кандидатов от политических партий и общественных объединений, финансовое обеспечение избирательной кампании. Объем работ был чрезвычайно велик, а сроки крайне ограничены. Финансовое обеспечение выборов часто превращалось в трудноразрешимую проблему, поскольку традиционные источники налогообложения не могли покрыть растущих потребностей самоуправлений в условиях инфляции, вызванной войной и революцией. В этих условиях муниципальные служащие частью из-за нерасторопности, иногда специально, стремились не допустить волонизации политических симпатий наиболее радикальных слоев общества, не являвшихся к тому же постоянными жителями городов, как, например, солдаты. Для этого выискивались различные формальные поводы: размещение воинских частей на городской земле, но за чертой усадьбы оседлости; либо наоборот – земли принадлежали крестьянскому обществу, а город арендовал их для размещения гарнизона.⁷ Такие случаи вызывали волнения среди солдат,⁸ использовавшиеся большевиками в антиправительственной пропаганде.

Муниципальные выборы в городах Поволжья проходили в основном в июле-августе, но были случаи, когда они затягивались до сентября-октября 1917 года. В некоторых городах выборы устраивались дважды из-за грубых нарушений, допущенных организаторами в ходе избирательной кампании. Наряду с общероссийскими закономерностями, выборы в городские думы Поволжья имели

ряд особенностей, характеризующих расстановку политических сил в этом регионе. Эти особенности в большей степени проявлялись в губернских городах, чем в уездных. Разумеется, результаты выборов в думы зависели также от срока их проведения, ибо нарастание революционного кризиса влияло на популярность среди избирателей тех или иных политических сил. Активность различных слоев городского населения также была неодинаковой летом и осенью 1917 года, что объясняется укреплением позиций советов рабочих и солдатских депутатов, выступивших реальной альтернативой думам в муниципальном управлении.

При организации выборов местного самоуправления в губернских городах Поволжья наибольшую оперативность проявила Саратовская городская избирательная комиссия. К июлю 1917 года она завершила составление списков избирателей в количестве 128647 граждан. При этом в списки было занесено всего 4260 военнослужащих, что составило $\frac{1}{3}$ гарнизона, т.к. учитывались лишь части, расквартированные в черте города. 60% избирателей составили женщины, что соответствовало их доле среди гражданского населения.⁹ Данный дисбаланс, вызванный военным временем, можно было устранить включением в списки всех солдат гарнизона, но этого не сделали специально. Временное правительство, его администрация на местах, под патронажем которых осуществлялась муниципальная кампания, всеми силами стремились отсеять радикальные элементы от участия в формировании новых управленческих структур.

Выборы в Саратовскую городскую Думу состоялись 9 июля 1917 г., в период наибольшей популярности умеренных специалистов. Войдя в мас в состав Временного правительства, они обещали приложить все силы для защиты интересов трудящихся в органах власти и самоуправления. Местные организации эсеров, меньшевиков и бундовцев составили единый блок, что обеспечило им 64,2% голосов избирателей, большевики получили 11,9%, кадеты — 11,4%.¹⁰ Представители других партий, прошедших в Думу, не могли повлиять на то или иное решение, даже примыкая к большинству. Умеренный социалистический блок получил на выборах почти квалифицированное большинство, что отражало общую картину политических настроений городского населения летом 1917 года. Выборы в Московскую городскую Думу, проходившие 25 июня 1917 г., дали аналогичную картину убедительной победы умеренных социалистов, где эсеры получили 58%, меньшевики с Бундом и группой "Утро" — 12%.¹¹

Предпочтения избирателей, отдавших в большинстве своем голоса социалистическим партиям на выборах в думы, объяснимы скорее популистскими обещаниями, а не деловыми качествами партийцев. Списки кандидатов в гласные составлялись для регистрации избирательными комиссиями. В муниципальной кампании оглашались предвыборные платформы партий и объединений, а голоса подавались за списки, которым присваивались номера по порядку их подачи. Такая система не могла адекватно отражать действительных чаяний и стремлений горожан в организации местной жизни. Она позволяла лишь выявить политическую ориентацию социально активной, но не склонной к революционному пафосу части населения. Это подтвердили выборы в Саратовскую городскую Думу, где приняло участие всего 47% избирателей от числа зарегистрированных. При этом наибольшую активность проявили мужчины старше 40 лет и женщины моложе 30.¹² Проявление абсентизма на муниципальных выборах среди наиболее мобильной части мужского населения свидетельствовало прежде всего о недоверии к Думе. Дальнейшие события показали, что рабочие и солдаты отдали предпочтение Совету рабочих и солдатских депутатов.

Победа блока умеренных социалистов на выборах в Думу не способствовала повышению ее работоспособности. На заседаниях постоянно возникали раздоры между представителями различных партий, в том числе и объединившихся в ходе предвыборной кампании. Избрание председателя и городского Головы затянулось на несколько недель.¹³ Споры по процедурным вопросам занимали все время народных избранников, так что на решение неотложных хозяйственных и социально-культурных нужд горожан у думцев не оставалось времени. Утверждение председателем Думы меньшевика Д.К.Чергкова и городским Головой эсера Л.А.Мукошеева не отражало динамики политической ситуации в Саратове уже летом 1917 года. Партии, одержавшие победу на выборах во время наступления власти на левых радикалов, поневоле разделили с ней ответственность за ухудшение социально-экономического положения трудящихся в период нарастания общенационального кризиса.

Меньшевики и эсеры, составлявшие большинство Саратовской городской Думы, после выборов спорили не только между собой по вопросам замещения должностей в городской Управе, но не находили общего языка с гласными от других партий по всем

Таблица 1

Результаты выборов в Саратовскую городскую Думу
от 9 июля 1917 г.¹⁴

№ списка	Партии и объединения	Подано голосов		Избрано гласных	
1	Народные социалисты	2683	4,4	5	4,4
2	Кадеты	6690	11,4	13	11,5
3	Союз домовладельцев	1862	3,1	4	3,5
4	Блок эсеров, меньшевиков, Буца	37864	64,2	73	61,6
5	Группа «Единство»	1075	1,8	2	1,8
6	Блок «Поалей-Цион»	330	0,5	1	0,9
7	Сионисты	1305	2,2	2	1,8
8	Большевики	6975	11,9	13	11,5
	Всего			113	100,0

вопросам революционного времени. Так, на заседании 28 июля 1917 г., где начали формировать исполнительные органы городского самоуправления, блок меньшевиков и эсеров предложил принять декларацию с одобрением внутренней и внешней политики Временного правительства. При голосовании большевики выступили против, а кадеты и группа «Единство» заявили о частичной поддержке действий Временного правительства.¹⁵ Таким образом умеренное большинство с самого начала было обречено бороться как с левой, так и с правой частью Думы. Это ослабляло ее возможности в организационно-хозяйственной деятельности и делало беспомощной в ходе развернувшейся борьбы за власть. На протяжении двух месяцев Саратовская городская Дума занималась формированием своего исполнительного органа – Управы: 9 августа избрали 7 человек,¹⁶ через неделю еще одного, а выборы остальных вновь отложили, т.к. остальные 6 кандидатов не набрали даже половины голосов.¹⁷

Рассматривая вопросы организации городского хозяйства, социальной инфраструктуры, Саратовская Дума пыталась защитить прежде всего интересы рядовых избирателей в их столкновениях с предпринимателями и администрацией, но рычагов воздействия в условиях недостаточности полномочий и неопределенности источников финансирования у нее практически не было. Например, 1 августа 1917 г. при обсуждении спора между рабочими и служа-

щими, с одной стороны, и руководством бельгийской трамвайной компании – с другой о тарифах по оплате труда, Дума поддержала наемных работников.¹⁸ На следующем заседании 9 августа была сформулирована комиссия для посылки в Петроград с тем, чтобы “отобрать лицензию у Трамвайной компании г. де-Вильде, отказывающейся удовлетворить требование заводского комитета” об увеличении заработной платы своим работникам.¹⁹ Стремление Думы решать социальные споры законным путем не находило необходимой поддержки у тех же рабочих, так как они желали немедленно удовлетворения своих требований.

По другим сложным вопросам организации городского хозяйства Дума и вовсе ограничивалась сентенциями и ссылками на трудности военно-революционного времени. Отмечая жилищный кризис в связи с наплывом беженцев, она просила командующего Казанским военным округом не открывать “все новые госпитали в Саратове”, сетуя на “низкий уровень и плохое продовольственное снабжение”.²⁰ Те же причины выдвигались Думой, постановившей зачислять в “Университет лиц, окончивших среднее учебное заведение в Саратовской губернии, Новоузенском и Николаевском уездах” (Самарской губернии. – *И.К.*), “вне конкурса с бывшими учениками других городов”.²¹ Стремление обособиться само по себе было проявлением кризиса в социально-экономической сфере и невозможности с ним справиться силами органов местного самоуправления.

Новый политический кризис, вызванный “выступлением генерала Корнилова, потребовавшего 26 августа 1917 г. ... всей полноты гражданской и военной власти... для управления страной”, привел к обострению споров по текущему моменту между фракциями “на экстренном заседании Саратовской городской Думы”.²² Большевики даже отказались голосовать за обращение Думы, призывавшей “всех граждан к спокойствию, творческой и созидательной работе” на том основании, что свое “воззвание уже напечатал Совет рабочих и солдатских депутатов”.²³ 30 августа Дума организовала “Комитет спасения Родины и революции”, куда вошли представители от городского и земского самоуправлений, советов рабочих и солдатских, крестьянских депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, кооперативов.²⁴ Большевики также выступили против создания Комитета спасения и демонстративно покинули зал заседания в знак протеста.²⁵ На фоне развития общего кризиса власти амбиции даже небольшой фракции,

критикованней любые действия Думы, разрушали самоуправление, делали его неэффективным. В результате социальная база общегородского органа самоуправления стремительно сужалась.

Муниципальная кампания не вызвала резкой конфронтации общественно-политических сил в тех городах Поволжья, где самостоятельные большевистские партийные организации еще не оформились. В то же время она отвлекала силы и средства местных самоуправлений от заботы "о нуждах и пользах" горожан. Городские думы и управы финансировали работу избирательных комиссий и неизбежно втягивались в политические разборки, сопровождающие подобные мероприятия. Так, Пензенская "городская подготовительная к выборам комиссия 4 мая 1917 г. приступила к организационным работам по переписи населения", а заодно и "личного скота, лошадей".²⁶ Для этого она затребовала "пригласить не менее 600 регистраторов и 50 инструкторов..., ассигновать 25000 рублей из средств городской Думы".²⁷ Между тем вся Пензенская городская Дума, сформированная 7-8 февраля 1917 г., насчитывала 60 цензовых гласных, половина из которых не посещала заседания. Управа состояла из 4 человек, включая городского Голову А.Г.Свиныхова.²⁸ Демократические гласные занимались делами тех общественных организаций, которые они представляли. Естественно, на проведение избирательной кампании не хватало ни людей, ни средств.

Споры и раздоры в Пензенской городской Думе начались еще в ходе ее демократизации, которая осуществлялась избирательно. 11 апреля 1917 г. она отказала в представительстве Союзу квартиронанимателей, но удовлетворила просьбу Еврейского общества и "2 его члена — г.г. Игити и Левит пополнили Думу".²⁹ 14 мая в Думе было "оглашено заявление группы пензенских свреев, выражающее протест" на их выборы по демократическим правилам. На заседании было принято решение "разобраться с этим вопросом через комиссию по подготовке выборов".³⁰ "Днем выборов гласных городской Думы" было решено "назначить 9 июля 1917 г.",³¹ но выполнить все необходимые мероприятия избирательная комиссия не смогла. 4 июля городской Голова А.Г. Свиныхов заявил "об отказе в исполнении должности", т.к. "накануне у него был произведен обыск".³² Ему выразили сочувствие, но попросили остаться до новых выборов, срок которых переносился на 23 июля 1917 г. На расходы поручили "городской Управе дополнительно ассигновать до 10 тыс. рублей".³³

К 6 июня 1917 г. Пензенской избирательной комиссией было зарегистрировано 14 партийных списков кандидатов в гласные городской Думы, большинство из которых составили небольшие общественные объединения. Партии социалистического направления составили единый блок, что обеспечило им впоследствии 63% гласных в Думе. Группа большевиков, образовавшаяся 5 июля, согласилась на объединение с меньшевиками и эсерами, чтобы не допустить победы черной сотни на выборах.³⁴

Таблица 2

**Результаты выборов в Пензенскую городскую Думу
от 23 июля 1917 г.** ³⁵

№ списка	Партии и объединения	Избрано гласных	
		число	%
1	Народные социалисты-трудовики	3	3,4
2	Партия Народной свободы	8	8,8
3	Беспартийная демократическая партия	5	5,5
4	Сионистская организация беспартийного еврейского населения	5	5,5
5	Социалисты-революционеры, социал-демократы и Бунд	68	73,5
6	Торгово-промышленный союз	1	1,1
7	Партия мусульман г. Пензы	1	1,1
8	Внепартийная городская группа	1	1,1
	Всего	92	100

10 августа 1917 г. состоялось первое после выборов Чрезвычайное заседание Пензенской городской Думы. Социал-демократическая фракция, состоявшая из 34 гласных, заявила, что она сохранит сотрудничество с партиями общего предвыборного блока и "не будет стоять в роли безответственной оппозиции, а всегда примет активное участие в работах Гор. Думы".³⁶ Поэтому выдвижение "гласных Федоровича и Носовича для участия в работе Государственного совещания" получило единогласную поддержку.³⁷ 14 августа состоялись выборы должностных лиц: городского Головы, членов Управы, председателя Думы.³⁸ 23 августа продолжались формирование комитетов и комиссий, производились довы-

боры Управы.³⁹ Городской Голова Н.С.Степанов, его заместитель Б.Р.Фроммет, все 7 членов Управы, а также председатель Думы А.Е.Индустриев⁴⁰ были гласными от блока умеренных социалистов и легко ладили между собой.

В конце августа – начале сентября 1917 года демократически избранная Пензенская Дума сформировала все необходимые для работы комиссии: продовольственную, школьную, здравоохранения, топливную, юридическую, попечительную, биржу труда.⁴¹ Однако углубление общенационального кризиса в стране все больше способствовало политизации общественного городского управления. 4 сентября городская Управа постановила: “Просить Думу выделить средства на Временный революционный Комитет, образовавшийся в г. Пензе в связи с переживаемым политическим моментом”.⁴² 5 сентября городская Дума ассигновала Комитету 1 тысячу рублей.⁴³ Актуальные вопросы социального обеспечения пытались решать примитивными способами изменения сложившихся обычаев в жизни населения. На первом очередном заседании Пензенской городской Думы 12 сентября 1917 г.⁴⁴ “член городской Управы г. Бартмер указал на нецелесообразность мясных дней среди недели” и предложил временно приостановить их соблюдение. Мотивировал он это возможным удешевлением мяса на рынке вследствие лучшей занятости убойщиков скота.⁴⁵ Конечно, подобная деятельность не способствовала укреплению авторитета Думы у горожан. Важнейшие проблемы регулирования общественных отношений и после выборов городского самоуправления решались в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или Временном губернском исполнительном Комитете.⁴⁶

Расстановка политических сил в Симбирске во многом походила на ситуацию, сложившуюся в Пензе. Симбирская объединенная социал-демократическая организация, выставившая отдельный от социалистического блока список в муниципальной кампании, нашла поддержку среди части промышленных рабочих.⁴⁷ Однако большинство пролетарских и полупролетарских слоев тяготели к коренным социально-экономическим преобразованиям, их больше привлекали популистские лозунги эсеров.

В Симбирске, как и в других городах Поволжья, много хлопот у избирательных комиссий было с расквартированными в них военными. Так, полковые комитеты 96 и 242 пехотных запасных полков представили в городскую Управу списки избирателей только 4 августа 1917 г., т.е. через 6 дней после окончания срока

их представления. Комиссия обещала рассмотреть возможность включения военных в дополнительные списки, а для помощи полковым комитетам послала на все 4 избирательных участка в воинских частях по одному представителю от гражданского населения.⁴⁸ Такое компромиссное решение позволило избежать ненужной конфронтации между организаторами выборов и наиболее радикальными слоями провинциальных городов, солдатами тыловых гарнизонов. Это имело тем более важное значение, так как "по предварительному заявлению комиссии избирателей в Симбирске ...80000 человек, из них 50000 обывателей и 30000 военных"⁴⁹.

Таблица 3

**Результаты выборов в Симбирскую городскую Думу
от 15 августа 1917 г.⁵⁰**

№ списка	Партии и объединения	Избрано гласных	
		число	%
1	Еврейское общество	1	1,5
2	Социалистический блок	33	50,8
3	Социал-демократы	13	20
4	Правительственные служащие	1	1,5
5	Домовладельцы и торгово-промышленники	2	3
6	Общество мусульман	5	7,8
7	Кадеты	10	15,4
	Всего	65	100

Регистрация списков кандидатов в гласные от политических партий и объединений производилась избирательной комиссией, как и везде, по мере их поступления. Наибольшую оперативность проявили еврейское общество и социалистические партии, а кадеты подали список последними. Выборы в Симбирскую городскую Думу состоялись 15 августа 1917 г. и обеспечили победу блоку социалистических партий, который получил простое большинство даже без социал-демократов, занявших второе место на выборах.

Избрание исполнительных органов Симбирского городского самоуправления состоялось 7 сентября 1917 г. на первом после выборов заседании, после того как прежним составом Управы была

проведена необходимая организационная работа по оформлению их итогов. “Торжественное обещание ... было подписано всеми гласными по своим вероучениям”.⁵¹ Не вызвало также в Думе разногласий избрание “председателем Н. И. Сахарова, заместителем Краснова ... на основании 58¹ статьи Положения об общественном управлении городов”.⁵² Н. И. Сахаров в своей речи обратил внимание “на трудное время, ... тяжелое состояние городских финансов, острейшее продовольственным вопросом”, и призвал к сотрудничеству: “Если гласные не всегда могут идти вместе по вопросам политическим, то в делах города ими должна руководить одна мысль и желание – принести успокоение в пользу населения”.⁵³ В декларациях от социалистического и демократического блоков Думы были повторены предвыборные лозунги стремления к народоправству, принятые собранием к сведению.

Разногласия между симбирскими думами начались при выборах городской Управы. Председатель Думы предложил избрать “число товарищей и членов городской Управы. Гласный Вологитин от с.-д. фракции заявил, что они ... не будут принимать участия в выборах”, т.к. не хотят “нести ответственность за будущую работу Думы”.⁵⁴ В ответ на это “гласный Мороз предложил должности: городского Головы, одного его товарища и 4 членов Управы избрать” от своего блока “социалистов-революционеров и социалистов-народников”.⁵⁵ Городским Головой был избран “гражданин Сергей Иванович Романов, не состоящий в числе гласных, но удовлетворяющий условиям, изложенным в статье 6 Постановления Временного правительства о выборах гласных городских дум; товарищем городского Головы – А. И. Колосов; членами Управы – П. П. Баранов, Д. И. Десятарев, Г. А. Княжевич”.⁵⁶ Все они были представителями победившего на выборах социалистического блока, в том числе М. А. Чернов, избранный позднее “в связи с длительностью по передаче продовольственных дел”.⁵⁷

Надзор за деятельностью городских самоуправлений Временное правительство возложило на губернских и уездных комиссаров, отказавшись от первоначального намерения передать властные полномочия на местах демократически избранным думами и земствам. Поэтому Симбирский губернский Комиссар уведомил 12 сентября 1917 г. городскую Управу о своем согласии “с произведенными выборами” и выразил озабоченность в связи с тем, что “с.-д. фракция от голосования воздержалась”.⁵⁸ Его опасения были не напрасны. Уже 24 октября 1917 г. городской Голова С. И. Рома-

нов подал заявление об освобождении от должности, мотивируя это тем, что "по городу ходят слухи о моей связи с уголовным делом мужа сестры, начальника арестантских рот в Сызрани и я, как социалист-революционер, не могу терпеть клеветы".⁵⁹ Дума поручила Управе рассмотреть этот вопрос⁶⁰ и в конце октября был избран новый городской Голова Симбирска А.И.Колосов,⁶¹ бывший ранее заместителем. Оппозиционные силы такая рокировка в местном самоуправлении уже не интересовала. Для удовлетворения своих властных амбиций они сделали ставку на советы.

Интриги различных партийных фракций и объединений мешали Симбирскому городскому самоуправлению заниматься необходимыми конкретными делами в хозяйственной и социальной сфере. Различного рода примирительные комиссии, разбиравшие споры между рабочими и домовладельцами,⁶² после выборов не были восстановлены. Не имея действенного механизма управления, Дума обращалась не с поручением к Управе, своему исполнительному органу, а просьбой к губернскому Комиссару о помощи в решении тех или иных местных нужд. Так, 16 сентября 1917 г. Симбирская городская Дума выступила с предложением перед губернским Комиссаром рассмотреть вопрос об "улучшении материального быта милиционеров, освещении фонарями окраин города, ремонте помещений, занимаемых милиционерами (будок), снабжении дровами помещений караульных команд, ... обеспечить переход постовым милиционерам с 2-х сменной па 3-х сменную вахту".⁶³ Данный пример наглядно иллюстрирует недееспособность демократически избранной Думы и общий кризис, поразивший власть и самоуправление на местах даже больше, чем в центре.

Выборы в Самарскую городскую Думу проходили в условиях еще большей социальной дифференциации и обострения политической борьбы в стране. Наибольшую оперативность при регистрации партийных списков для участия в выборах здесь проявили большевики. Они отказались от блока с другими партиями и первыми представили список кандидатов в городскую Думу из 86 человек.⁶⁴ В ответ на это самарские меньшевики тоже решили в блок с большевиками-ленинцами не вступать, а с остальными социал-демократическими группами и эсерами признать его принципиально допустимыми. Кадеты пытались отвлечь избирателей от партийно-политической борьбы и обратить их внимание на неотложные нужды города в хозяйственной и социально-культурной области. Лидер самарских кадетов, гласный Думы В.Кудрявцев убеждал,

что «обилие списков никогда не состоянии дать работоспособного ядра, как и все те новые политические образования, которые недавно стали жить и действовать открыто. Расценивать избирательные списки нужно не по симпатиям к тем или иным партийным дисциплинам, а по внутреннему их содержанию, по качеству тех кандидатов, какие выставляются, по их работоспособности и вообще по их полезности для городского хозяйства».⁶⁵

Межпартийная борьба, развернувшаяся среди социалистов, позволяла партии Народной свободы рассчитывать на поддержку не только крупных капиталистов, чиновников, но и мелкобуржуазных городских слоев. Так, первоначальное намерение служащих городского общественного управления примкнуть к социалистическим спискам не было реализовано из-за нежелания социалистических групп включать их в списки кандидатов.⁶⁶ Однако такая ситуация не способствовала изменению симпатий всех представителей данной социальной группы, поскольку затрагивала лишь амбиции ее лидеров. Рядовые служащие вполне могли проголосовать на выборах за умеренных социалистов, а не кадетов, которые явно демонстрировали умеренность и осторожность, столь непопулярные в революционное время.

Открытое противостояние между кадетами и социалистами в Самарской Думе проявилось еще в мае 1917 года при выборах делегатов на общесословный съезд, продолживший заседания II губернского крестьянского съезда. Представители партии Народной свободы и народные социалисты считали необходимым провести выборы на съезд от Думы в целом, т.к. имели в ней большинство. Социал-демократы выступили против, заявив, что такое представительство было бы подменой волеизъявления всего городского населения. На протесты левой части Думы В.Кудрявцев ответил: «Извините ...я еще могу считать присмелемым меньшевика, но не ленинца».⁶⁷ Возмущенные представители от Совета рабочих и военных депутатов, кооперативов и городского населения покинули в знак протеста зал заседаний. После краткого совещания они заявили, что настойчивое желание большинства Думы утверждать или не утверждать избранных кандидатов является попыткой ввести ценз благонадежности.⁶⁸

Былое единение «всех революционных сил» в Самаре летом 1917 года окончательно распалось. На собрании мещан, где обсуждался вопрос о присоединении к социалистическим спискам, довольно значительная часть мелких собственников внесла про-

тест в протокол, заявив о необходимости самостоятельного представительства. Общее собрание объединенного старообрядчества выступило в блок с партией Народной свободы на время избирательной кампании.⁶⁹ Тем не менее возможности кадетов по расширению своего электората были ограничены естественной узостью социальной базы, т.к. средний класс был немногочислен, а число пролетарских и полупролетарских слоев в военное время увеличилось. Новые пролетарии из вчерашних крестьян больше всего тяготели к социалистам-революционерам, выдвигавшим столь притягательные для них лозунги уравнительного перераспределения земли. Меншевистская муниципальная программа могла привлечь лишь мелких служащих и кадровых рабочих, чей труд неплохо оплачивался, но таких было немного. Война и революция еще больше сужали социальную базу умеренных преобразователей общественных отношений в стране.

Выборы в Самарскую городскую Думу были назначены на 15 августа 1917 г. К 15 июня статистический отдел городской Управы закончил работу по составлению избирательных списков и на пятый день предъявил их избирателям для обозрения. Лица, не внесенные в списки, должны были в течение пяти дней заявить об этом в Управу, в противном случае они не могли голосовать.⁷⁰ Такая жесткая позиция Управы способствовала дополнительной конфронтации, тем более что Временное правительство прислало разъяснение, по которому могли быть «лишены участия в выборах только монашествующие и лица, одержимые безумием».⁷¹ Накануне выборов, 14 августа, собрание комитетов воинских частей постановило ходатайствовать перед Временным правительством о разрешении произвести дополнительные выборы в Думу от лиц, ошибочно не занесенных в списки избирателей (около 1/3 гарнизона).⁷² Но прошением дело не ограничилось. 15 августа, с утра, не включенные в избирательные списки солдаты и инвалиды устроили демонстрацию перед зданием Думы, где выступавшие призывали к закрытию выборов.

Недостатки предвыборной агитации в Самаре по сравнению с Москвой отмечал Совет рабочих депутатов: «В Москве за неделю до выборов по всему городу только и было об этом речи. Летучие митинги, с крыши домов бросали листовки, муниципальные программы. Все улицы, заборы, окна, столбы, вагоны трамвая заклеены афишами со списками кандидатов. В Самаре тихо и спокойно по-прежнему. Триумф, Модерн, памятник, Соборная площадь,

вот почти все места, где только ведется предвыборная агитация. О летучих митингах Самара и не знает..., часто приходится слышать ... среди прислуги, торговки и вообще среди широкой массы населения разговоры о том, что "не наше это дело..." и эти люди или изорвут на выборах свою избирательную карточку, или же, что еще хуже, передадут ее своему хозяину".⁷³ Самарский губком РСДРП(б) намечал 13 августа провести демонстрацию с лозунгами из своей муниципальной программы, но в последний момент отменил ее, опасаясь "провокационных экспрессов".⁷⁴ Городская Управа старалась привлечь на выборы наибольшее число избирателей. Для этого она просила, в частности, губернского Комиссара и председателя Комитета народной власти "принять необходимые меры к воспрещению 15 августа всех вообще зрелищ, чтобы использовать их помещения".⁷⁵ Но ее формализм в отношении списков от воинского гарнизона свел на нет все усилия, и выборы были сорваны.

15 августа 1917 г. выборы в Самарскую городскую Думу состоялись лишь в 11 участках из 23. Естественно, их результаты сразу же были подвергнуты сомнению левыми силами даже по тем участкам, где выборы состоялись. Солдатский митинг, на котором присутствовало около 30000 человек, поручил избранной делегации сделать заявление Совету солдатских депутатов. Собрание требовало экстренно составить списки невключенных избирателей, отложить подсчет солдатских голосов "до общей подачи записок всеми солдатами", в том числе и находившимися на лечении в лазарете". Был высказан также протест против лишения избирательных прав солдат, не достигавших двадцати лет.⁷⁶

Таблица 4

Результаты частичных выборов в Самарскую городскую Думу от 15 августа 1917 г.⁷⁷

№ списка	Партии и объединения	Подано голосов	%
1	Большевики	4865	16,9
2	Эсеры	13844	48,0
3	Эсеры-максималисты	1829	6,4
4	Кадеты	3262	11,3
5	Меньшевики	1407	4,9

№ списка	Партии и объединения	Подано голосов	%
6	Домовладельцы	1323	4,6
7	Беженцы	1770	6,1
8	Груша «Единство»	30	0,1
9	Народные социалисты	500	1,7
	Всего	28830	100,0

Такая расстановка сил избирателей в целом отражала политические симпатии горожан в это время. Но уже в день выборов Центральная избирательная комиссия предложила считать выборы недействительными «ввиду юридической невозможности производства довыборов».⁷⁸ В.В.Куйбышев, поддержанный другими социалистами, предложил выделить делегацию из пяти человек для разъяснения создавшегося положения и успокоения солдат.⁷⁹ В дальнейшем события развивались следующим образом. На заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 16 августа почти все ораторы указывали на оторванность масс от Советов, видя в ней основную причину неорганизованности выступлений. Была принята резолюция протеста против контрреволюционных сил, содействовавших срыву выборов, с призывом ко всей демократии поддержать Совет в работе по проведению новых выборов. Внесенная максималистами резолюция: «движение народных масс 15 августа было актом восстановления своих законных прав; часть вины в неудаче выборов падает и на Совет, не проявивший на выборах надлежащего контроля» — собрала всего 28 голосов.⁸⁰

На следующий день 17 августа состоялось экстренное собрание городской Думы. Кадеты грозили привлечь губернского комиссара к суду за бездействие власти. В.А.Кудрявцев заявил, что «решать вопрос о кассации выборов дума не компетентна и не правомочна». Резолюция кадетов об ответственности лиц, виновных в прекращении выборов (солдаты и инвалиды), была отвергнута. Представитель Совета рабочих депутатов В.В.Кузьмин в своем выступлении подчеркнул: «... были обойдены солдатские массы, лишены избирательных прав около 15000 солдат, а всего 20-30 тыс. граждан лишены избирательных прав..., на их протесты никто не отозвался, не было принято никаких мер к выяснению и устранению этого негативного явления. Ни в одной части, ни в одной роте не были опубликованы списки избирателей... И виновники беспорядков те, кто вопит о порядках». Представитель Совета крестьянских депу-

татов, сравнивая отношение к вопросу Советов и Думы, заявил: "Там бичевали себя, полагая, что они отошли от жизни, а здесь ищут на кого бы другого свалить вину".⁸¹ После прений собрание приняло резолюцию нецензовых гласных: "Признать выборы несостоявшимися и принять все меры, чтобы права граждан впредь не были нарушены".⁸² Новые выборы были назначены на 24 сентября 1917 г.

В ходе второй муниципальной кампании активность всех политических партий и объединений возросла. В избирательную комиссию было представлено уже 16 списков кандидатов: большевики, эсеры, социалисты-народники, кадеты, меньшевики, максималисты, группа "Единство", домовладельцы, три еврейские социалистические партии, украинская, белорусская, польская группы, группа ревнителей православия и мусульманская группа.⁸³ Самарская городская Дума продолжала функционировать в старом составе, но споры и раздоры по "текущему моменту" в ней ничем не отличались от аналогичных партийных разборок в думах соседних губерний, избранных на демократических началах. Так, при обсуждении мероприятий местного самоуправления в связи с мятежом Корнилова кадеты и социалисты обвиняли друг друга в контрреволюционности, так и не договорившись о совместных действиях.⁸⁴ Отклонение большинством Думы предложения о посылке представителей на Демократическое совещание, собравшееся 12 сентября 1917 г. в Петроград, мотивировалось кадетами и социалистами по-разному. Первые считали, что на нем должны быть представлены все слои населения, а вторые отмечали, что "состоящая наполовину из цензовых элементов Дума не представляет городскую революционную демократию".⁸⁵

Попытки городской Думы как-то сдержать радикально-конфискационные требования наиболее обездоленных горожан не имели успеха. На заседании 29 сентября обсуждалась просьба группы обывателей о заселении артиллерийских казарм, т.к. в городе не было свободного жилья. Когда просителям было отказано, они стали упрекать нецензовых депутатов в отсутствии поддержки. В ответ на это гласный меньшевик Преображенский отметил: "Левые всегда будут поддерживать интересы всего населения, а не какой-нибудь группы, готовой даже применить самочинный способ для достижения своей цели".⁸⁶ Если раньше самые широкие городские слои возлагали определенные надежды на Думу, то теперь они обратили взоры к леворадикальным политическим си-

лам. “Большевистские тенденции своеобразно понимаемого “расширения и углубления революции” проникли в самую толщу демократических слоев населения. Менее сознательная часть рабочего класса, значительная часть армии отравлена ядом большевизма – отмечалось в официальной прессе.”⁸⁷

Вторая муниципальная кампания в Самаре проходила в условиях обострения социальных противоречий, но отмечалась лучшей организованностью как со стороны Думы, так и общественности. Дума реорганизовала избирательную комиссию, назначила нового, более деятельного председателя эсера И.П.Ткачукова, разработала “план предвыборной агитации как активной, так и пассивной”.⁸⁸ Выборы были отложены еще на неделю. Особое внимание уделялось охране города. Накануне выборов губернский Комиссар С.А Волков собрал совещание представителей от Комитета народной власти, Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, гарнизона, милиции. Был создан штаб по проведению выборов, которому представлялись все охранные полномочия вплоть до применения вооруженной силы. Для этого в каждый избирательный участок было делегировано по 6 человек из рабочей дружины, созданной Советом рабочих депутатов, и по 3 члена Совста солдатских депутатов. Кроме того, начальник Самарского гарнизона выделил в каждый участок по 18 солдат во главе с офицером. Было также решено в день выборов закрыть все рестораны и чайные до 4 часов дня.⁸⁹ С призывом к избирателям не допустить нового срыва выборов обратились комитеты пяти крупных социалистических партий: большевиков, максималистов, меньшевиков, эсеров и “Бунда”.⁹⁰

Суперактивность общественно-политических сил не нашла достаточной поддержки у рядовых избирателей. В выборах 1 октября в Самаре приняло участие 63025 человек, что составило 40 % горожан, включенных в списки.⁹¹ Восстановить данные по специальному составу избирателей, голосовавших за те или иные списки, затруднительно, но результаты по воинским выборным участкам вполне определены. Наибольшее число голосов здесь получили большевики – 2787, за эсеровский список проголосовало 1546 человек, кадетский – 161, мусульманский – 136, максималистский – 154, меньшевистский – 19.⁹²

Третья часть голосов, полученная большевиками в Думе, не давала им возможности проводить собственную политику даже при поддержке максималистов, интернационалистов и других левых

Таблица 5

Результаты выборов в Самарскую городскую Думу
от 1 октября 1917 г.⁹³

№ списка	Партии и объединения	Подано голосов		Избрано гласных	
		число	%	число	%
1	Большевики	20318	33,9	34	34,4
2	Эсеры	18956	31,6	32	32,4
3	Народные социалисты	783	1,3	1	1
4	Кадеты	7560	12,6	13	13,1
5	Меньшевики	1497	2,5	2	2
6	Максималисты	2926	4,9	3	3
7	Домовладельцы	3478	5,8	6	6,1
8	Украинская, белорусская, польская группы	1836	3,1	3	3
9	Группа ревнителей православия	1026	1,7	2	2
10	Мусульманская группа	1560	2,6	3	3
	Всего	59940	100	99	100

социалистических гласных. Эсеры, получившие тоже почти третью часть мест в Думе, также не имели союзников для получения большинства. От союза с кадетами они отказывались, другие мелкие группы не могли повлиять на принятие решения. Эсеры с горечью признавали: «Сравнительно с прошлыми сорванными выборами партия потеряла около 15 мест, которые заняли большевики... Мы этому не удивляемся, мы не сомневаемся в том, что в августе за наш список голосовали наши случайные «попутчики», ждавшие от нас быстрого осуществления своих заветных мечтаний. Теперь эти случайные попутчики, те, которые привыкли называться мартовскими социалистами, ушли от нас – усталые и случайные – к кадетам, а разъяренные и разнузданные – к большевикам».⁹⁴ При такой расстановке политических сил в Думе трудно было не только принять какие-то решения по вопросам поддержания городского хозяйства и социальной инфраструктуры, но даже сформировать исполнительные органы местного самоуправления.

После выборов Самарская городская Управа подготовила отчет за пятимесячный срок деятельности обновленной Думы. Была отмечена большая по сравнению с цензовой активность демократизированного самоуправления в мае-сентябре 1917 года. В заслугу себе Дума поставила организацию двух муниципальных кампаний, института мировых судей, милиции и разведочного бюро, создание городской биржи труда, введение всеобщего начального обучения. В отчете умалчивалось, что инициаторами и исполнителями этих дел были Комитет народной власти и Советы. Отчет Думы мало кого из гласных интересовал. Основным был вопрос о том, какая партия встанет во главе Думы. В постановлении Временного правительства об изменении действующего «Положения об общественном управлении городов» говорилось, «что должностные лица городского общественного управления утверждению правительственной власти не подлежат и вступают в отправление своих обязанностей вслед за вступлением в законную силу постановления думы об итогах избрания».⁹⁵

Самарский Комитет народной власти решил продолжить свое существование и при новой городской Думе, передавая ей дела постепенно. На первом заседании новой Думы 16 октября 1917 г. после «торжественного обещания» и приветствий обсуждался вопрос о выборах председателя. Со стороны предыдущего состава Управы были попытки оттянуть избрание должностных лиц ссылками на необходимость соблюдения ряда юридических формаль-

ностей. Но лидер большевистской фракции В.В.Куйбышев настоял на немедленном избрании председателя Думы. Было выдвинуто две кандидатуры, но ни одна из них не набрала необходимого количества голосов: эсер К.Д.Глядков получил за – 38, против – 50; большевик В.В.Куйбышев за – 32, против – 53.⁹⁶ Оба они оказались неизбранными. После закрытия заседания состоялись фракционные совещания большевиков и эсеров, обсуждавшие создавшееся положение. Между ними было заключено соглашение: большевики поддержат кандидатуру эсеров в председатели Думы, а эсеры будут голосовать за кандидатуру большевиков на пост городского Головы, при этом половина мест членов городской Управы должна быть отдана большевикам.⁹⁷ На следующий день, 17 октября, большевики сняли свою кандидатуру и председателем был избран К.Г.Глядков, его заместителем большевик А.П.Галактионов, секретарями большевик Шестопал и эсер Ткачуков. После этого старая Управа сама попросила о скорейшем переизбрании.⁹⁸

22 октября большевики обсуждали вопрос о принятии поста городского Головы на объединенном заседании бюро губернского и общегородского комитетов партии с представителями районов. Единогласия среди них не было: Ю.К.Милонов и А.А.Масленников высказывались против замещения должности, считая, что эсеры состоят в блоке с кадетами и с ними невозможно будет сотрудничать. Другие, как, например, Е.С.Коган, полагали, что это может поставить вопрос о проведении революционных мер, а противодействие кадетов, тормоз со стороны эсеров и репрессии правительства подтолкнут массы к мысли о необходимости диктатуры Советов.⁹⁹ 23 октября Дума по предложению большевиков и эсеров постановила, что городская Управа будет состоять из городского Головы, его товарища и 9 членов. В.В.Куйбышев выразил согласие баллотироваться на пост Головы. Кадеты сразу отказались голосовать “за кандидата партии государственного переворота”. Эсеры согласились голосовать за Куйбышева, но большевиком это заявление не удовлетворило. Они заявили, что эсеры не исполняют обещания дать им большинство мест в Управе. В.В.Куйбышев снял свою кандидатуру “в связи с невозможностью управлять городским хозяйством при наличии меньшинства в Управе”.¹⁰⁰ Итак, повлиять на ситуацию в Самаре через Думу и ее исполнительный орган – Управу – большевики могли только в союзе с другими социалистами, прежде всего эсерами. Надсжд на прочное блокирование у них не было. Кроме того, большевики стремились не к сотрудничеству, а к единовластию своей партии.

Чем дольше затягивалась муниципальная кампания, тем острее становилось политическое противостояние сил, в ней участвовавших. Хозяйственная разруха, неизбежно сопровождающая любую революцию, обостряла социальные противоречия. В конечном итоге осенью 1917 года линия борьбы между различными общественно-политическими силами переместилась в советы. Результаты октябрьских выборов в городские думы показали дальнейшее усиление влияния левых социалистов, которые сделали ставку на захват политической власти, а не на развитие органов самоуправления на демократических началах. Для иллюстрации широчайшего спектра политических пристрастий и усиления дифференциации общества особенно характерны выборы Казанской городской Думы, состоявшиеся в октябре 1917 года.

В ходе муниципальной кампании проявился ряд особенностей расстановки политических сил в Казани. Партия народной свободы имела авторитет среди значительной части городской интеллигенции, буржуазии. Несмотря на явный кризис властных институтов, созданных кадетами весной 1917 года, они сумели сохранить свой электорат там, где для этого была социальная база. В Казанской губернии социальная дифференциация проникла и в национальные общественно-политические объединения. Мусульманские организации разделились на умеренных и радикальных социалистов, прогрессивных мусульман. Свои отдельные списки на выборах в Думу представили различные социально-профессиональные группы горожан.

По итогам муниципальных выборов в Казани лидировали кадеты (26,9%), за ними шли большевики (19,6%), а затем уже эсеры (14,9%). Значительное число голосов получили умеренные социалисты как общероссийских, так и национальных партий: социалистический блок (14,9%), Мусульманская социалистическая группа (10%).¹⁰¹ Несомненно кадеты пользовались симпатиями среди профессуры Казанского университета, озабоченной забастовочным движением рабочих. Так, Совет Казанского университета 9 октября 1917 г. просил губернского Комиссара "принять законные меры к прекращению подобного самоуправления", когда "забастовавшие рабочие по металлу произвольно прерывают на улицах провода, лишая квартиры профессоров электрического света и препятствуя... их подготовке к лекциям".¹⁰² Частные предприниматели и управляющие казенными заводами также поддерживали стремление партии Народной свободы к соблюдению "законности" и осуждение

Таблица 6

Результаты выборов в Казанскую городскую Думу
от 8 октября 1917 г.¹⁰³

№ списка	Партии и объединения	Подано голосов		Избрано гласных	
		число	%	число	%
1	Мусульманский социалистический комитет	1731	5,1	6	5,6
2	Партия Народной свободы	9167	26,9	30	27,5
3	Социалистический блок	5074	14,9	16	14,6
4	Еврейский национальный блок	539	1,6	2	1,9
5	Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей-Цион»	557	1,7	2	1,9
6	Демократический внепартийный союз домовладельцев	385	1,1	1	0,9
7	Социал-демократическая рабочая партия (большевиков)	6684	19,6	21	19,2
8	Список прогрессивных мусульман	443	1,3	1	0,9
9	Демократический союз квартирантов	41	0,1	0	0
10	Демократическая внепартийная группа окраинных жителей	118	0,3	0	0
11	Социалисты-революционеры	5093	14,9	17	15,8
12	Мусульманская социалистическая группа	3401	10,0	11	10
13	Ремесленно-торгово-промышленная группа	428	1,3	1	0,9
14	Группа служащих и рабочих в городском управлении	422	1,2	1	0,9
	Всего	34092	100	110	100

“стачечного движения, разрушавшего производство”.¹⁰⁴ Наконец, в Казани находились учреждения управления обширным Волго-Уральским регионом и, следовательно, большее число гражданских и военных чиновников, чем в соседних губернских городах, тяготевших к партии кадетов.

Политические организации в Казани в силу названных обстоятельств постоянно конфликтовали не только друг с другом, но и пережили внутреннее размешвание. Так, организационное оформление казанских левых эсеров произошло весной 1917 года.¹⁰⁵ Естественно, они не хотели объединяться с умеренными социалистами в муниципальных выборах, а большевики вообще до захвата власти ни с кем не блокировались. В то же время ухудшившаяся осенью 1917 года экономическая ситуация в стране дифференцировала горожан в ориентации на те или другие структуры самоуправления. Например, казанские рабочие продовольственную проблему предпочитали решать через свои профсоюзы, фабзавкомы и Совет рабочих депутатов.¹⁰⁶ Все другие горожане по-прежнему ориентировались на городскую Управу.¹⁰⁷ Но городское самоуправление не могло оправдать этих ожиданий, т.к. было втянуто в распри между депутатскими группами.

В условиях широкого спектра общественно-политических сил, представленных в Казанской городской Думе после демократических выборов, невозможно было найти согласия между ними. Поэтому советы, политически и социально более однородные, для рабочих и солдат прежде всего стали альтернативой старым органам самоуправления – думам... Местные административные органы Временного правительства вынуждены были заниматься делами самоуправления. Справиться с ситуацией всеобщего хаоса, как-то стабилизировать порядок они пытались традиционными запретительными методами, лишь озлоблявшими бунтарские элементы. 17 октября 1917 г. Казанский губернский комиссар обязал начальника милиции даже “привлечь пожарную команду... для внесения должностного усюкоения” в городе. “В интересах безопасности населения г. Казани” он распорядился “принять экстренные меры к немедленному уничтожению пива и вообще напитков, содержащих в себе алкоголь”.¹⁰⁸ Такие меры лишней раз свидетельствовали о бессилии власти, непонимании ею глубинных причин общенационального кризиса и неумении найти из него выход.

Муниципальная кампания в уездных городах Поволжья в меньшей степени затронула взаимоотношения власти и общества, чем

в губернских центрах. В тех уездных городах, где имелось значительное количество пролетарских слоев населения и были крупные воинские гарнизоны, на выборах в думы лидировали политические партии, предлагавшие радикальные изменения общественных отношений.

Уникальная ситуация сложилась в Царицыне. Выборы здесь проходили дважды. На первых, состоявшихся 2 июля 1917 г., избиратели отдали предпочтение социалистическим партиям: блок эсеров, меньшевиков и Бунда получил 41 место в Управе, большевики – 39,¹⁰⁹ что составило 89% всех гласных. Особенно встревожило губернские власти убедительное лидерство большевиков, т.к. все другие социалисты выступали с умеренными лозунгами, а их блок в любой момент мог распасться. После разгрома июльской демонстрации в Петрограде на волне решительных действий “правоцентристской демократической диктатуры”¹¹⁰ в Царицын была направлена комиссия для наведения там “революционного” порядка. После изучения дел на месте обвинения о господствующем в городе солдатском терроре, убийствах и грабежах, стремлении “отложиться” от России с царицынских большевиков были сняты. Тем не менее по приказу Керенского в Царицын были посланы курсанты Саратовской школы прапорщиков для разгрома большевистского влияния в Совете рабочих и солдатских депутатов.¹¹¹ Выборы в городскую Думу также были объявлены недействительными, а многие гласные-большевики арестованы.¹¹²

Повторные выборы Царицынской Думы лишней раз продемонстрировали бесполезность и даже опасность применения репрессивных мер против политических сил, пользующихся авторитетом, в условиях осуществления демократической избирательной системы. В конце августа за большевиков проголосовала половина избирателей, а умеренные социалисты, пытавшиеся упрочить свои позиции за счет преследуемых большевиков, скомпрометировали себя и потеряли часть электората.

Решительный поворот в политической ориентации городского населения произошел в другом уездном центре Поволжья – Сызрани, где также имелся значительный слой промышленных рабочих. Выборы здесь проходили дважды, но не потому, что губернскую власть не устраивала сложившаяся в Сызранской Думе в июле расстановка политических сил, когда две трети голосов получил блок эсеров и меньшевиков. Такая ситуация перестала удовлетворять большинство избирателей. В октябре 1917 года

Таблица 7

Результаты выборов в Царицынскую городскую Думу
от 27 августа 1917 г.¹¹³

Политические партии и объединения	Подано голосов		Избрано гласных	
	число	%	число	%
Большевики	8921	50,0	45	50,0
Эсеры	2884	16,6	15	16,7
Меньшевики	2068	11,9	11	12,2
Деловая группа	969	5,6	5	5,6
Церковно-приходская группа	677	4,2	4	4,5
Народные социалисты	553	3,3	3	3,3
Кадегты	464	2,8	2	2,2
Бунд	230	1,3	1	1,1
Паолой-Цион	173	1,0	1	1,1
Сионисты	565	3,3	3	3,3
Всего	17504	100	90	100

начались перевыборы совестов, профсоюзков, фабзавкомов, проходили выборы в волостные земства. Противоречия между различными политическими партиями и их социальной базой приняли антагонистический характер. Это наглядно продемонстрировали перевыборы Сызранской городской Думы.

Сравнивая политические пристрастия сызранцев в двух муниципальных кампаниях, прежде всего нужно отметить резкую поляризацию социальных сил осенью 1917 г. Если эсеры и меньшевики на июньских выборах в Думу получили 63,6% голосов и могли полностью контролировать ее решения, то в октябре за них проголосовало всего 13% избирателей. Даже если бы умеренные социалисты стали блокироваться с кадетами в Думе, получить квалифицированное большинство они бы не смогли. Кроме того, центр местного самоуправления в городах постепенно перемещался в Советы. Косвенно это подтверждает сокращение активности избирателей на выборах в городское самоуправление. Так, число избирателей в Сызранскую Думу осенью сократилось по сравнению с летом на $\frac{1}{3}$.

В целом, в большинстве уездных городов Поволжья расстановку политических сил в значительной степени определяло аграрное движение. Поэтому на выборах в городские думы в них лидировали эсеры, т.к. организаций других политических партий здесь просто не существовало, а отдельные представители и даже небольшие группы не могли повлиять на ход событий. В уездных городах значительное число голосов при выборах местного самоуправления получили беспартийные группы, что не отрицало их либеральной политической ориентации, но и они были втянуты в политическую борьбу всем ходом революционного процесса.

Итоги муниципальной кампании 1917 года в поволжских городах свидетельствуют о сложном переплетении социально-политических коллизий в обширном аграрном регионе страны. Выборы в городские думы показали, что все политические силы, действовавшие в революции, использовали их для расширения своей социальной базы в борьбе за власть. Временное правительство, первоначально собравшееся после выборов наделить думы властными полномочиями на местах, вскоре отказалось от таких намерений. Поступило оно так скорее всего потому, что раздираемые политическими распрями демократически избранные думы оказались не в состоянии функционировать даже в сфере своей традиционной деятельности.

Таблица 8

Результаты выборов в Сызранскую городскую Думу
от 23 июля и 22 октября 1917 г.

Политические партии	23. 07. 1917 г.		22. 11. 1917 г.		
	Подано голосов	Избрало гласных	Подано голосов	Избрано гласных	
		число		%	число
Большевики	875	3	4230	23	43,4
Эсеры и меньшевики	7991	28	1228	8	15,1
Кадеты	1046	4	3632	19	35,8
Народные социалисты	2661	9	373	3	5,7
Всего	12573	44	9463	53	100

Заботы о пользах и нуждах местного населения перестали интересовать демократических гласных. Они дебатировали события политической жизни страны, столь насыщенной в революционную эпоху, выступали с протестами и демаршами против тех или иных действий власти, а принять каких-либо согласованных решений не могли. В результате все вопросы управления городским хозяйством и социальной инфраструктурой отошли в думы и их исполнительных органах, управах, на последний план. Они перестали исполнять свое общественное предназначение. Попытки наделить органы местного самоуправления организационными функциями не только в социально-экономической, но и в политической области, не удались.

Муниципальная кампания 1917 года показала особенности расстановки политических сил в Поволжье, выявила общее и особенное в разных губернских и уездных городах. Для политических партий она явилась своеобразной репетицией выборов депутатов Учредительного собрания. Кадеты разрабатывали программу реформирования местного самоуправления, когда были правящей партией. В период проведения всеобщих муниципальных выборов Временное правительство успело пережить три политических кризиса, а его состав пополнился представителями умеренных социалистов. Легкие выборы городских дум показали исключительную популярность эсеро-меньшевистского блока и падение авторитета революционеров-февралистов, в большинстве своем кадетов. Большевики в это время переживали трудности, поскольку были объявлены «партией государственного переворота», проводившей гражданскую войну. Тем не менее их радикальные лозунги с развитием социально-экономического кризиса становились все более популярными среди пролетариев и солдат тыловых гарнизонов.

В провинции большевистские организации подверглись меньшим гонениям, чем в столице. В тех случаях, когда к ним применяли репрессивные меры, их популярность еще больше возрастала, что психологически вполне объяснимо в условиях кризиса. Выборы в городские думы, проходившие осенью 1917 года, изменили картину расстановки политических сил, олицетворявших собой бессильную власть, перестали привлекать избирателей. Радикальная часть их электората поддержала большевиков, умеренная — кадетов.

Во всех крупных городах Поволжья на выборах были представлены еврейские и мусульманские политические партии и объе-

линейно. Они имели свой электорат и пропорционально числу поданных голосов получали по несколько мест в думах. Во всех губернских городах было представлено по 2-3 списка еврейских организаций, что расплывало их электорат и не все они получали достаточно голосов для представительства в думах. Однако в списках всех крупных политических партий евреи составили до 1/4 кандидатов. Члены мусульманских организаций были представлены на выборах во всех губернских городах региона, за исключением Саратова, и были избраны в думы пропорционально поданным голосам.

6.2. Подготовка выборов в земства и Учредительное собрание

Среди основных факторов общенационального кризиса в России аграрный вопрос к осени 1917 года выдвинулся на первое место. Крестьянский "черный передел" в аграрном Поволжье принял небывалый размах и определял взаимоотношения власти и общества как в деревне, так и в городе. Это было связано не только с численным превосходством крестьянского населения, но и особенностями функционирования народного хозяйства. Обострение продовольственного вопроса напрямую влияло на ход социальной революции и поляризовало политические силы общества. Крестьянские выступления, направленные против хлебной монополии, объявленной Временным правительством, перерастали в настоящие восстания против правительственных войск, посылаемых в деревню для наведения порядка.

Перераспределением собственности, а следовательно и власти в сельской местности, занялись низовые крестьянские комитеты, вышедшие из-под контроля не только местной администрации, но и совстав. В.И. Ленин чутко уловил своеобразие русской революции, определяя коренные ее вопросы. "Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому названию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения".¹¹⁵ Анализируя расстановку политических сил, он отмечал, что "после аграрного в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет ... национальный вопрос"¹¹⁶ и по

этим "коренным ... вопросам пролетариат "не изолирован" на редкость".¹¹⁷ В Поволжье оба эти вопроса приобрели в 1917 году особую остроту, но противоречия социальные здесь преобладали над национальными.

Стремление к ликвидации частной собственности на землю и другие средства производства сплачивало в единый революционный поток многонациональное крестьянство Поволжья. Поэтому из национальных партий и объединений имели поддержку прежде всего социалисты. В ходе подготовки к выборам волостных земств и особенно депутатов Учредительного собрания со всей очевидностью проявилось стремление политических партий использовать крестьянское движение для мобилизации своего электората. Ареной острейшей политической борьбы в Поволжье летом и осенью 1917 года стали губернские и уездные крестьянские съезды. У них был разный статус и механизм функционирования. Уездные съезды собирались для координации действий волостных исполнительных комитетов. На губернские съезды делегаты избирались на сельских сходах, волостных собраниях и съездах в соответствии с определенными еще весной 1917 года нормами представительства. Организационную работу по созыву съездов выполняли губернские советы крестьянских депутатов, которым выделялись делегатские квоты. Как правило, это были члены исполкомов советов крестьянских депутатов, но партийной принадлежности преимущественно эсеры.

Временное правительство после июльского политического кризиса уже не ограничивалось объявлениями о противозаконности постановлений крестьянских съездов, сходов, собраний по аграрному вопросу. Новый премьер-министр социалист А.Ф.Керенский проводил более жесткую политику в отношении радикальных организаций, чем его предшественник либерал Г.Е.Львов.¹¹⁸ Министерство внутренних дел предписывало губернским комиссарам активнее использовать административно-судебные органы и воинские команды для пресечения конфискационной деятельности низовых крестьянских организаций.¹¹⁹ Выполнить эти предписания на местах было затруднительно, а чаще просто невозможно. Тыловые гарнизоны были распропагандированы левыми социалистами и, как правило, не подчинялись никому.¹²⁰ Только в Казанской губернии, где находился штаб военного округа, удавалось иногда изыскать силы для восстановления законного порядка¹²¹, но действия их были малоэффективны. В каждую деревню солдат

не пошлешь, да и взять их было неоткуда. Местные органы власти старались обойтись без таких непопулярных мер, как подавление социального протеста военной силой. Это могло окончательно расстроить взаимоотношения власти и общества.

Крестьянские съезды рассматривались не только политическими партиями, но и местными административными структурами как организующие объединения, способные хоть как-то стабилизировать ситуацию в деревне. В июле-августе 1917 года губернские крестьянские съезды проходили в трех поволжских городах: Симбирске, Пензе и Самаре. Роль и значение их в организации крестьянства были неодинаковы, но везде лидировали эсеры. II Симбирский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 15-20 июля 1917 г., сосредоточил свое внимание на аграрном вопросе. Он присоединился к решениям I Всероссийского крестьянского съезда, но потребовал немедленного издания временного земельного закона до созыва Учредительного собрания.¹²² Выработать собственное положение о передаче всех частновладельческих земель в руки крестьянства губернский съезд не решился. Однако его законодательная инициатива предусматривала передачу функций регулирования аграрных отношений местным земельным комитетам. Это объясняется тем, что организатором II крестьянского съезда выступил Симбирский губернский земельный комитет¹²³, в который поступали настойчивые предложения от низовых организаций "передела всей земли".¹²⁴ Свое решение делегаты съезда мотивировали также тем, что "земельные комитеты в глазах крестьянства пользовались известным авторитетом... Состав земельных комитетов в уездах губернии был вполне демократичен, преобладают бедные и средние крестьяне. Поэтому постановлений в ущерб чаяниям крестьянства они не выносили и пользуются доверием большинства населения".¹²⁵ Итак, приоритет низовых земельных комитетов в решении аграрного вопроса объяснялся социальным составом этих структур. Следовательно, на поддержку крестьян могли рассчитывать только те политические объединения, которые предлагают решить земельный вопрос в Учредительном собрании в духе их требований.

В Пензенской губернии очередной крестьянский съезд проходил в обстановке реализации радикальных постановлений по земельному вопросу. Крестьяне-общинники под руководством волостных исполнительных и земельных комитетов приступили к массовым организованным захватам земель помещиков и других соб-

ственников. На заседании Пензенского губернского земельного комитета в июле 1917 года представители от уездов сообщали, что им "пришлось считаться с существующим уже положением дела в результате проведения постановления крестьянского съезда от 15 мая..., земли уже были распределены населению... Помещичья земля взята на учет... Земли хуторян и отрубников крестьяне взяли в общий уравнильный передел по соглашению и без соглашения; в большинстве волостей взят на учет инвентарь"¹²⁶.

III Пензенский губернский крестьянский съезд состоялся 5-8 августа 1917 г. и сосредоточил свое внимание на двух основных вопросах: об организаторской деятельности Совета крестьянских депутатов и о проведении в жизнь постановлений II съезда по земельному вопросу. Члены исполкома Совета, все эсеры использовали трибуну съезда прежде всего для развертывания агитационной кампании в пользу своей партии на выборах в Учредительное собрание. На съезде делегаты подвергли критике деятельность губернского Совета крестьянских депутатов, который "мало занимался решением дел". Докладчик Саламатин оправдывался тем, что "все члены были в разъездах по губернии, куда их требовали для разрешения всякого рода конфликтов, на съезды в Москву, Петроград и т.д."¹²⁷. Для укрепления своего положения члены исполкома крестьянского Совета по предложению председателя съезда М. Д. Болцова настояли на включении в его состав на равных основаниях с крестьянскими выборными делегатов общегубернской конференции партии эсеров.¹²⁸ Это дало им возможность навязать крестьянам резолюцию с выражением доверия Временному правительству. В результате критической оценки деятельности исполнительного комитета губернского Совета крестьянских депутатов на съезде была принята более четкая организационная структура крестьянских советов губернии, но задачи их не определены.¹²⁹

Все попытки Временного правительства остановить "черный передел" на местах не имели успеха. Пензенский губернский крестьянский съезд в своем постановлении по земельному вопросу подтвердил "исключительное право земельных комитетов на учет, заведование и распределение земель и лесов".¹³⁰ Он признал также вредными "самовольные выступления как отдельных лиц, так и целых обществ".¹³¹ Это постановление было принято по инициативе и под давлением губернского комиссара. За неделю до съезда он разослал следующее предписание уездным и волостным исполнительным комитетам: "1) Принять немедленно самые энергичные

меры к недопущению и прекращению всяких самовольных незаконных действий со стороны населения, препятствующих землевладельцам в уборке полей и посевах. 2) Никким образом не выносить постановлений и резолюций, дающих повод населению к проявлению насильственных и преступных действий против землевладельцев".¹³² Умеренность постановлений данного съезда объясняется как его составом (из 300 делегатов половина были члены губернской конференции эсеровской партии), так и общей политической обстановкой в стране, характеризующейся временным спадом революционной активности масс. Характерно, что в своих революционных действиях крестьяне губернии летом и осенью 1917 г. опирались на более радикальные, четкие и конкретные постановления II съезда, расценивая резолюции III съезда лишь как подтверждение предыдущего.

Состав III Пензенского губернского крестьянского съезда определил и его постановление о соглашении "Совета крестьянских депутатов с партией социалистов-революционеров для совместного проведения общего списка кандидатов в Учредительное собрание". В документе подчеркивалось, что все кандидаты общего списка должны быть членами и деятельными работниками партии социалистов-революционеров".¹³³ Уездные крестьянские съезды, проходившие в июле-сентябре 1917 года, решали, в основном, вопросы организационного характера. Они утверждали новые составы уездных земельных, лесных, продовольственных комитетов, выбирали членов уездных и губернского Советов крестьянских депутатов.¹³⁴ По-прежнему и в губернских, и в уездных крестьянских организациях, а также в органах власти было монопольное представительство социалистов-революционеров умеренного направления.

Крестьяне, успевшие разочароваться в эсерах, находившихся у власти в губернии с середины мая 1917 года, стали искать поддержку своих конфискационных притязаний в социально-экономической области у радикалов. Характерно в этом отношении письмо крестьянина из села Ямщины Инсарского уезда Пензенской губернии в редакцию "Деревенской правды", где он выразил политические симпатии группы односельчан: "Я нахожу, что нас могут спасти только тов. большевики, а здесь у нас лишь одна партия социалистов-революционеров ..., у нас есть сознательные солдаты, которые хотят голосовать в Учредительное собрание за тов. большевиков, а списка у нас нет. Прошу вас, спасайте нас. Ждем, чтобы приехал агитатор от тов. большевиков".¹³⁵

В сентябре-октябре 1917 года усилился кризис местной власти. Советы и комитеты все чаще стали критиковать действия администрации. Пензенский губернский комиссар в докладе министру внутренних дел от 19 сентября 1917 года признался: "Влияние и авторитет власти растеряны. Последние события показали, что наибольшим авторитетом из общественных организаций пользуются Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и комиссарият считает своей обязанностью в трудные минуты прибегать к содействию Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".¹³⁵ Земские деятели также отмечали, что большинству членов земских управ крестьяне "выразили недоверие и требовали замены их более левыми элементами".¹³⁷ Иногда комитетчики даже арестовывали земцев, убеждавших их отказаться от захвата частных имений.¹³⁸ В таких условиях местная администрация, запуганная крестьянским террором, вынуждена была "просить Совет Республики и Временное правительство издать в спешном порядке соответствующий декрет о немедленной передаче частновладельческих земель и лесов в ведение и распоряжение земельных комитетов".¹³⁹

Крайне напряженная обстановка сложилась летом и осенью 1917 г. в Самарской губернии. Повсеместно крестьяне на основании "Временных правил", выработанных II губернским съездом, осуществляли раздел земель, отобранных ими у землевладельцев. Во многих местах приняло широкие масштабы движение крестьян-общинников за возврат отрубных и хуторских земель.¹⁴⁰ Только одной земельной комиссией губернского Совета крестьянских депутатов за два месяца было "разобрано 370 дел, возникших на почве проведения в жизнь указанных "Правил".¹⁴¹ III Самарский губернский крестьянский съезд, объединившийся затем со всесословным, состоялся 20-27 августа 1917 г. По замыслу организаторов он должен был разрядить напряженную обстановку в губернии. Съезду, на котором присутствовало 410 делегатов, были предложены для обсуждения заранее подготовленные исполкомом крестьянского Совета вопросы: отчет о деятельности губернского Совета крестьянских депутатов; выборы в волостные земства; выборы в Учредительное собрание.¹⁴²

С самого начала работы III Самарского губернского крестьянского съезда на нем оформились две противоборствующие фракции со своими лидерами и группами поддержки. Радикальную группу составляли крестьянские делегаты, избранные сельскими сходами

или делегированные сельскими и волостными комитетами народной власти и земельными. Их активно поддерживали большевики, из которых В.И.Ермощенко был делегатом съезда от Николаевского уезда, А.А.Масленников и Н.П.Тенлов – представителями от политических партий и губернских общественных организаций. К ним примыкали эсеры-максималисты. Другая, более многочисленная и лучше организованная группа делегатов, состояла из руководителей многочисленных губернских и уездных административных и общественных организаций. Возглавляли ее партийные функционеры губернского комитета социалистов-революционеров. Они обеспечили себе непререкаемое большинство на съезде, занимали умеренные позиции по основным вопросам революционного времени и надеялись “вести в законное русло” крестьянскую вольницу. По всем обсуждавшимся вопросам между названными фракциями разгорались яростные споры.

Разногласия между делегатами проявились уже при обсуждении плана работы съезда, когда представители Николаевского и Новоузенского уездов в выступлениях с мест потребовали дополнить его повестку, включив “вопросы: доклады с мест, текущий момент, правила временного землепользования, война и власть, продовольственное дело”.¹⁴³ Их не удовлетворяла политика Временного правительства, в циркулярах которого “крестьяне увидели реакцию, возврат к прошлому и готовы были пойти на все, только бы не возвращаться к прошлому”.¹⁴⁴ Глава делегации Николаевского уезда большевик В.И.Ермощенко мотивировал необходимость созыва Всероссийского крестьянского съезда тем, что исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов дискредитировал себя поддержкой аграрной политики Временного правительства. Лидеры эсеров В.М.Голубков, П.Д.Климушкин, губернский комиссар С.А.Волков пытались не допустить обсуждения вопроса о доверии Временному правительству, т.к. от крестьян его ждать не приходилось. Они настаивали на включении в повестку дня съезда только вопросов, заранее обсужденных Советом крестьянских депутатов. Но при активной поддержке большевиков (вслед за Ермощенко выступил с поддержкой требований крестьян большевик Масленников) при вторичном голосовании в повестку дня был внесен вопрос “О созыве Всероссийского крестьянского съезда”.¹⁴⁵

Резкой критике на съезде подверглась также нерешительная, колеблющаяся позиция руководства крестьянского Совета, заня-

тая им в ходе реализации “Временных правил пользования землей”. Сенсацией председателю исполкома губсовета Г.М.Соколова о том, что и “на местах пришлось сталкиваться с защитниками циркуляров Львова, Леонтьева и Церетели”¹⁴⁶, крестьянских делегатов не удовлетворили. Они потребовали заслушать отчет о переговорах местных руководителей с министрами Временного правительства в Петрограде.¹⁴⁷ Поведение губернских руководителей в столице было неприглядным¹⁴⁸, и они предложили отложить обсуждение этого вопроса до общесословного съезда. Эсеры-максималисты К.К.Гецольд и В.А.Кузьмин обвинили их в отходе от программных лозунгов партии, “соглашении с буржуазией”,¹⁴⁹ отказе “от революционной тактики и наступлении против рабочих, солдат и крестьян”.¹⁵⁰ Большевики, в свою очередь, призвали крестьян “осудить действия Временного правительства и его представителей на местах”.¹⁵¹ Однако умеренное большинство съезда настояло на принятии резолюции о доверии Временному правительству.¹⁵²

Законотворческая инициатива крестьянских депутатов на съезде всячески сдерживалась. Президиум умело манипулировал собранием: ограничивал повестку дня лишь подготовленными заранее вопросами, большевикам и максималистам на выступления в прениях не давали больше пяти минут, в то время как эсеров не ограничивали.¹⁵³ При обсуждении закона о выборах в волостные земства В.И.Ермощенко выступил с его критикой, поскольку он лишал избирательных прав молодых людей 18-19 лет. Левые заявили, что это направлено прежде всего против молодых солдат,¹⁵⁴ самой мобильной революционной силы как в городе, так и в деревне. Товарищ председателя съезда, один из эсеровских лидеров, И.М.Брунвит, защищая политику Временного правительства вообще и этот закон в частности, заявил: “Мы не вправе изменять законы”.¹⁵⁵ Более многочисленная группа делегатов поддержала его криками с мест “о недопустимости анархии”.¹⁵⁶ Резолюция Ермощенко, снижавшая возрастную ценз избирателей до 18 лет, была большинством голосов отклонена.¹⁵⁷

Рассматривая вопрос о подготовке к выборам Учредительного собрания, губернский крестьянский съезд утвердил соглашение Совета крестьянских депутатов с Комитетом партии эсеров о выдвижении общего списка кандидатов в депутаты.¹⁵⁸ Обсуждая наказ съезда Учредительному собранию, эсеры-максималисты предложили на голосование резолюцию, требующую отмены частной соб-

ственности на средства производства, заключения демократического мира, передачи власти в руки советов.¹⁵⁹ Такая позиция максималистов положила начало оформлению их блока с большевиками и разрыву с умеренным большинством партии. Однако на выборы в Учредительное собрание самарские эсеры шли общим списком, в котором преобладали умеренные. По процедурным вопросам эсеровское большинство съезда утвердило все умеренные проекты решений. Но на попытки губернского руководства отступить от "Временных правил пользования землей" на том основании, что их не одобряет Временное правительство, делегаты съезда заявили решительный протест. Крестьяне не поддались угрозам и репрессиям, не прельстились уговорами и обещаниями. Они осознали свою силу и заявили: "Три четверти крестьянства арестовать нельзя".¹⁶⁰

Настойчивые требования крестьян закрепить местным законом уже осуществляемые ими изменения аграрных отношений привели к обсуждению на общесословном съезде мероприятий по землепользованию в новых условиях. "Общая инструкция волостным земельным комитетам", утвержденная Самарским губернским земельным Комитетом 20 августа 1917 г., легла в основу разработанных съездом "Правил об обложении платежом в пользу государства лиц, пользующихся в 1917 г. казенными, частновладельческими, банковскими и иными землями"¹⁶¹. В ходе дискуссии часть ораторов призывала собрание "не утверждать этих правил, как не согласных с правилами, выработанными II губернским крестьянским съездом". Крестьянские делегаты в обложении земель различного качества разными налогами видели аренду, что было шагом назад в решении земельного вопроса. Взамен этого предлагалось установить одинаковый общий налог на все земли различного качества, различных ведомств и владельцев. Другая часть ораторов, ссылаясь на распоряжения Временного правительства сохранить до Учредительного собрания границы владений и уездов и большую крайнюю нужду государства в средствах, просила съезд не видеть "хитрой механики" в правилах обложения, т.к. они составлялись людьми, преданными делу крестьянства"¹⁶².

В своей практической деятельности крестьяне использовали из всех правил и инструкций лишь те пункты, которые позволяли им расширять процесс экспроприации земель у частных владельцев.¹⁶³ "Инструкция" предусматривала "в интересах расширения площади посева под яровые на 1918 г. комитетам взять в свое

ведение не только все земли, на которых владельцы не ведут собственного хозяйства, но также принять на учет для распределения излишка среди безземельных и малоземельных земли собственников и арендаторов, на коих имеются хозяйства”¹⁶⁴. Таким образом, эсеры использовали крестьянский съезд для обеспечения победы своей партии на выборах волостных земств и Учредительного собрания, а пизовые крестьянские комитеты – для обоснования “законности” земельных захватов.

Губернские крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в сентябре 1917 г., также использовались эсерами для агитационной кампании по выборам Учредительного собрания в пользу своей партии. Крестьянское движение в это время нарастало. Сельские и волостные крестьянские комитеты решали земельный, лесной, продовольственный вопросы в соответствии с постановлениями крестьянских съездов, пусть даже высказанных в форме наказов Учредительному собранию. Запретительные циркуляры Временного правительства не могли быть реализованы из-за слабости местной власти. Резкая поляризация политических сил в стране, ускоренная корниловским мятежом, осенью 1917 г. проявилась не только в городских, но и в сельских общественных организациях. Стремясь закрепить результаты перераспределения земельной собственности, проведенного летом 1917 года, крестьянские комитеты поддерживали лишь те структуры, которые одобряли “черный передел”.

В Казанской губернии левозэсеровский Совет крестьянских депутатов встал на защиту своих радикальных постановлений по земельному вопросу. Когда губернская администрация попыталась привлечь к судебной ответственности экспроприаторов чужой земельной собственности, Совет крестьянских депутатов предложил губернскому комиссару “принять немедленно меры к приостановлению самочинных арестов”¹⁶⁵. В тех уездах Казанской губернии, где крестьянские комитеты возглавляли большевики или левые эсеры, целенаправленно осуществлялись ликвидация частной собственности на землю, экспроприация и взятие на учет сельскохозяйственного инвентаря владельцев. Умеренные социалисты с горечью отмечали, что в Спасском и Лаишевском уездах “все маломальски сознательное население терроризировано маркой большевика”¹⁶⁶. На уездных съездах Казанской губернии летом и осенью 1917 г. по требованиям волостных комитетов уездные комиссары сменялись представителями левых партий.¹⁶⁷ Постоянно переизби-

рались и сами комитеты общественной безопасности с целью изменения их состава в пользу радикальных элементов.¹⁶⁸

Размежевание в партии социалистов-революционеров в Казанской губернии наглядно проявилось в противоположных позициях по аграрному вопросу левых и умеренных. Казанский губернский земельный комитет 24 августа 1917 г. выработал "Инструкцию волостным земельным комитетам", направленную на ограничение захватов земли, лугов, лесов и сельскохозяйственного инвентаря частных владельцев. По этой "Инструкции" комитеты должны были "стремиться к достижению соглашения с частными владельцами о предоставлении последними земли в арендное пользование", к охране отрубов и хуторов, к пользованию монастырскими землями на арендных началах, к сохранению всего живого и мертвого инвентаря за помещиками и другими частными владельцами.¹⁶⁹ Таким образом умеренные социалисты, возглавлявшие губернский земельный комитет, пытались хоть как-то сдержать разрушавший производительные силы деревни "черный передел".

II Казанский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 10-14 сентября 1917 г., наоборот, принял радикальные решения по всем социально-экономическим и политическим вопросам. В резолюции о власти, предложенной левозеро-вским губернным Советом крестьянских депутатов, было выдвинуто требование "о перемене Временного правительства и выборах нового его состава из представителей социалистических партий".¹⁷⁰ Делегаты съезда решительно осудили действия местных административных органов и потребовали от губернского прокурора освободить арестованных в июле руководителей крестьянского движения. Когда прокурор отказался выполнить это незаконное требование, то делегат от воинского гарнизона угрожающе заявил: "Пусть знают прокурор и Временное правительство, что наши пушки заговорят, если он не подчинится крестьянскому съезду"¹⁷¹. В результате арестованные были освобождены и участвовали в работе данного съезда.

В резолюции съезда по земельному вопросу, принятой единогласно, Временное правительство обвинилось в том, что "до сих пор не привело к исполнению постановлений Всероссийского Совета крестьянских депутатов о земле".¹⁷² Отмечалось, "что пока вместо удовлетворения требований крестьянства помещики получили поддержку от правительства циркулярами, его следователями и прокурорами, которые привлекают к суду и арестовывают крестьян, борющихся за землю и волю".¹⁷³ В связи с этим съезд

объявил себя единственным защитником крестьянских требований подтвердил, что “вся земля, а равно и весь инвентарь, живой и мертвый, должны быть переданы в пользование крестьянства через земельные комитеты до Учредительного собрания”.¹⁷⁴

Существенно отличалась в Казанской губернии подготовка крестьян к выборам в Учредительное собрание. Кандидаты в депутаты выдвигались на местах крестьянскими сходами, собраниями и съездами, а затем их кандидатуры обсуждались персонально на губернском съезде. После этого “съезд выставил своих кандидатов в Учредительное собрание и решил идти списком социалистов-революционеров”, но включил “делегатов крайне левого крыла партий”.¹⁷⁵ Такое решение было принято на волне жесткой критики действий как центральной, так и местной власти Временного правительства. Крестьянские делегаты на съезде говорили “о корниловской аванюре как об измене, которую устроила буржуазия”.¹⁷⁶ Выборы в волостные земства они часто объявляли недействительными, как “произведенные под давлением кулаков”.¹⁷⁷ Таким образом, на Казанском губернском крестьянском съезде в сентябре 1917 года завершилось оформление блока большевиков и левых эсеров, выступивших за передачу власти советам на местах.

Постановления губернского съезда, конкретизированные и поддержанные на уездных и волостных съездах, были использованы крестьянами губернии в их борьбе против местной администрации Временного правительства. Спасский уездный крестьянский съезд в своем постановлении от 24 сентября 1917 г. потребовал “не допускать к власти лиц буржуазных классов и кадетов”, передать “функции следователей в Советы крестьянских, солдатских и рабочих депутатов”..., ввести немедленно “контроль над производством всех фабрик и заводов” и запретить выпуск “товаров на рынок помимо этих комитетов...”, принять немедленно все возможные меры для прекращения войны”.¹⁷⁸

Размах крестьянского движения в Саратовской губернии к осени 1917 года нарастал еще стремительнее, чем в других районах Поволжья.¹⁷⁹ Это было обусловлено следующими обстоятельствами: несомненным влиянием крестьянского восстания в соседнем Центрально-Черноземном регионе и отсутствием местной законодательной базы для осуществления аграрных требований крестьян-общинников. Регулирование поземельных отношений осуществлялось на уездном и даже волостном уровнях исходя из местных условий и расстановки партийно-политических сил. Например,

Кузнецкий уездных крестьянский съезд, состоявшийся в августе 1917 года, в своем наказе объявил все частновладельческие земли общенародным достоянием без всякого выкупа и заведование ими передавал местным органам самоуправления. Делегаты съезда потребовали также от центральной власти соблюдения и расширения демократических свобод, скорейшего созыва Учредительного собрания.¹⁸⁰ Не находили поддержки у крестьян советы, недостаточно проявившие себя в защите их требований. Так, Вольский уездный комиссар эсер Декатов отказался признать Совет крестьянских депутатов, избранный крестьянским съездом. Когда он сформировал другой Совет под своей опской, делегаты съезда заявили, что "теперь хотя и образовался Совет крестьянских депутатов, но от него толку все равно нет"¹⁸¹.

Саратовский губернский крестьянский съезд, состоявшийся 10-14 сентября 1917 г., принял решения, отражавшие позиции умеренных социалистов. Они предпринимали попытки спасти исполнительную власть, пытаясь создать переходные контрольно-законодательные структуры для выражения общественного мнения. Резко осуждая корниловский мятеж, делегаты съезда обвиняли "помещиков и капиталистов" в том, что они "разрушали работу как в стране, так и в правительстве"¹⁸². В связи с этим съезд выступил за новый состав Временного правительства, "ответственный перед центральными органами народной демократии"¹⁸³. Явно отставало от реальности постановление съезда по земельному вопросу, в котором он "присоединился целиком к резолюции Всероссийского Совета крестьянских депутатов об изъятии всех земель из товарооборота и передачи их в уравнительное пользование трудового народа".¹⁸⁴ Конкретного механизма реализации данного постановления Саратовский губернский крестьянский съезд так и не выработал.

Уездные крестьянские съезды, прошедшие в Саратовской губернии осенью 1917 года, по вопросам о земле и власти приняли аналогичные губернскому съезду постановления¹⁸⁵, откладывая их рассмотрение до Учредительного собрания. Тем не менее, пожелания съездов о необходимости отмены частной собственности на землю низовые крестьянские комитеты воспринимали как закон.¹⁸⁶ Только когда конфликт между местной властью и крестьянством стал непримиримым, саратовские "эсеры заволновались и почти накануне Октября предложили создать при исполкоме земельную комиссию", которая разрабатывала "обязательное постановление,

облегчающее переход земли во временное пользование крестьян до Учредительного собрания”¹⁸⁷. На выборах в Учредительное собрание эсеры еще сохранили свой электорат. Однако большевики, придя к власти, “изданием местного закона о передаче крестьянам помещичьей земли выбили всякую почву у эсеров и разрушили ту организационную преграду, какую они воздвигли, отъединив исполком рабочих от исполкома крестьянского”.¹⁸⁸

В Симбирской губернии, где политическая дифференциация в демократическом лагере была незначительна, решения крестьянских съездов, созывавшихся осенью 1917 года, были еще осторожные. Так, делегаты Ардатовского уездного съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1 сентября 1917 г. “осудили попытку Корнилова захватить верховную власть”, но “Временному правительству в лице министров-социалистов и русского витязя Керенского” выразили полное доверие.¹⁸⁹ В то же время местным органам власти и самоуправления: уездному комиссару и его заместителю, земской и продовольственной управам – съезд выразил недоверие.¹⁹⁰ 22 сентября на Ардатовском уездном крестьянском съезде Исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вновь поставил вопрос о недоверии уездному комиссару. Съезд удовлетворил ходатайство Совета и выбрал “комиссаром Чурина”, являвшегося товарищем председателя исполкома уездного Совета”.¹⁹¹

III Симбирский губернский крестьянский съезд состоялся 25-27 сентября 1917 г. Он был создан по инициативе Симбирского губернского Совета крестьянских депутатов для оказания поддержки местным органам власти и самоуправления, которые все больше теряли доверие в массах. На съезде присутствовало всего 206 делегатов, главным образом представителей губернских и уездных административных структур, общественных организаций и политических партий, почти все эсеры. По земельному вопросу съезд, крестьянский лишь по названию, принял декларацию о том, что “земля должна перейти в распоряжение народа без всякого выкупа”¹⁹². Никаких конкретных мероприятий для реализации этого пожелания разработано не было. Выражая полную поддержку Временному правительству, съезд решился “настаивать на созыве Учредительного собрания в срок”, так как “крестьяне недовольны затягиванием земельного вопроса”¹⁹³. Основное внимание делегаты съезда уделили формированию состава кандидатов в Учредительное собрание. Губернский комитет партии социалистов-рево-

люционеров заранее составил список кандидатов, который был выставлен от имени крестьянского съезда.¹⁹⁴ На требование “мусульманских делегатов включить 4-5 кандидатов в Учредительное собрание, съезд ответил отказом”¹⁹⁵. “Объединенный список – крестьянский и партии социалистов-революционеров на выборах в Учредительное собрание эсерам удалось утвердить без дополнений и изменений также в Симбирском совете крестьянских депутатов”.¹⁹⁶ Кандидаты в депутаты Учредительного собрания, утвержденные Симбирским губернским крестьянским съездом, не выражали действительных интересов сельских жителей. Однако выбора у них почти не было, так как другие политические партии им были знакомы еще меньше.

Социалисты-революционеры, считавшие себя крестьянской партией России, наряду с организационными, проводили также агитационно-пропагандистские мероприятия, подготавливая свой потенциальный электорат к выборам Учредительного собрания. По инициативе министерства земледелия, возглавлявшегося во Временном правительстве с 5 мая по 28 августа 1917 г. лидером партии эсеров В.М.Черновым, на места был разослан “Вопросный лист”. Он предлагал своим респондентам определить цели, задачи, состав участников аграрного движения для подготовки и решения земельного вопроса в Учредительном собрании. Такой вопросник с заполненными графами для ответов из всех поволжских губерний сохранился лишь в делах Пензенского губернского земельного комитета.¹⁹⁷ Однако социально-политическая ориентация поволжского крестьянства по отдельным районам имела больше сходства, чем различий.

Крестьянский менталитет в значительной степени проявился в действиях всех основных революционных потоков, действовавших в 1917 году. Поэтому те политические партии, в программных лозунгах которых он находил отражение, могли рассчитывать на широкую социальную поддержку в революции вообще и на выборах в Учредительное собрание в частности. Главным требованием подавляющего большинства крестьян было предоставление “земли и воли”. На вопрос “о паличии среди населения движения в сторону изменения существующих земельных отношений” крестьяне отвечали, что оно началось уже в марте 1917 года. При этом они указывали на помещиков как на “главных эксплуататоров”, нарушивших заповедь о том, что “земля ничья, она – дар Божий” и должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает.¹⁹⁸

Составители вопросника пытались выяснить масштабы аграрного передела, спрашивая, какая земля была захвачена крестьянами (вся, арендная, незасянная, озимые посевы). Сельские общества либо не отвечали на эти вопросы, либо графы для ответов заполняли объяснением, что земли частных владельцев изымались и распахивались по постановлениям земельных комитетов на основании решений крестьянских съездов. Пролетарские методы борьбы: забастовки при производстве полевых работ, предъявление требований о повышении заработной платы, введение пониженного рабочего дня вообще крестьянами не применялись.¹⁹⁹ Это естественно. В Поволжье, особенно в юго-восточных степных районах, широко применялся труд сезонных сельскохозяйственных рабочих, но в большинстве своем это были те же малоземельные, беспосевные крестьяне из губерний нечерноземного центра. Они являлись социальным пополнением приверженцев “общинной революции”²⁰⁰ не только в деревне, но и в городе. В содержании крестьянских “приговоров” заметно влияние народнических партий, но в целом их ответы представляли собой требования крестьян-общинников, реализуемые самостоятельно в ходе революции.

По заданию Главного земельного Комитета губернские земельные комитеты в Поволжье разрабатывали также собственные анкеты, опросные листы для составления плана будущей земельной реформы в России. Составители пытались выяснить приоритеты крестьян в вопросах землевладения и землепользования, форм хозяйствования, организации производства. На вопросы о том, кому должны принадлежать частновладельческие, казенные, монастырские, государственные земли, как и на каких условиях передавать их государству или крестьянским обществам – ответы были однотипны. Свою волю сельские общества часто выражали лозунгами: “Отменить навсегда”²⁰¹, “Все земли – трудовому народу”²⁰². В ответах имелись ссылки на решение этих вопросов крестьянскими съездами,²⁰³ провозгласившими, что “подлежат передаче удельные, частновладельческие, церковные, монастырские, казенные земли без выкупа”.²⁰⁴ В анкетах имелись также пожелания о формах землепользования, предлагавшие “передать все земли надельные, банковские, казенные, монастырские, частных владельцев в государственный фонд для распределения между трудящимся народом на общинно-уравнительных началах”.²⁰⁵

Рассматривая порядок землепользования, сельские общества дифференцировали все население по категориям, подробно пере-

числя на каких условиях каждая должна быть паделена землей. Как правило, все живые души обоого пола” должны были “наделяться землей по трудовой норме”.²⁰⁶ Там, где указывали на “желательность передачи земель по наличию душ мужского пола и безразлично от возраста”, трудовую норму все равно определяли “на каждую наличную мужскую и женскую душу в семье или дворе безразлично от возраста”.²⁰⁷

Председатель Самарского губернского земельного комитета Г.И.Баскин, бывший земский статистик, обобщивший ответы крестьян Самарской губернии на первую часть анкеты, отметил, что “наделение по наличным душам обоого пола пользуется тем большим сочувствием, чем севернее расположена данная область”, что связано с большей густотой там населения, острым малоземельем, а также близостью к рышкам.²⁰⁸ Имелось даже пожелание “наделить по наличным душам обоого пола только малоземельных крестьян”,²⁰⁹ что явно свидетельствует не только о внутриобластных противоречиях между зажиточными и беднейшими, но и значительном численном превосходстве последних. Определяя количество земли для наделения по трудовой норме, крестьяне учитывали прежде всего экономические условия: наличие в данной местности удобных для обработки земель, их плодородие, плотность населения, производительность труда, обеспеченность рабочим скотом и инвентарем. Как правило, они брали в расчет и тот скот с инвентарем, который уже отобран или должен быть конфискован у собственников и поделен крестьянами “по справедливости”.²¹⁰

Анализируя ответы крестьян, Керенский уездный земельный комитет Пензенской губернии от себя присовокупил: “Норма земли на каждое лицо рабочего возраста при существующих в данное время сельскохозяйственных орудиях должна быть не менее 5 десятин. Рабочий возраст желательно считать с 17 до 55 лет включительно как мужчин, так равно и женщин”²¹¹. Крестьяне оговаривали вопрос о переделе земель, причём сроки переделов колебались значительно: от 12 лет – в Пензенской губернии²¹² до 24 лет – в Казанской.²¹³ Анкеты Симбирской и Самарской губерний не ставят вопроса о переделе, да и в других губерниях крестьяне не все отвечали на этот вопрос. Постоянные земельные переделы позволяли сохранять видимость социального равенства, но наносили ущерб в экономическом плане. Пытаясь преодолеть это противоречие, некоторые респонденты предусматривали сохранение ядра наделённой земли без изменения при очередном либо внеочередном переделе.²¹⁴

Составители анкет поставили перед крестьянами также вопрос: "Возможно ли землю не делить между хозяйствами, а ввести общественную (кооперативную) обработку ее и делить между хозяйствами только продукты полсводства? Обработку лашни вести за общественный счет, при содействии земства приобрести усовершенствованный инвентарь и т.д.". Подавляющее большинство ответов гласит: "Такая обработка полей обществу неудобна", "Это невозможно". Есть ответы, поддерживающие создание кооперативов, но включающих не все общество, а "не более 5-6 хозяйств".²¹⁵ В целом, ответы крестьян о формах землепользования отстаивали общинно-уравнительную организацию.

Разрабатывая принципы аграрной реформы, крестьяне-общинники резко выступали против сохранения хуторского и отрубного хозяйства. На вопрос: "Как следует поступить с более крупными владениями крестьян и других землевладельцев, хозяйство которых имеет не исключительно трудовой, а смешанный характер?" крестьяне Пензенской губернии отвечали: "Также все земли отчуждаются в полном количестве".²¹⁶ Крестьяне Симбирской губернии единодушно считали, что "хуторские участки должны быть присоединены к общественной земле, хуторян с банковских земель сселить".²¹⁷ Аналогичны требования крестьян Казанской губернии, считавших, что "земли, отведенные отрубными и хуторскими участками в собственность отдельных домохозяев", необходимо передать "в общий государственный фонд для распределения между всем трудящимся народом".²¹⁸ Такое отношение к выдсленцам объяснялось многими причинами как социально-экономического, так и идейно-политического характера. У крестьян еще не были окончательно разрушены уравнительные иллюзии, они вполне обоснованно опасались возможности сохранения капиталистических отношений в деревне на обновленной социальной базе. Характерно, что терпимее сельские общества относились к переселенцам из других губерний, поселившимся на банковских землях. Они предлагали "поселковцев оставить на месте и дать землю по трудовой норме", а "хуторян с банковских земель сселить"²¹⁹ в любом случае, опасаясь, что из них "через 10 лет выйдут те же помещики".²²⁰

Особо решали крестьяне вопрос о судьбе частновладельческих усадеб, культурных хозяйств, парков, садов и других угодий. Во всех без исключения ответах наблюдалось стремление сохранить эти материальные ценности для блага всего общества. Усадеб-

бы, сады, парки “отчуждаются полностью в распоряжение местных органов самоуправления для устройства школ, больниц, народных домов с общественными садами и прочее”. “Имения, особо выделяющиеся по постановке в них хозяйства (с высокой сельскохозяйственной культурой, племенным скотом и т.д.)”, передать “государству, земствам или земельным комитетам”.²²¹ Здесь видна забота крестьян о собственности, которая должна стать достоянием народа. Их ответы свидетельствовали также о стремлении к развитию органов местного самоуправления, расширении их функций, а также созданию материальной базы для них. Они считали, что земли, “застроенные фабриками, заводами и другими промышленными предприятиями ..., должны составлять особую доходную статью и находиться в распоряжении местных органов самоуправления”.²²² Более того, крестьяне готовы были изъять из фонда общественного перераспределения “земли, обслуживающие заводы, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, передать их земству с тем, чтобы поддержать производство заводов”.²²³

Анкетные и опросные листы заполнялись на сельских сходах и собраниях, членами которых крестьяне, выдлившиеся из общины, не являлись. Свои ходатайства по решению земельного вопроса они направляли непосредственно в адрес Учредительного собрания. Из-за диктата общинников на местах крестьяне-собственники пытались отстаивать свои землевладения обращением непосредственно к будущим законодателям. При этом они, надеясь быть услышанными, ссылались на предвыборные обещания эсеров: “Партия социалистов-революционеров говорит – “Землю и волю – крестьянам”. И слова, прозвучавшие свободно в февральские дни, дали право угнетенному и забитому крестьянству излагать свободное мнение о земле”.²²⁴

Крестьяне-собственники были против возвращения своих земельных участков в общину, мотивируя это чисто экономическими причинами. Они указывали на вред чересполосицы, при которой не применимы сельскохозяйственные машины, низкую производительность труда, незаинтересованность в удабривании полей, которые могут достаться другому после передела.²²⁵ Хугорянин Ф.А.Маслов, ссылаясь на свой опыт, убеждал: “Когда я был в общине, то работал на таком же количестве земли и мне хлеба не хватало, а теперь хватает на два и даже более года”.²²⁶

Указывая на преимущества индивидуального хозяйствования, крестьяне-собственники так же, как и общинники, выступали за

конфискацию некрестьянских земель с возможной уплатой выкупа. Вот какие аргументы выдвинул хуторянин А.М.Черспанов в прошении, направленном Учредительному собранию: “Земли у большеземельных отобрать обязательно с уплатой или без уплаты..., поделить всех равно, кто желает принять, но обрабатывать обязательно с помощью работника, потому что сейчас половина солдатов – инвалиды. Но у хуторян отбирать не следует, у кого лишка убавить, а мало – прибавить, но смешивать не надо. Надо и оставшие земли собирать в отруба, потому что образцовые земли больше дадут дохода как хозяину, так равно и государству... Да и разделены мы не зря, построили построек и земли удобрили”²²⁷. Далее он сообщал состав своей семьи (9 человек, старший женатый сын “пришел с войны в размен из плена инвалидом”, остальные женщины и дети) и заявлял: “Нам 20 десятин мало. Прибавить должно с людьми наряду”²²⁸.

Уставшие от беспредела люмпенизированной части общества крестьяне-собственники надеялись также на прекращение революционной смуты и звали к Учредительному собранию о наведении порядка в стране. Восьмым пунктом своего обращения А.М.Черспанов требовал: “В население должен быть внесен строгий порядок, ввиду этого надо строгую поставить милицию и дать ей власть арестовывать и установить обязательно строгое наказание хотя бы тюрьмой, иначе никак не сократить (преступность. – И.К.). Жить стало понешнее лето совсем трудно. Никто никого не стал бояться. Происходит сильное воровство и озорство. Поэтому письмо Вас покорнейше прошу принять в разбирательство Учредительного собрания”²²⁹. Итак, интересы крестьян, как собственников, так и общинников совпадали в главном – и те, и другие стремились отобрать земли у “большеземельных” и поделить “по справедливости”. Эсеры это обещали и крестьяне выбрали их в Учредительное собрание.

В ходе подготовки выборов в Учредительное собрание социалисты-революционеры имели явное преимущество по сравнению с другими политическими партиями в организационном плане. В результате демократизации уездных и губернских земств весной 1917 года они расширили в них свои позиции, а в сентябре-октябре, после выборов волостных земств, упрочили.²³⁰ Временное правительство возложило на земские учреждения все организационные мероприятия по подготовке и проведению выборов в Учредительное собрание в сельской местности. Земства формировали изби-

рательные округа, готовили списки избирателей, регистрировали кандидатов в депутаты от партий и объединений, создавали участковые избирательные комиссии. Разработчики законов о местном самоуправлении отлочно понимали, что “в многомиллионной крестьянской России от выборов в волостное земство”²³¹ зависел состав Учредительного собрания. Волостные земства должны были гакже преодолеть диктат крестьян-общинников, объединенных в низовые исполнительные и земельные комитеты, избравшиеся по сословному принципу.

По закону о выборах земских гласных, в них могли участвовать все граждане, достигшие двадцатилетнего возраста, проживавшие в волости, имевшие там собственность, состоявшие на земской или иной местной службе. Таким образом, сословное представительство замеснялось всеобщими демократическими выборами. Благодаря этому в них участвовали не только общинники, но и хуторяне, отрубники, помещики, священнослужители, служащие и торговцы. Однако преодолеть синдром “общинной революции” в условиях нарастания общенационального кризиса не удалось даже в юго-восточных, более зажиточных районах Поволжья. В чистом виде, без сложившейся к осени 1917 года практики “черного передела” народнические идеи привлекали не только крестьян-общинников, но и всех мелких собственников в деревне и городе, им симпатизировали многие служащие земских и городских самоуправлений.

Выборы волостных земств в Поволжье, начавшиеся в августе, проходили до конца 1917 года, но большинство их состоялось в сентябрь-октябре. Это было связано с трудностями реализации организационных предвыборных мероприятий в сельской местности. К тому же крестьяне-общинники, столь успешно реализовывавшие свои требования через низовые комитеты, с большим подозрением относились к реформе самоуправления, осуществлявшейся Временным правительством. Приверженность архаичным формам самоорганизации и представительства во властных структурах крестьяне проявили с самого начала революции; не изменились их приоритеты и при выборах волостных земств. Хотя организаторы избирательной кампании уверяли, что “деревня ответственно подошла к выборам, выставив большое количество кандидатов в гласные”²³², сообщений о том, что “население относилось к ним равнодушно или даже отрицательно”²³³, было предостаточно.

Стремление Временного правительства унифицировать органы местного самоуправления в огромной многонациональной стране,

не учитывая особенностей самоорганизации народов, ее населявших, не способствовало успеху преобразований. Так, Чебоксарский уездный комиссар 9 октября 1917 г. докладывал Казанскому губернскому комиссару, что при «составлении списков избирателей никаких затруднений не возникало, за исключением мусульманских округов, отказавшихся дать сведения о женской половине населения... За отсутствием классовой или политической борьбы кандидатские списки составлялись или каждой деревней, или группой деревень... Мусульманское население принять участие в тайном и равном голосовании отказалось и выбрало гласных (волостных земств. — Н.К.) открытым голосованием»²³⁴.

Уездные земства под эгидой губернских пытались преодолеть негативное отношение крестьян к навязывавшимся им сверху преобразованиям. Народнические партии и союзы организовывали различного рода агитационно-пропагандистские курсы, «командируя в распоряжение земств, кооперативов и других организаций студентов и курсисток»²³⁵ из Москвы, местных «представителей партий с-д; н-с; к-д; с-р».²³⁶ Например, программа курсов, разработанная Саратовским обществом народных университетов, включала следующие вопросы: «1) По местному самоуправлению... 2) Конспект Учредительного собрания... 3) Можно ли жить без царя?... 4) Организация сельского общества... 5) Местное строительство».²³⁷

В то же время земские деятели, состоявшие к осени 1917 года «сплошь из демократического элемента», скомпрометировали себя в глазах крестьян, осуждая «насильственный захват» ими чужой собственности.²³⁸ При выборах волостных земств крестьяне предпочли кандидатов не от партий и союзов, общественных организаций и земских учреждений, а представителей из своей среды. Оценивая промежуточные итоги выборов в Самарской губернии, земские служащие с горечью констатировали: «Выборы нужно признать неудачными. Преобладающий элемент — зажиточные крестьяне, некультурные и малограмотные. Интеллигенция очень незначительно... Понятие о земстве населением усвоено плохо...»²³⁹. По мнению организаторов выборов, в некоторых волостях «состав гласных хороший, прошли преимущественно интеллигенты, между которыми значительная часть учителей, ветеринаров, агентов и прочих». Одновременно «почти везде наблюдалось несознательное отношение к выборам... Были случаи, когда сельские писари ... указывали избирателям, что они могут голосовать только за пред-

лагаемый список, хотя это шло вразрез с желанием избирателя”²⁴⁰. По некоторым волостям выборы были по партийным спискам (эсеров), а по Абдулинской – даже большевики”²⁴¹.

Конечно, в отдельных местностях, в силу ряда специфических условий, имела место политическая дифференциация сельских жителей, но в крестьянской среде она была в большей степени интуитивной, нежели сознательной. Представители сельского некрестьянского населения, в условиях массового распространения радикальных настроений среди большинства социума, пытались реализовать свои либеральные взгляды весьма своеобразно. Так, священник Николаевской церкви села Нижняя Кармалка Вениамин Павлов 21 августа 1917 г. направил заявление в Организационный комитет РСДРП (меньшевиков), в котором просил принять его “в число действительных членов РСД Рабочей партии”. Он обязался “членские взносы вносить аккуратно и постановлениям Центрального комитета ненарушимо подчиняться беспрекословно”²⁴². Несмотря на всю экзотичность политической ориентации отца Вениамина, понять побудившие его причины можно. Он пытался лавировать между правящими кадетами и левыми социалистами в поисках умеренного политического центра демократического направления.

Несущественность принципов земского представительства на выборах Учредительного собрания казалась очевидной всем политическим партиям и течениям, действовавшим в российской революции 1917 года. Члены “Особого совещания по делам о выборах в Учредительное собрание” образовали специальную комиссию и провели сравнительно-сопоставительный анализ мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Отмеченные недостатки партийно-пропорциональной системы, когда “страна окажется во власти партийной бюрократии”²⁴³, комиссия надеялась преодолеть. Она считала, что пропорциональная система лучше выразит мнение национального и политического меньшинства. Последнее обстоятельство для составителей проекта “Положения о выборах в Учредительное собрание” имело особое значение при их всеобщности. Они успели убедиться в непопулярности на местах губернских и уездных комиссаров Временного правительства, назначенных из числа председателей земских управ. Предпочтя пропорциональную систему мажоритарной, демократические законодатели не смогли предотвратить опасности охлократического диктата в стране.

Выборы в Учредительное собрание проводились по спискам, составленным для избрания городских дум и волостных земств. Широкий спектр партий и объединений, баллотировавшихся на выборах, не изменил общей картины их результатов. В поволжских губерниях большинство мест на выборах в Учредительное собрание получили эсеры²⁴⁴, что было вполне закономерно. Выявление социально-экономических требований крестьян в революции показало господство радикально-конфискационных настроений как среди общинников, так и собственников в отношении некрестьянского землевладения. Общинно-уравнительные иллюзии были присущи в значительной степени пролетарским и полупролетарским городским слоям, солдатам среднего возраста. Эсеры, пропагандировавшие идеи социализации земли, находясь во власти, не спешили с реализацией конфискационных мероприятий, опасаясь аграрного беспредела, но обещали утвердить их законодательно. Наконец, в большинстве поволжских губерний к осени 1917 года эсеры стали "партией власти", руководили идейно и организационно избирательной кампанией в Учредительное собрание, а следовательно, имели большие возможности склонить на свою сторону электорат. Выдающийся русский мыслитель первой половины XX века И. А. Ильин, изгнанный из России в 1922 году большевистским режимом, писал: "Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании "учредительного собрания": "пришла я эта в волость, на крыльце люди толнятся; спрашивают – ты на выборы? На выборы... – что, откуда? – говорю: Авдотья Митрошкина с Погорелых Выселок, – отыскали они на бумажке чегой-то отметили, а мне па ладонь крест поставили мелом, иди, говорят, домой, проголосовала; ну я и пошла"... Так социалисты-революционеры составляли свое "большинство" в "учредилке"..."²⁴⁵.

Некоторые особенности результатов выборов в Учредительное собрание в поволжских губерниях объясняются сложившейся в них расстановкой социально-политических сил. В губернских городах Самаре и Саратове, уездных Сызрани и Царицыне значительное влияние на выбор избирателей оказали большевики, опередившие даже эсеров.²⁴⁶ В Симбирске и Пензе на второе место после эсеров выдвинулись кадеты²⁴⁷; в Казани – национальные мусульманские организации²⁴⁸. В целом, на результаты выборов по избирательным округам, определенным в границах губерний, политические симпатии горожан повлияли незначительно, т. к. основная масса избирателей проживала в сельской местности, где

эсеры лидировали. В исследуемом регионе они получили на выборах в Учредительное собрание 70% депутатских мест. Из национальных партий и объединений широкую поддержку получили в Поволжье только мусульманские группы, прежде всего в местах компактного проживания татар. Из 8 мусульманских депутатов 4 были эсерами.²⁴⁹

Рассматривая основные направления агитационно-пропагандистской и организационной работы партий и общественных организаций, органов власти и самоуправления по подготовке к выборам Учредительного собрания, нужно отметить, что все они стремились привлечь на свою сторону крестьянство. Крестьянские съезды, оказавшие в Поволжье существенное влияние на местные органы власти и самоуправления, явились своеобразным катализатором общественного мнения о назначении Учредительного собрания. Они продолжили с большей или меньшей степенью радикализма попытки создания правил и инструкций по разрешению земельного вопроса до Учредительного собрания. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, использовали съезды для поддержки своих партийных списков кандидатов в Учредительное собрание. Крестьяне, выступавшие против аграрной политики Временного правительства и его местной администрации, поддерживали эсеров на выборах в Учредительное собрание прежде всего из-за одобрения их списков крестьянскими съездами.

Эсеры провели большую организационную работу по выявлению крестьянских наказов Учредительному собранию, распространяя через земельные комитеты различные анкеты и вопросники о желательном разрешении аграрного вопроса. Крестьяне, предпочитавшие архаичные формы сословного представительства и вынужденно втянутые в новую партийно-пропорциональную избирательную систему на основе "четырёххвостки", выбрали более знакомую им партию. Характерно, что не только крестьяне-общинники, но и мелкие собственники поддерживали уравнительный "чёрный передел" и, следовательно, также голосовали за эсеров на выборах в Учредительное собрание.

В целом, несмотря на все законодательные инициативы Временного правительства, механизм взаимоотношений между властью и обществом не складывался. Политические партии и общественные объединения, боровшиеся за власть в беспартийной по преимуществу стране, были не способны аккумулировать интересы различных социальных групп, находившихся в состоянии

Таблица 9

Итоги выборов в Учредительное собрание
в губерниях Поволжья²³⁰

Губернии	Количество депутатов от партий и групп					всего
	эсеры	большевики	кадеты	национальные группы		
Казанская	5	?	?	8		13
Симбирская	7	?	1	1		9
Пензенская	9	?	?	?		9
Самарская	12	3	?	2		17
Саратовская	11	4	?	?		15
Всего	44	7	1	11		63

антагонизма. Больше или меньше влияние на власть и самоуправление им удавалось оказывать лишь в губернских городах. В ходе муниципальной кампании в уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточное для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств избирательные списки формировались преимущественно от сельских обществ.

Предпочтение большей частью населения норм общинного права создавало предпосылки для изменения форм регулирования общественных отношений. Советы для рабочих, солдат и даже крестьян оказались предпочтительнее по двум причинам: во-первых, они создавались на основе социального представительства ранее угнетенных классов, во-вторых, — формально не несли ответственности за обострившийся кризис власти. Необходимо заметить, что и результаты выборов Учредительного собрания в губерниях Поволжья отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку политических сил. Социалисты-революционеры, одержавшие уверенную победу на выборах, потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований, не дожидаясь Учредительного собрания.

НОВЫЙ ПЕРЕДЕЛ ВЛАСТИ

Огромное количество статей, очерков, воспоминаний, разрозненных документальных свидетельств, исторических исследований, размышлений и оценок об установлении советской власти в центре и на местах, отнюдь не исчерпало эту сложнейшую тему. На настоящем этапе изучения русской революции 1917 года возможности выявления действительных, а не мифических причин победы большевиков в борьбе за власть расширились. Это обусловлено освобождением от личностных оценок непосредственных участников событий, а также идеологического диктата партийно-политической номенклатуры, с одной стороны, и зарубежной политизированной советологии – с другой. Продолжаются споры о характере революционного процесса 1917 года в России.

Стремление доказать во что бы то ни стало незаконность учреждения советской власти приводит некоторых современных отечественных исследователей к забвению принципа историзма, конъюнктурности оценок и явной путанице в юридических терминах. Так, В.В.Юрченко, отвечая на опровержение В.И.Миллера “собственным опровержением”, дебатировал вопрос о кворуме на II съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшем решение об установлении “советской власти”.¹ Это событие он характеризует как “открытый разрыв со всякой законностью и легитимностью”, “правовой беспредел” (понятия совершенно несовместимые, хотя и употребляемые в современной политической лексике). Выводы В.В.Юрченко направлены не на восстановление достоверной картины произошедшего, к чему следует стремиться после многих лет вынужденной заданности оценок.² Он возложил на съезд вину за создание “не имеющего аналогов в истории криминального общества”, а заодно объяснил, что собравшийся “в сентябре 1993 г. последний съезд Советов” был разогнан “танковыми залпами”

в наказание за то, что так же, как “в октябре 17-го”, на нем “отсутствовал кворум”.³ Такой “разброд и шатание” в оценках главных вопросов революции требует пристального внимания к реальным историческим фактам, восстановление которых в полном объеме позволит адекватно оценить события.

В расстановке не только социальных, но и общественно-политических сил к осени 1917 года в отдельных регионах России имелись свои нюансы, но кризис власти имел всеобщий характер. Поскольку большевикам удалось не только захватить, но и удержать власть, следует обратить особое внимание на их тактику при локализации революции. В связи с этим необходимо выяснить способы установления власти советов в провинции, отличные от центра и своеобразные в каждой местности. Кризис местной администрации Временного правительства в губерниях Поволжья был порожден теми же причинами, что и в центре, но порядок их влияния на состояние власти был иной. Всдушим фактором взаимоотношений власти и общества осенью 1917 года был аграрный вопрос, и большевики в борьбе за власть умело манипулировали традиционалистскими иллюзиями большинства социума.

7.1. Кризис местной администрации Временного правительства и провозглашение власти Советов

Новая расстановка политических сил в России, сложившаяся в результате июльского 1917 года кризиса Временного правительства, привела к обострению борьбы за власть. Это не способствовало решению насущных экономических проблем общества, а политическую ситуацию делало крайне нестабильной. В стране активизировались правые и левые оппозиционные правительству силы. Массы испытывали все более острое чувство разочарования. Надежды получить от Временного правительства мир, землю и свободу обнаружили свою несостоятельность. В связи с этим увеличились проявления анархизма и стихийные экстремистские действия отчаявшихся людей: “голодные бунты” рабочих, неорганизованные солдатские выступления, крестьянские погромы имений и хуторов. Правительство пыталось одновременно сделать невозможное: навести порядок в стране и соблюсти демократические принципы управления.

Местные органы власти осенью 1917 года переживали кризис, обусловленный не только отсутствием широкой социальной поддержки, но и организационной неопределенностью. Всероссийский съезд губернских комиссаров, обсуждавший 4-9 августа 1917 г. вопрос об организации власти на местах, не принял согласованного решения о принципах государственного строительства. При обсуждении проекта "Положения о губернском и уездном управлении" выявились следующие точки зрения: 1) считать должность комиссара временной и излишней после избрания демократическим путем земств, городских и районных дум; 2) признать необходимым сохранение должности комиссара и после создания новых органов самоуправления.⁴ Обнаружились разногласия и по вопросу о конституировании должности комиссара: одни считали, что он должен избираться на местах, другие полагали возможным назначение его правительством. На съезде были оглашены также тезисы группы комиссаров-государственников. "Начало единой и сильной власти должно быть положено сверху. Необходимо, чтобы государственная власть в лице Временного правительства была бы национальна, едина и независима от каких-либо партий и классовых организаций",⁵ — требовали они.

Проект положения о комиссарах 18 августа 1917 г. был представлен на обсуждение общего заседания Совещания по реформе местного самоуправления,⁶ а 19 сентября утвержден как закон.⁷ Он предусматривал возможность назначения губернских и уездных комиссаров по соглашению с "соответствующими комитетами общественных организаций" и предлагал им "действовать в единстве при разрешении общих вопросов местного управления"⁸. Это постановление никак не могло стабилизировать обстановку на местах, поскольку влияние не только комиссаров, но и общественных исполнительных комитетов осенью 1917 года резко упало. Выработанная ими согласовательная система решения сложных вопросов местной жизни требовала длительного времени, а кредит доверия революционных сил был исчерпан.

Революция создала условия для развития государственного формотворчества. Лозунг большевиков "Вся власть Советам" получил реальный шанс для претворения в жизнь, так как все конструкции Временного правительства по организации управления оказались неэффективными. То обстоятельство, что советы, избравшиеся отдельно от рабочих, солдат и крестьян, не являлись образцом демократии, не смущало борцов за государство-комму-

ну. В.И. Ленин нацеливал партию большевиков через советы “взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй”.⁹ В народном сознании советы в большей степени отвечали принципам традиционного демократизма, нежели формы западного парламентаризма.

Большевики, игнорировавшие все попытки “революционной демократии” объединить усилия для предотвращения кризиса власти, осенью 1917 года составили действенную оппозицию Временному правительству и всем сотрудничавшим с ним политическим силам. Их преимущество в борьбе за власть обеспечивалось поддержкой любых радикально-конфискационных требований рабочих, солдат и крестьян, выдвинутых в ходе революции. Умеренные социалисты надеялись преодолеть коллапс власти новым перераспределением политических сил, созвав для этого 12 сентября 1917 г. Демократическое совещание. В его работе приняли участие и большевики, которые не получили сколько-нибудь заметного влияния в созданных здесь переходных структурах представительной власти. После этого они объявили свое участие в совещании “ошибкой” и выступили против перспективы создания в стране однородного социалистического правительства”.¹⁰

В обстановке бездействия административных структур Временного правительства по преодолению кризиса местные общественные объединения и органы самоуправления пытались скоординировать усилия для противостояния большевистскому экстремизму. Однако, раздираемые партийно-фракционной борьбой, они не смогли принять согласованных решений по актуальным вопросам “текущего момента”. Главным, дестабилизирующим обстановку в губерниях Поволжья, фактором по-прежнему продолжало оставаться крестьянское движение, но на позиции политических сил в борьбе за власть оно влияло опосредованно. В губернских городах, где находились штабы всех политических партий и общественных организаций, действовавших на местах, стали создаваться специальные органы для оказания поддержки власти Временного правительства. Функции координаторов брали на себя общественные исполнительные комитеты или городские думы в тех губернских центрах, где они уже были избраны по новым демократическим правилам. Исполкомы советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов добивались усиления контроля за деятельностью администрации, в то время как многие фабрично-заводские, полковые и крестьянские комитеты требовали созыва съездов советов для

кардинального решения вопроса о власти.

Большевики, выступавшие за передачу власти советам до Учредительного собрания, воспользовались обстановкой всеобщего кризиса и предприняли необходимые действия для реализации своей цели. Учитывая расстановку политических сил как в центре, так и на местах, они в каждом конкретном случае применяли различные методы установления советской власти. В губернских центрах Поволжья политические противники большевиков оказали сопротивление их властным амбициям в разных формах (от деклараций и заявлений до вооруженной борьбы). Поскольку в установлении советской власти не было единообразия не только между центром и регионами, но и в каждой конкретной местности, тактика большевиков нуждается в пристальном изучении для выявления конкретных событий, а не их мифологизированных вариантов.

Успеху большевиков в борьбе за власть способствовало изменение приоритетов в деятельности советов. В дни корниловского мятежа они ощутили себя организующей силой по отражению контрреволюционной угрозы и уже не захотели терять военно-политических функций власти. В то же время вину за хозяйственную разруху они целиком возлагали на административные органы Временного правительства. Робкие попытки Демократического совещания по новому конструированию власти носили паллиативный характер и не нашли ни политической, ни социальной поддержки на местах. Выступив на совещании против коалиции с кадегами, умеренные социалисты заняли большинство мест во Временном Совете Республики (Предпарламенте), но это не стабилизировало ситуацию в стране. Губернские комиссары Временного правительства в ряде случаев вынуждены были обращаться к местным советам за помощью для борьбы с погромами. Так, Пензенский губернский комиссар в конце октября 1917 года просил «Совет срочно сделать распоряжение об откомандировании взвода солдат для несения караульной службы при отделении уголовного розыска», подвергнутого накануне разгрому». ¹¹

В Поволжье политическое соперничество осенью 1917 года завершилось созданием опорных пунктов для нового перседела власти. 15-16 октября 1917 г. в Саратове состоялся III областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья. В его работе участвовало 52 делегата из всех губернских центров Среднего и Нижнего Поволжья, а делегаты от некоторых уездных городов являлись представителями советов крестьянских, рабочих и сол-

датских депутатов.¹² Все исследователи единодушны в оценках этого съезда: он координировал действия поволжских советов и принял большинством голосов большевистскую резолюцию о необходимости передачи власти советам.¹³

Установление советской власти в Казани, являвшейся исторически сложившимся административным и военным центром Поволжья и Приуралья, происходило синхронно с аналогичными событиями в столице. В то же время многонациональный характер населения города, являвшегося к тому же центром поволжских татар, придавал октябрьским событиям исключительную остроту и своеобразие. Общий ход подготовки и проведения вооруженного восстания в Казани многократно описан как в воспоминаниях участников событий, так и в сочинениях последующих исследователей. Они выявили процесс формирования революционных сил,¹⁴ методы агитационно-пропагандистской работы большевиков среди рабочих и солдат гарнизона,¹⁵ способы организации антиправительственных выступлений,¹⁶ уточнили начало, ход и завершение военных действий.¹⁷ Предметом специального рассмотрения стало участие мусульманских радикальных социалистов в привлечении татар, рабочих и солдат в ряд участников вооруженного восстания против местной администрации Временного правительства.¹⁸ Однако все перипетии расстановки политических сил в Казани накануне восстания представлены в соответствии с заданной схемой о непререкаемой руководящей роли большевиков в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который координировал силы восставших. Между тем рабочую секцию Казанского Совета возглавлял «меньшевик-оборонец Денике», который «был заменен большевиком Бочковым только на экстренном собрании ... 23 октября 1917 г.»¹⁹. Бессменным руководителем крестьянской секции Казанского Совета в 1917 году был А.Л.Колгасов, поддерживавший лозунг «Вся власть Советам», но во время восстания находившийся в Петрограде на II съезде Советов. Только солдатская секция Казанского Совета возглавлялась большевиком Н.Ериновым, бывшим ранее левым эсером, который и руководил восстанием.²⁰ Даже к началу восстания в гарнизоне исполком Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не принял решения о взятии власти.²¹ Следовательно, приведенные исследователями факты опровергают их же выводы о том, что Октябрьское вооруженное восстание в Казани не было заговором большевиков. Именно большевики подталкивали прежде всего солдат Казанско-

го гарнизона на вооруженное сопротивление решениям местной гражданской и военной администрации и использовали их в борьбе за власть. На завершающей стадии восстания Казанского гарнизона в нем приняли участие левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, блокировался с большевиками также Мусульманский социалистический комитет.²² Все эти силы и были представлены в Ревкоме, а затем и в новом составе Казанского Совета, избранного 4 ноября 1917 г.²³

Отчасти потому, что противостояние политических сил в Казани осенью 1917 года приобрело характер вооруженного столкновения, а также в связи с разобщенностью не только социальных, но и национальных интересов средних городских слоев, создать действительную оппозицию большевистскому радикализму здесь не удалось. Демократические выборы в Казанскую городскую Думу обеспечили в ней такой разброс партий и объединений, который не позволял консолидировать общественное мнение против захватившего власть Совета. Несмотря на то, что кадеты получили 30 мест из 110 в избранной 8 октября Думе, объединиться против Совета они могли разве что с группами торгово-промышленной буржуазии, служащих, союзом домовладельцев, но от них прошло по одному гласному.²⁴ Остальные восемь фракций в Думе составили представители социалистических и национальных партий. Большевики, левые эсеры и Мусульманский социалистический комитет вместе получили в ней после выборов 44 места²⁵, и все они приняли участие в формировании советской власти. Оставшиеся 30% гласных Думы были представителями умеренных социалистов, мусульманских и еврейских национальных групп.²⁶ Среди национальных партий большинство составили опять же умеренные социалисты, которые осуждали большевиков за захват власти, но не блокировались с кадетами, обвиняя их в защите интересов буржуазии. Таким образом, национальный фактор, не имевший влияния на формирование власти на местах весной, осенью 1917 года приобрел важное значение. Однако воспользовались им в полной мере интернационалисты, использовавшие национальное движение против демократической власти, сго допустившей.

В Саратов так же, как в Казани, была предпринята попытка оказания вооруженного сопротивления стремлению большевиков передать власть Совету. Умеренные социалисты, не в силах повлиять на действия большевизированного Совета рабочих и солдатских депутатов, 25 октября 1917 г. вышли из него и объявили

об организации "Комитета защиты революции".²⁷ Сарагонская городская Дума, избранная еще в июле 1917 года, координировала усилия противников передачи власти советам и сформировала "Комитет спасения революции"²⁸, в который вошли меньшевики, эсеры и кадеты. Вообще большинство саратовских умеренных социалистов составляло не колеблющийся центр, а скорее правое крыло в расстановке партийно-политических сил в городе.

Саратовский общественный исполнительный Комитет, объединявший в начале революции все демократические силы, потерял свое значение после выборов в Думу, которая также не желала уступать Совету функции местного управления. В то же время возможностей для оказания действенного вооруженного отпора притязаниям большевиков на власть у нее было еще меньше, чем в Казани. Во время корниловского мятежа в Саратове начала формироваться Красная гвардия, сентябрьские переизборы Совета рабочих и солдатских депутатов дали преимущество большевикам.²⁹ В исполкоме Совета большевики также получили незначительное, но большинство³⁰, а эсеры, входившие в его солдатскую секцию, в основном придерживались левых взглядов.³¹

Умеренные социалисты, составлявшие большинство саратовских меньшевиков и эсеров, после большевизации Совета рабочих и солдатских депутатов, сделали городскую Думу центром своей агитационно-пропагандистской работы. Сентябрьские и октябрьские заседания Думы проходили здесь в присутствии представителей административных, земских и общественных учреждений, военных и судебных ведомств, прессы и многочисленной публики.³² Обсуждались проблемы организации нового политического строя в России, резкой критике были подвергнуты призывы большевиков к передаче власти советам. Сами ораторы, призывавшие "создать правительство, которое употребило бы власть для борьбы с анархией как справа, так и слева"³³, никаких конкретных мер по выходу из кризиса предложить не смогли. Эсеры верили в то, что классовая борьба обретет "мирную форму в виде народного законодательства", в России будет создано "истинное крестьянское государство", первый же закон которого "уничтожит частную собственность на землю"³⁴. Меньшевики жаловались на то, что с буржуазией идти вместе в революции "становится не только трудно, но и невозможно"³⁵. Итак, конфронтация в лагере саратовских социалистов привела в октябре 1917 года к противостоянию Совета рабочих и солдатских депутатов с Думой.

Известия об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде побудили противоборствующие силы в Саратове к открытому столкновению. Весь день 26 октября 1917 г. происходила корректировка необходимых мер, связанных с решением вопроса о власти в Саратове. Единства мнений не наблюдалось ни в Думе, ни в Совете.³⁶ И те, и другие хотели избежать вооруженного столкновения, но не смогли договориться о разграничении властных полномочий. После того как эсеры и меньшевики ушли с пленума Совета, осудив его притязания на власть, ситуация в городе крайне обострилась. 27 октября большевики – члены исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов – объявили о создании Военно-революционного комитета и переходе к нему исполнительной власти.³⁷ Вместо меньшевика Д.А.Тонуридзе губернским комиссаром бюро Совета назначило большевика П.А.Лебедева, красногвардейцам и войскам был отдан приказ захватить почту, телеграф, телефон, взять под контроль публикации газетных сообщений о событиях в городе.³⁸

В свою очередь саратовские гласные провозгласили Думу «единственным органом власти в городе и губернии» и призвали всех, «кому дороги идеалы революции и свободы ..., защищать законную власть»³⁹. На воззвание откликнулись слушатели школы прапорщиков, чиновники и госслужащие, владельцы магазинов, часть учащейся молодежи.⁴⁰ Эти силы, конечно, были несравнимы с массами распропагандированных большевиками рабочих и особенно солдат, погромные действия которых членам Совета едва удавалось сдерживать. 28 октября сторонники Совета окружили забаррикадированное здание Думы и предложили ее защитникам сдать. Думцы надеялись на защиту казаков, обещанных губернским комиссаром Тонуридзе, но этого не случилось. После перестрелки, длившейся всю ночь, Дума заявила о своей капитуляции, но Совет ужесточил ее условия, лишив думцев всех управленческих полномочий.⁴¹

В связи с тем, что Саратовская городская Дума в октябре 1917 года стала центром сопротивления властным притязаниям Совета, она оказалась в числе первых, чьи полномочия были прекращены уже в ноябре этого года. 25 ноября 1917 г. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о роспуске городской Думы, о чем в тот же день было доведено до сведения гласных.⁴² Столь решительные меры к городскому самоуправлению были применены под давлением рабочих и солдатских депутатов

Совета, которые не могли простить гласным вооруженного сопротивления в октябрьские дни. Большевики, не имевшие поддержки со стороны других социалистов, вынуждены были соглашаться на любые требования радикальных социальных сил, даже если они разжигали гражданскую войну. После закрытия Думы гласные несколько раз собирались на частные совещания, обращались за поддержкой к населению города, организовывали демонстрации и забастовки служащих городских предприятий.⁴³ Конечно, эти акции не могли ликвидировать советскую власть в городе, но их можно было избежать, сохранив за Думой организационно-хозяйственные функции.

Общие непримиримые противоречия между буржуазными элементами с одной стороны, рабочими и солдатами гарнизонов — с другой, проявлялись осенью 1917 года в губернских городах Поволжья в разных формах. Ведущей линией конфликта была партийно-политическая борьба за власть, которая оказала непосредственное влияние на противоборство законных и самостийных органов самоуправления, стремящихся к регулированию государственных отношений. В Самаре, где повторные муниципальные выборы дали практически равное представительство большевикам и умеренным эсерам в городской Думе, будущий институционный конфликт проявился уже на стадии формирования исполнительных органов городского самоуправления.

Еще до осенних выборов в Самарскую городскую Думу ее гласные большинством голосов отклонили предложение И.Д.Авксентьева и Н.С.Чхеидзе послать делегатов на Демократическое совещание в столицу, хотя и по разным причинам. Правая часть гласных аргументировала отказ тем, «что созыв совещания может исходить только по почину Временного правительства, причем на совещании должны быть представлены все слои населения ... дума выражает уверенность, что только скорейший созыв Учредительного собрания может благополучно разрешить кризис власти»⁴⁴. Большинство голосов была принята резолюция социалистов, в которой отказ ехать на совещание аргументировался тем, что городская Дума, еще не переизбранная на новых демократических началах, состоит наполовину из цензовых представителей и «... в целом не представляет городскую революционную демократию...»⁴⁵.

Самарский губернский Комитет народной власти попытался скоординировать действия различных политических сил города.

26 сентября "соединенное заседание Советов рабочих и солдатских, крестьянских депутатов, полковых и заводских комитетов постановило облечь Комитет народной власти чрезвычайными полномочиями, предоставив ему права производства внесудебных арестов за нарушение обязательных постановлений комитета"⁴⁶. Попытки городской Управы как-то сдержать радикально-конфискационные требования наиболее обездоленных горожан не имели успеха. Когда гласный Думы меньшевик Пресображенский заявил: "Левые всегда будут поддерживать интересы всего населения, а не какой-нибудь группы, готовой даже применить самоцидный способ для достижения цели",⁴⁷ — обыватели отнесли свою коллективную просьбу о заселении пустовавших артиллерийских казарм в Комитет народной власти. Исполком Комитета потребовал от Думы делегировать своего представителя в комиссию по обследованию жилого фонда города, в чем ему было отказано. Кроме того, Дума решила обжаловать действия комитета в правительство, так как он уже проводил реквизицию помещений у домовладельцев.⁴⁸

Если общественный Комитет пытался контактировать с Думой, то Совет рабочих и солдатских депутатов всячески поощрял любые конфискационные действия органов рабочего самоуправления.⁴⁹ Умеренные социалисты с тревогой писали: "Большевистские тенденции своеобразно понимаемого "расширения и углубления революции" проникли в самую толпу демократических слоев населения. Менее сознательная часть рабочего класса, значительная часть армии отравлена ядом большевизма"⁵⁰. Рабочие приступили к установлению контроля над производством, добивались нормального функционирования предприятий, брали в свои руки учет и контроль над распределением продуктов. В этих действиях их поддерживал Совет рабочих депутатов.⁵¹ Поддержка большевиками радикальных действий рабочих и солдатских организаций обеспечила им успех при перевыборах Совета рабочих и солдатских депутатов.⁵² В Исполком рабочей секции Совета из 15 депутатов было избрано 13 большевиков.⁵³ Перевыборы солдатской секции Совета его лидерам удалось отсрочить, но солдатские комитеты по своему почину отзывали эсеров и меньшевиков из Совета, посылая вместо них большевиков или максималистов.⁵⁴ Таким образом, они обновили наполовину солдатскую секцию Самарского Совета, что сказалось решающим образом на его позиции в октябрьские дни, когда вопрос о власти был вынесен на общее собрание всех советов и комитетов.

Вопрос о переходе власти к советам в Самаре стал предметом острых дискуссий уже в начале октября 1917 года. Губернский комиссар С.А.Волков 4 октября на совещании уездных комиссаров констатировал полную беспомощность местной администрации: «Условия работы органов управления тяжелы. Отсутствие той силы, на которую могли бы опереться органы государственного управления, усугубляет положение, так как одного морального воздействия недостаточно, а реальной силы нет»⁵⁵. Борясь за власть, большевики особое внимание уделили вооруженной организации пролетариата – Красной гвардии. На промышленных предприятиях с красногвардейцами проводились регулярные занятия по военному делу, они помогали фабзавкомам бороться с предпринимателями, выполняли охранные функции в городе.⁵⁶

13 октября рабочая секция Совета потребовала немедленного перехода власти к Советам, «становящимся центрами нарастающей крестьянско-пролетарской революции»⁵⁷. В двадцатых числах октября этот вопрос стал обсуждаться не только на заседаниях партийных комитетов, исполкомов советов, фабзавкомов и профсоюзов, но и на массовых митингах. Большевики имели большинство в Совете рабочих и солдатских депутатов, в фабзавкомах и солдатских полковых комитетах, но иная ситуация была в губернском Совете крестьянских депутатов, продолжавшем выступать в поддержку Временного правительства и существенно влиявшем на ситуацию в городе. Гарнизонный Совет крестьянских депутатов по вопросу о власти колебался.

25 октября 1917 г., по получении известий из Петрограда, в Самаре состоялось экстренное заседание исполкомов Советов, которое вел председатель рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов большевик В.В.Куйбышев. В президиуме находились также лидеры умеренных социалистов: меньшевик А.И.Кабанц и эсер И.А.Одайкин.⁵⁸ Представители губернского и гарнизонного Советов крестьянских депутатов, группы «Единство», эсеры и меньшевики высказались против перехода власти к Советам. Более того, учитывая сложность момента, губернский Совет крестьянских депутатов вновь заявил о своей поддержке Временного правительства и выступил за немедленный созыв губернского всесословного съезда, который и должен был решить вопрос о власти.⁵⁹ Эсеры предложили пригласить на заседание гласных городской Думы, интернационалисты высказались за допущение членов своей фракции, а большевики – против ее присутствия. Большин-

ством голосов было принято большевистское предложение⁶⁰, и Дума таким образом устранялась от решения вопроса о власти.

26 октября большевики, опираясь на поддержку меньшевиков-интернационалистов и эсеров-максималистов, внесли предложение о немедленном переходе всей полноты власти к Советам и признании Временного правительства низложенным. Эта резолюция не прошла, за нее было подано всего лишь 79 голосов. Эсеры и меньшевики-оборонцы, крестьянские депутаты (109 человек) отказались участвовать в голосовании.⁶¹ Большевики настаивали на том, чтобы провести еще одно объединенное заседание Советов. В этот же день в городской управе состоялось совещание (без большевистской фракции), обсуждавшее вопрос о мерах по охране города. Кадеты требовали, чтобы городские объекты охранялись силами, подчиненными "Новой Думе" и предлагали войти в Демократическое совещание. По этому вопросу начались прения. Были предложения оставить охранные функции у Советов, в которых Дума должна иметь пропорциональное представительство. Максималист Ф.Я. Рабинович заявил, что власть должна быть сосредоточена в более сильных руках, чем думские; недоверие к штабу охраны и Красной гвардии необоснованно. Дума была серьезно обеспокоена событиями. После прений решили войти в Демократическое совещание, а городской управе и председателю Думы поручено выяснить вопрос об охране города в Совете.⁶²

Самарские большевики, оказавшись в меньшинстве на заседании Исполкомов Советов, изменили тактику. Отказавшись от созыва всесословного съезда, 26 октября они пригласили на вечернее объединенное заседание не только членов Исполкомов Советов, но и всех своих сторонников: представителей фабзавкомов и профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов, полковых и ротных комитетов. Им удалось добиться поддержки и со стороны гарнизонного Совета крестьянских депутатов. С большевиками солидаризировались меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты, члены еврейских социал-демократических организаций.⁶³ И все-таки это не была поддержка всего населения города. Вопрос о переходе власти к Советам решался в штабах политических партий, использовавших их популярность. При голосовании вопроса о власти большевистская резолюция набрала 441 голос, а объединенная меньшевистско-эсеровская, поддерживавшая местную администрацию Временного правительства, — 140 голосов.⁶⁴ В созданный на этом заседании Ревком были избраны: больше-

вики М.П.Герасимов, В.В.Куйбышев, П.П.Митрофанов, С.П.Тихонов, меньшевик-интернационалист С.Н.Васильев и эсер-максималист В.А.Кузьмин. Совет крестьянских депутатов отказался дать в Ревком своих представителей.

Выступая на объединенном заседании губернского съезда Совета рабочих и солдатских депутатов вместе с левой частью IV губернского крестьянского съезда, В.В.Куйбышев так объяснял действия самарских большевиков: "Когда в октябрьские дни получились первые сведения о восстании рабочих и солдат в Петрограде, для нас было очевидным, что рабочие и солдаты должны установить на местах власть Советов. Мы созвали собрание Самарских Советов, и на нем при воздержавшихся крестьянах было решено создать революционный комитет для борьбы с буржуазным правительством Керенского, контрреволюцией и проводить в жизнь ту программу, которая 8 месяцев лежала под сукном... Мы с первых дней хотели идти рука об руку с крестьянами, но они не дали своих делегатов, и вместо них места были предоставлены гарнизонному Совету крестьянских депутатов"⁶⁵.

Губернский Совет крестьянских депутатов 28 октября 1917 г. опубликовал воззвание, в котором выступил против создания ревкома и передачи ему всей полноты власти. Меньшевики предложили вместо Ревкома создать в городе Комитет общественной безопасности из представителей городской Думы, земства и общественных организаций. Они внесли это предложение на состоявшемся 1 ноября заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей Комитета народной власти, профсоюзов и других организаций, где были заслушаны доклады делегатов II Всероссийского съезда Советов. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция большевиков: "Ревком организован правильно"⁶⁶.

Самарская городская Дума 28 октября также на экстренном заседании обсуждала вопрос об утверждении организованного Комитета общественной безопасности и после ухода большевиков и максималистов утвердила его состав. Ему было поручено войти в соглашение с Комитетом народной власти по вопросу об организации губернского Комитета общественной безопасности. Решено было подчинить милицию городской Думе и выпустить воззвания, призывающие к неповиновению Ревкому. Однако совещание начальников милиции постановило подчиняться только Комитету народной власти, а Ревком распорядился конфисковать выпущенное воззвание.⁶⁷

Проблем, требующих немедленного решения, было много, и ревком пытался наладить сотрудничество с Думой, но она от этого всячески уклонялась. Так, 28 октября Ревком предложил Управе высказаться о проекте принудительного займа у буржуазии в сумме до 3 млн. руб. на нужды населения. Управа высказалась принципиально против каких бы то ни было займов.⁶⁸ 2 ноября думская фракция большевиков предложила увеличить паек солдаткам, но рассмотрение этого вопроса было отложено из-за отсутствия средств.⁶⁹ На следующий день Совет рабочих и солдатских депутатов самостоятельно принял постановление об увеличении пайков.⁷⁰ Дума подтвердила постановление, но от участия в созданной Советом комиссии отказалась, денег на реализацию популистских решений Ревкому было взять нигде, и 7 ноября он вновь обратился к Думе: «Находя положение финансов катастрофическим, ревком просит вас ... поставить на повестку дня ближайшего заседания городской Думы вопрос об изыскании средств для удовлетворения беднейших слоев населения»⁷¹. В ответ исполнивший обязанности городского головы А.М.Смирнов заявил, что «среди рабочих и солдатских масс начинает возникать разочарованность в большевиках, центром внимания становится новая социалистическая городская Управа, вокруг которой граждане организуются... К захвату власти большевиками граждане относятся отрицательно. Образовавшийся большевиками ревком не пользуется никаким влиянием, так как при попытке проявить свою власть встречает пассивное сопротивление со стороны всех демократических организаций, служащих в Правительственных и общественных учреждениях»⁷².

В связи с противодействием Думы новой власти Ревком, защищая интересы беднейших слоев городского населения, стал действовать самостоятельно. 15 ноября он опубликовал распоряжение, запрещающее домовладельцам повышать квартирную плату.⁷³ 20 ноября Ревком вновь предложил городской Думе прибегнуть к принудительному займу у местных капиталистов для организации общественных работ, помощи безработным, семьям солдат. Дума опять отклонила это предложение. Тогда Ревком принял самые решительные меры: упразднил губернский комиссариат; представителей рабочей и солдатской секции отозвал из Комитета народной власти; потребовал принудительный пятимиллионный заем в отделении Госбанка, предполагал покрыть его из средств, полученных от «беспощадного обложения капиталистов для обеспече-

ния интересов неимущих классов⁷⁴. Однако, капиталисты отказались принять участие в принудительном обложении имущих классов, после чего Ревком арестовал сорок представителей самарской крупной буржуазии.⁷⁵ Дума была ошеломлена таким напором Ревкома, и представители всех ее фракций, кроме большевиков, потребовали освободить арестованных, но ничего не добились.⁷⁶

Особенно острая борьба шла между Думой и Ревкомом за влияние на милицию. 19 декабря 1917 г. Красная гвардия разоружила милиционеров трех участков, не желавших подчиниться Ревкому. В ответ городская Дума приняла резолюцию протеста против разоружения милиции и постановила выпустить по этому поводу воззвание к населению.⁷⁷ На следующий день собрание милиционеров, начальников участков и канцеляристов, заслушав заявление городского Головы о непризнании власти Ревкома, постановило остаться на службе у городского самоуправления.⁷⁸ Однако силы их были неравны. 28 декабря по распоряжению Ревкома Красная гвардия заняла помещение городской Управы, где были изъяты документы старого состава милиции, отказавшейся подчиниться новой власти.⁷⁹

Еще раньше, 23 декабря 1917 г., во исполнение декрета Советского правительства о национализации банков комиссары Ревкома заняли все самарские отделения банков, включая и Городской общественный банк. В ответ на это Дума большинством голосов при двух воздержавшихся гласных постановила: "Закрыть Городской Общественный банк впредь до отозвания Революционной комиссии и возвращения ключей; поручить городской Управе обратиться к населению с воззванием от имени Думы, объясняющим причины, заставившие ее закрыть банк"⁸⁰.

В основе противостояния Думы и Ревкома в Самаре были скорее партийно-политические противоречия и обиды, нежели институциональный конфликт. На первых порах чрезвычайный орган советской власти стремился все функции хозяйственного управления в городе оставить Думе, сосредоточив в своих руках политическое руководство общественными отношениями. Однако Дума активно сопротивлялась действиям Ревкома — сначала игнорировала его существование, а когда это стало невозможным, саботировала его решения и постановления. Тем не менее создать действительную оппозицию советской власти Самарская Дума не смогла, так как ее не поддержало городское население.

Если в Казани, Самаре и Саратове советская власть была установлена почти одновременно с Октябрьским вооруженным восста-

нием в Петрограде, то в Симбирске и Пензе эти события произошли гораздо позднее. Это объясняется малочисленностью пролетарских слоев в районах типичных “дворянских гнезд” и, следовательно, незначительным влиянием большевиков в местных советах рабочих и солдатских депутатов. В этих губернских центрах только в октябрьские дни 1917 года большевики оформились в самостоятельные организации, которые раньше входили в объединенные с меньшевиками комитеты РСДРП.⁸¹ Такая ситуация в расстановке партийно-политических сил в названных губерниях не снимала остроты социального конфликта, но он развивался не по линии противоборства советов с думами и земствами, а на основе противостояния местной власти и общества. Умеренные социалисты, имевшие прочные позиции во всех губернских органах власти и самоуправления, составляли также большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов Пензы и Симбирска. Однако обострение общенационального кризиса осенью 1917 года способствовало выдвижению радикальных элементов на передовые позиции в борьбе за власть даже в тех случаях, когда они не имели влияния и избраны большевиками для этого структурах.

С начала революционных выступлений в Петрограде и Симбирск не поступало сообщений от Временного правительства, и органы местного самоуправления высказались за создание в губернии переходного представительного органа власти. Городская Дума Симбирска предложила “приступить к обсуждению задач и форм конструкции власти”, которая, по мнению гласных, “должна быть сильной и определенной”⁸². Земцы в свою очередь считали, что новая власть должна опираться на “все общественные учреждения, на Советы крестьянских и солдатских депутатов на местные организации...”⁸³. Эти дебаты были предприняты в ответ на одобрение рабочей секцией Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов предложенной большевиками резолюции с поддержкой советской власти.⁸⁴ Собравшиеся поклялись “умереть или победить с этим новым революционным правительством”⁸⁵, но сил для установления советской власти в городе у них не было. В исполкомы не только крестьянского, но и солдатского Советов входили исключительно эсеры умеренного направления⁸⁶, выступавшие за широкую коалицию всех демократических организаций во властных структурах.

В Симбирске 11 ноября 1917 г. организовал на базе созданного во время корниловского мятежа “Комитета спасения родины

и революции” был создан местный парламент. В его состав были приглашены представители городского самоуправления, губернского и уездного земства, профсоюзов, комитетов, советов, политических партий.⁸⁷ 22 ноября 1917 г. Советы солдатских и крестьянских депутатов Симбирска вновь выступили против поддержки советской власти, за которую агитировал Совет рабочих депутатов. Исполком Симбирского Совета крестьянских депутатов настаивал на том, что “высшими органами власти на местах в пределах губернии должны быть органы местного самоуправления – Земские собрания и городские Думы”.⁸⁸

В декабре 1917 года завершились перевыборы Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ноябре прибыл с фронта и был расквартирован в городе 102-й полк, депутаты от которого существенно изменили состав солдатской секции Симбирского Совета в пользу большевиков и им сочувствующих.⁸⁹ В результате большевизации Симбирский объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов на собрании делегатов от советов, фабрично-заводских, ротных и полковых комитетов, профсоюзов 10 декабря 1917 г. провозгласил в губернии советскую власть.⁹⁰ Представители “исполнительного бюро крестьянской секции Совета” выразили “протест против политики большевиков”⁹¹ и поддержали Симбирское губернское земство, заявившее о “непризнании власти Совета Народных комиссаров”⁹².

Для установления советской власти в Симбирске был создан Ревком из пяти человек: большевиков М.А.Гимова, М.С.Першина, А.В.Швера, левого эсера С.П.Петрова, максималиста К.М.Яматина.⁹³ Действуя по разработанной ЦК РСДРП(б) схеме, Ревком объявил о взятии под свой контроль почты и телеграфа, казначейства и банков, роспуске Комитета народной власти⁹⁴ и созданных им отрядов самообороны⁹⁵. В ответ на это Симбирская городская Дума довела “до сведения населения, что все организации и агенты, идущие за “народными комиссарами”, ... являются соучастниками разрушителей государства и революции”⁹⁶. Она предложила “игнорировать в деловой работе ... Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов, ВРК ... и разоблачать их вредную деятельность, оказывая, в случае необходимости, сопротивление до забастовки включительно”⁹⁷.

Указывая на негативные последствия захвата государственной власти в стране большевиками, использовавшими для этих целей советы рабочих и солдатских депутатов, Симбирская городская

Управа ссылалась на отчет о заседании Московской городской Думы от 15 ноября 1917 г. Московские гласные назвали в числе причин выступления против власти Временного правительства “развал хозяйственной жизни в тылу, голод на фронте” и “разрушительное влияние несбыточных лозунгов об осуществлении социализма в условиях буржуазно-капиталистического строя”⁹⁸. Они видели альтернативу советской власти только в “однородной, преемственно созданной социалистической власти”, которая “доведег страну до Учредительного собрания”⁹⁹.

Ссылками на примеры самоуправления большевиков думцы надеялись, что население не поддержит “насильников, захвативших власть”¹⁰⁰, в чем просчитались. “Насилие” совстов и ревкомов осуществлялось по отношению к органам власти и самоуправления, дискредитированным в ходе революции, и вызывало лишь поддержку большинства рабочих и солдат, явившихся социальной опорой установления советской власти в крупных городах региона. Кроме того, в аграрном поволжском регионе окончательный исход борьбы за власть во многом зависел от поддержки крестьянских организаций. Там, где советы крестьянских депутатов объединились с органами городского и земского самоуправления в неприятии советской власти, большевики решились лишь разъяснить их “контрреволюционную сущность”, но не прекращать деятельность демократически избранных дум и земств.

События в Пензе, где советская власть и вовсе была провозглашена в конце декабря 1917 года, подтверждают определяющий характер влияния на передел власти расстановки партийно-политических сил в советах. Пензенская городская Дума 27 октября 1917 г. выразила доверие “Комитету спасения Родины и революции”, объявив провозглашение советской власти в Петрограде случайностью¹⁰¹. На следующий день этот Комитет создал в городе “Временный революционный штаб”.¹⁰² В него до начала декабря входили представители всех общественно-политических объединений города, включая не только Совет крестьянских депутатов, но и Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.¹⁰³

Пензенский комитет РСДРП(б) был организован возвратившимся из Петрограда В.Кураевым 5 ноября 1917 г. С 11 ноября стал выходить печатный орган пензенских большевиков “Голос правды”, который опубликовал первые декреты советской власти и призывал к ее установлению в губернии. Газета распространялась бесплатно на промышленных предприятиях, в частях гарни-

зона, среди крестьян окрестных деревень. Под влиянием агитации и “совetskого” окружения¹⁰¹ на пере выборах рабочей и солдатской секций Пензенского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 6 и 7 декабря большевики получили большинство мест.¹⁰⁵ Эти выборы бойкотировались умеренными меньшевиками и эсерами, т.к. 10 ноября уже проходили пере выборы рабочей секции Совета, на которых от большевиков было избрано только 30% депутатов.¹⁰⁶ Поскольку выборы советов никакими правилами не регламентировались, то их формирование было делом революционной практики. Конечно, использовать такие структуры в качестве стабильной формы государственной власти невозможно. Однако большевики сумели впоследствии полностью контролировать советы всех уровней от их формирования до принятия необходимых им законов.¹⁰⁷

Изменив состав рабочей и солдатской секции, большевики потребовали переизбрания исполкома Пензенского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 9 декабря 1917 г. в его состав вошли 13 большевиков и 11 левых эсеров.¹⁰⁸ Особое внимание новый исполком Совета уделил работе среди солдат местного гарнизона с целью использовать их для захвата власти. Пензенский Совет солдатских депутатов еще в начале сентября 1917 года учредил во всех полках гарнизона должности комиссаров, подотчетных только ему.¹⁰⁹ Уже в октябре солдатский Совет не подчинялся ни военным, ни гражданским властям города. Когда они пытались урезонить “бесчинствующих солдат”, те, “используя силу ..., требовали своего”, ссылаясь на “солдатские Советы Сызрани и Пензы”¹¹⁰.

С переходом солдатского Совета под контроль большевиков¹¹¹ вопрос об установлении советской власти в Пензе стал ближайшей перспективой. Ни “Комитет спасения”, ни “Революционный штаб” не имели сил для сохранения власти уже не существовавшего Временного правительства. Пензенская городская Дума в ноябре-декабре 1917 года занималась текущими организационно-хозяйственными делами¹¹² и на протесты в связи с концентрацией властных полномочий в Советах решила только тогда, когда были урезаны ее прерогативы.¹¹³ В то же время красногвардейские отряды, предназначенные для установления советской власти, в Пензе начали формироваться на основе решения совместного заседания исполкома Совета и представителей фабрично-заводских комитетов от 19 декабря 1917 г.¹¹⁴

Решение Пензенского комитета РСДРП(б) об установлении советской власти, принятое 17 декабря 1917 г., было доведено до сведения Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 20 декабря.¹¹⁵ 21 декабря исполком Совета объявил о взятии власти в свои руки, роспуске “Революционного штаба” и постановил занять вооруженной силой учреждения, банки и казначейство, послав в них комиссаров.¹¹⁶ Комиссары использовали отряды солдат для установления советской власти, не имея на то полномочий Совета, т.к. решение принимали только члены его исполкома. Таким образом, и в Пензе большевики захватили власть от имени Совета, но не для Совета, используя органы представительства рабочих, солдат и крестьян.

В то время как большевики действовали со всей решимостью, несколько не заботясь о “законности” своих поступков, демократические гласные пытались увещаниями предотвратить неизбежное при смене власти разрушение управления всеми областями жизнеобеспечения населения. 21 декабря 1917 г. на заседании Пензенской городской Думы было объявлено “о захвате большевиками местных Государственного, Городского и Коммерческого банков”. В обращении к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Дума просила “не совершать таких действий, от которых всем будет плохо”¹¹⁷. Наметившийся диалог был прерван явившимся в Городской общественный банк уполномоченным Совета Н.Я. Оловянниковым, который “показал мандат о назначении его комиссаром банка”.¹¹⁸ Для подкрепления своих полномочий он “привел солдатский караул, в присутствии которого составил протокол о передаче банка”¹¹⁹. Дума, выразив “протест против действий насильников”, решила объединиться с “Губернским земским собранием и Губернским совещанием”¹²⁰, но организовать сопротивление Совету они не смогли, т.к. не имели влияния в рабочих и солдатских организациях.

Анализируя способы установления советской власти в губернских центрах Поволжья, необходимо выделить основные черты этого процесса и обратить внимание на разнообразие тактических приемов, примененных большевиками для достижения цели. Они в полной мере учитывали своеобразие общественно-политической ситуации, сложившейся в той или иной местности. Бесплодные споры о “нелегитимности” советской власти, ранившие в последние пять лет доводы отставленных от власти осенью 1917 года демократов, ничего не дают для выяснения сути произошедших

перемен общественного строя. Бессмысленно дебатировать вопрос о законности власти, образовавшейся в ходе революции, как с точки зрения ее характера, так и методов ее захвата или установления (кому как правится).

Установление советской власти в губернских центрах Поволжья осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов небольшевистского направления. Все другие демократические силы они объявляли "контрреволюционными" и обвиняли их во всеобщей разрухе и кризисе власти. Осенью 1917 года у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени Советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

По-разному, но везде оказали сопротивление новым претендентам на власть городские думы. Они не желали делиться с советами функциями управления на местах, надеясь получить эти прерогативы от Учредительного собрания. Саратовская Дума, избранная в июле 1917 года, где умеренные социалисты составляли большинство, пыталась организовать вооруженное сопротивление силам Совета рабочих и солдатских депутатов, за что была распущена в числе первых в стране. В Самарской Думе, избранной повторно в начале октября 1917 года, эсеры и большевики имели большинство, разделенное примерно поровну. Это обстоятельство делало ее бессильной в борьбе с Советом рабочих и солдатских депутатов, после того как большевики, нарушив все договоренности, отказались работать в Думе.

В Казани дифференциация политических сил значительно усиливалась влиянием национального фактора, который со всей очевидностью проявился на выборах в Думу, проходивших за две недели до Октябрьского восстания. Естественно, такая Дума

не могла организовать сопротивление Совету рабочих и солдатских депутатов, объединившемуся с левосоветским Советом крестьянских депутатов. Национальные партии и организации социалистической ориентации в Казани численно и организационно значительно превосходили буржуазно-националистические силы. К тому же социальные противоречия были ведущей линией конфликта, что позволило большевикам создать интернациональный блок для захвата власти даже в условиях развитого движения по национальному самоопределению.

Силы, способные отстаивать советскую власть в таких губернских центрах, как Симбирск, Пенза, к осени 1917 года и вовсе не сложились. Лишь общая всероссийская и региональная конъюнктура позволила большевикам сформировать здесь спустя полтора-два месяца такие составы Советов рабочих и солдатских депутатов, которые хотя бы не отказывались от провозглашения советской власти. В любом случае главной причиной победы советской власти были социальные ожидания рабочих, солдат и крестьян, которые большевики умело поддерживали своими обещаниями и первыми декретированными от имени советов действиями. При этом необходимо отметить их лучшую организованность в достижении поставленных целей и гибкую тактику применительно к конкретным условиям общественно-политической ситуации, сложившейся в каждом губернском центре.

7.2. Конституирование советской власти на местах

Провозглашение советской власти в губернских и некоторых уездных центрах еще не означало победы нового строя на местах. Более того, передел власти вызвал обострение социальной напряженности в крае, и без того охваченном крестьянской войной за землю. Все политические силы после захвата власти большевиками сосредоточили свое внимание на крестьянских организациях, надеясь привлечь их на свою сторону. В конечном итоге окончательное решение вопроса о власти в революционной России зависело от поддержки социального большинства, которое представляло крестьянство. Учредительное собрание ведущими политическими силами рассматривалось в качестве Конституанты, которая должна была узаконить существующую власть. В такой обстанов-

ке усилились противоречия не только между демократическими и социалистическими партиями, действовавшими в русской революции, но еще больше углубился раскол среди социалистов. Этим не преминули воспользоваться большевики, рекрутировавшие союзников из числа левых, интернационалистов, максималистов среди эсеров и меньшевиков. В.И. Ленин впоследствии отмечал: "В решительный момент завоевания власти и создания Советской республики большевизм оказался единым. Он привлек к себе все лучшие из близких ему течений социалистической мысли".¹²¹

Одновременно умеренные социалисты усилили противодействие большевикам, стремясь помешать им укрепиться во власти на местах. Они заявили о непризнании решений II Всероссийского съезда Советов и декретов народных комиссаров, выступили за сохранение власти Временного правительства до Учредительного собрания. Естественно, в такой ситуации все апеллировали к крестьянству в поисках социальной поддержки своей тактики в борьбе за власть. Большевики стремились создать советы до волостей и сел включительно. Эсеры, руководившие всеми крестьянскими организациями, оказывали им противодействие. Они развернули широкую антибольшевистскую кампанию, заявляя со страниц своих центральных и местных газет: "Большевики губят родину и революцию, грабят государственную казну"¹²². В связи с приближавшимися выборами Учредительного собрания ЦК ПСР, призывая крестьян голосовать за список социалистов-революционеров, разъяснял, что так они выразят "протест против большевиков, узурпировавших власть"¹²³.

В Поволжье, где эсеры возглавляли не только крестьянские комитеты и советы, но и местные административные органы Временного правительства, установление советской власти на местах вызвало еще большее сопротивление антибольшевистских политических сил, чем в центре. Чтобы не допустить распространения советской власти в губернии, самарские эсеры развернули мощную контрпропаганду в ответ на организационно-административные мероприятия Ревкома. "Большевики, став у власти, не могут даже в минимальнейшей части осуществить свои демагогические лозунги и призывы ..., всячески поносят меньшевиков и эсеров ... стараются навести тень на партию социалистов-революционеров, обвиняя ее - полувекового борца за народ - в предательстве"¹²⁴, - заявляли они. Им вторили меньшевики, обвинявшие большевиков в демагогических обещаниях: "Не мир, а рабство за ними. Не хлеб,

землю и волю, а гражданскую войну, кровь, прежнее безземелье и торжество кнута несут они... Свершившийся переворот ... отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всепародной поддержкой"¹²⁵. Аналогичная ситуация складывалась в Саратовской губернии, где эсеры попытались опереться на крестьян в борьбе с большевиками¹²⁶, провозгласившими советскую власть.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где влияние большевиков было незначительным, эсеры вели пренентивную антибольшевистскую агитацию. Они призывали проголосовавших за них крестьян "быть наготове к активной защите Учредительного собрания от посягательств на его верховную волю"¹²⁷. Земские самоуправления также заявляли протесты "насилию большевиков, игнорировавших мнение всей России и повсеместно всдрывших советы вместо земств и дум"¹²⁸. Впрочем, там, где советская власть была угрожающей перспективой, а не реальностью, земства не особенно вникали в перипетии борьбы политических партий за власть, занимаясь текущими организационно-хозяйственными делами.¹²⁹

Необходимо отметить, что первоначально большевики предполагали осуществлять сотрудничество между властью в лице советов и органами местного самоуправления. Самарские большевики, например, объясняя свои действия, 28 октября 1917 г. заявляли: "...ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут "выступать", "громить", "захватывать"..."¹³⁰. Однако сопротивление дум и земств, через которые эсеры пытались пресечь властную экспансию советов, способствовало изменению позиций большевиков к органам местного самоуправления. Не сложились в Поволжье, как в некоторых окраинных и даже центральных губерниях страны, коалиционные советско-земско-думские органы власти, умеренно-социалистические по своей политической ориентации.¹³¹

В тех губерниях Поволжья, где для большевиков сложилась неблагоприятная расстановка политических сил в октябре-ноябре 1917 года, им тем не менее удалось склонить на свою сторону сначала советы рабочих и солдатских депутатов, а затем расколоть советы крестьянских депутатов. Таким образом была предотвращена возможность создания антибольшевистской коалиции дум, земств и советов в Симбирске и Пензе. Произошло это из-за не-

примиримости умеренных социалистов, не желавших перехода власти к советам даже на коалиционной основе и стремившихся сохранить административные органы Временного правительства до Учредительного собрания. Таким путем эсеры стремились вернуть себе власть. Накануне выборов в Учредительное собрание эсеры убеждали голосовать за свою партию как единственного защитника народа не только от большевиков, "посягнувших на свободное волеизъявление граждан", но и от "кадетов, не являвшихся социалистами".¹³²

Для обеспечения материальной силы своей власти большевики обратились к крестьянству, декретируя его главное требование в революции – уравнительный земельный передел. На Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов сформировался блок большевиков и левых эсеров. Последние осудили позицию Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, требовавшего "восстановления законного Временного правительства".¹³³ II Всероссийский крестьянский съезд избрал новый состав ЦИК, который совместно со ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва должен был провести в жизнь его постановления. Здесь же окончательно оформился раскол партии социалистов-революционеров.

Очередные губернские крестьянские съезды, созывавшиеся в Поволжье в ноябре-декабре 1917 года, решали, как и всероссийский, прежде всего вопрос об организации новой власти на местах. Эсеры, монополизировавшие в регионе руководство крестьянскими организациями, стремились не допустить участия большевиков в работе съездов, но оградить крестьянских депутатов от общения с представителями рабочих и солдатских советов они не могли. Так губернские крестьянские съезды стали ареной яростного противоборства радикальных и умеренных политических сил, отстаивавших принципиально различные формы осуществления политической власти. В охваченном крестьянской войной за землю Поволжье победить могли лишь радикальные политические силы, но делегатов съездов предстояло убедить в преимуществах той формы власти, которые они предлагали.

Яркой иллюстрацией борьбы за привлечение крестьян на сторону советской власти явился Саратовский губернский крестьянский съезд, который начал работу 23 ноября 1917 г. без участия большевиков. Состав его делегатов постоянно пополнялся и к завершению заседаний вырос со 100 до 260 человек, но представите-

ли Камышинского и Кузнецкого уездов на съезде отсутствовали.¹³⁴ Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов приурочил свое заседание к началу работы крестьянского съезда. В залах обоих собраний присутствовало большое количество солдат, не являвшихся депутатами, но самим фактом присутствия оказывавших давление на решение вопроса о власти. Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов исключил их в состав делегаций, посланной на крестьянский съезд с приглашением к объединенному заседанию. Посланцы Совета "упрашивали "отцов" покинуть заседание съезда и присоединиться к рабочим и солдатам "истинным братьям крестьян"¹³⁵. Под давлением делегатов президиум крестьянского съезда принял предложение, пообещав явиться в Совет после обсуждения "текущего момента" и выработки наказа членам Учредительного собрания. Тем не менее 45 крестьян делегации рабочих и солдат удалось увести со съезда.¹³⁶

После ухода почти половины делегатов из присутствовавших в первый день работы съезда президиум вынужден был объявить его совещанием. На нем оставшиеся делегаты осудили "вооруженный захват власти большевиками", потребовали наделения Учредительного собрания прерогативами по формированию "однородного социалистического правительства".¹³⁷ Они также призвали общественность "положить конец насильственной захватной власти большевиков" в губернии и передать ее "Временному комитету из представителей земских и городских самоуправлений, советов на основе пропорционального представительства по количеству избирателей".¹³⁸ На совещании была также принята резолюция о необходимости заключения "всобщего демократического мира", но практика самостоятельного заключения перемирия отдельными воинскими частями, "безусловно, осуждалась".¹³⁹

Крестьянская поддержка тех или иных политических сил по-прежнему зависела от того, как они решали вопрос о земле. На II Всероссийском крестьянском съезде Б.Д.Камков от имени фракции левых эсеров обвинил Исполком Совета крестьянских депутатов в том, что он, "будучи у власти, тормозил решение земельного вопроса"¹⁴⁰. В.М.Чернов, сотрудничавший с крестьянским советом, будучи министром земледелия Временного правительства, наоборот, оправдывал его действия. Возмущаясь "вероломными и насильственными действиями большевиков", он признался, что "к декрету о земле ЦИК пришлось лишь приложить свой штемпель, так как решение было принято без них".¹⁴¹ В ответ на раз-

брод среди эсеров "большевик Володарский заявил, что они выйдут победителями и учредят в России республику рабочих, крестьян и всего трудового народа"¹⁴².

Земельный вопрос стал рсшающим в политической ориентации поволжского крестьянства, в то время как советы крестьянских депутатов стремились использовать крестьянские съезды для протестов против захвата власти большевиками. В связи с этим не только в центре, но и на местах организационно оформился раскол в партии эсеров. Так, на III Саратовском губернском крестьянском съезде из эсеровской организации выделилась самостоятельная группа левых эсеров, которая объявила, что будет работать вместе с большевиками "по строительству новой жизни"¹⁴³.

Для реализации этой цели съезд рассмотрел следующие вопросы: "1) о текущем моменте и организации власти в губернии; 2) о земельной реформе; 3) о продовольственном положении; 4) об организации крестьянской гвардии. Делегаты съезда единодушно приветствовали пролетарскую революцию, которая передала им долгожданную землю".¹⁴⁴ По вопросу об организации новой власти в губернии на съезде было решено создать сельские, волостные и губернские советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.¹⁴⁵ Здесь же произошло объединение губернского Совета крестьянских депутатов с Советом рабочих и солдатских депутатов. Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получил всю полноту власти в губернии. В его состав и Исполком наряду с большевиками вошли левые эсеры.¹⁴⁶

2 декабря 1917 г. губернский съезд постановил одобрить работу Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов по реализации в жизнь земельной реформы и упразднить губернскую земельную управу. Для руководства земельным переустройством была выделена специальная комиссия.¹⁴⁷ Вскоре, 15 декабря 1917 г., был создан губернский Совет по земельным делам, главой которого был назначен большевик К.П.Голодов.¹⁴⁸ Важное политическое значение имели резолюции съезда об организации крестьянской Красной гвардии и усилению борьбы с саботажниками.¹⁴⁹

Победа советской власти в губернском центре способствовала установлению ее в ряде уездных и волостных центров. Например, во второй половине ноября состоялся Камышинский крестьянский съезд. Избранный на нем исполнительный комитет Совета принял решение о распространении советской власти на весь уезд.¹⁵⁰ В течение декабря 1917 – марта 1918 годов в Саратовской губер-

нии повсеместно были образованы волостные и сельские советы крестьянских депутатов.¹⁵¹ Несомненно влияние решений III губернского крестьянского съезда на советизацию саратовской деревни. Исследователи подчеркивают значение воздействия делегатов крестьянских съездов, агитировавших за установление власти советов. Они были из той же среды, постоянно находились в деревне, превосходно знали психологию и уклад жизни сельского населения и поэтому добивались большого успеха в советском строительстве.¹⁵²

Однако там, где не только большевики, но и противостоящие им умеренные социалисты были хорошо организованы, установление советской власти в деревне обострило политическую борьбу. Некоторые губернские советы крестьянских депутатов пытались предпринять конкретные действия по восстановлению местных органов власти Временного правительства. При этом они отводили земствам роль организаторов крестьянских обществ, противопоставляя их как низовым комитетам, так и образовывавшимся волостным советам. В этом отношении показательна борьба за крестьянство и, следовательно, за власть в деревне, которая развернулась в Самарской губернии полтора месяца спустя после провозглашения здесь советской власти.

5-9 декабря 1917 г. состоялся IV Самарский губернский крестьянский съезд. В его работе приняло участие 395 делегатов¹⁵³, избранных уездными советами крестьянских депутатов и волостными земствами¹⁵⁴ там, где они успели сформироваться после выборов в октябре 1917 года. Обсуждение вопроса о власти на съезде началось с взаимного обвинения лидеров советов в контрреволюции. Член Исполкома Совета рабочих депутатов Николай заявил, что крестьянский Совет своим выступлением против советской власти способствует контрреволюции. В ответ на это председатель Совета крестьянских депутатов Панюжев обвинил рабочий Совет в узурпации власти, заявив: "Нас не уполномочили наши избиратели делать то, что делали большевики"¹⁵⁵. Представитель "гарнизонного Совета крестьянских депутатов солдат Лаврентьев возмущенно заметил, что губернский Совет крестьянских депутатов в течение 7 месяцев его существования не выражал волю своих избирателей по всем другим вопросам". Особенно резко он критиковал руководство Исполкома крестьянского Совета за включение в список кандидатов в депутаты Учредительного собрания И.М. Брушвита, которого 130-й полк исключил из своего состава.¹⁵⁶

Для голосования по вопросу о власти делегатам съезда было предложено 3 резолюции: совместная губернского Совета крестьянских депутатов и губернского комитета партии социалистов-революционеров – набрала 300 голосов; большевиков – 30; левых эсеров – 15.¹⁵⁷ В знак протеста против принятия антисоветского постановления представители от Совета рабочих и солдатских депутатов покинули съезд. 9 декабря делегаты приняли резолюцию о замене советской власти “особым Центральным исполнительным органом из представителей всех социалистических партий”, который должно сформировать Учредительное собрание.¹⁵⁸ На съезде в своей должности был восстановлен губернский комиссар С.А.Волков и избран новый состав губернского Комитета народной власти.¹⁵⁹ Делегаты единодушно высказались за отмену частной собственности на землю “отныне и навсегда”, объявили ее народным достоянием с передачей в пользование трудового народа без всякого выкупа. При этом распределением земли между трудовым населением должны были заведовать центральные и местные органы управления до сельской общины включительно.¹⁶⁰ Эти постановления свидетельствуют о том, что эсеры так же, как большевики, сделали ставку в своей политической игре на радикальное решение аграрного вопроса, но через те крестьянские организации, где они имели влияние. Губисполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как он стал себя называть, не имея в своем составе ни одного представителя от губернского Совета крестьянских депутатов, воспользовался разобщенностью противников и объявил, что “Комитет народной власти, как избранный лишь частью крестьянского съезда, не должен никем признаваться за власть”¹⁶¹.

В результате всех этих баталий в ходе борьбы за власть на губернском уровне в сельской местности функционировали самые разные структуры. В течение ноября 1917 – января 1918 гг. почти во всех уездных центрах было объявлено об установлении советской власти, начался процесс ее организации в волостях и селах.¹⁶² В то же время приступили к работе недавно избранные волостные земства, которые соперничали с местными советами. При организации волостных земств волостные комитеты, руководившие крестьянским движением в 1917 году, упразднились.¹⁶³ Советы же на первых порах включали сельские и волостные комитеты в свой состав на правах земельных отделов. По аграрному вопросу деятельность волостных земств ограничивалась сбором

сведений о крестьянских наделах, выяснении нужды населения в земледельческих орудиях.¹⁶⁴ Они активно выступали против захвата и дележа земель, принимали меры против расхищения лесных массивов вплоть до изъятия и продажи с аукциона похищенного.¹⁶⁵ Такие действия были явным диссонансом не только политике большевистской советской власти в деревне, но и обещаниям эсеровских советов крестьянских депутатов.

Так, III Бузулукский уездный крестьянский съезд, состоявшийся 21 декабря 1917 г., уже после указания IV Самарского губернского крестьянского съезда на незаконный характер советской власти, тем не менее, признал «единственными органами власти в центре и на местах... Советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».¹⁶⁶ На местах чутко уловили, кто больше обещает — земства или советы. Сельские советы крестьяне избирали по старым нормам общинного представительства, которые им больше импонировали, чем новые демократические правила. Например, собрание села Коноваловка Борской волости Бузулукского уезда Самарской губернии 7 января 1918 г., обсудив вопрос «о свершившемся государственном перевороте, постановило: Признать власть Советов в лице всего трудового народа как в центре, так и на местах... Из каждой сотни, как от мужиков и от женщин, которые имеют право голоса, должны выбрать по два представителя, и таким порядком село Коноваловка разбилось на 18 сот, т.е. участков, и оказалось 36 представителей, и влить из инвалидов-солдат 3 человека и из кредитного товарищества, 2 представителя из учительниц, 1 представительницу для организации культпросветсекции, 1 представителя от беженцев и всего получилось 43 человека делегатов... Таким порядком назначен Совет сельских крестьянских депутатов... и вся власть крестьянским депутатам».¹⁶⁷

На уездном уровне раньше, чем на губернском и в центре начался процесс объединения всех советов в единую властную структуру. Так, Бутурусланский уездный крестьянский съезд Самарской губернии, состоявшийся 10 ноября 1918 г., постановил: «Совет крестьянских депутатов входит в тесное единение с Советом рабочих и солдатских депутатов». Здесь же «был избран Революционный комитет для организации советов в волостях».¹⁶⁸

В южных уездах Самарской губернии, где сложилась резкая экономическая поляризация крестьянства, одновременно с установлением советской власти начался слом аппарата земского самоуправления. Николаевский уездный крестьянский съезд Самарс-

кой губернии, состоявшийся 16-18 декабря 1917 г., избрал совместно с Советом рабочих и солдатских депутатов "уездный исполком и Совст народных комиссаров в количестве 15 человек"¹⁶⁹. Он также постановил "распустить уездную земскую Управу, являющуюся только тормозом для проведения законопроектов, издаваемых в интересах трудящихся"¹⁷⁰. Большевицкая власть использовала такие заявления крестьянских организаций для закрепления своих позиций и пресечения любых сомнений в ее законности. Во многих селах и волостях Самарской губернии в конце 1917 – начале 1918 годов функционировали самые различные органы местного самоуправления: различные комитеты, избранные волостные земства, начавшие формировать управы. Все они были конкурентами советам и долго сосуществовать не могли.

Установление советской власти в Казанской губернии не определялось решениями очередного крестьянского съезда. Левые эсеры, стоявшие во главе крестьянской секции Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, поддержали большевиков и вошли в состав Ревкома еще в ходе вооруженного восстания. Однако политическая ситуация в обширном, многонациональном крае в значительной степени варьировалась по сравнению с губернским центром. В связи с этим решения III Казанского губернского крестьянского съезда координировали процесс создания системы советской власти на местах.

Выборы в Учредительное собрание окружная избирательная комиссия перенесла с 12 на 26 ноября 1917 г., а потому созыв губернского крестьянского съезда был отсрочен до 5 декабря.¹⁷¹ Съезд подтвердил, что верховной властью в Казанской губернии является Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоящий из трех секций, каждая из которых автономна в своих делах. Были определены нормы представительства в Исполком Совета: от крестьянской секции – 60 человек, рабочей и солдатской – по 30. В Исполнительное бюро Исполкома Совета съезд рекомендовал избрать 12 человек – по одному от каждого уезда, а Президиум Исполкома был сформирован из пяти участников съезда.¹⁷² Определяя нормы представительства депутатов в губернский Совст, съезд наделил правом выбирать их на волостном сходе, а не на земском собрании. Он также принял решение о созыве сельских, волостных и уездных съездов для определения структуры местных советов. Было решено также учредить при губернском Совете Комиссариат в виде коллегии из трех человек, который обладал контрольными функциями.¹⁷³

III Казанский губернский крестьянский съезд разработал инструкцию об организации местных судов. В соответствии с ней каждая волость избирала судью, причем той национальности, которая преобладала в данной местности.¹⁷⁴ Структура новой власти, разработанная съездом, была представлена в наказе депутатам Учредительного собрания. Наказ призывал всех, “кому дороги завоевания революции, сплотиться вокруг революционных Советов и требует от каждого самого строгого и самого точного выполнения своих обязанностей; всем же душителям и грабителям народной революции III губернский съезд заявляет твердо и решительно, что крестьяне Казанской губернии не щадя своей жизни в любой момент встанут на защиту своих Советов, выражающих их волю, желания и чаяния”¹⁷⁵. Левые эсеры, руководившие крестьянским съездом, объявили также о поддержке постановления Казанского большевистского комитета по передаче власти советам по всей губернии¹⁷⁶, надеясь на расширение своего влияния в уездах.

Уездные крестьянские съезды, проходившие в Казанской губернии в ноябре-декабре 1917 года обсуждали преимущественно вопросы организации власти на местах. Так, Спасский уездный съезд в резолюции, принятой 2 ноября 1917 г., постановил “приветствовать состоявшееся слияние Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов”¹⁷⁷. Одновременно он “обязал земскую управу работать совместно с Советом”, освободил прежнего председателя Управы В.П.Геркена от исполнения обязанностей и вместо него избрал большевика Г.С.Гордеева. Многие члены Управы, не желая признавать советскую власть, стали отказываться от службы. Их немедленно заменили лицами, поддерживающими новые порядки, в том числе представителями от татарского населения.¹⁷⁸

На уездных крестьянских съездах, созывавшихся в декабре 1917 года, настойчиво ставится вопрос об уничтожении сохранившихся органов земского самоуправления. Лаишевский уездный крестьянский съезд 22 декабря 1917 г. подтвердил право “Совета как верховной власти контролировать работу всех учреждений и смещать должностных лиц”¹⁷⁹. По предложению “председателя Совета Бурскова” он распустил земскую Управу “как контрреволюционный орган, разбрасывающий прокламации, где население призывается к погромам барских имений”.¹⁸⁰ Как говорится, “свалили с больной головы на здоровую”.

В Тетюшском уезде III крестьянский съезд 20 ноября 1917 г. передал всю полноту власти Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

янских депутатов, отстранив от должности уездного комиссара Временного правительства.¹⁸¹ 27 декабря 1917 г. на IV Тетюшском уездном крестьянском съезде был уже переизбран исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов. Ему поручили “немедленно конфисковать имения помещиков ..., волостные, продовольственные и земельные комитеты упразднить, а функции их передать в ведение волостных крестьянских Советов”¹⁸². Таким образом, уездные крестьянские съезды в своих решениях были даже радикальнее III Казанского съезда, стремясь не допустить конкуренции земств и комитетов по отношению к советам.

В Симбирской и Пензенской губерниях, где политическое влияние большевиков было незначительным, крестьянские съезды имели еще большее значение на утверждение советской власти не только в сельской местности, но и в городах. После провозглашения власти советов в Симбирске ускорился процесс ее организации по всей губернии.¹⁸³ Например, Сенигилеевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на совместном заседании с представителями земской Управы и городской Думы объявил о взятии власти в уезде. Руководители местного самоуправления, ссылаясь на телеграмму губернского Земства с осуждением “большевистского переворота”¹⁸⁴, призвали крестьян оказать сопротивление установлению советской власти в сельской местности. В ответ на это Исполком Совета решил “послать агитаторов в каждую волость с просьбой избрать депутатов на “крестьянский съезд, который из своего состава делегирует представителей в Совет”¹⁸⁵. Агитаторами в деревню были посланы пробольшевистски настроенные солдаты местного гарнизона.¹⁸⁶ Таким образом, установление советской власти в уездах Симбирской губернии было лишь продекларировано в декабре 1917 года, а ее утверждение началось только в 1918 году.

В Пензенской губернии, где политическая активность крестьянских съездов в 1917 году была выше, чем у Советов, вопрос о власти окончательно решился только на IV губернском крестьянском съезде. Он начал свою работу 27 декабря 1917 г., после того как большевики провозгласили советскую власть в Пензе. Губернский комитет партии социалистов-революционеров призвал делегатов прервать работу съезда в связи с захватом власти большевиками. Однако поддержки большинства делегатов это предложение не нашло, после чего умеренные социалисты покинули съезд, а левые эсеры заявили о соглашении с большевиками. Вместе они

констатировали, что “в деревне происходит борьба между зажиточной частью и большинством деревенской бедноты”. В связи с этим они призвали “устранить господство меньшинства, в деревне этого можно достичь организацией большинства”¹⁸⁷.

По вопросу о власти съезд принял следующую развернутую резолюцию: “1) Принимая во внимание, что трудовое крестьянство только тогда может удержать все завоевания революции, когда оно будет крепко сплочено и организовано в свои революционные органы – Советы крестьянских депутатов, немедленно приступить к их организации. 2) Совет должен быть высшим органом власти своего района, контролирующим все государственные и общественные учреждения, не исключая и органов самоуправления. 3) Постановления Совета подлежат обязательному исполнению как со стороны отдельных граждан, так равно организаций и учреждений. 4) Советы должны быть сельские, волостные, уездные, губернские со Всероссийским во главе. 5) Выбирать в Советы крестьянских депутатов имеет право только трудовое крестьянство”¹⁸⁸.

30 декабря 1917 г. Пензенский губернский крестьянский съезд отменил частную собственность на землю, объявив ее общенародным достоянием. После этого воодушевленные делегаты перизбрали Исполком Совета крестьянских депутатов, в который вошли только большевики и левые эсеры.¹⁸⁹ С целью распространения советской власти в губернии было решено провести с 22 января по 5 февраля 1918 г. уездные крестьянские съезды. Для этого в каждый уезд направлялись специальные группы агитаторов, состоявшие из делегатов крестьянского съезда и посланцев от губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.¹⁹⁰

Итак, установление советской власти в губерниях Поволжья происходило в условиях обострения политического противоборства в лагере социалистов, замещавших все посты в органах власти, самоуправления, общественных организациях. Руководство большинства советов крестьянских депутатов, состоявшее из умеренных эсеров, выступило против установления советской власти, надеясь найти поддержку в крестьянской среде. В Самарской губернии им даже удалось провести крестьянский съезд, восстановивший структуры власти Временного правительства. Только Казанский Совет крестьянских депутатов, которым с самого начала его деятельности руководили левые эсеры, выступил в блоке с большевиками в период установления советской власти. В то же

время крестьянские съезды были левее крестьянских советов и в большинстве своем поддержали большевиков.

Политическая борьба в Поволжье обострилась в связи с проблемой созыва, работы и роспуска Учредительного собрания. ЦК РСДРП(б) в письмах на места и газетных статьях заявлял, что его отношение к Учредительному собранию будет зависеть от признания им советской власти, изданных ею декретов и деклараций.¹⁹¹ Одновременно В.И. Ленин априори заявлял, "что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная республика с Учредительным собранием"¹⁹².

На губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в поволжских губерниях в ноябре-декабре 1917 года, в числе других обсуждался также вопрос об отношении к Учредительному собранию. Еще до его созыва некоторые крестьянские съезды оговаривали успешную работу Учредительного собрания признанием советской власти¹⁹³, се первых декретов, "осуществлением и закреплением уже завоеванных позиций"¹⁹⁴. Уездные съезды были более требовательны к будущей конституанте, чем губернские. Так, делегаты IV Инсарского уездного съезда Пензенской губернии потребовали от Учредительного собрания разрешения вопросов о мире, земле и рабочем контроле. Они признали необходимым "обновление его состава посредством перевыборов в отдельных избирательных округах под руководством местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ... Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами" они постановили "считать посягательством на завоевание революции и решительно этому противодействовать"¹⁹⁵. Заседавший 28 декабря 1917 г. Сенигилевский уездный крестьянский съезд Симбирской губернии потребовал "немедленного ареста тех членов Учредительного собрания, которые попали в него только благодаря неграмотности народа", и наказал "строго следить за его работой"¹⁹⁶.

Упорная борьба за крестьянство между эсерами и большевиками развернулась в Самарской губернии. Умеренные социалисты от имени Исполкома губернского Совета крестьянских депутатов в обращении от 22 декабря 1917 г. призвали крестьян сплотиться вокруг Учредительного собрания.¹⁹⁷ 2 января 1918 г. крестьянский Совет разослал по губернии телеграмму, призвав "на созываемые большевиками 5 января уездные съезды делегатов не выбирать"¹⁹⁸. Большевистские агитаторы "подготавливали делегатов из сел, в низах пошла борьба бедноты во главе с демобилизованными", кото-

рой удалось избрать “своих представителей на губернский съезд Советов”¹⁹⁹. В результате V Самарский губернский крестьянский съезд, открывшийся 12 января 1918 г., признал “ропуск Учредительного собрания Советом Народных Комиссаров вполне правильным”, поскольку оно, “в большинстве своем состоявшее из правых социалистов-революционеров и кадетов, не признало власти трудового народа в лице Советов, не признало декретов Советов, не признало завоеваний Великой Октябрьской революции, — этим оно пошло вразрез чаяниям трудового народа”²⁰⁰.

В действительности Учредительное собрание не только не успело принять антисоветских постановлений, но, судя по стенограмме его заседаний, и не собиралось этого делать. Наоборот, оно прилагало усилия для поиска совместных согласованных решений всех партийных фракций по сложным вопросам социально-экономического и политического характера.²⁰¹ Но большевики все сделали для того, чтобы опорочить Учредительное собрание, т.к. не имели в нем большинства, в связи с чем легитимность их власти могла быть подвергнута сомнению.

Например, делегаты V Симбирского губернского крестьянского съезда, состоявшегося 20-25 января 1918 г., одобрили роспуск Учредительного собрания, заявив, что оно “выявило свою контрреволюционную сущность”²⁰². Заметим, что из 149 наказов, привезенных делегатами на съезд, только 65 содержали требование утверждения советской власти; 36 — высказывались за передачу власти Учредительному собранию; 16 — колебались и в 32 наказах этот вопрос не обсуждался.²⁰³ Правда, даже в тех случаях, когда поддерживалось Учредительное собрание, указывалось на необходимость изгнания из него представителей партии кадетов, а доверие выражалось постольку, “поскольку оно будет отвечать требованиям трудового народа”²⁰⁴. На самом съезде при обсуждении доклада о текущем моменте ни один из представителей с мест не высказался в защиту Учредительного собрания, а упоминание о нем ораторов вызывало протесты делегатов.²⁰⁵

Исполнительный комитет Казанского губернского Совета крестьянских депутатов постановил не только одобрить роспуск Учредительного собрания, но и напечатать “резолюцию вместе с декларацией”²⁰⁶ в газете и кроме того отдельной листовкой на русском, мусульманском, черемисском, чувашском языках” и разослать эти материалы в деревни для разъяснения.²⁰⁷ Национальные политические силы, представлявшие половину делегатов Учредительного

собрания от Казанской губернии, также раскололись. Умеренные национальные социалисты оценили политику Советского правительства несостоятельной “в области социального творчества и переустройства России на началах подлинного признания за всеми населяющими ее народами права на территориальное и культурно-национальное самоопределение”²⁰⁸. Левосоциалистические национальные силы заявили: “Учредилку разогнали..., потому что она шла наперекор желаниям бедного народа..., не приняла декретов правительства ... о немедленном прекращении войны, передаче власти в стране трудящимся... О запрещении буржуазии в дальнейшем грабить народ”²⁰⁹. Социальные интересы большинства довели в действиях национальной политической элиты.

На всех губернских и уездных крестьянских съездах, проходивших в Поволжье в связи с установлением советской власти в деревне, была одобрена тактика большевиков в отношении Учредительного собрания. В.И. Ленин впоследствии констатировал: “В России в сентябре-ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента”²¹⁰. Действительно, крестьянские съезды, сначала условно поддерживая Учредительное собрание, затем не только не сожалели, но и одобрили его роспуск большевиками. Советские историки считали это следствием успешной агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии²¹¹, политики-эмигранты первой войны – коллективным помрачением массового сознания²¹², современные исследователи активно эксплуатируют тезис о победе традиционализма над модернизацией по западному образцу.²¹³ Скорее всего мимикрия большинства социума в отношении идей и практики Учредительного собрания в России объяснима всем комплексом названных причин, которые требуют специального непредвзятого изучения.

Поддержка на местах роспуска Учредительного собрания советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов способствовала укреплению советской власти. Ее легитимность была подтверждена в ходе совместных заседаний III Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, начавшего работать 10 января 1918 г., и III Всероссийского съезда крестьянских депутатов, открывшегося 13 января 1918 г. Предварительно между ЦК большевиков и ЦК левых эсеров была достигнута договоренность об этом объе-

динении.²¹⁴ Здесь были одобрены “все декреты и постановления новой народной Советской власти”²¹⁵. Съезд подвел итог ожесточенной борьбе политических партий за крестьянство, развернувшейся в провинции после захвата власти большевиками. В ходе ее не только демократические, но и умеренно-социалистические партии потеряли опору сначала среди рабочих, солдат, а затем и крестьян. Они вынуждены были признать, что “стоило большевикам усилить работу в массе крестьян, как и не трудно стало сделать их большевиками”²¹⁶.

На III Всероссийском съезде произошло объединение советов, что привело к созданию единообразной системы советской власти. Таким образом, была законодательно оформлена новая форма российской государственности. На местах этот процесс в ряде случаев опережал центр. В Поволжье объединение советов обычно осуществлялось на губернских и уездных крестьянских съездах, к началу работы которых приурочивались съезды советов рабочих и солдатских депутатов.²¹⁷ На объединенных заседаниях создавались совместные исполнительные органы советской власти, которые должны были выполнять директивы ВЦИК Советов “по коренной ломке старых буржуазно-бюрократических учреждений, полным разрыве с буржуазией и беспощадной борьбе с капитализмом до полного его уничтожения”²¹⁸. В Казанской, Саратовской и Пензенской губерниях объединение советов произошло в ходе установления советской власти еще до III Всероссийского крестьянского съезда, а в Самарской и Симбирской губерниях на основе его решений в январе 1918 года.

В течение января-марта 1918 года в Поволжье завершился процесс слияния советов в губернских и уездных центрах, шло интенсивное образование волостных и сельских совестов. Первоначально большинство советов, взяв власть, пытались использовать органы местного самоуправления, лишь ограничивая их деятельность “ведением хозяйственной части”²¹⁹ под своим контролем. При этом они постоянно подчеркивали, что “политическим строем ведают советы”.²²⁰ После объединения губернских советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими не только в центре, но и на местах усиливается тенденция к ликвидации дум и земств как чуждых новой власти общедемократических структур.²²¹ По инициативе местных советов и съездов принимались решения о соединении функций администрации и самоуправления в единой структуре советской власти.

Большевики, добившись власти через советы, стремились предотвратить неизбежную для них конкуренцию со стороны демократических органов самоуправления. Губернские, уездные съезды советов и даже их исполкомы советов принимали постановления по унификации власти в пределах своего ведения. В соответствии с решениями III Всероссийского съезда Советов на местах реорганизовывали "земельные комитеты и сельскохозяйственные отделы земств в отделы народного сельского хозяйства при советах"²²². На практике чаще всего реорганизация превращалась в ликвидацию земств²²¹ и утрату их опыта организации сельского самоуправления.

Еще меньше советы церемонились с думами. Например, Самарский Губисполком 14 января 1918 г. принял "Декрет о власти в губернии", объявив Совет единственной властью и распустил все органы городского и земского самоуправления. Вслед за этим был утвержден проект организации Самарского Совнархоза, которому передавались все функции упразднявшейся городской управы.²²⁴ Там, где земства и думы пытались протестовать против актов насилия, они попросту разгонялись вооруженными красногвардейскими отрядами²²⁵.

Для организованной ликвидации не только земств, но и разнообразных крестьянских комитетов, действовавших при Временном правительстве, большевики также использовали крестьянские съезды. Так, крестьянская секция Саратовского губисполкома 7 января 1918 г. приняла решение о созыве уездных крестьянских съездов с целью установления советской власти и ликвидации земства.²²⁶ На состоявшихся уездных съездах были объединены советы, которым передавалась вся полнота власти, приняты решения об организации волостных и сельских советов там, где их еще не было, ликвидации уездных и волостных земств.²²⁷ В тех местностях, где советы были уже организованы, после III Всероссийского съезда Советов "приступили к перевыборам советов, привлекая солдат, опускаемых из армии"²²⁸. Раньше всех этот процесс начался в Казанской губернии, т.к. здесь не только большевики, но и левые эсеры активно участвовали в вытеснении из уездных советов эсеров умеренного направления. Необходимость перевыборов уездные крестьянские съезды мотивировали тем, что в них "много эсеров", которые "на словах поддерживали Советы, а на деле вели агитацию против большевиков"²²⁹. Земства, по мнению делегатов съезда, были "антидемократичны по своему составу"²³⁰ и распускались их решениями.

Сложнее в сельской местности Поволжья происходило преобразование земельных комитетов, которые должны были стать структурными отделами местных советов. Земельные комитеты в отличие от советов были общесословными учреждениями и не могли быть включены в систему власти диктатуры пролетариата. В.Н. Гинев детально проанализировал перипетии достижения компромиссов между большевиками и левыми эсерами по этому вопросу.²³¹ Против "разрушения земельных комитетов" решительно выступил ЦК ПСР²³², усмотревший в наступлении на низовые крестьянские комитеты ущемление организационных и идейных принципов народничества. Все аграрные проекты социалистов-революционеров от создания партии по 1917 год включительно предусматривали социализацию земли через специальные органы крестьянского самоуправления.²³³

После разгрома Учредительного собрания умеренные социалисты уже не имели рычагов влияния на ход событий не только в центре, но и в провинции. Левые эсеры из конъюнктурных соображений поддержали большевиков и по вопросу о реорганизации земельных комитетов. Крестьянские съезды, проходившие в Поволжье в январе-марте 1918 года, повсеместно поддержали унифицированную систему советской власти без каких-либо местных особенностей.²³⁴ Из национальных политических сил в советское строительство были допущены лишь леворадикальные социалисты.²³⁵ Многообразие демократических общественно-политических структур, функционировавших при Временном правительстве, с установлением советской власти в сельской местности было ликвидировано.

Подводя итоги организации системы советской власти на местах, необходимо выделить основные тактические приемы, примененные большевиками и обеспечившие им успех в борьбе с другими претендентами на государственное управление. Общациональный кризис, достигший в России осенью 1917 года своего апогея, связывался большевиками исключительно с "антинародной" политикой Временного правительства и сотрудничавшими с ним демократическими и умеренно-социалистическими партиями и объединениями. В связи с этим они в первую очередь стремились дискредитировать эсеровское руководство советов крестьянских депутатов, выступивших против узурпации власти большевиками в октябре 1917 года.

Декреты II Всероссийского съезда Советов широко пропандировались в большевистской печати, на митингах, собраниях,

крестьянских съездах. В уездные города и села были посланы агитаторы преимущественно из демобилизованных или самовольно покинувших свои части большевистски настроенных солдат. В связи с организационным оформлением раскола в партии эсеров и поддержкой левыми эсерами основных мероприятий советской власти периода ее установления создавалась возможность расширения социальной базы большевистских преобразований. Не нашла достаточной поддержки рабочих, солдат и крестьян и довольно популярная прежде идея о том, что только Учредительное собрание может решить вопрос о будущем государственном устройстве России. Позиции большинства низовых советов, комитетов, съездов выразились в заявлениях о том, что Учредительное собрание должно утвердить советскую власть и все ее декреты. Разгон большевиками Российской Конституанты на местах был встречен равнодушно, т.к. насущные социальные задачи, выдвинутые в революции, советская власть провозгласила раньше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги взаимоотношений власти и общества на примере революционных событий 1917 года в центральных губерниях Поволжья, необходимо отметить значимость проблемы в научно-познавательном и общественно-политическом плане. Вариативность российского революционизма объясняется наличием существенных особенностей социально-экономического и культурно-национального развития страны, объединенной ранее имперской политической властью. Естественно, с ее разрушением и локализацией революции возникают региональные модификации новых органов власти, самоуправления общественных объединений. Революционные события в провинции показали, что там не тиражировался столичный политический опыт, а возникали самостоятельные общественно-политические организации, стремившиеся к местному правотворчеству.

Февральская революция 1917 года в России положила начало переустройству всей системы органов местной административной власти и самоуправления. В ходе революции основные функции, формы и уровни политической власти изменялись коренным образом. Демократизация общественно-политической жизни не ослабила, а, наоборот, усилила социальную конфронтацию в стране. Первоначальное «единение революционных сил» в провинции вскоре сменилось противостоянием между новой властью и обществом. Изменение государственного устройства стало перманентным процессом в жизни российского общества 1917 года. Это было вызвано определяющим влиянием внеинституционных аспектов на процесс формирования нового государства, что естественно в процессе революции. Можно только удивляться попыткам некоторых современных политологов и ангажированных «повейшими российскими демократами» историков выискивать причины российских бед и неустойчивости двадцатого столетия в «нелегитимности» советской власти. Развитие социальной революции определило дальнейшее изменение формы и содержания новой российской государственности.

Системный кризис, разразившийся в России, проявился многообразием революционных событий в провинции. В ходе ликвидации административных структур царского режима после Февраля 1917 года в Поволжье не сложилось характерного для “колыбели революции” – Петрограда – двоевластия. В то же время единовластие в губернских центрах региона после падения самодержавия достигалось по-разному. Возникшие в них общественные исполнительные комитеты на первых порах объединяли действия органов самоуправления, политических партий, профессиональных, корпоративных союзов и организаций по строительству новой власти на местах. С образованием советов рабочих и военных депутатов общественные комитеты пополнились их представителями.

В Самаре, Саратове и Казани стремление к единению всех демократических сил, которое проявили общественные комитеты, взявшие на себя инициативу формирования новой власти на местах, позволило им расширить свою социальную базу и аккумулировать революционные действия масс. В Саратове сначала образовался Совет рабочих депутатов, который инициировал и ускорил формирование общественного городского исполнительного Комитета, войдя с ним в сотрудничество. В Самаре наиболее оперативными оказались либеральные общественные силы, образовавшие Комитет общественной безопасности, постоянно расширявшие свой состав прежде всего за счет рабочих и солдатских депутатов. Совет рабочих депутатов тесно сотрудничал с Комитетом, что позволило последнему объявить себя Комитетом народной власти с целью улучшения своего имиджа. В Казани оперативность общественных сил сдерживалась вполне реальной возможностью подавления революционных выступлений воинской силой. Здесь находился центр обширного военного округа и офицерский корпус был гораздо многочисленнее, но и солдат для их обслуживания было больше. В университетском центре была значительна прослойка студенческой молодежи, много рабочих. Пестрый состав революционных сил в Казани удалось на время объединить под эгидой Комитета общественной безопасности, тем более что большевики восстановили свою организацию лишь во второй половине марта 1917 г. Пропаганда беспартийной революционности была характерна для общественных сил в названных губерниях и обеспечила их единение при устранении царской администрации и формировании демократической власти.

В Пензе и Симбирске либеральные силы были слабы и безынициативны. Они ждали указаний сверху и отважились создать об-

ественные структуры для формирования новой власти только после указаний из центра. При этом общественные исполнительные комитеты в этих губернских городах стремились не допустить на первых порах представителей революционных сил в свой состав. Образование советов здесь затянулось до середины марта 1917 г. Они не могли соперничать с общественными комитетами за влияние на власть. Единственный путь выхода советов на губернский уровень контроля за властью был через вхождение их представителей в общественные комитеты. Необходимо отметить, что "трогательное единение" всех общественных сил было недолгим в поволжских губерниях. Борьба за власть здесь только еще началась, а вовлечение в революцию крестьянства привело к качественно иной расстановке политических сил.

Местная инициатива по конструированию новой власти не нашла должной поддержки центрального руководства. Временное правительство сделало ставку на председателей губернских и уездных земских управ при формировании административно-управленческих структур в провинции, чем сузило социальную поддержку новой власти. Ограничивая возможности воздействия общественных комитетов на губернских и уездных комиссаров, Временное правительство тем самым потеряло контроль за процессом развития революции на местах. Пренебрежение общественным мнением с самого начала формирования власти в провинции лишило ее возможности контроля за действиями оппозиции. Между тем вхождение советов в общественные исполнительные комитеты на деле реализовывало традиционную парадигму идеала властвования по формуле: "сила власти царю, сила мнения — народу". Отторжение общественного мнения от власти в условиях революции привело в конечном итоге к устранению сформированных после Февраля 1917 года административных структур Временного правительства на местах.

Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, был всеми раскритикован, потому что оказался неспособен противостоять революционному бунту в провинции. Но это проблема не формы, а содержания власти. Сама по себе необходимость организационно-управленческих структур на местах возникла непосредственно в ходе демократических преобразований. С этой функцией государственного и муниципального управления не могли справиться ни советы, ни общественные комитеты, со-

зданные в ходе революции. Они были представительными органами и могли выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Главная ошибка Временного правительства заключалась не в том, что для организации власти на местах был введен институт губернских и уездных комиссаров, а в том, что оно указало не на тех лиц, коим надлежало олицетворять новый строй. Земские служащие, заслужившие в народе почет и уважение своим трудом, не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли коллизии между центром и провинцией.

Демократизация действовавшей до революции системы местного самоуправления не отвечала требованиям основных "революционных потоков", представлялась им невинной, а потому оказалась неудачной. Пополнение городского общественного управления носило догоняющий характер. Городские думы, выступавшие, как правило, с инициативой образования временных общественных комитетов для организации новой власти, свой состав не торопились пополнять демократическими элементами. Это отодвигало их на задний план не только при формировании местной администрации Временного правительства, но и в конкретной борьбе старых и новых органов самоуправления.

Центр общественного представительства при переходе революции на места в поволжских городах переместился в исполнительные комитеты. Думам не удалось демократизировать свой состав за счет представительства от порожденных ими же комитетов, т.к. последние считали себя более высокой инстанцией. Тогда городские самоуправления обратили свои взоры к советам. Под давлением обстоятельств и по мере организации советов в Поволжье сначала в губернских, а затем в уездных городах думы выделили для них квоты.

В условиях революции у сохранившихся старых органов самоуправления появились новые функции, которые можно было реализовать только вместе с советами, представлявшими интересы нецензового населения городов. Основное внимание городские думы весной 1917 г. уделили организации народной милиции с тем, чтобы сосредоточить в своих руках охранные функции власти. Другие общественно значимые для рабочих и средних слоев населения вопросы общедемократического характера думы рассматривали только под давлением советов.

Демократизация земских учреждений Поволжья в первые месяцы революции существенно отличалась от аналогичного процесса в городском самоуправлении и развивалась опережающим порядком на фоне общероссийских событий. Все уездные земские собрания под давлением общественных организаций осуществили демократическое обновление своего состава. Давние традиции массового крестьянского движения "за землю и волю" способствовали радикализации низовых общественных организаций, осуществлявших преобразования власти и самоуправления в сельской местности. Тактику Временного правительства, состоявшую в том, чтобы не навредить поспешными преобразованиями, местные административные структуры осуществить были не в состоянии. Они сами находились под контролем съездов, советов, комитетов.

Во всех поволжских губерниях общественные объединения, возникшие в ходе революции, проявляли разную степень активности. Однако сельские и волостные комитеты дистанцировались от уездных и в еще большей степени от губернских, настаивая на немедленной и радикальной демократизации земств. Вне зависимости от степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве региона все низовые крестьянские организации стремились к "черному переделу" и пытались приспособить для этой цели земства. Земства, даже демократизированные, не способны были осуществлять радикальные требования крестьян по аграрному вопросу. Став организациями общесловными, они не могли ущемлять интересы одних слоев общества ради других, пусть и составлявших большинство.

Демократизация губернских земских собраний, и особенно управ, осуществлялась очень поверхностно и медленно. Даже в тех губерниях, где общественные комитеты (Самара, Саратов) или Советы (Казань, Пенза) выступали за скорейшее пополнение губернских земств демократическими элементами, процесс этот осуществлялся формально. Цензовые элементы не только сохраняли за собой места в губернских земских собраниях, но и составляли большинство в губернских управах. Непосредственных рычагов влияния на губернские органы самоуправления у рабочих, солдатских и крестьянских организаций не было. Пожелания губернских общественных комитетов о необходимости демократизации органов самоуправления носили рекомендательный характер. В то же время губернские земства следовали указаниям Временного правительства, видевшего в них вполне пригодную структуру для формирования новой власти в стране.

Напротив, советы и низовые комитеты имитировали идеально-общинные формы народного представительства. С нарастанием недовольства низов деятельностью новых властных институтов, много обещавших, но ничего не делавших, создавались условия для победы радикальных политиков. В Поволжье уже в мае — июне 1917 года на волне крестьянского движения произошла замена руководителей губернской администрации Временного правительства представителями умеренных социалистов. Дальнейшие кризисы либеральной власти также были обусловлены давлением радикальных масс, требовавших немедленного удовлетворения своих социальных ожиданий. Итак, сложившуюся после Февраля 1917 года систему органов власти и самоуправления можно охарактеризовать как квазидемократическую. Она была аморфна и бессильна, что в свою очередь способствовало дальнейшей десакрализации власти. К тому же институциональные коллизии провоцировали развитие социальной революции.

Весной 1917 года существовала реальная альтернатива организации местной власти через общественные исполнительные комитеты, сумевшие на политической стадии революции в провинции представить интересы различных социальных объединений. Она не была реализована, поэтому трудно судить о ее возможных достоинствах и недостатках. Скорее всего межпартийная борьба разрушила бы данную структуру, как это произошло с демократизированными думами. Разногласия между входившими в губернские исполнительные комитеты представителями общественных организаций, советов, дум, земств и других органов самоуправления проявились с первых шагов их деятельности. Они соперничали друг с другом в попытках решения рабочего, аграрного вопросов и не находили согласия между собой, а также с местной администрацией Временного правительства. Эти постоянные раздоры и конфликты ослабили влияние общественных комитетов на местную власть, а социум перестал возлагать на них надежды по “справедливому разрешению” насущных экономических проблем.

В кризисных ситуациях, которыми изобилует любая революция, на победу могли рассчитывать лишь политические силы, подерживавшие требования социальных групп, составлявших “революционные потоки”. Рабочие, солдаты и крестьяне в большинстве своем выдвигали общинно-уравнительные принципы организации новых социально-экономических отношений. На местах ни новые административные структуры Временного правительства, ни ста-

рые, по демократизированные органы самоуправления не удовлетворяли носителей радикальных идей и действий. Реальными претендентами на власть были комитеты и советы, являвшиеся инициативными общественно-политическими объединениями. Однако общественные исполнительные комитеты, консолидировавшие в начале революции в губернских и уездных центрах различные организации и объединения, уже летом 1917 года переживали кризис. Он был обусловлен дифференциацией общественно-политических сил. Следовательно, достойной альтернативы советам в борьбе за власть не было. Рабочие, солдатские и даже крестьянские комитеты, организованные по правилам непосредственного представительства, воскресавшие нормы общинного самоуправления, тяготели к советам.

Муниципальная кампания 1917 года показала особенности расстановки политических сил в Поволжье, выявила общее и особенное в разных губернских и уездных городах. Для политических партий она явилась своеобразной репетицией выборов депутатов Учредительного собрания. Кадеты разрабатывали программу реформирования местного самоуправления, когда были правящей партией. В период проведения всеобщих муниципальных выборов Временное правительство успело пережить три политических кризиса, а его состав пополнился представителями умеренных социалистов. Летние выборы городских дум показали исключительную популярность эсеро-меньшевистского блока и падение авторитета революционеров-февралистов, в большинстве своем кадетов. Большевики в это время переживали трудности, поскольку были объявлены "партией государственного переворота", проводившей гражданскую войну. Тем не менее их радикальные лозунги с развитием социально-экономического кризиса становились все более популярными среди пролетариев и солдат тыловых гарнизонов.

В провинции большевистские организации подверглись меньшим гонениям, чем в столице. В тех случаях, когда к ним применялись репрессивные меры, их популярность еще больше возросла, что психологически вполне объяснимо в условиях кризиса. Выборы в городские думы, проходившие осенью 1917 года, изменили картину расстановки политических сил, олицетворявших собой бессильную власть, перестали привлекать избирателей. Радикальная часть их электората поддержала большевиков, умеренная — кадетов. Во всех крупных городах Поволжья на выборах были представлены еврейские и мусульманские политические

партии и объединения. Они имели своих избирателей и пропорционально числу поданных голосов получали по несколько мест в думах. Во всех губернских городах было представлено по 2-3 списка еврейских организаций, что расплывало их электорат и не все они получали достаточно голосов для представительства в думах. Однако в списках всех крупных политических партий евреи составили до 1/4 кандидатов. Члены мусульманских организаций были представлены на выборах во всех губернских городах региона, за исключением Саратова, и были избраны в думы пропорционально поданным голосам.

В ходе муниципальной кампании в уездных городах регистрировались общественные группы беспартийных граждан, списки которых получали достаточное для влияния количество голосов на выборах в думы. При выборах волостных земств эта тенденция стала ведущей: списки кандидатов формировались преимущественно от сельских обществ.

Учредительное собрание, объявленное в начале революции "хозяйном земли русской", должно было выступить легитимным верховным органом, определившим основные формы социально-экономического и политического строя. В процессе подготовки Учредительного собрания была разработана и утверждена пропорциональная система представительства по партийным спискам на основе всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Она была опробована на выборах в городское и земское самоуправление и продемонстрировала, несмотря на определенный абсентеизм части рабочих и крестьян, политические симпатии большей части населения. В Поволжье социалисты-революционеры получили большинство в избранных демократическим путем думах и земствах. Однако они не захотели взять на себя ответственность по удовлетворению радикальных требований своих избирателей, опасаясь стать катализаторами гражданской войны.

Эсеры провели большую организационную работу по выявлению крестьянских наказов Учредительному собранию, распространяя через земельные комитеты различные анкеты и вопросники о желательном разрешении аграрного вопроса. Крестьяне, предпочитавшие архаичные формы сословного представительства и вынужденно втянутые в новую партийно-пропорциональную избирательную систему на основе "четырёххвостки", выбрали более знакомую им партию. Характерно, что не только крестьяне-общинники, но и мелкие собственники поддерживали уравнитель-

ный “черный передел” и, следовательно, также голосовали за эсеров на выборах в Учредительное собрание. Результаты выборов в губерниях Поволжья отражали скорее социальные ожидания большей части избирателей, чем действительную расстановку политических сил. Социалисты-революционеры, одержавшие уверенную победу на выборах, потеряли доверие масс, как только захватившие власть большевики заявили об удовлетворении их радикальных требований, не дожидаясь Учредительного собрания.

В целом, несмотря на все законодательные инициативы Временного правительства, механизм взаимоотношений между властью и обществом не складывался. Политические партии и общественные объединения, боровшиеся за власть в беспартийной но преимущественно стране, были не способны аккумулировать интересы различных социальных групп, находившихся в состоянии антагонизма. Дифференциация общественно-политических сил, действовавших в русской революции, осенью 1917 года привела к новому переделу власти, так как кризис приобрел всеобщий характер. Угрожающе нарастал русский анархический бунт, “бессмысленный и беспощадный”. В этих условиях проявилась полная беспомощность местной власти, не способной защитить те основы государственной жизни, которые были провозглашены Временным правительством.

Попытка Временного правительства использовать земства в качестве основы новой российской государственности в 1917 году также не нашла поддержки в ходе социальной революции, т.к. они не поддержали общинно-уравнительных притязаний большинства крестьян. Еще при организации уездной администрации Временного правительства отдельные сельские общества выражали протест против замещения должностей уездных комиссаров представителями земских управ, считая их недемократическими элементами. Волостные исполнительные комитеты и вовсе уже летом 1917 года стали рассматривать советы крестьянских депутатов в качестве вышестоящих властных структур. Таким образом, уже к осени 1917 года достойной властной альтернативы в районах с мощным аграрным движением, каким являлось Поволжье, не существовало. Городская “общественность” – это тонкий поверхностный слой, который не мог преодолеть восторжествовавшие соборные принципы народной самодеятельности в революции.

Поволжский регион явился одним из ярких образцов проявления системного кризиса, где революционные действия большин-

ства социума к осени 1917 года вычленили синкретическую модель общественного устройства. Из всех политических сил, функционировавших в русской революции, только большевики оказались готовы интегрировать разрушительную энергию социального большинства, раздробленного на локальные группы, для захвата власти. Соперничая с эсерами за политическое влияние, они провоцировали бурю народного гнева против тех властных институтов, которые не смогли отстоять его социальные идеалы. Все негативные явления "распада связи времен" большевики непременно объявляли результатом "антинародной" политики Временного правительства и сотрудничавших с ним партий и организаций. Объединение социального и политического радикализма способствовало проявлениям охлократических тенденций в обществе.

Установление советской власти в губернских центрах Поволжья осуществлялось большевиками в зависимости от расстановки общественно-политических сил в них и возможности привлечения на свою сторону радикальных и нейтрализации умеренных социалистов. Осенью 1917 года у большевиков Поволжья потенциально существовала достаточная социальная база не только для взятия, но и удержания власти, но она была большей частью организована другими политическими партиями в советах и комитетах. Добиться большинства в советах рабочих и солдатских депутатов ко времени Октябрьского восстания в Петрограде им удалось лишь в трех из пяти центров исследуемого региона. В Казани, Самаре и Саратове советская власть была провозглашена вслед за Петроградом. В Казани и Саратове, действуя от имени советов, большевики опирались прежде всего на воинские части местных гарнизонов. В Самаре им удалось создать и вооружить боеспособные красногвардейские отряды, что позволило не привлекать склонных к погромным действиям солдат.

По-разному, но везде оказали сопротивление новым претендентам на власть городские думы. Они не желали делиться с советами функциями управления на местах, надеясь получить эти привилегии от Учредительного собрания. Саратовская Дума, избранная в июле 1917 года, где умеренные социалисты составляли большинство, пыталась организовать вооруженное сопротивление силам Совета рабочих и солдатских депутатов, за что была распущена одной из первых в стране. В Самарской Думе, избранной повторно в начале октября 1917 года, эсеры и большевики имели большинство, разделенное почти поровну. После того как большевики,

нарушив все договоренности, отказались работать в Думе, она оказалась бессильной в борьбе с Советом рабочих и солдатских депутатов.

В Казани дифференциация политических сил значительно усиливалась влиянием национального фактора, который со всей очевидностью проявился на выборах в Думу, проходивших за две недели до Октябрьского восстания. Естественно, такая Дума не могла организовать сопротивление Совету рабочих и солдатских депутатов, объединившемуся с левоэсеровским Советом крестьянских депутатов. Национальные партии и организации социалистической ориентации в Казани численно и организационно значительно превосходили буржуазно-национальные силы. К тому же социальные противоречия были ведущей линией конфликта, что позволило большевикам создать интернациональный блок для захвата власти.

Силы, способные отстаивать советскую власть в таких губернских центрах, как Симбирск, Пенза, к осени 1917 года и вовсе не сложились. Лишь общероссийская конъюнктура позволила большевикам сформировать здесь спустя полтора-два месяца такие составы советов рабочих и солдатских депутатов, которые хотя бы не отказывались от провозглашения советской власти. В любом случае главной причиной победы советской власти были социальные ожидания рабочих, солдат и крестьян, которые большевики умело поддерживали. При этом необходимо отметить их лучшую организованность и гибкую тактику применительно к конкретным условиям общественно-политической ситуации, сложившейся в каждом губернском центре.

Провозглашение советской власти в губернских и некоторых уездных городах еще не означало ее победы в огромной, крестьянской по преимуществу, стране. В связи с этим, создавая систему органов советской власти до волостей и сел включительно, большевики стремились дискредитировать эсеровское руководство губернских советов крестьянских депутатов, выступавших за создание правительства из представителей всех социалистических партий. Раскол в лагере умеренных социалистов, и особенно организационное оформление партии левых эсеров, поддержавшей установление советской власти, расширили социальную базу большевизма. Учредительное собрание, олицетворявшее в народном сознании принципы высшей соборности, было развенчано не столько большевистской пропагандой, сколько первыми декретами советс-

кой власти, законодательно утвердившими основные требования рабочих, солдат и крестьян в революции.

Анализ взаимоотношений власти и общества на местах в 1917 году подтверждает системный характер общенационального кризиса. Власть, сформированная после Февраля 1917 года, не отвечала архаичным потребностям большинства социума, она лишь стимулировала мощную инверсионную волну, которая привела страну к национальной катастрофе. Все попытки внедрить западнические общедемократические принципы регулирования социальных отношений оказались неэффективными прежде всего в провинции, т.к. традиционные устои здесь были крепче. Советы, еще в меньшей степени способные осуществлять функции действенной государственной власти, были приспособлены большевиками для выхода из революционного кризиса и строительства "диктатуры пролетариата". Таким образом, формирование российской государственности в 1917 году осуществлялось под давлением революционных сил и последовательно прошло стадии от демократии через охлократию к диктатуре. Впоследствии советская система власти была унифицирована, а местные инициативные объединения постепенно ликвидированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Розенберг У.Г. Создание нового государства в 1917 г.: Представления и действительность // *Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 79.

² Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения: В 3 т.* — М., 1985. — Т. 1. — С. 534-538.

³ Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // *Полн. собр. соч.* — Т. 23. — С. 40-48.

⁴ Гегель Г.В.Ф. *Философия права.* — М., 1990.

⁵ Гегель Г.В.Ф. *Философия права.* Часть третья. Раздел третий. Государство. §§ 352-360. — С. 374-378.

⁶ Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // *Историческая наука в меняющемся мире.* Вып. 2. — Казань, 1994.

⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: Социокультурная динамика России. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. — Т. 1. — Приложение. — С. 799.

⁸ Булдаков В.П. *Историографические метаморфозы “Красного Октября”* // *Исторические исследования в России: тенденции последних лет.* — М., 1996.

Глава I

¹ Событийная сторона революции представлена в обобщающих трудах на всероссийском и региональном уровнях. См., например: Минц И.И. *История Великого Октября: В 3 т.* — М., 1977. — Т. 1-3; *Октябрь в Поволжье.* — Саратов, 1967.

² Некоторые итоги подведены в следующих трудах: Городецкий Е.П. *Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960-е годы: Очерки.* — М., 1982; Он же. *Советская историография Великого Октября. 1917 — середина 1930-х годов: Очерки.* — М., 1981; Шестаков В.А., Кабытов П.С. *Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье.* — Саратов, 1979; *Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье: Сборник статей.* — Куйбышев, 1978; Тагиров И.Р., Валеев Р.К. *Некоторые проблемы изучения истории Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье и на Урале* // *Страницы истории Поволжья и Приуралья.* — Казань, 1984; Литвин А.Л. *Важная тема научных исследований* // *Коммунист Татарии.* — 1987. — № 11. — С. 86-91.

¹ Россия. 1917 год. Выбор исторического пути ("Круглый стол" историков Октября, 22-23 октября 1988 г.). - М., 1989.

² Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. - 1996. - № 5-6. - С. 28-38.

³ Авдесв Н. Первые дни Февральской революции: Хроника событий // Пролетарская революция. - 1923. - № 1. - С. 3-49; Аграрное движение в 1917 году по документам Главного земельного комитета // Красный архив. - 1926. - № 1(14). С. 182-226; Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. - Т. 1. - Самара, 1927; Бочков А.Т. Три года Советской власти в Казани: Хроника событий 1917-1920 гг. - Казань, 1921; Грачев Е. Казанский Октябрь: Хроника революции 1917 года, март-октябрь. - Казань, 1926; Крестьянское движение в 1917 году. - М.;Л., 1927; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. - Т. 1. - Ч. 1. - М., 1929; Саратовский Совет рабочих депутатов. 1917-1918. - М., 1931; Хроника Октябрьской революции в Саратове // Коммунистический путь. - Саратов, 1927. - № 28.

⁴ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 до 1918 гг. М.;Л., 1925; Быховский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 году. - М., 1927; Грасис К. Октябрь в Казани // Пролетарская революция. - 1924. - № 10(33). - С. 120-137; Ежов Н.Е. Военная Казань в 1917 году. - Казань, 1927; Жагар А. Путь к Октябрю (г.Балашов) // Коммунистический путь. - 1926. - № 58. - С. 45-48; Козырьков И. Борьба за Октябрь // Красная быль. - 1923. - № 2. - С. 91-96; Поликов С. От Февраля к Октябрю (Самара в 1917 году) // Пролетарская революция. - 1925. - № 10(45). - С. 204-221; Шейнкман С. Октябрь в Казани // Коммунистический путь. - 1923. - № 2. - С. 22-23.

⁵ Анализ работ историков-марксистов этого периода см.: Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). - М., 1968; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917-1929 гг.). - М., 1968.

⁶ Иоффе Г. Читая "Архив русской революции" // Архив русской революции: В 22 т. - М., 1991. - Т. 1. - С. V-XX; Омельченко Н.А. Русский оцифр: Революция 1917 г. в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского зарубежья (1917 - начало 1930-х гг.). - М., 1995.

⁷ Аграрная революция. Т. 2: Крестьянское движение в 1917 году. - М., 1928; Дубровский С.М. Крестьянство в 1917 году. - М.;Л., 1927; Чаадаева О.Н. Помещики и их организации в 1917 году. - М.;Л., 1928; Шестаков А.В. Октябрь в деревне. М., 1925; Он же. Крестьянские организации и I съезд Советов крестьянских депутатов // Пролетарская революция. - 1927. - № 5 и др.; Фирсов П.П. Крестьянская революция 1917 года (до Октября) и Временное правительство. - Казань, 1922; Чернышев Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. - Казань, 1926.

¹⁰ А.И.Гучков вспоминает. – М., 1993; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. – Париж, 1932; Войтинский В.С. 1917. Год побед и поражений. – М., 1990; Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М., 1991; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – М., 1991; Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием // Воля России. – Прага, 1928. – № 8-9. – С. 211-233; Милюков П.В. Воспоминания. – М., 1991; Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. – М., 1924; Набоков В. Временное правительство. – М., 1991; Родзянко М.В. Крушение империи. – М., 1992; Суханов Н.Н. Записки о революции. – М., 1991-1992; Чернов В.М. Перед бурей. – М., 1993; Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. – М., 1989.

¹¹ Революция 1917-1918 годов в Самарской губернии. – Самара, 1918. – Этот сборник статей был издан в период власти КОМУЧа под редакцией члена правительства П.Д.Климушкина и включал статьи умеренных социалистов, руководивших в 1917 году губернскими органами власти, самоуправления, общественными организациями.

¹² Задачи идеологической борьбы с противниками большевиков в 1917 году как справа, так и слева были поставлены перед сотрудниками Истпарта и целенаправленно решались на местах: Алексеев В.Н. Два года борьбы. – Ульяновск, 1927; Васильев-Южин М.И. Пролетарская революция в Саратове // Советское строительство. – М., 1924. – № 10-11; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 году. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. – М., 1933; Кураев В.В. Октябрь в Пензе. – Пенза, 1927; Троцкий В.В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. – М.; Самара, 1932; Флеер М.Г. Временное правительство в борьбе с аграрной революцией // Красная летопись. – 1926. – № 2(7). – С. 5-15; Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. – М.; Самара, 1932.

¹³ Ундревич В.С., Карева М.Ф. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917-1918 гг.). – М., 1935; Арсентьев А. Крестьянские организации перед Октябрем 1917 г. // Борьба классов. – 1936. – № 11; Шефер А. Органы "самоуправления" царской России. – Куйбышев, 1939; Ремезова Т.А. Советы крестьянских депутатов в 1917 году // Исторические записки. – 1950. – № 2.

¹⁴ Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. – Куйбышев, 1957; Борьба за власть Советов в Симбирской губернии. Февраль 1917 г. – июль 1918 г. Сборник воспоминаний. – Ульяновск, 1957; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Чувашии. Сборник документов. Чебоксары, 1957; Октябрь в Самаре: Воспоминания. – Куйбышев, 1957; Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. – Куйбышев, 1957; Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сборник документов и материалов. – Пенза, 1957; Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября.

Сборник документов и материалов. – Казань, 1958; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. – М., 1958; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Документы и материалы. – М., 1958; Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Документы и материалы. – М., 1959; Революционное движение в России в августе 1917 г. Документы и материалы. – М., 1959; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Документы и материалы. – М., 1961; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы. – М., 1962; Татария в борьбе за победу пролетарской революции. Сборник документов и материалов. – Казань, 1957; 1917 год в Саратовской губернии. Сборник документов. – Саратов, 1957; 1917 год в Царицыне. Сборник документов и материалов. – Сталинград, 1957; Установление Советской власти в Мордовии. Документы и материалы. – Саранск, 1957.

¹³ Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. – М., 1962; Документы по истории Октября в Татарии. – Казань, 1973; За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Саратов, 1967; За власть Советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. – Саратов, 1968; Понов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. – Куйбышев, 1969; Он же. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. – Куйбышев, 1972; Упрочение Советской власти в Татарии. Сборник документов и материалов. – Казань, 1964; Установление Советской власти в Марийском крае. Сборник документов. – Йошкар-Ола, 1970; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917-1918. – Саратов, 1968.

¹⁴ Анализ изучения революционных событий 1917 года в Поволжье был представлен в очерках: Ионенко И.М. Об изучении Октябрьской революции в Поволжье и Приуралье // Ученые записки Казанского гос. университета. – Т. 122. – Кн. 2. – Казань, 1962; Литвин А.Л. Великий Октябрь в Татарии (Обзор литературы) // Татария в период Великого Октября. – Казань, 1970; Кабытова Н.Н., Шестаков В.А. Революционная борьба крестьянства Поволжья в период подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Куйбышев, 1975. – С. 74-79; Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: Межвузовский сборник статей. – Куйбышев, 1984.

¹⁵ Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март-октябрь 1917 г. – М., 1967; Артемьев С.А. Советы рабочих и крестьянских депутатов в 1917-1918 годах. – Чебоксары, 1965; Герасименко Г.А. Партийная борьба в Советах Нижнего Поволжья (1917 год). – Саратов, 1966; Герасименко Г.А., Рашигов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. – Саратов, 1972; Герасименко Г.А., Точный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – Саратов, 1977; Герасименко Г.А.,

Семьянинов В.П. Советская власть в деревне на первом этапе Октября (на материалах Поволжья). — Саратов, 1980; Захаров Н.С., Емельянова И.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). — Казань, 1967; Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. — Казань, 1977; Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. — М., 1977.

¹⁸ Ерицян Х.А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. — М., 1960; Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. — М., 1967.

¹⁹ Герасименко Г.А. Возникновение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Нижнем Поволжье. — Саратов, 1966; Гнупов М.А., Чистов Б.М., Афапасев Б.И. Установление Советской власти в Симбирской губернии. — Ульяновск, 1957; Грачев Е. Страница истории. Борьба за власть Советов в г.Бугульме и Бугульминском уезде в 1917-1920 гг. — Казань, 1965; Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. — Саранск, 1958; Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября (По материалам Казанской губернии). — Казань, 1957; Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. — Куйбышев, 1958; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (Октябрь 1917 — март 1918 гг.). — Саратов, 1967; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1974; Семьянинов В.П. Установление Советской власти в средневоложской деревне. — Саратов, 1976; Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. — М., 1979. Особое внимание исследователей привлекли крестьянские съезды, выступившие в Поволжье в 1917 году как массовые правотворческие организации. — См.: Кабытова Н.Н. Крестьянские съезды Поволжья в советской исторической литературе // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. С. 58-68.

²⁰ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 годов (На материалах Нижнего Поволжья). — Саратов, 1974; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. — 1984. — Т. 111. — С. 100-150; Кабытова Н.И. Классовая борьба в поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — Куйбышев, 1984; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. — М., 1975; Курсков Н.А. Некоторые проблемы изучения земельных комитетов 1917 г. в Среднем Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции... в Поволжье. — С. 69-74; Малявский А.Д. Крестьянское движение в России в 1917 году, март-октябрь. — М., 1981; Седов А.В. Движение крестьян России за массовую организацию низовых земельных комитетов в 1917 году. — Горький, 1975; Он же. Роль крестьянских коми-

тетов в аграрном движении 1917 года. – Горький, 1977; Он же. Борьба крестьянских комитетов за хлеб для деревенской бедноты в 1917 году. – Горький, 1981; Он же. Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. – Саратов, 1990; Он же. Движение революционного крестьянства России за демократическое самоуправление в 1917 году. – Нижний Новгород, 1991; Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. – М., 1987. – Гл. V-VII.

²¹ Басин С.Г. Борьба массовых организаций Среднего Поволжья за 8-часовой рабочий день в мирный период развития революции // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1974; Он же. Массовые организации рабочего класса Среднего Поволжья в борьбе с продовольственными трудностями в первый год пролетарской диктатуры // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1975; Он же. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. – Куйбышев, 1967; Балакина Н.Г. К вопросу о составе рабочего класса Среднего Поволжья в 1917 г. // Сборник аспирантских работ. Гуманитарные науки. – Казань, 1977; Казюхин В.В. К вопросу о рабочем контроле в сукопной промышленности Симбирской губернии // Красведческие записки. – Ульяновск, 1958; Марон Е.С. Бесвой профсоюз металлистов Самары // Сборник научных трудов. – Вып. VIII. – Куйбышев, 1958; Румянцев Е.Д. Из истории создания фабрично-заводской милиции в Поволжье (март-июнь 1917) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1974; Шарошкин Н.А. Рабочий класс Поволжья в первое десятилетие Советской власти (1917-1927). – Рязань, 1982.

²² Ионенко И.М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов (По материалам Поволжья и Урала). – Казань, 1976; Он же. Солдатские массы в Октябрьской революции (По материалам Поволжья и Урала). – Казань, 1982; Миллер В. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. – М., 1974; Соболев Г.И. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. – Л., 1973.

²³ Абрамов П.Н. Волостные земства // Исторические записки. – М., 1961. – Т. 69. – С. 27-45; Баранов Е.П. Подготовка реформы местных органов управления и самоуправления в 1917 году // Вестник Московского университета. – Право. – 1975. – № 3. – С. 63-68; Кручковская В.М. Центральная городская Дума Петрограда в 1917 г. – Л., 1986; Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Советское государство и право. – М., 1984. – № 6. – С. 108-114.

²⁴ Андреев А.М. Местные советы и органы буржуазной власти (1917 г.). – М., 1983; Булдаков В.П., Иванов А.Е., Иванова Н.А., Шелохас В.В. Борьба за массы в трех революциях в России // Пролетариат и средние городские слои. – М., 1981; Герасименко Г.А. Земства в Октябрьские дни // Вопросы истории. – 1987. – № 11. – С. 18-31; Он же. Земства в Февральской буржуазно-демократической революции // История СССР. –

1987. — № 4. — С. 83-86; Он же. Крах земского самоуправления в России // История СССР. — 1989. — № 1. — С. 74-89; Грунт А.Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. — М., 1986; Разгон А.И. Советы Среднего и Нижнего Поволжья в борьбе за демократические перемены: выборы городского самоуправления (март-август 1917 г.) // Октябрь и гражданская война в СССР. — М., 1966. — С. 109-124; Шагин Э.М. Коалиции Советов с земствами и городскими думами в конце 1917 г. — начала 1918 г. // Великий Октябрь и непролетарские слои. — М., 1982.

²⁵ Итоги и задачи в изучении этой темы представлены в монографии: Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. — М., 1990.

²⁶ Большевики в борьбе с непролетарскими партиями и течениями. — М., 1983; Востриков Н.И. Борьба за массы. — М., 1980; Грунт А.Я. Муниципальная кампания в Москве летом 1917 года // История СССР. — 1973. — № 5; Демидов В.В. Большевицкая фракция в Московской городской Думе // Вопросы истории КПСС. — 1961. — № 3; Комиссаренко Л.А. В борьбе за массы. Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. — Л., 1983; Пролетарские партии России. Урок истории. — М., 1984; Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организация политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. — М., 1989. — С. 129-135; Федюк В.П. Кадеты и средние городские слои в 1917 г.: эволюция взаимоотношений // Там же. С. 136-142.

²⁷ Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. — Томск, 1980; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва, фронт, периферия. — М., 1971; Валесв Р.К. Кризис местных органов Временного правительства летом и осенью 1917 года (по материалам Поволжья) // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Источники и вопросы историографии. — Казань, 1972; Он же. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 году. — Казань, 1979; Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. — Саратов, 1976; Ионенко И.М., Тагиров И.Р. Октябрь в Казани. — Казань, 1967; Ионенко С.И. Г.С.Гордеев (биографический очерк). — Казань, 1979; Он же. Николай Ершов: Очерк революционной деятельности. — Казань, 1987; Иоффе Г.З. Великий Октябрь и эпилог царизма. — М., 1987; Кириллов В. Карл Янович Грасис. — Чебоксары, 1969; Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия и продовольственный вопрос в 1917 году // Исторические записки. — 1977. — № 99. — С. 312-321; Медведев Е.И. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. — Куйбышев, 1964; Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. М., — 1969; Нафигов Р.И. Мулламур Вахитов. — Казань, 1975; Семьяшинов В.П. Установление Советской власти в Средневожской деревне. — Саратов, 1976; Тагиров И.И. Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антинародной политикой местных органов власти Временного правитель-

ства (март-октябрь 1917 года): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1988; Точная Н.Г. Башкортостан кадетской контрреволюции в Поволжье (март 1917 – май 1918 годы): Дис. ... канд. ист. наук. – Куйбышев, 1986; Точный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. – Саратов, 1987; Цейтлин Р.С. К истории большевистских военных организаций в Среднем Поволжье в 1917 году // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – М., 1986. – С. 228-238.

²⁸ Баженова Т.М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Научные труды Свердловского юридического института. – Свердловск, 1975. – Вып. 44. – С. 70-86; Она же. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале (1917). – Пермь, 1977; Баранов Е.П. Местные органы государственного управления Временного правительства в 1917 году. – М., 1975; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. – Л., 1976; Иоцифе Г.З. Пролог корниловщины // Вопросы истории. – 1987. – № 8. – С. 101-113; Кабытова Н.Н. Строительство местных органов власти в средневоложских губерниях в мирный период развития революции // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века. – Куйбышев, 1986; Лихачев М.Т. Государственные главные и особые комитеты Временного правительства // Вопросы истории. – 1979. – № 2. – С. 29-41; Мияц И.И. О перестройке в истории Великого Октября // Вопросы истории. – 1987. – № 4. – С. 3-9; Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. – М., 1982; Скрипичев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения. – М., 1970; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. – Л., 1980; Он же. 27 февраля 1917. – М., 1984; Он же. Крах керенщины. – Л., 1982; Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале, июль 1917 – март 1918 гг.). – Казань, 1977; Он же. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июль 1917 года). – Казань, 1977; Черменский Е.Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. – М., 1976.

²⁹ Россия, 1917 год: выбор исторического пути. («Круглый стол» историков Октября, 22-23 октября 1988 г.). – М., 1989; Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? – М., 1991; Революция и реформа: их влияние на историю общества // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2; Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? – М., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. – СПб., 1994; Революция и человек: Быт и нравы повседневности, мораль. – М., 1997; Великий Октябрь и современная Россия. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Нижний Новгород, 1997; Революция в России. Спорное прошлое и неопределенные перспективы

(“Круглый стол” к 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции) // *Альтернативы*. – 1997. – № 3.

³⁰ Сальникова А.А. Исторический источник в американской советологии. – Казань, 1997. – С. 12-48.

³¹ Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution*. – New York, 1994; Фитцпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х гг. // *Вопросы истории*. – 1990. – № 8.

³² Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. – М., 1989; Он же. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. – М., 1992; Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности власти в России // *Отечественная история*. – 1994. – № 2.

³³ Ведущие зарубежные исследователи Б.Пэйрс, Л.Хэймсон, А.Рабинович, Р.Сьюни, У.Розенберг, Р.Дэниэлс и другие убеждены в необходимости постоянного пересмотра взглядов на причины, характер и последствия революционного насилия в России: *The Russian Revolution and Bolshevik Victory. Vision and Revisions / Revised and Edited by Ronald Suny, Arthur Adams*. – Lexington, 1990.

³⁴ Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. – Саратов, 1995.

³⁵ Фитцпатрик Ш. Новые направления в американской советологии. Доклад в Самарском госуниверситете 29 октября 1998 г. – Архив автора.

³⁶ Сальникова А.А. Исторический источник в американской советологии. – С. 15.

³⁷ История СССР в современной западной немарксистской историографии. Критический анализ. – М., 1990.

³⁸ Ферро М. Николай II. – М., 1991; Он же. Почему так трудно развивается жанр биографии? // *Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов”*. – М., 1993. – С. 165.

³⁹ Kratzer K. *Die russische Krisis*. – München und Leipzig, 1925.

⁴⁰ Reiman M. *Rusk revoluce. 23 unor – 25 rijen 1917*. – Praga, 1991. – P. 70.

⁴¹ Маццато К. Конец земства. Доклад на конференции в г.Твери (май 1993 г.) – Архив автора.

⁴² Там же. – С. 17.

⁴³ Там же. – С. 22.

⁴⁴ *Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть*. – СПб., 1994; Булдаков В.П. Империя и российская революционность // *Отечественная история*. – 1997. – № 2; *Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия*. – М., 1994; *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия*. – М., 1995; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. – СПб., 1996. – Ч. 7, 8; Гайда Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // *Вопросы истории*. – 1996. – № 3; Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). – М.,

1992; Он же. Народ и власть. 1917. – М., 1995; Он же. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. – 1997. – № 1; Глушаченко С.Б. Падение самодержавия и особенности становления новой государственности в России. – СПб., 1995; Государственное управление и самоуправление в России. Очерки истории / Отв. ред. В.П.Семьянинов. – М., 1995; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. Борьба за власть в Самарской губернии (конец 1917 – первая половина 1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. – 1996. – № 1; Лавров В.М. Крестьянский парламент России: Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917-1918 гг. – М., 1996; Литвин А.Л., Овруцкий А.М. Левые эсеры: программа и тактика (некоторые вопросы). – Казань, 1992; Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. – Ижевск, 1993; – Гл. 2; Мошелоков Е.Н. Россия между двумя революциями 1917 г.: анализ переходного политического процесса // Кентавр. – 1995; – № 6; Николаев А.Б., Подиванов А.А. Российский парламентаризм в 1917 году // Кентавр. – 1995. – № 2; Румянцев Е.Д. К истории формирования комитетов общественной безопасности Казанской губернии в 1917 году // Проблемы культуры и искусства; традиции и современность. – Казань, 1994; Саечников В.С. Местные органы Временного правительства в Поволжье: Принципы формирования, состав, функции и практическая деятельность в 1917 году // История Советской России: новые идеи, суждения. Ч. I. – Тюмень, 1993; Хмелевский Н.Н. Экономическая политика Временного правительства (февраль-октябрь 1917 г.) // Российский экономический журнал. – 1995. – № 12; Щелков А.Б. Местные органы власти в России в 1917 году (На материалах Самарской губернии) // Историко-археологические изыскания. – Самара, 1996. – Вып. 1.

⁴⁵ Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX в. как общинная революция // Историческая пауза в изменяющемся мире. – Казань, 1994. – Вып. 2; Злоказов Г.И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов 1917 г. – М., 1997; Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996; Он же. Крестьянская община и кооперация. – М., 1997; Кабытова Н.Н. Земства или Советы: российская властная альтернатива в 1917 году // Самарский земский сборник. – 1996. – Вып. 3; Она же. Муниципальные выборы 1917 года в Самаре // Самарский земский сборник. – 1997. – № 1; Лубков А.В. Война, революция и кооперация. – М., 1997; Матвеев М.Н. Драма Волжского земства // Новый мир. – 1997. – № 7; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность. – Челябинск, 1993; Политические партии в России: конец XIX – первая половина XX века. – М., 1996; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. – М., 1997; Семьянинов В.П. Органы советской системы управления в деревне: первые шаги становления // Советское государственное управление и самоуправление. Очерки истории. – М., 1997; Стариков С.В. Политическая борьба в Повол-

жье: левые социалисты в 1917-1918 гг. – Йошкар-Ола, 1996; Устина Л.П. К вопросу о перспективах развития органов местного самоуправления весной 1917 года // Самарский земский сборник. – 1998. – № 1(2); Щеляков А.Б. Самарский гарнизон и охрана общественного порядка в Самаре в 1917 году // Исторические исследования. – Самара, 1998.

⁴⁶ Архинов И.А. Общественная психология петроградского обывателя в 1917 году // Вопросы истории. – 1994. – № 7; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М., 1997; Колошицкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуазное сознание // Отечественная история. – 1994. – № 1; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. – М., 1997; Революция и человек. Быт, нравы, повседневие, мораль. – М., 1997; Революция и человек: социально-психологический аспект. – М., 1996; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – Казань, 1995.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990; Он же. Судьба России. – М., 1990; Ильин И.А. О грядущей России. – М., 1993; Сорокин П. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. – М., 1990; Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. – СПб., 1992.

⁴⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). – Т. 1. – От прошлого к будущему. – Новосибирск, 1997; Булдаков В.П. Революция и человек (методологические заметки) // Крайности истории и крайности историков. – М., 1997; Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998; Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998; Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998; Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – Брянск, 1996.

⁴⁹ Бурганов А.Х. Октябрьская революция – социалистическая? // Кентавр. – 1992. – № 11-12; Вада Х. Российские революции 1917 г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994; Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. – 1996. – № 5-6; Куленов С.В. Размышления о революции // Отечественная история. – 1996. – № 5; Россия в XX веке. Судьба исторической науки. – М., 1996; Заметки по интерпретации 1917 г. // Отечественная история. – 1994. – № 4-5.

⁵⁰ Февральская революция, 1917: Сборник документов и материалов. М., 1996; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25-26 октября 1917 г.): Сборник документов и материалов. М., 1997; Большевики в 1917 году: В 3 т. М., 1995-1997; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998; Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. СПб, 1999.

⁵¹ Овсянников А.А. Идеино-теоретическое наследие лидеров большевизма (источниковедческое наследие). – М., 1997; Омельченко И.А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 года, большевизме и будущих судьбах российской государственности. – СПб., 1996.

⁵² Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США: Российско-американский симпозиум. – Самара, 1998; Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907? 1917-1922 гг. – М., 1997; Die Russische Revolution 1917. Wegweiser oder Sackgasse? – Berlin, 1997.

⁵³ Собрание Указов и распоряжений Временного правительства. – Пг., 1917; Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Пг., 1918. – Ч. 1; Сборник юридического отдела Всероссийского союза земельных собственников. – М., 1917. – Вып. 1.

⁵⁴ Декреты Советской власти. – М., 1959. – Ч. 1.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1783, 1786, 1788, 1789, 1791, 1796, 1797, 1800.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 1781, 1810, 1811.

⁵⁷ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Фонд 206; Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Фонды 814, 820; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Фонд 677; Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Фонд 1246; в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО) фонд губернского комиссара Временного правительства не сохранился.

⁵⁸ Важнейшие постановления Казанского губернского продовольственного комитета. – Казань, 1917; Крестьянский съезд Симбирской губернии 20-21 марта 1917 г. – Симбирск, 1917; Наказ IV Самарского губернского крестьянского съезда депутатам в Учредительное собрание от Самарской губернии. – Самара, 1917; Протоколы I съезда крестьянских делегатов Самарского уезда Самарской губернии. – Самара, 1917; Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского всеобщего съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. – Самара, 1917; Протоколы заседаний крестьянской секции Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов Казанской губернии. – Казань, 1917; Протоколы III Самарского губернского крестьянского схода. – Самара, 1917.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 6978.

⁶⁰ Скорее всего по этой причине поиски архива ВЦИК Совета крестьянских депутатов, предпринятые в 1920-е годы А.В.Шестаковым, известным историком "аграрной революции", составителем и редактором сборника документов по этой теме, оказались безуспешны.

⁶¹ НА РТ. Ф.Р.-983.

⁶² Систематическое фондообразование советов рабочих и солдатских депутатов, как правило, начинается после утверждения советской власти:

ГАПО. Ф.Р.-2; ГАСО. Ф.Р.-521; ГАСамО. Ф.Р.-81, Р-136, Р-137; ГАУО. Ф.Р.-200; НА РТ. Ф.Р.-98.

⁶³ ГАПО. Ф. 486; ГАСамО. Ф. 813, 823; ГАСО. Ф. 6; ГАУО. Ф. 947; НА РТ. Ф. 601, 780, 1738. Характеристику документов низовых крестьянских организаций см.: Силасва Н.М., Сальшикова А.А. Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великого Октября. – Казань, 1985.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 444, 445; ГАСамО. Ф. 821, 822; ГАСО. Ф. 770, 771, 832; ГАУО. Ф. 948, 949, 951; НА РТ. Ф. 1324, 1504, 1505.

⁶⁵ ГАПО. Ф. 486; ГАСамО. Ф. 823; ГАУО. Ф. 947; НА РТ. Ф. 1738.

⁶⁶ Луцкий Е.А. Крестьянские наказания 1917 г. о земле // Источниковедение истории советского общества. Выпуск II. – М., 1968. – С. 113-161.

⁶⁷ ГАПО. Ф. 480; ГАСамО. Ф. 813; ГАСО. Ф. 3; ГАУО. Ф. 677. Оп. 1; НА РТ. Ф. 610.

⁶⁸ ГАПО. Ф. 158. Оп. 1, 2, 3; ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9; ГАСО. Ф. 5; ГАУО. Ф. 46; НА РТ. Ф. 81.

⁶⁹ ГАПО. Ф. 108; ГАСамО. Ф. 170; ГАСО. Ф. 3, 813, 831, 922; ГАУО. Ф. 136; НА РТ. Ф. 98.

⁷⁰ ГАПО. Ф. 109; ГАСамО. Ф. 153; ГАСО. Ф. 4; ГАУО. Ф. 137; в НА РТ материалы городских управ за 1917 год огложились в делах губернского комиссара Временного правительства – Ф. 1246.

⁷¹ ГАПО. Ф. 207; ГАСамО. Ф. 825, 826; ГАУО. Ф. 314.

⁷² ГАРФ. Ф. 1810.

⁷³ Характеристика этих документов дана в работе: Силасв Н.М., Сальников А.А. Источники по истории крестьянского движения в Среднем Поволжье в период Великого Октября (Анализ и вопросы публикации). – Казань, 1985.

⁷⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 274 – ЦК ПСР (эсеров).

⁷⁵ Ленин В.И. О двоевластии; О задачах пролетариата в данной революции; Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24-29 апреля (7-12 мая) 1917 г.; Политические партии в России и задачи пролетариата; Война и Временное правительство; Банки и министры; К солдатам и матросам; Резолюция о коммунальных выборах; Съезд крестьянских депутатов; Бездумные капиталисты или недоумки социал-демократии?; К чему ведут контрреволюционные шаги Временного правительства; Церетели и классовая борьба и др. // Полн. собр. соч. – Т. 31.

⁷⁶ Ленин В.И. Классовая борьба с капиталом или классовая борьба против капитала; “Новое” правительство уже отстало не только от революционных рабочих, но и от массы крестьянства; Наказ выбираемым по заводам и по полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов; Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов; Как запугивают народ капиталисты?; Партии на выборах в районные думы Петрограда; Переход контрреволюции в наступление (“Яко-

бинцы без парода"); Издевательство капиталистов над народом; Большевизм и "разложение" армии; I Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов 3-24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 32.

⁷⁷ Ленин В.И. Кризис власти; Расхлябанная революция; Кризис надвигается, разруха растет; Вся власть Советам! Три кризиса // Полн. собр. соч. – Т. 32; Ленин В.И. Политическое положение; К лозунгам; Грозящая катастрофа и как с ней бороться; Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной // Полн. собр. соч. – Т. 34.

⁷⁸ Ленин В.И. Письмо в редакцию "Новой жизни"; Письмо в редакцию "Пролетарского дела"; За деревьями не видят леса; Из дневника публициста. Ошибки нашей партии; К рабочим, крестьянам и солдатам; Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати) и др. // Полн. собр. соч. – Т. 34.

⁷⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. – Т. 33; Ленин В.И. Чрезвычайный Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов; Проект декрета о роспуске Учредительного собрания; Третий Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10-18 (23-31) января 1918 г.; Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Полн. собр. соч. – Т. 35; Привет итальянским, французским и немецким коммунистам // Полн. собр. соч. – Т. 39; Детская болезнь "левизны" в коммунизме // Полн. собр. соч. – Т. 41.

⁸⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 – Переписка ЦК РСДРП(б) с местными организациями.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 588 – Коллекция документов по истории России. Оп. 1 – Документы за 1885-1917 гг.

⁸² РГАСПИ. Ф. 451 – Организационный комитет меньшевиков (1912-1917 гг.). Оп. 2 – (1917-1918 гг.).

⁸³ Точеная Н.Г. Банкротство кадетской контрреволюции в Поволжье. Март 1917 – май 1918 гг. // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 127-128.

⁸⁴ Мухарямов М.К. Татарская периодическая печать 1917 года как исторический источник // Вопросы историографии и источниковедения. – Казань, 1974. – С. 50-52.

⁸⁵ Характеристика периодической печати, выходившей в губерниях Поволжья в 1917-1918 годах, дана в работах: Кабытова Н.Н. Источники по истории массовых крестьянских организаций в 1917 году // Проблемы историографии истории Великой Октябрьской социалистической революции. – Самара, 1991; Михайлов А.Л. Периодическая печать Средне-Волжской области. 1838-1928. – Самара, 1929; Ратнер Н.Я. Роль периодической печати Среднего Поволжья как исторического источника при изучении революционных событий 1917 года // Философские, технические, методические и социальные аспекты преподавательской, научной и производственной деятельности. – Самара, 1996.

Глава II

- ¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.
- ² В разных губерниях общественные комитеты назывались по-разному: Чрезвычайные, Общественной безопасности, Народной власти и др.
- ³ Глядково К.Г. История комитета Народной власти первого периода // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. — Самара, 1918. — Т. 1. — С. 115.
- ⁴ Понов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917 гг. — Куйбышев, 1969. — С. 430.
- ⁵ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. — 1917. — 12 марта.
- ⁶ Бешенковская М. От Февраля по Октябрь // Красная быль. — Самара. — 1926. — № 2. — С. 87.
- ⁷ ГАСамО. Ф.813. Оп.1. Д.21. Л.3.
- ⁸ Попов Ф.Г. Летопись... — С. 433.
- ⁹ ГАСамО. Ф.813. Оп.1. Д.13. Л.19.
- ¹⁰ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. — 1917. — 11 марта.
- ¹¹ Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. — С. 12.
- ¹² Октябрь в Поволжье. — Саратов, 1967. — С. 48.
- ¹³ Герасименко Г., Рашитов Ф. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. — С. 8-9.
- ¹⁴ Рейли Д.Дж. Политические судьбы Российской губернии: 1917 год в Саратове. — Саратов, 1995. — С. 68-70.
- ¹⁵ Там же. — С. 73-74.
- ¹⁶ Герасименко Г., Рашитов Ф. Советы Нижнего Поволжья... — С. 10.
- ¹⁷ Васькин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. — Саратов, 1976. С. 26.
- ¹⁸ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. — С. 13.
- ¹⁹ Летопись борьбы и свершений: Хроника партийной организации Татарии. 1883-1985. — Казань, 1985. — Кн. 1. — С. 112-113.
- ²⁰ Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. — С. 10.
- ²¹ Татария в борьбе за победу пролетарской революции. — Казань, 1957. — С. 14.
- ²² Ионенко И.М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть советов. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. — С. 34.
- ²³ Там же. — С. 36.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 99.
- ²⁵ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 99 об.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 2.
- ²⁸ Там же. Л. 5.

- ²⁹ Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья... – С. 16.
- ³⁰ Там же. – С. 17.
- ³¹ Точеный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. – Саратов, 1987. – С. 14.
- ³² Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья... – С. 15.
- ³³ Точеный Д.С. Симбирск... – С. 14.
- ³⁴ За власть Советов в Симбирской губернии. Воспоминания участников Октябрьской революции. – Саратов, 1967. – С. 106.
- ³⁵ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. -М., 1989. – С. 194-195.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 9. Л. 62.
- ³⁷ Набоков В.Д. Временное правительство. Воспоминания. – М., 1924. – С. 42.
- ³⁸ Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991. – С. 38.
- ³⁹ Милюков П.И. История второй русской революции. – София, 1921. – Вып. 1. – С. 66.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. 676. Л. 3.
- ⁴¹ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ⁴² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34; ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 4; ГАУО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6; ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2; ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870.
- ⁴³ Власть и реформы. – СПб., 1996. – С. 645.
- ⁴⁴ Власть и реформы. – С. 653-654.
- ⁴⁵ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
- ⁴⁶ Климушкин П.Д. История Комитета Народной власти второго периода // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – Самара, 1918. – С. 49.
- ⁴⁷ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
- ⁴⁸ Васкин В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. – С. 90.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 676. Л. 3 об., 11.
- ⁵¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 23. Л. 30.
- ⁵² Точеный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. – С. 7-8.
- ⁵³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
- ⁵⁴ Там же. Л. 1.
- ⁵⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.
- ⁵⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 10.
- ⁵⁷ Там же. Л. 10 об.
- ⁵⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ⁵⁹ Там же. Л. 7.
- ⁶⁰ Там же. Л. 8.
- ⁶¹ Там же. Л. 14.
- ⁶² ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 28.
- ⁶³ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – Пг., 1917.

- ⁶⁴ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
- ⁶⁵ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 10-10 об.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 3 об., 4, 9, 9 об., 11, 11 об.
- ⁶⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 95-95 об.
- ⁶⁹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 25.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 11 об.
- ⁷¹ Цит. по: Васьян В.В., Герасименко Г.А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. – С. 91.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Цит. по: Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994. – С. 117.
- ⁷⁴ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть; Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – СПб., 1994; Власть и реформы. От самодержавия к советской России. – СПб., 1996. – Ч. 7. – Гл. 4; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Раздел III; Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. – М., 1995.
- ⁷⁵ Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел до 1 июля 1917 года. – Пг., 1917. – С. 10.
- ⁷⁶ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.
- ⁷⁷ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. – С. 446.
- ⁸⁰ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. – М., 1929. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 88.
- ⁸¹ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – Т. 1. – Самара, 1927. – С. 34.
- ⁸² ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.
- ⁸³ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.
- ⁸⁴ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий... – С. 456.
- ⁸⁵ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 8. Л. 76.
- ⁸⁶ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
- ⁸⁷ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Рэйли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии... – С. 89.
- ⁹⁰ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4 об. – 6 об.
- ⁹³ Рэйли Д.Дж. Политические судьбы... – С. 89.
- ⁹⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 5.
- ⁹⁵ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 5.

⁹⁶ Цит. по Тагиров И.И. Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антипародной политикой местных органов власти Временного правительства: Дис. канд. истор. наук. – Казань, 1988. – С. 46.

⁹⁷ Там же. – С. 47.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Тагиров И.И. Партийные организации... – С. 51.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

¹⁰¹ Там же. Л. 23-25.

¹⁰² Тагиров И.И. Партийные организации... – С. 45.

¹⁰³ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

¹⁰⁴ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

¹⁰⁵ Там же. Л. 37.

¹⁰⁶ Там же. Л. 49.

¹⁰⁷ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 86-94.

¹⁰⁸ Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – С. 125.

¹⁰⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.

¹¹⁰ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 12. Л. 11-12.

¹¹¹ Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. – М.; Самара, 1932. – С. 17.

¹¹² ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 58.

¹¹³ Вестник Временного правительства. – 1917. – 28 апреля.

¹¹⁴ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹¹⁵ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 349.

¹¹⁶ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 351.

Глава III

¹ Кабанов В.В. Проблемы исследования общественно-политической жизни советской деревни периода революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. – Уфа, 1984. – С. 79.

² Кабытова Н.Н. Временное правительство и его органы местной власти в 1917 году // Русский язык, культура, история: Сборник материалов II научной конференции. – М., 1997. – Ч. II. – С. 268.

³ Седов А.В. Демократизация сельского самоуправления в 1917 году // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – С. 169.

⁴ Седов А.В. Демократизация сельского самоуправления в 1917 году // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – С. 169.

⁵ Там же.

⁶ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. – С. 43.

⁷ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 10.

⁸ Кабытова Н.Н. Строительство местных органов власти в Средневолжских губерниях в мирный период развития революции // Социально-экономическое развитие и классовая борьба в поволжской деревне периода капитализма. — Куйбышев, 1988. — С. 128.

⁹ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. — Т. I. — Ч. 1. — С. 88.

¹⁰ Там же. — С. 91-92.

¹¹ ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.

¹² Кабытова Н.Н. Строительство местных органов власти в Средневолжских губерниях в мирный период развития революции. — С. 129.

¹³ Советы крестьянских депутатов... — Т. I. — Ч. 1. — С. 93.

¹⁴ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. — Т. 1. — С. 34.

¹⁵ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

¹⁶ Советы крестьянских депутатов... — Т. I. — Ч. 1. — С. 99.

¹⁷ Кабытова Н.Н. Классовая борьба в Поволжской деревне в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. — Куйбышев, 1984. — С. 7.

¹⁸ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902-1917. — С. 448.

¹⁹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 15-23; 55-57.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 12, 12 об.

²² Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. — С. 17.

²³ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 12. Л. 11-12.

²⁴ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 31. Л. 2-9.

²⁵ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 25.

²⁶ Там же.

²⁷ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 4 об.

²⁹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 5 об.

³¹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 6.

³² Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. — Т. I. — Ч. I. — С. 110.

³³ Хрошка революционных событий в Саратовском Поволжье. — Саратов, 1968. — С. 47.

³⁴ Ленин В.И. Речь об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов 25 апреля (8 мая) 1917 г. // Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 377.

³⁵ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 3-5; ГАСамО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6. Л. 16; Известия Самарского Совета рабочих депутатов. — 1917. — 19 мая; Хрошка революционных событий в Саратовском Поволжье. — С. 47-48.

³⁶ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 8 июля.

³⁷ Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – С. 45.

³⁸ Точный Д.С. Борьба политических партий в России по аграрному вопросу накануне Октября (На материалах Поволжья). – Куйбышев, 1981. – С. 3-5.

³⁹ Суслон Ю.П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление. 1917-1918 гг. – Саратов, 1972. – С. 49.

⁴⁰ Точный Д.С. Борьба политических партий... – С. 5-7.

⁴¹ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – Самара, 1917. – С. 44.

⁴² Крестьянское движение в 1917 году. – М.;Л., 1927. – С. 18.

⁴³ Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. – С. 55.

⁴⁴ Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году... – С. 54.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 189.

⁴⁷ Там же. Л. 189 об.

⁴⁸ Седов А.В. Демократизация сельского самоуправления в 1917 году // Власть и общественные организации России... – С. 171.

⁴⁹ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.

⁵⁰ Там же. Л. 342.

⁵¹ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 342.

⁵² ГАСамО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

⁵³ См., например: Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1974. – С. 76.

⁵⁴ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М., 1990; Седов А.В. Крестьянские комитеты в 1917 году: Идея, организация, статус; Кабытова Н.Н. Временное правительство и его органы местной власти в 1917 году // Русский язык, культура, история. – М., 1997. – С. 266-270.

⁵⁵ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917). – М., 1992; Файджес Орландо. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917-1918 гг. // Анатомия революции. – М., 1994. – С. 230-237.

⁵⁶ Ленин В.И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17 апреля) 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 107.

⁵⁷ Самарская летопись. – Самара, 1994. – Т. II. – С. 144.

⁵⁸ Щелков А.Б. Местные органы власти в России в 1917 году (На материалах Самарской губернии) // Историко-археологические изыскания. – Вып. I. – Самара, 1996. – С. 26.

- ⁵⁹ Известия Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов. — 1917. — 30 марта.
- ⁶⁰ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 13. Л. 66.
- ⁶¹ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 92.
- ⁶² Постановления первого съезда крестьянских делегатов Самарского уезда Самарской губернии. — Самара, 1917. — С. 5.
- ⁶³ Крестьянский съезд Симбирской губернии 20-21 марта 1917 г. — Симбирск, 1917. — С. 27.
- ⁶⁴ Крестьянский съезд Симбирской губернии 20-21 марта 1917 г. — Симбирск, 1917. — С. 28.
- ⁶⁵ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 110.
- ⁶⁶ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 194.
- ⁶⁷ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. — С. 34.
- ⁶⁸ Там же. — С. 47.
- ⁶⁹ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. — Пенза. — 1917. — 9 апреля.
- ⁷⁰ Там же. — 22 апреля.
- ⁷¹ Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 г. — М., 1979. — С. 52.
- ⁷² Симбирская народная газета. — Симбирск. — 1917. — 3 мая.
- ⁷³ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. — Пенза. — 1917. — 6 мая.
- ⁷⁴ Миллоков П.Н. Воспоминания... — С. 19.
- ⁷⁵ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 13.
- ⁷⁶ Пенароков А.П. 1917: Краткая история, документы, фотографии. — М., 1988. — С. 109.
- ⁷⁷ Пенароков А.П. 1917: Краткая история, документы, фотографии. — С. 109.
- ⁷⁸ Симбирская народная газета. — 1917. — 21 мая.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ ЦА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Ионско И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. — Казань, 1957. — С. 95-96.
- ⁸³ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — Казань, 1958. — С. 41.
- ⁸⁴ Социалист-революционер. — Казань. — 1917. — 15 июня.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ ЦА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 10 об.
- ⁸⁷ Цит. по: Захаров Н.С., Емсельнов И.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). — Казань, 1957. — С. 22.

⁸⁸ НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

⁸⁹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — С. 100.

⁹⁰ Там же. — С. 101-102.

⁹¹ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. — Пенза. — 1917. — 13 мая.

⁹² Цит. по: Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 г. — С. 53-54.

⁹³ См. например: Смирнов А.С. Большевики и крестьянство в Октябрьской революции. — М., 1976. — Гл. IV; Попова Э.Д. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков за крестьянство в 1917 году. — Л., 1980. — Гл. II.

⁹⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. — Т. 33. — С. 30.

⁹⁵ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г.; Протоколы общегубернского вссословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. — Самара, 1917. — С. 8.

⁹⁶ Там же. — С. 9.

⁹⁷ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... — С. 9.

⁹⁸ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... — С. 11.

⁹⁹ Там же. — С. 20.

¹⁰⁰ Там же. — С. 21.

¹⁰¹ Там же. — С. 22.

¹⁰² Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... — С. 15.

¹⁰³ Там же. — С. 24.

¹⁰⁴ Там же. — С. 44.

¹⁰⁵ Там же. — С. 5.

¹⁰⁶ Волжское слово. — Самара, 1917. — 20 мая.

¹⁰⁷ Щелков А.Б. Местные органы власти в России в 1917 году (На материалах Самарской губернии) // Историко-археологические изыскания. — Вып. 1. — Самара, 1996. — С. 30.

¹⁰⁸ Там же. — С. 31.

¹⁰⁹ Там же. — С. 32.

¹¹⁰ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... — С. 24.

Глава IV

¹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. — М., 1990. — С. 111.

² ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15. Л. 1-2.

³ Красный архив. — М., 1926. — Т. 2. — С. 40.

⁴ Волжское слово. — Самара. — 1917. — 28 февраля.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 2, 5, 6, 8 и др.

- ⁷ Там же. Л. 2.
- ⁸ Сенцов А. А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления в России накануне Октября // Советское государство в право. - 1984. - № 6. - С. 108-109.
- ⁹ Борьба ленинской партии против мелкобуржуазных групп и течений. - М., 1984.
- ¹⁰ Волжское слово. - Самара. - 1917. - 10 марта.
- ¹¹ Волжское слово. - Самара. - 1917. - 16 марта.
- ¹² Там же. - 9 марта.
- ¹³ Волжское слово. - Самара. - 1917. - 22 марта.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Булдаков В. П. Красная смута. - М., 1997. - С. 106.
- ¹⁶ Волжское слово. - Самара. - 1917. - 11 апреля.
- ¹⁷ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 1.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 138. Л. 2.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 4721. Л. 30.
- ²⁰ Там же. Л. 31.
- ²¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 4721. Л. 30. Л. 32.
- ²² Там же. Л. 33.
- ²³ Там же. Л. 35.
- ²⁴ Там же. Л. 35 об.
- ²⁵ Там же. Л. 36-39.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 4721. Л. 40-41.
- ²⁷ Там же. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Л. 42.
- ²⁹ Там же. Л. 43.
- ³⁰ Там же. Л. 44.
- ³¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 4721. Л. 45.
- ³² ГАСО. Ф. 3. Оп. 1 Д. 4721. Л. 45 об.
- ³³ Там же. Л. 52.
- ³⁴ Там же. Л. 58, 62, 65.
- ³⁵ Там же. Л. 53.
- ³⁶ Там же. Л. 58.
- ³⁷ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 125. Л. 99; ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 32. НА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 3460. Л. 326.
- ³⁸ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 102.
- ³⁹ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 114.
- ⁴⁰ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 80. Л. 3.
- ⁴¹ Там же. Л. 2.
- ⁴² ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 44.
- ⁴³ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 50.
- ⁴⁴ ГАУО. Ф. 137. Оп. 32. Д. 103. Л. 1.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 739. Л. 98; ГАУО. Ф. 137. Оп. 32. Д. 103. Л. 61; НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

- 47 ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 114, 144 об.
- 48 Там же. Л. 117.
- 49 ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 12 об; ГАУО. Ф. 137. Оп. 32. Д. 103. Л. 30; ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 171.; ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4721. Л. 51; НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
- 50 Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 7 апреля.
- 51 Там же. – 17 марта.
- 52 ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 172.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Л. 162.
- 55 ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 162.
- 56 Волжское слово. – Самара. – 1917. – 8 апреля.
- 57 ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 176.
- 58 Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. – Л., 1980. – С. 218-219.
- 59 Волжское слово. – Самара. – 1917. – 7 апреля.
- 60 НА РТ. Ф. 98. Оп. 7. Д. 1478. Л. 44.
- 61 НА РТ. Ф. 98. Оп. 5. Д. 6913. Л. 1-3.
- 62 ГАУО. Ф. 137. Оп. 32. Д. 103. Л. 12.
- 63 Там же. Л. 47, 50, 55, 91.
- 64 Там же. Л. 48.
- 65 ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 172.
- 66 ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 738. Л. 24.
- 67 Там же. Л. 24 об.
- 68 ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 739. Л. 114.
- 69 НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 36. Л. 108 об.
- 70 Там же. Л. 108.
- 71 Там же. Л. 108, 108 об.
- 72 ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 181.
- 73 Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – Саратов, 1977. – С. 42.
- 74 ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 182.
- 75 Волжское слово. – Самара. – 1917. – 8 апреля.
- 76 Там же.
- 77 Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства. – Л., 1980. – С. 209.
- 78 Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 55.
- 79 Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. – М., 1995. – С. 52.
- 80 Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 70.
- 81 Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 71.
- 82 Ленин В.И. Письма издалика // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 36.
- 83 Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. – М., 1986. – С. 3.
- 84 ГАПО. Ф. 479. Оп. 2. Д. 7. Л. 94.

- ⁸⁵ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 11.
- ⁸⁶ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 3.
- ⁸⁷ Волжское слово. – Самара. – 1917. – 21 марта.
- ⁸⁸ ГАУО. Ф. 936. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 11 об.
- ⁹⁰ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 871. Л. 21.
- ⁹¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 25.
- ⁹² ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 62; ГАСО. Ф. 5. Оп. 1.
- ⁹³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.
- ⁹⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.
- ⁹⁵ Там же. Л. 6.
- ⁹⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 25. Л. 58.
- ⁹⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 47. Л. 7-8.
- ⁹⁸ Там же. Л. 10.
- ⁹⁹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 27. Л. 2; НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 48. Л. 204.
- ¹⁰⁰ Матвеев М.Н. Драма волжского земства // Новый мир. – 1997. – № 7. – С. 163.
- ¹⁰¹ Волжское слово. – Самара. – 1917. – 11 апреля.
- ¹⁰² Волжское слово. – Самара. – 1917. – 11 апреля.
- ¹⁰³ Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917-1918 годах: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1995. – С. 54.
- ¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 182.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 182 об.
- ¹⁰⁶ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 182.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 182 об.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 183.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 183 об.
- ¹¹¹ Там же. Л. 4-6 об.
- ¹¹² ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 184.
- ¹¹³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. Гл. III.
- ¹¹⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 36. Л. 357.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 357-357 об.
- ¹¹⁶ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 58; ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 195; ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 110; ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 871. Л. 2; НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.
- ¹¹⁷ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 10.
- ¹¹⁸ Волжский день. – Самара. – 1917. – 6 июня.
- ¹¹⁹ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 58.
- ¹²⁰ Там же. Л. 52.
- ¹²¹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 182 об.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 г. в Саратове. – С. 174.

- ¹²¹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 81-82.
- ¹²⁵ Тагиров И.И. Партийные организации Среднего Поволжья в борьбе с антинародной политикой местных органов власти Временного правительства. – С. 96.
- ¹²⁶ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 82.
- ¹²⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 31. Л. 11.
- ¹²⁸ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 156. Л. 1.
- ¹²⁹ Там же. Л. 4.
- ¹³⁰ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 949. Л. 1.
- ¹³¹ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 80.
- ¹³² ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 86-94.
- ¹³³ ГАПО. Ф. 479. Оп. 2. Д. 7. Л. 94.
- ¹³⁴ Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. – С. 54.
- ¹³⁵ Ленин В.И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 378.
- ¹³⁶ Смирнов А.С. Крестьянские съезды... – С. 55.
- ¹³⁷ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 6.
- ¹³⁸ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 6.
- ¹³⁹ Герасименко Г.А. Народ и власть. – С. 81.
- ¹⁴⁰ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 91.
- ¹⁴¹ Рейли Д.Дж. Политические судьбы российской губернии... – С. 169.
- ¹⁴² Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 93.
- ¹⁴³ ГАСамО. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 112.
- ¹⁴⁴ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 57.

Глава V

- ¹ Крестьянский съезд Симбирской губернии 20-21 марта 1917 г. – Симбирск, 1917. – С. 29.
- ² Ленин В.И. Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) 14-22 апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 241.
- ³ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 26.
- ⁴ Там же. Л. 25 об. – 26.
- ⁵ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 26.
- ⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 60.
- ⁷ Там же. Л. 86.
- ⁸ Симбирская народная газета. – 1917. – 11 апреля.
- ⁹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 101. Л. 81.
- ¹⁰ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 93.

- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. — С. 94.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 111.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. — С. 112.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. — С. 95-100.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 1.
- ²¹ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. — Пенза, 1957. — С. 53.
- ²² Там же. — С. 53-55.
- ²³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 420.
- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 420.
- ²⁵ Известия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. — Пенза. — 1917. — 6 мая.
- ²⁶ См.: Постановления Инсарского и Мокшанского уездных крестьянских съездов по земельному вопросу // Симбирская народная газета. — 1917. — 3 мая; Известия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. — Пенза. — 1917. — 6 мая.
- ²⁷ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. — С. 70-71.
- ²⁸ Пензенский центр хранения документов новейшей истории (ПЦХДНИ). Ф. 674. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Л. 5.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 6.
- ³² ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 77.
- ³³ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. — С. 78.
- ³⁴ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. — С. 79.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об.
- ³⁶ Имеются в виду постановления II Пензенского губернского крестьянского съезда, который созывался по инициативе губернского Совета крестьянских депутатов.
- ³⁷ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. — С. 83.
- ³⁸ Там же. — С. 84.
- ³⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
- ⁴⁰ Там же. Д. 45. Л. 7 об.

- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Д. 3. Л. 6.
- ⁴³ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
- ⁴⁴ Там же. Л. 68.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45. Л. 6 о.
- ⁴⁶ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 95.
- ⁴⁷ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 95.
- ⁴⁸ Цит. по: Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. – С. 98.
- ⁴⁹ Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья... – С. 97-98.
- ⁵⁰ Казанская рабочая газета. – 1917. – 9 мая.
- ⁵¹ НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
- ⁵² Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. – С. 256-257.
- ⁵³ Там же. – С. 41-45.
- ⁵⁴ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. – С. 43.
- ⁵⁵ Там же. – С. 45.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ В фондах НА РТ имеется большое количество таких подробных описей помещичьих имений. Необходимо отметить, что делопроизводственно не только административных, но и общественных структур, функционировавших в Казанской губернии, отличалось лучшей организацией, чем в других губерниях исследуемого региона. Казань была центром административного управления в Поволжье и здесь имелись квалифицированные управленческие кадры, участвовавшие также в составлении революционных документов.
- ⁵⁸ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 97.
- ⁵⁹ Документы по истории Октября в Татарии. – С. 54.
- ⁶⁰ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 99.
- ⁶¹ Татария в борьбе за победу пролетарской революции. – С. 295.
- ⁶² Там же. – С. 296.
- ⁶³ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 98.
- ⁶⁴ Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1917 год. – Казань, 1919. – С. 159.
- ⁶⁵ НА РТ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.
- ⁶⁶ НА РТ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 3. Л. 105.
- ⁶⁷ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 23. Л. 90.
- ⁶⁸ Там же. Д. 13. Л. 65.
- ⁶⁹ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.
- ⁷⁰ Там же. Л. 12.
- ⁷¹ Там же. Д. 13. Л. 60.
- ⁷² Там же. Д. 23. Л. 89.
- ⁷³ Чернышев Е.И. Из истории крестьянского движения в Казанском крае. – Казань, 1926. – С. 21.

- ⁷⁴ Цит. по: Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. – С. 103-104.
- ⁷⁵ НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 21. Л. 209-210.
- ⁷⁶ Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской революции. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – С. 55.
- ⁷⁷ НА РГ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ⁷⁸ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 4.
- ⁷⁹ Там же. – С. 28.
- ⁸⁰ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 37.
- ⁸¹ Там же. – С. 40.
- ⁸² Там же. – С. 42.
- ⁸³ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 42.
- ⁸⁴ Там же. – С. 43.
- ⁸⁵ Там же. – С. 44.
- ⁸⁶ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 43-44.
- ⁸⁷ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 17 мая.
- ⁸⁸ ГАСамО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.
- ⁸⁹ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 77.
- ⁹⁰ Там же. – С. 49.
- ⁹¹ Там же. – С. 51.
- ⁹² Там же. – С. 51-52.
- ⁹³ Там же. – С. 53.
- ⁹⁴ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 53.
- ⁹⁵ Там же. – С. 54.
- ⁹⁶ Там же. – С. 55.
- ⁹⁷ Там же. – С. 112.
- ⁹⁸ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда... – С. 118.
- ⁹⁹ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
- ¹⁰⁰ ГАСамО. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
- ¹⁰¹ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 9. Ч. 2. Л. 651.
- ¹⁰² ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1а. Л. 6-7.
- ¹⁰³ ГАСамО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁰⁵ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 403.
- ¹⁰⁶ Осипова Т.В. Всероссийский союз земельных собственников (1917) // История СССР. – 1917. – № 3. – С. 116.
- ¹⁰⁷ Кабытова Н.П. Наказы крестьян Самарской губернии Учредительному собранию // Самарский краевед. – Самара, 1995. – С. 132.
- ¹⁰⁸ Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Вып. 1. – С. 9-10.
- ¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 379. Л. 31-34; ГАСамО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 100.
- ¹¹⁰ Курссена О.А. Борьба корпоративных организаций дворянства против крестьянского движения // Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции и гражданской войне. – Куйбышев, 1983. – С. 52.

- ¹¹¹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 40.
- ¹¹² Там же. – С. 59.
- ¹¹³ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 10-12, 73, 85, 124.
- ¹¹⁴ Революционная борьба крестьян в Казанской губернии. – С. 68.
- ¹¹⁵ Там же. – С. 67.
- ¹¹⁶ Там же. – С. 43-50.
- ¹¹⁷ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 154.
- ¹¹⁸ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 156.
- ¹¹⁹ Кабытова Н.Н. Земства или Советы: Российская властная альтернатива осенью 1917 года // Самарский земский сборник. – Самара, 1996.
- ¹²⁰ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 20 апреля.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 6 июля.
- ¹²³ Там же. – 8 июля.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 16 мая.
- ¹²⁶ Известия Казанского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 30 июня.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 17 мая.
- ¹²⁹ Важнейшие постановления Губернского продовольственного комитета: Приложение к журналу "Хозяйственная, кооперативная жизнь и известия губернского продовольственного комитета". – Казань, 1917. – С. 16.
- ¹³⁰ ГАРФ.Ф. 1796. Оп. 1. Д.47. Л. 31, 60.
- ¹³¹ Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – М., 1957. – С. 97.
- ¹³² Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 137.
- ¹³³ РГБ ОР. Картон. 2. Д. 32. Л. 4, 14, 19, 20.
- ¹³⁴ РГБ ОР. Картон. 2. Д. 32. Л. 4, 14, 19, 20.
- ¹³⁵ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 15. Л. 59, 50 об.
- ¹³⁶ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 30 апреля.
- ¹³⁷ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 30 апреля.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Устав Всероссийского Союза земельных собственников. – М., 1917.
- ¹⁴¹ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 18 августа.

- ¹⁴² Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917-1918 гг. – С. 65.
- ¹⁴³ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. – Саратов, 1982. – С. 164.
- ¹⁴⁴ Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 22 июня.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. – С. 57.
- ¹⁴⁷ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 20 августа.
- ¹⁴⁸ Дубровский С.М. Временное правительство и крестьянство // Аграрная революция. – М., 1928. – Т. 2. – С. 68.
- ¹⁴⁹ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 28 июня.
- ¹⁵⁰ Там же. – 6 октября.
- ¹⁵¹ Там же. – 24 октября.
- ¹⁵² Известия Кузнецкого исполкома народной власти. – 1917. – 28 сентября.
- ¹⁵³ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 19-20.
- ¹⁵⁴ ИА РТ. Ф. 780. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 103.
- ¹⁵⁷ ГАСамО. Ф. 832. Оп. 1. Д. 1 "а". Л. 6, 6 об.
- ¹⁵⁸ ГАПО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
- ¹⁵⁹ В одном из донесений Лаиншевского уездного комиссара сообщалось о принятых мерах по жалобам помещиков, хуторян и отрубников. Уездный комиссар давал стереотипный ответ: "сообщено волостному комитету, начальнику уездной милиции". См.: Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. – С. 516-518.
- ¹⁶⁰ Крестьянское движение в 1917 г. – С. 18.
- ¹⁶¹ Там же. – С. 154.
- ¹⁶² Известия Казанского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 10 сентября.
- ¹⁶³ Уголовное уложение Российской империи. СПб., 1903.
- ¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 11. Л. 33-36.
- ¹⁶⁵ Крестьянское движение в 1917 году. – С. 217.
- ¹⁶⁶ Там же. – С. 51.
- ¹⁶⁷ 1917 год в Саратовской губернии. – С. 112.
- ¹⁶⁸ Известия Казанского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 11 августа.
- ¹⁶⁹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. – С. 434.
- ¹⁷⁰ Там же. – С. 504.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 5-6.
- ¹⁷² Там же. Л. 3, 3 об.

¹⁷³ Самарский центр хранения документации новейшей истории (Сам-ЦХДНИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 218. Л. 32.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Лубков А.В. Война, революция и кооперация // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994. – С. 109.

¹⁷⁷ Известия Кузнецкого исполкома народной власти. – 1917. – 18 октября.

¹⁷⁸ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 19 августа.

¹⁷⁹ ОР РГБ. Ф. 114. Картон 8. Д. 26. Л. 1.

Глава VI

¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – С. 666.

² Ленин В.И. Резолюция о коммунальных выборах // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 255; Ленин В.И. Материалы к пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 153-154.

³ Ленин В.И. Позабыли главное (муниципальная платформа партии пролетариата) // Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 23-26.

⁴ Грунт А.Я. Москва. 1917. Революция и контрреволюция. – М., 1976. – С. 156.

⁵ Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье. Левые социалисты в 1917-1918 гг. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 26.

⁶ Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. – М., 1989. – С. 131.

⁷ Минц И.И. История Великого Октября. – М., 1978. – Т. 2. – С. 561.

⁸ Минц И.И. История Великого Октября. – М., 1978. – Т. 2. – С. 561.

⁹ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии. 1917 год в Саратове. – С. 189.

¹⁰ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии. 1917 год в Саратове. – С. 189.

¹¹ Грунт А.Я. Москва. 1917. Революция и контрреволюция. – М., 1976. – С. 161.

¹² Рейли Д. Дж. Политические судьбы... – С. 189.

¹³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4719. Л. 1-3 об.

¹⁴ Составлена по: Рейли Д. Дж. Политические судьбы... – С. 188.

¹⁵ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4719. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 9 об.

¹⁷ Там же. Л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 7 об.-10.

- ¹⁹ Там же. Л. 13.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4719. Л. 14.
- ²¹ Там же. Л. 14 об.
- ²² Там же. Л. 25 об.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4719. Л. 29 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 738. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Л. 3 об.
- ²⁸ Там же. Д. 739. Л. 2 об. - 8.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 144.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 169.
- ³² ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 182.
- ³³ Там же. Л. 182 об.
- ³⁴ Точеный Д. С., Точечная Н. Г. Организации политических партий на выборах в думы Поволжских городов в 1917 г. - С. 130.
- ³⁵ Составлена по: ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 739. Л. 121-128.
- ³⁶ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 184.
- ³⁷ Там же. Л. 184 об.
- ³⁸ Там же. Л. 189.
- ³⁹ Там же. Л. 195-196.
- ⁴⁰ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 739. Л. 131-132.
- ⁴¹ Там же. Л. 138-151.
- ⁴² ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1259. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴ Все предыдущие после выборов заседания Думы назывались чрезвычайными: ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 230.
- ⁴⁵ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 231.
- ⁴⁶ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 180-180 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 231.
- ⁴⁸ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 157. Л. 206, 206 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 9.
- ⁵⁰ Составлена по: ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 157. Л. 246. Данные о количестве поданных голосов отсутствуют.
- ⁵¹ Там же. Д. 155. Л. 1.
- ⁵² Там же. Л. 2.
- ⁵³ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 157. Л. 3.
- ⁵⁴ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 157. Л. 4.
- ⁵⁵ Там же. Л. 5.
- ⁵⁶ Там же. Л. 6.
- ⁵⁷ Там же. Л. 12.
- ⁵⁸ Там же. Л. 8.
- ⁵⁹ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 157. Л. 16.

- ⁶⁰ Там же. Д. 155. Л. 17.
- ⁶¹ Там же. Л. 20.
- ⁶² Там же. Д. 159. Л. 1-24.
- ⁶³ Там же. Оп. 35. Д. 619. Л. 26.
- ⁶⁴ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – С. 164.
- ⁶⁵ Волжский день. – Самара. – 1917. – 26 июня.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 20 мая.
- ⁶⁸ Там же. 26 июля.
- ⁶⁹ Волжский день. – Самара. – 1917. – 29 июля.
- ⁷⁰ Там же. – 15 июля.
- ⁷¹ Там же. – 12 июля.
- ⁷² Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – С. 182.
- ⁷³ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 13 августа.
- ⁷⁴ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии... – С. 505.
- ⁷⁵ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 1-2.
- ⁷⁶ Приволжская правда. – 1917. – 16 августа.
- ⁷⁷ Составлена по: Приволжская правда. – 1917. – 18 августа.
- ⁷⁸ Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 16 августа.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Известия Самарского Совета рабочих депутатов. – 1917. – 19 августа.
- ⁸¹ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 538.
- ⁸² Там же. Л. 539.
- ⁸³ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 21 сентября.
- ⁸⁴ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 73.
- ⁸⁵ Волжский день. – Самара. – 1917. – 7 сентября.
- ⁸⁶ Там же. – 16 сентября.
- ⁸⁷ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 22 сентября.
- ⁸⁸ Волжский день. – Самара. – 1917. – 1 сентября.
- ⁸⁹ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 29 сентября.
- ⁹⁰ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – С. 235-245.
- ⁹¹ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 27.
- ⁹² Точеный Д.С., Точная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы поволжских городов в 1917 г. – С. 133.
- ⁹³ Составлена по: Самарские губернские ведомости. – 1917. – 5 октября.
- ⁹⁴ Цит по: Точеный Д.С., Точная Н.Г. Организации... – С. 133.
- ⁹⁵ Городской вестник. – Самара. – 1917. – 14 октября.
- ⁹⁶ Блюменталь И.И. Революция... – С. 251.
- ⁹⁷ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий... – С. 547.
- ⁹⁸ Блюменталь И.И. Революция... – С. 253.

- ⁹⁹ Блюменталь И.И. Революция... – С. 256.
- ¹⁰⁰ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 25 октября.
- ¹⁰¹ См. таблицу 6.
- ¹⁰² ИА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 35. Л. 297.
- ¹⁰³ Составлена по: ИА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 146-148.
- ¹⁰⁴ ИА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 35. Л. 299, 301, 306.
- ¹⁰⁵ Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье. Левые социалисты в 1917-1918 гг. – Йошкар-Ола, 1996. – С. 23.
- ¹⁰⁶ ИА РТ. Ф. 98. Оп. 7. Д. 1478. Л. 102.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 103.
- ¹⁰⁸ ИА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 35. Л. 319.
- ¹⁰⁹ Минц И.И. История Великого Октября. – М., 1977. – Т. 1. – С. 563.
- ¹¹⁰ Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. – С. 168.
- ¹¹¹ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – С. 123.
- ¹¹² Минц И.И. История Великого Октября. – Т. 1. – С. 563.
- ¹¹³ Составлена по: Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы... – С. 132.
- ¹¹⁴ Составлена по: Точеный Д.С., Точеная Н.Г. Организации политических партий на выборах в думы... – С. 134.
- ¹¹⁵ Ленин В.И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 277.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Полн. собр. соч. – Т. 34. – С. 299.
- ¹¹⁸ Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керепский. – М., 1996. – С. 110.
- ¹¹⁹ Моисеева О.Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. – М., 1967. – С. 97.
- ¹²⁰ Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1995. – С. 151.
- ¹²¹ Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. – С. 171.
- ¹²² ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.
- ¹²³ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 10. Л. 3.
- ¹²⁴ Там же. Л. 5 об.
- ¹²⁵ Там же. Л. 6 об., 7.
- ¹²⁶ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об., 71.
- ¹²⁷ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 8 августа.
- ¹²⁸ Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 8 августа.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Народная газета. – Пенза. – 1917. – 8 августа.
- ¹³¹ Там же.

- ¹³² ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
- ¹³³ Народная газета. – Пенза. – 1917. – 8 августа.
- ¹³⁴ Известия Кузнецкого исполнительного Комитета народной власти. – 1917. – 1 августа, 20 сентября.
- ¹³⁵ Деревенская правда. – Москва. – 1917. – 21 октября.
- ¹³⁶ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45. Л. 27 об.
- ¹³⁷ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 2. Л. 31 об.
- ¹³⁸ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 53. Л. 32, 77.
- ¹³⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 49. Л. 57, 57 об.
- ¹⁴⁰ Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. – Самара, 1917. – С. 8.
- ¹⁴¹ Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. – С. 8.
- ¹⁴² Там же. – С. 4.
- ¹⁴³ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. – С. 509.
- ¹⁴⁴ Там же. – С. 9.
- ¹⁴⁵ Там же. – С. 5-6.
- ¹⁴⁶ Попов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. – С. 8.
- ¹⁴⁷ Там же. – С. 12.
- ¹⁴⁸ С.А.Волков при утверждении его в должности губернского комиссара в МВД заявил о своем несогласии с постановлениями II губернского крестьянского съезда. См.: Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. – М., 1975. – С. 180-182.
- ¹⁴⁹ Протоколы заседаний III Самарского губернского крестьянского съезда. – С. 34.
- ¹⁵⁰ Там же. – С. 80.
- ¹⁵¹ Там же. – С. 78, 85.
- ¹⁵² Там же. – С. 86.
- ¹⁵³ Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 25 августа.
- ¹⁵⁴ Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. – С. 25.
- ¹⁵⁵ Там же. – С. 26.
- ¹⁵⁶ Там же. – С. 27.
- ¹⁵⁷ Там же. – С. 28.
- ¹⁵⁸ Там же. – С. 44.
- ¹⁵⁹ Там же. – С. 45.
- ¹⁶⁰ Протоколы III Самарского губернского крестьянского съезда. – С. 91.
- ¹⁶¹ ГАРФ. Ф. 8976. Оп. 1. Д. 423. Л. 59 об.
- ¹⁶² Там же. Л. 60.
- ¹⁶³ ГАСамО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1412. Л. 93 об.
- ¹⁶⁴ ГАСамО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1412. Л. 98.
- ¹⁶⁴ Известия Казанского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 23 июля.
- ¹⁶⁶ Социалист-революционер. – Казань. – 1917. – 13 августа.

- ¹⁶⁷ Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. — С. 150.
- ¹⁶⁸ Валесв Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье (июль-октябрь 1917 г.). — Казань: Изд-во Казан. ун-та. — С. 83-88.
- ¹⁶⁹ ИА РГ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 224.
- ¹⁷⁰ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — С. 428.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же. — С. 429.
- ¹⁷³ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — С. 428.
- ¹⁷⁴ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — С. 429.
- ¹⁷⁵ Там же. — С. 437.
- ¹⁷⁶ Там же. — С. 435.
- ¹⁷⁷ Там же. — С. 436.
- ¹⁷⁸ Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. — С. 501-502.
- ¹⁷⁹ См. подробнее: Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 — первой половине 1918 гг. — С. 168-175.
- ¹⁸⁰ Известия Кузнецкого исполнительного комитета народной власти. — 1917. — 13 августа.
- ¹⁸¹ 1917 год в Саратовской губернии. — С. 118.
- ¹⁸² Известия Кузнецкого исполнительного Комитета народной власти. — 1917. — 28 сентября.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Крестьянское движение в 1917 году. — С. 273.
- ¹⁸⁵ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье в 1917-1918 гг. — С. 118.
- ¹⁸⁶ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье в 1917-1918 гг. — С. 121.
- ¹⁸⁷ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. — М.; Л., 1925. — С. 133.
- ¹⁸⁸ Там же. — С. 134.
- ¹⁸⁹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 6. Л. 21.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 22.
- ¹⁹¹ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 6. Л. 23.
- ¹⁹² Симбирская народная газета. — 1917. — 1 октября.
- ¹⁹³ Там же. — 15 октября.
- ¹⁹⁴ ГАУО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ¹⁹⁵ Симбирская народная газета. — 1917. — 1 октября.
- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 6978. Он. 1. Д. 424. Л. 10.
- ¹⁹⁷ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 33-41.
- ¹⁹⁸ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 33-41.

- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Буддаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – С. 105.
- ²⁰¹ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.
- ²⁰² ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
- ²⁰³ ГАСамО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 3-10.
- ²⁰⁴ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5; НА РТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
- ²⁰⁵ Революционная борьба крестьян Казанской губернии. – С. 541.
- ²⁰⁶ ГАНО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; ГАСамО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; НА РТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ²⁰⁷ НА РТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
- ²⁰⁸ Баскин Г.И. Принципы земельного надления в связи с отношением населения к разным формам землевладения и землепользования. – Самара, 1917. – С. 3.
- ²⁰⁹ Там же. – С. 5.
- ²¹⁰ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 202.
- ²¹¹ ГАНО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 8.
- ²¹² Там же. Л. 7.
- ²¹³ НА РТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
- ²¹⁴ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 7.
- ²¹⁵ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
- ²¹⁶ ГАНО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
- ²¹⁷ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ²¹⁸ НА РТ. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- ²¹⁹ ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ²²⁰ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 116.
- ²²¹ ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 6.
- ²²² ГАПО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 23. Л. 6; ГАУО. Ф. 947. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 6.
- ²²³ Там же.
- ²²⁴ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ²²⁵ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
- ²²⁶ Там же. Л. 6.
- ²²⁷ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
- ²²⁸ Там же. Л. 4.
- ²²⁹ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.
- ²³⁰ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – С. 146.
- ²³¹ ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 67. Л. 3.
- ²³² Народная газета. – Пенза. – 1917. – 26 июля.
- ²³³ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 45. Л. 32.
- ²³⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 211-211 об.
- ²³⁵ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894. Л. 7.

- ²³⁶ Там же. Л. 26.
²³⁷ Там же. Л. 19-23 об.
²³⁸ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 44. Л. 3, 3 об.
²³⁹ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1117. Л. 5-6.
²⁴⁰ Там же.
²⁴¹ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – Т. 1. – С. 227.
²⁴² РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 116.
²⁴³ ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.
²⁴⁴ См.: Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. – Куйбышев, 1958. – С. 372-376.
²⁴⁵ Ильин И.А. О грядущей России. – М., 1993. – С. 33.
²⁴⁶ Октябрь в Поволжье. – Саратов, 1967. – С. 258.
²⁴⁷ Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917-1918 годах: Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 1995. – С. 126-127.
²⁴⁸ Октябрь в Поволжье. – С. 257.
²⁴⁹ Там же. – С. 259.
²⁵⁰ Составлена по: Октябрь в Поволжье. – С. 259.

Глава VII

¹ Юрченко В.В. О некоторых правовых аспектах решения II съезда Советов об установлении “советской власти” и его последствиях // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – М., 1996. – С. 283.

² Состояние историографии II Всероссийского съезда Советов представлено в статье: Афанасьев В.Г., Стародворцева Н.П. Итоги и перспективы изучения II Всероссийского съезда Советов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. – С. 305-315.

³ Юрченко В.В. О некоторых правовых аспектах... – С. 290.

⁴ ГАСамО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Вестник Временного правительства. – 1917. – 8 сентября.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – 1917. – № 264. – Ст. 1749.

⁸ Там же.

⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. – Т. 33. – С. 26.

¹⁰ Ленин В.И. Из дневника публициста. Ошибка нашей партии // Полн. собр. соч. – Т. 34. С. 260.

¹¹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 497.

¹² Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. – Казань, 1977. – С. 222.

¹³ Там же. – С. 223.

- ¹⁴ Валесв Р.К. Революционное движение в Среднем Поволжье (июль-октябрь 1917 г.). – С. 41-46, 107-114, 142-144.
- ¹⁵ Румянцев Е.Д. Современные проблемы изучения рабочей милиции и Красной гвардии Поволжья // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье. – С. 48-58; Цейтлин Р.С. К истории большевистских военных организаций в Среднем Поволжье в 1917 году // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – С. 228-238.
- ¹⁶ Ионенко И.М., Тагиров И.Р. Октябрь в Казани. – С. 179-197.
- ¹⁷ Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской революции. – С. 94-109, 146.
- ¹⁸ Валесв Р.К. Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. – С. 155-183; Мухарямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии. – С. 46, 73, 99; Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов. – С. 85-88; Пафигов Р.И. Мулламур Вахитов: Историко-биографический очерк. – Казань, 1975.
- ¹⁹ Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской революции. – С. 106.
- ²⁰ Ионенко С.И. Военная организация при Казанском комитете РСДРП(б) в 1917 году // Военные организации партии большевиков в 1917 году. – С. 219-228.
- ²¹ Ионенко И.М. Солдатские массы в Октябрьской революции. – С. 107.
- ²² Там же. С. 108.
- ²³ Октябрь в Поволжье. – С. 223.
- ²⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 102. Л. 146-148.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. – С. 104.
- ²⁸ Саратовский вестник. – 1917. – 27 октября.
- ²⁹ Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья... – С. 85.
- ³⁰ Герасименко Г.А., Точный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – С. 177.
- ³¹ Стариков С.В. Политическая борьба в Поволжье... – С. 77.
- ³² Рейли Д.Дж. Политические судьбы... – С. 272-273.
- ³³ Саратовский вестник. – 1917. – 8 сентября. – С. 5.
- ³⁴ Там же. С. 7.
- ³⁵ Там же. С. 8.
- ³⁶ Антонов-Саратовский В.И. Под стягом пролетарской борьбы. – С. 163.
- ³⁷ Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы... – С. 111.
- ³⁸ Рейли Д.Дж. Политические судьбы... С. 283.
- ³⁹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Л. 10.

⁴¹ Первоначальный проект капитуляции предусматривал оставить в распоряжении Думы организацию городского хозяйства и социальной инфраструктуры. – См.: Антонов-Саратовский В.П. Под стягом... – С. 167.

⁴² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4833. Л. 588.

⁴³ Там же. Л. 589.

⁴⁴ Волжский день. – Самара. – 1917. – 7 сентября.

⁴⁵ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 78.

⁴⁶ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 29 сентября.

⁴⁷ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 30 сентября.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Басин С.Г. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. – С. 87.

⁵⁰ Самарские губернские ведомости. – 1917. – 5 октября.

⁵¹ Победа Великой Октябрьской революции в Самарской губернии. – С. 106-113.

⁵² В конце сентября 1917 года в результате перевыборов в рабочую секцию Самарского Совета было избрано 53,3% большевиков, 20% меньшевиков, 10% эсеров, 16,7% других партийных групп и беспартийных. См.: Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – С. 176.

⁵³ Октябрь в Самаре. – Куйбышев, 1957. – С. 5.

⁵⁴ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы... – С. 177.

⁵⁵ ГАСамО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

⁵⁶ Румянцев Е.Д. О путях и способах вооружения фабрично-заводской рабочей милиции Поволжья (март-октябрь 1917 г.) // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1973. – С. 56.

⁵⁷ Понов Ф.Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии... – С. 559.

⁵⁸ Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. – С. 324-325.

⁵⁹ Понов Ф.Г. Летопись... С. 547-548.

⁶⁰ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. – С. 281.

⁶¹ Понов Ф.Г. Летопись... – С. 549.

⁶² ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 661-662.

⁶³ Самарская летопись. – Самара, 1994. – Т. 2. – С.

⁶⁴ Медведев Е.И. Установление и упрочение... – С. 326.

⁶⁵ Солдат, рабочий и крестьянин. – Самара. – 1917. – 14 декабря.

⁶⁶ Понов Ф.Г. Летопись... – С. 561.

⁶⁷ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 651.

⁶⁸ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 15. Л. 666.

⁶⁹ Там же. Л. 668.

⁷⁰ Там же. Л. 675.

⁷¹ Блюменталь И.И. Революция 1917-1918 гг. ... – С. 291.

⁷² ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 2. Л. 35.

⁷³ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 190.

⁷⁴ Там же. Л. 191.

⁷⁵ Там же. Л. 192.

⁷⁶ Там же. Л. 193.

⁷⁷ Там же. Л. 152-157.

⁷⁸ Там же. Л. 161.

⁷⁹ ГАСамО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 26. Л. 167.

⁸⁰ Там же. Л. 163.

⁸¹ Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 – 1918 гг.). – Саратов; Пенза, 1967. – С. 19-20; Пугтов М.А., Чистов Б.И., Афанасьев Б.Н. Установление советской власти в Симбирской губернии. – Ульяновск, 1957. – С. 21.

⁸² ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1431. Л. 3.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Октябрь в Поволжье. – С. 230.

⁸⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. – С. 104.

⁸⁶ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Совгты Поволжья... – С. 244.

⁸⁷ ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1431. Л. 4.

⁸⁸ Ягодкин В. Октябрь на Родине Ленина. – М.; Самара, 1932. – С. 24.

⁸⁹ Симбирское слово. – 1917. – 25 ноября.

⁹⁰ Точеный Д.С. Симбирск. Октябрь 1917. – С. 89-90.

⁹¹ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 900. Л. 32.

⁹² Там же. Л. 32 об.

⁹³ Борьба за установление и упрочение советской власти в Симбирской губернии. – С. 128.

⁹⁴ Так был назван Симбирский губернский парламент, созданный 11 ноября 1917 года.

⁹⁵ Октябрь в Поволжье. – С. 232.

⁹⁶ Симбирское слово. – 1917. – 16 декабря.

⁹⁷ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 285.

⁹⁸ ГАУО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1431. Л. 5.

⁹⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰⁰ ГАУО. Ф. 137. Оп. 36. Д. 169. Л. 286.

¹⁰¹ ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 738. Л. 185.

¹⁰² ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 27. Л. 202.

¹⁰³ Среди общественных организаций г.Пензы существовали самостоятельно губернский Совет крестьянских депутатов и городской Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 2. Л. 180 об.

¹⁰⁴ В соседних губерниях и крупных уездных городах Поволжья уже была провозглашена советская власть.

- ¹⁰⁵ Кураев В.В. Октябрь в Пензе. – С. 44.
- ¹⁰⁶ Герасименко Г.А., Точный Д.С. Советы Поволжья... – С. 244.
- ¹⁰⁷ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. – С. 270-272; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны. – Самара, 1997. – С. 52-53.
- ¹⁰⁸ Медведев Е.И. Установление и упрочение советской власти... – С. 343.
- ¹⁰⁹ Захаров Н.С. Советы Среднего Поволжья... – С. 215.
- ¹¹⁰ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 4. Л. 474.
- ¹¹¹ В.Кураев 7 декабря был избран председателем солдатской секции Пензенского Совета: Герасименко Г.А., Точный Д.С. Советы Поволжья... – С. 249.
- ¹¹² ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1254, 1266, 1281.
- ¹¹³ 9 января 1918 г. Пензенская городская Дума выразила протест Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в связи «с пренебрежениями, чинимыми Советом в управлении милицией». Она пригрозила не выделять на милицию средств, если та «перейдет в ведение Совета», возмущалась «незаконными арестами граждан», в том числе насилием над гласным Феоктистовым». – ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1309. Л. 7, 7 об.
- ¹¹⁴ Октябрь в Поволжье. – С. 234.
- ¹¹⁵ Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов. – Пенза. – 1917. – 23 декабря.
- ¹¹⁶ Кураев В. Октябрь в Пензе. – С. 52.
- ¹¹⁷ ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 1255. Л. 461.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 462.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. Л. 463.
- ¹²¹ Лепин В.И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 216.
- ¹²² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. – Петроград. – 1917. – 4 ноября.
- ¹²³ Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
- ¹²⁴ Земля и воля. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
- ¹²⁵ Городской вестник. – Самара. – 1917. – 2 ноября.
- ¹²⁶ 1917 год в Саратовской губернии. – С. 242.
- ¹²⁷ Симбирское слово. 1917. – 29 ноября.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. 1781. Оп. 1. Д. 8. Л. 52.
- ¹²⁹ ГАПО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 681. Л. 63-65.
- ¹³⁰ Приволжская правда. – Самара. – 1917. – 28 октября.
- ¹³¹ Вронский О.Г., Щагин Э.М. Большевистский режим и крестьянство России в 1917-1920 гг. // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. – М., 1994. – С. 178.
- ¹³² Дело народа. – Петроград. – 1917. – 12 ноября.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. 3875. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.
- ¹³⁴ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 166.

- ¹³⁵ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы. – С. 224-225.
- ¹³⁶ Там же. – С. 225.
- ¹³⁷ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 166.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Антонов В.П. Октябрьская революция в Саратове // Годовщина социалистической революции в Саратове. – Саратов, 1918. – С. 15.
- ¹⁴⁰ Дело парода. – Петроград. – 1917. – 1 декабря.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же.
- ¹⁴³ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 169.
- ¹⁴⁴ Антонов-Саратовский В.П. В грозной 1917. – С. 103.
- ¹⁴⁵ 1917 год в Саратовской губернии. – С. 229.
- ¹⁴⁶ В исполком Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов вошло 40 представителей от крестьян (по 4 человека от уезда) – См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 172.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ 1917 год в Саратовской губернии. – С. 242.
- ¹⁴⁹ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 174.
- ¹⁵⁰ Там же. – С. 170.
- ¹⁵¹ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. – С. 293-294.
- ¹⁵² Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. – С. 240.
- ¹⁵³ Солдат, рабочий и крестьянин. – Самара. – 1917. – 13 декабря.
- ¹⁵⁴ ГАСО. Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ¹⁵⁵ Солдат, рабочий и крестьянин. – Самара. – 1917. – 5 декабря.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Медведев Е.И. Установление и упрочение советской власти... – С. 384.
- ¹⁵⁸ Наказ IV Самарского Губернского Крестьянского съезда депутатов в Учредительное собрание от Самарской губернии. – Самара, 1917.
- ¹⁵⁹ ГАСамО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- ¹⁶⁰ Наказ IV Самарского Губернского Крестьянского съезда...
- ¹⁶¹ ГАСамО. Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ¹⁶² Семьянинов В.П. Установление Советской власти в Средневожской деревне. – Саратов, 1976. – С. 12-13.
- ¹⁶³ ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.
- ¹⁶⁴ ГАСамО. Ф.Р.-52. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.
- ¹⁶⁵ ГАСамО. Ф.Р.-3131. Оп. 2. Д. 1. Л. 37.
- ¹⁶⁶ ГАСамО. Ф.Р.-81. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ¹⁶⁷ ГАСамО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1110. Л. 1.
- ¹⁶⁸ СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
- ¹⁶⁹ СОГАСПИ. Ф. 3753. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 10.

¹⁷¹ НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

¹⁷² Там же. Л. 6.

¹⁷³ НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

¹⁷⁴ Там же. Л. 25.

¹⁷⁵ Крестьянская газета. – Казань. – 1917. – 12 декабря.

¹⁷⁶ НА РГ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

¹⁷⁷ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 510.

¹⁷⁸ НА РГ. Ф. 2648. Оп. 1. Д. 3. Л. 59, 59 об.

¹⁷⁹ НА РГ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 242-243.

¹⁸⁰ Там же. Л. 264-265.

¹⁸¹ Революционная борьба крестьян Казанской губернии... – С. 621.

¹⁸² НА РГ. Ф. 780. Оп. 1. Д. 154. Л. 6.

¹⁸³ В Симбирской губернии только в Сызрани советская власть была провозглашена раньше, где Совет принял решение использовать делегатов II Всероссийского съезда Советов, рабочих и солдат гарнизона для агитации в селах уезда и соседних губерниях Поволжья. – См.: Октябрь в Поволжье. – С. 241-242.

¹⁸⁴ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 875. Л. 4.

¹⁸⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии. – С. 126.

¹⁸⁶ Глутов М.А. За власть Советов. – Саратов, 1966. – С. 54.

¹⁸⁷ Известия Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – Пенза. – 1918. – 5 января.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. – С. 201-202.

¹⁹⁰ Медведев Е.И. Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской революции. – С. 49-50.

¹⁹¹ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. – Л., 1976. – С. 312.

¹⁹² Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 162.

¹⁹³ ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.

¹⁹⁴ ГАСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 202.

¹⁹⁵ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

¹⁹⁶ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 221. Л. 3.

¹⁹⁷ ГАСамО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

¹⁹⁸ СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 209. Л. 17.

¹⁹⁹ Там же. Д. 207. Л. 115-116.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

²⁰¹ Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. – М., 1997. – С. 309-310.

²⁰² ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 223. Л. 8.

²⁰³ Ягодкин В. Октябрь на родине Ленина. – Самара, 1932. – С. 24.

- ²⁰⁴ ГАУО. Ф. 46. Оп. 10. Д. 228. Л. 3.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 5.
- ²⁰⁶ Имеется в виду "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа".
- ²⁰⁷ НА РТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 об.
- ²⁰⁸ Цит. по: Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов. - С. 159.
- ²⁰⁹ Там же. - С. 160.
- ²¹⁰ Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. - Т. 41. - С. 43.
- ²¹¹ Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917-1918. - М., 1987. - С. 281; Знаменский О.П. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. - Л., 1976. - С. 348; Минц И.И. История Великого Октября. - М., 1977. - Т. 3. - С. 829; Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. - М., 1967. - Т. 1. - С. 350 и др.
- ²¹² Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. - С. 177; Записки белогвардейца лейтенанта N.N. // Архив русской революции. - М., 1991. - Т. 10. - С. 62 и др.
- ²¹³ Булдаков В.П. Красная смута... - С. 183; Леонов С.В. Рождение советской империи... - С. 159; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание... - С. 224; Красильников В.А. Вдогонку за прошедшим веком. - М., 1998. - С. 57.
- ²¹⁴ Ионкина Т.Д. Всероссийские съезды Советов в первые годы пролетарской диктатуры. - М., 1974. - С. 88.
- ²¹⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.
- ²¹⁶ Наш путь. - Пенза. - 1917. - 19 декабря.
- ²¹⁷ См. подробнее: Кабытова Н.Н. Роль крестьянских съездов в объединении советов рабочих и солдатских депутатов с советами крестьянских депутатов // Великий Октябрь и гражданская война в Поволжье. - Куйбышев, 1986. - С. 90-96.
- ²¹⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 8.
- ²¹⁹ ГАПО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 13. Л. 25.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Леонов С.В. Рождение советской империи... - С. 149.
- ²²² ГЛСамО. Ф. 823. Оп. 2. Д. 14. Л. 216.
- ²²³ Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. - С. 234.
- ²²⁴ Самарская летопись. - Самара, 1997. - Т. 3. - С.
- ²²⁵ Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917-1918 гг. - С. 150-151.
- ²²⁶ Хрошика революционных событий в Саратовском Поволжье. - С. 194.
- ²²⁷ Там же. - С. 194-206.
- ²²⁸ НА РТ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.
- ²²⁹ НА РТ. Ф. 188. Оп. 1. Д. 2. Л. 52.
- ²³⁰ Там же. Л. 55.

²³¹ Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. – Л., 1977. – С. 275-280.

²³² ИА РГ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 15. Л. 9.

²³³ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. – М., 1997. – С. 128.

²³⁴ ГАПО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 133; ГАУО. Ф.Р.-200. Оп. 2. Д. 1. Л. 5; ИА РГ. Ф. 2648. Оп. 2. Д. 17. Л. 3; СОГАСПИ. Ф. 3500. Оп. 1. Д. 207. Л. 72 об.; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. – С. 207-208.

²³⁵ Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов... – С. 163-164; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. – Казань, 1995. – С. 41.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	3
Глава I. Историография и источники.	12
1.1. Обзор исторической литературы.	12
1.2. Характеристика исторических источников.	20
Глава II. Власть и самоорганизация общества в провинции после падения самодержавия.	29
2.1. Устранение царской администрации в губернских городах.	30
2.2. Губернские и уездные комиссары Временного правительства.	39
✓2.3. Губернские и уездные общественные исполнительные комитеты.	50
Глава III. Организация власти и самоуправление в деревне.	64
✓3.1. Волостные исполнительные комитеты.	65
3.2. Крестьянские съезды и советы.	78
Глава IV. Демократизация самоуправления: проекты Временного правительства и местные инициативы.	93
✓4.1. Городские думы и управы.	94
4.2. Губернские и уездные земства	110
Глава V. Влияние аграрного движения на поляризацию общественно-политических сил	126
5.1. Общинная революция и «правотворчество» крестьянских объединений.	127
✓5.2. Тактика союзов земельных собственников.	147
Глава VI. Политическая дифференциация местного самоуправления.	163
✓6.1. Муниципальная избирательная кампания.	164
6.2. Подготовка выборов в земства и Учредительное собрание.	194
Глава VII. Новый передел власти.	221
7.1. Кризис местной администрации Временного правительства и провозглашение власти Советов.	222
✓7.2. Конституирование советской власти на местах.	243
Заключение.	263
Примечания.	275

Научное издание

Падеежда Николаевна Кабытова

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
В РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

Редактор *Т.И.Кuzнецова*

Художественный редактор *Л.В.Крылова*

Компьютерная верстка, макет *Е.А.Будячевская*

Лицензия ИД № 06178 от 01.11.01. Подписано в печать 30.04.2002. Формат
60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 20,25; усл.-печ. л. 18,83.

Гарнитура "Peterburg". Тираж 400 экз. Заказ № 478.

Издательство "Самарский университет", 443011, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Отпечатано в ООО "Издательский центр "Книга"
Самара, Ново-Садовая, 106, тел. 35-35-26.